

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

**ДНЕВНИКИ
СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ
ТОЛСТОЙ**

1897—1909

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ

С. Л. ТОЛСТОГО

ПРИМЕЧАНИЯ

С. Л. ТОЛСТОГО и Г. А. ВОЛКОВА

МОСКВА

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „СЕВЕР“

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ
СОЮЗТЕХИКУМ
1951

Ответств. редактор М. В. Сабашников.
Технический редактор М. Я. Луккин
Папка и обертка гравированы
на дереве А. Кравченко.

DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

Мособлит № 32482

Заказ № 2833.

Тираж 5000

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

«Записи прошлого» ставят себе целью знакомить широкие круги читателей с литературой мемуаров, дневников и писем преимущественно неизданных, представляющих историко-бытовой интерес.

Среди исторических материалов мемуары, дневники и письма занимают особое место. Чрезвычайно ценные для установления фактов и для истории быта, они по самому характеру своему, являясь отражением субъективных впечатлений, редко бывают вполне беспристрастны в своих суждениях и отзывах: люди и события изображаются в них сквозь призму собственного мировоззрения автора, принадлежащего к далекой от нас эпохе, отрезанной от современности годами революции. Этого рода литература не есть фотография, а лишь отголосок прошлого, нуждающийся в критической проверке со стороны историка, но сам по себе интересный для характеристики времени и общества.

Поэтому, возобновляя выпуск библиотеки мемуаров, дневников и писем, редакция считает нужным предупредить читателя, что издаваемые документы требуют к себе критического подхода. При этом условии эти произведения, дышащие непосредственностью и жизненностью, могут дать яркую картину отошедшей в прошлое культуры с ее мировоззрением, нравами и бытом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что в других семьях обыкновенно бывает сокрыто от посторонних глаз,— тот сор, который не выметается из избы,— все это в семье знаменитого писателя Льва Толстого не только стало известно посторонним, но и многократно обсуждалось в печати с самых различных точек зрения. Я говорю о взаимных отношениях моих отца и матери. Дом Толстых был как бы стеклянный: чуть ли не всякий желающий мог видеть, что в нем происходило.

О моей матери писали многие, большей частью осуждая ее, в чем особенно повинны В. Г. Чертков («Уход Толстого») и А. Б. Гольденвейзер («Вблизи Толстого»). Да будет услышан и ее голос. Вот почему я считаю необходимым опубликование ее дневников, несмотря на то, что она в них не всегда правдива и беспристрастна, и что в них отразилось болезненное состояние последних лет ее жизни. По этой же причине в нижеследующих строках я, стараясь стоять на объективной точке зрения, позволяю себе писать о таких сторонах жизни своей матери, о которых не принято говорить сыну.

Как заметил М. А. Цявловский в своем предисловии ко второму тому «Дневников С. А. Толстой», «многое объясняется ее нервным расстройством, признаки которого увидит в ее дневнике и не специалист». Мнения врачей не вполне согласны по вопросу о том, какой именно болезнью страдала моя мать,—была ли это истерия, неврастения, психостения параноя или еще что-нибудь. А. Б. Гольденвейзер («Вблизи Толстого», II, стр. 145) приводит следующий диагноз доктора Россоломо, приглашенного в Ясную Поляну около 20 июля 1910 года: «Дегенеративная двойная конституция, паранояльная и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение».

1 ноября 1910 г., т. е. три дня спустя после отъезда моего отца из Ясной Поляны, когда моя мать была в отчаянии и отказалась от пищи, доктор психиатр Растегаев дал такой отзыв: «По просьбе Татьяны Львовны считаю своим долгом вы-

«казать, что вообще неустойчивая нервно-психическая организация Софьи Андреевны, благодаря возрасту (66 лет) и последним событиям, представляет ряд болезненных явлений, которые требуют продолжительного и серьезного лечения... Каких-либо психо-патологических черт, указывающих на наличие душевного заболевания, ни из наблюдений, ни из бесед с С. А. я не заметил».

В. Спиридонов в примечаниях к «Автобиографии С. А. Толстой» (Начала, 1921, № 1, стр. 183) справедливо говорит, что С. А. параноией не страдала, что врачи (т. е. Россолимо) «ошибались в своем диагнозе, так как паранойя—неизлечимая болезнь и сравнительно скоро переходит из подготовительной стадии во вторую бредовую стадию, характеризующуюся разными проявлениями помешательства, чем С. А. не страдала. Напротив, ее душевное и физическое состояние значительно улучшилось в годы после смерти Л. Н. Но несомненно верен диагноз врачей относительно первой болезни — истерии».

Доктор Д. П. Маковицкий, постоянно живший в Ясной Поляне, также находил, что моя мать страдала расстройством нервов, а не душевной болезнью. То же подтвердят многие, знавшие ее. Вероятно доктор Россолимо был введен в заблуждение потому, что видел ее только один раз во время обострения ее болезни.

Как бы то ни было, нервная система моей матери во вторую половину ее жизни была расшатана, и с течением времени ее болезненное состояние обострялось все более и более. Причиной были: расхождение во взглядах с мужем, женские болезни и критический возраст женщины, смерть обожаемого меньшего сына Ванюшки (23 февраля 1895 года), тяжелая операция, которую она перенесла в 1906 году, и в 1910 году — завещание отца.

Она страдала некоторыми навязчивыми идеями, которые портили жизнь ей самой и окружающим ее. Такими идеями были: непреклонное убеждение, что ее муж должен получать деньги за свои писания и отдавать эти деньги семье, а не предоставлять издание своих сочинений всякому желающему; боязнь прослыть при жизни и после смерти Ксантиппой, женой, отравившей жизнь своему мужу; болезненное пристрастие к музыке и С. И. Танееву, и позднее — в 1910 году — болезненная ненависть к В. Г. Черткову.

Я далек от мысли утверждать, что убеждение матери в том, что отец должен был отдавать свой гонорар семье, было лишь следствием болезни. Матерям свойственно заботиться о материальных благах для своих детей, но у нее эта забота проявлялась в болезненных формах — в истерических сценах, угрозах самоубийством и т. п., и она не могла помириться с фактом

отказа ее мужа от своих авторских прав (на написанное им после 1881 года).

Боязнь показаться в невыгодном свете в глазах потомков выражалась в том, что она всячески старалась узнать, что о ней пишет ее муж, и требовала, чтобы он вычеркнул из своих дневников некоторые места, к ней относящиеся (что он охотно и сделал). В письме от 12 окт. 1895 г. (см. запись 10 авг. 1903 г.) она его просила не писать о ней дурно в его дневнике; а в его дневниках постоянно проглядывает желание оправдать себя в отношениях с мужем даже тогда, когда оправдываться было и не в чем.

Отношения моей матери к музыке и С. И. Танееву особенно подчеркивают ее ненормальность. Она не была особенно музыкальна, и ее игра на фортепьяно не превышала обычного уровня любителей. Но музыка, особенно в конце девятидесятых годов, играла крупную роль в ее жизни, успокоительно действуя на ее нервы и отвлекая от действительной жизни. А действие музыки, когда она слушала игру Танеева, она перенесла на него. В примечании 340 ко второй части «Дневников С. А. Толстой» приведена выписка из книги В. А. Жданова («Любовь в жизни Л. Толстого», 1928), где сказано, что отношения ее с Танеевым не были «теми отношениями, которые могли бы поставить вопрос о достоинстве замужней женщины». Но исключительное пристрастие женщины в возрасте между 50 и 60 годами к человеку, к ней довольно равнодушному, постоянное желание видеться с ним и слышать его игру, нельзя назвать ненормальностью. Она сама это сознавала. 10 марта 1903 г. она записала: «Меня охватывает злая таинственность моего внутреннего состояния, хочется плакать, хочется видеть того человека, который составляет теперь центральную точку моего безумия, постыдного, несвоевременного, но да же поднимается ничья рука на меня, потому что я мучительно исстрадалась».

Истериичность матери развивалась постепенно. До 1910 года отец и мы — ее дети — приписывали ее ненормальное состояние ее темпераменту или переходному периоду жизни женщины. Лишь 1910 год открыл нам глаза. До этого года отец, как это видно из его писем и дневников, считал ее более или менее здоровой и, следовательно, вменяемой. Только иногда он как будто догадывался о ее ненормальности. Это видно по некоторым записям его дневника. Так он записал 6 февраля 1898 г. «С[оня] уехала в Петербург. Она все также неустойчива. 26 июня 1899 г. он записал «С[оня] уедет нынче к сыновьям. Она была тяжело больна и теперь еще слаба. Все продолжается критическое время. Часто очень нежно жалко ее. Так

было слышно, когда она грохнулась». 14 мая 1898 г. он писал ей (см. «Л. Н. Толстой. Письма к жене», 1913): «Серезка был у нас и все рассказал, и все у вас очень хорошо. Только твой бессонницы и трупный запах мучают меня». В то время моя мать жаловалась на галлюцинации трупного запаха.

Несмотря на неустойчивость нервной системы, моя мать в пятидесятых и девятидесятых годах вела очень деятельный образ жизни. Это видно и по ее дневнику. Она заведывала хозяйством в Ясной Поляне, изданием сочинений Л. Н. Толстого и денежными делами своими и семейными; она принимала гостей и посетителей, много ездила к своим детям и знакомым, посещала вечера и концерты и кроме того находила еще время для занятий то музыкой, то фотографией, то шитьем.

События, происшедшие после 28 октября 1910 г.—отъезд отца из Ясной Поляны, его болезнь, во время которой моя мать не могла с ним быть, и его смерть в Астапове — нанесли ей страшный удар. Она была глубоко несчастна и, хотя после смерти мужа ее навязчивые идеи потеряли свою остроту, ее нервная система все же оставалась неуравновешенной. Знавшие ее в эту пору помнят ее жалобы на невралгические боли в разных частях тела, ее трасующую голову, ее бесконечные разговоры на одни и те же темы, ее жалобы на свою судьбу всем и каждому и ее безотрадное настроение.

Нервная болезнь матери отравляла жизнь ей самой и отцу. Но, разумеется, не болезнь была причиной разлада между моими родителями, тяжело переживаемого обоими ими. Отец страдал от того, что внешние условия его жизни противоречили его убеждениям, изменить же эти условия путем разрыва с семьей он не считал себя в праве. Многие осуждали его за это; такое свое положение он называл «юродством». В «Круте чтениях» он приводит следующую мысль Марка Аврелия: «Выше всего то, когда тебя осуждают за доброе дело», и, далее: «Юродство невольное есть лучшая школа добра». А в автобиографической драме «Свет и во тьме светит»¹ Николай Иванович говорит: «Видно, не хочешь ты, чтобы я был твоим работником в этом твоём деле; хочешь, чтобы я был унижен, чтобы все могли на тебя пальцем указывать: говорит, но не делает. Ну, пускай! Ты лучше знаешь, что тебе нужно. Смирнение юродство. Да, если бы только возвыситься до него».

Однако, хотя отец считал «юродство лучшей школой добра», оно тяжело ему давалось, что видно из его дневников.

На почве разлада между моими родителями постоянно возникал вопрос, где жить семье и самому Льву Николаевичу — в

¹ Издание 1919 г., стр. 79.

Москве или в Ясной Поляне. Его отношение к этому вопросу видно из следующего его письма к жене:

«26 ноября 1897.¹

Я нынче получил твое письмо к Доре, из которого видно, что тебе тяжело и нехорошо. И это очень мне больно, главное потому, что я не могу помочь тебе. Твое рассуждение о том, что гораздо важнее и нужнее мне быть в Москве с тобой, чем то, что что-то такое будет написано немножко хуже или лучше,—поразительно своей несправедливостью. Во-первых, вопрос совсем не в том, что важнее, во-вторых, живу я здесь не потому, что будут немного лучше написаны какие-нибудь сочинения; в-третьих, присутствие мое в Москве, как ты очень хорошо знаешь, не может помешать ни Андриюше, ни Мише жить дурно, если они этого хотят. Никакой строжайший отец в мире не может помешать людям с выросшими бородами жить так, как они считают хорошим; в-четвертых, если бы даже вопрос стоял так, что важнее: написать то, что я пишу и что, я по крайней мере думаю и надеюсь (иначе бы я не работал), будет читаться миллионами, а на миллионы может иметь доброе влияние,—или жить в Москве без всякого дела, суетно, тревожно и нездорово, то и тогда всякий решит вопрос в пользу неезды в Москву.

Это не значит, что я не хочу приехать в Москву, не хочу сделать все, что могу, чтобы сделать твою жизнь более хорошей, или просто сам не желаю быть с тобой; напротив, я очень желаю этого; но это значит, что рассуждения твои очень несправедливы, так же как и рассуждения твои, которые ты почерпнула из чтения биографии Бетховена, что цель моей деятельности есть слава. Слава может быть целью юноши или очень пустого человека. Для человека же более серьезного и, главное, старого, цель деятельности не слава, а наилучшее употребление своих сил. Все мы призваны жить и действовать, как лошади на конке. Будем ли мы ездить в спальном вагоне, копать руду, играть на фортепьяно — что-нибудь мы должны делать. Человек же неглупый и поживший — я считаю себя таким, — не может не видеть, что единственное благо, одобряемое совестью, есть делание той работы, которую я лучше всего умею делать и которую я считаю угодной богу, и полезной людям. Вот тот мотив, который руководит мною в моей работе, а про славу я уже давно спрашивал себя: «что, буду ли я точно так же работать, если никогда не узнаю — одобряют ли мою работу люди или нет?» и искренно отвечаю, что разумеется, что буду также

¹ Л. Толстой «Письмо к жене». Стр. 537.

работать. Я не говорю, что я равнодушен к одобрению людей; одобрение мне приятно, но оно не есть причина, мотив моей деятельности. Пишу я это особенно для того, что я тебе бы, милая Соня, желал такой деятельности; такой деятельности, при которой ты бы знала, что это лучшее, что ты можешь делать, и делая которое, ты была бы спокойна и перед богом и перед людьми. У тебя была такая деятельность — воспитание детей, которое ты делала так самоотверженно и хорошо, и ты знаешь, это сознание исполненного долга, и потому знаешь, что к этой деятельности побуждала тебя никак не слава. Вот этой деятельности я желаю тебе, страстно желаю, молился бы, если бы верил, что молитва может сделать это. Какая это деятельность — я не знаю и не могу указать тебе, но деятельность есть, свойственная тебе, и важная, и достойная, такая, на которую положить всю жизнь, как есть такая деятельность для всякого человека, и деятельность эта для тебя никак уже не в игнорации на фортепиано и слушаньи концертов.

Как бы я хотел, милая Соня, чтобы ты приняла это письмо с той же любовью, бескорыстной, с полным забвением себя и с одним желанием блага тебе, которое я испытываю теперь».

Несмотря на то, что дневники последних лет жизни С. А. Толстой приходится признать дневниками истерической женщины, они не теряют своего значения как материал для биографии Л. Н. Толстого, не говоря уже об их интересе в бытовом отношении. Из них лучше, чем из других записей, видно, как тяжело отразилось на обоих моих родителях расхождение во взглядах, и что кажущееся противоречие между верой и образом жизни отца было вынуждено его семейной обстановкой. В спокойную минуту, уже в 1912 году, моя мать записала («Моя жизнь», предисловие к 1896 году): «К сожалению он все ждал от меня — бедный милый муж мой — того духовного единения, которое было почти невозможно при моей материальной жизни и заботах, от которых уйти было невозможно и некуда. Я не сумела бы разделять его духовную жизнь только на словах, а провести ее в жизнь, сломить ее, волоча за собой целую большую семью, было немислимо, да и непосильно».

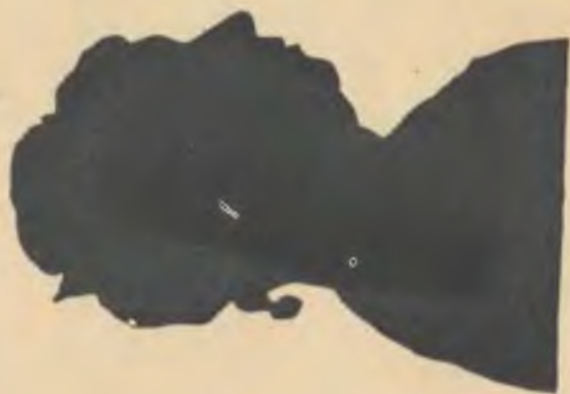
Публикуемый третий выпуск дневника С. А. Толстой состоит из записей, начинающихся 23 ноября 1897 г. и кончающихся 14 января 1909 года. Собственно дневниками можно назвать лишь записи 1897—1903 годов. В 1904 году — только 4 записи, в 1905 — одна, в 1906 и 1907 гг. — ни одной, в 1908 году — 8 записей, в 1909 — одна. Больше всего записей в 1898 году.

Книга печатается с немногими сокращениями. Выпущены, во-первых, записи интимного свойства, во-вторых, некоторые записи, могущие быть полезными для историков литературы и биографов Л. Н. Толстого, но утомительные для читателей. Это

записи о погоде, о здоровье, приездах и отъездах родных и знакомых и т. д.

Настоящим третьим выпуском дневников С. А. Толстой не оканчивается издание их. Остаются еще в рукописи: ее дневники 1910 года с 23 июня по 24 октября и так называемые «ежедневники». Кроме дневников (в тесном смысле этого слова) и иногда одновременно с ними С. А. Толстая делала многочисленные записи в календарях и календарных книжках — о погоде, хозяйстве, гостях, родных, знакомых и т. п. Эти записи она вела с 1893 года по 1918 и называла «ежедневниками», хотя они велись далеко не ежедневно. В те дни, когда она не писала дневника, ежедневники заменяли ей дневник, и в них встречаются ценные записи о революции 1905 — 1907 гг. и мировой войне. В будущем предполагается издать дневник 1910 года и выборки из ежедневников, что составит четвертый и последний выпуск дневников С. А. Толстой.

С. Л. Толстой.

1897

23 ноября.

Москва, Хамовнический пер.

Начинаю книгу с тяжелого дня. Все равно, на свете больше горя, чем радости. Вчера вечером Андрюша и Миша собрали большое общество мальчиков и пошли караулить привиденье в доме Хилковой на Арбате. Под этим предлогом пропадали всю ночь и вернулись домой в 9 часов утра. Всю ночь, до 8 утра, я их ждала с таким волнением, что задохнулась просто. Потом я плакала, сердилась, молилась... Когда они проснулись (в первом часу), я пошла к ним, делала им выговор, потом разрыдалась, сделалось у меня удушье и спазма в сердце и горле, и весь день я лежала, и теперь как разбитая.

Мальчики присмирели, особенно Миша; его совесть еще помоложе, почище. От Левы было письмо; огорчается, что отец злобно спорит, кричит и горячится.

От Тани телеграмма вчера из Севастополя, она едет домой. Что-то она будет делать! Бедная Маша не поправилась и все слаба и плоха. Получила от нее письмо. Сережа тих и очень приятен своим умом, музыкальной талантливостью и деликатностью.

Мороз и снег.— Читаю 3-ю часть биографии Бетховена, и в восторге от него. Взяла еще один, 3-й урок музыки и сейчас, от 11 до 1, упражнялась на фортепиано.

24 ноября.

С утра отправилась в лицей к директору по поводу Миши. Опять он требовал полного поступления, опять уговоры Миши, его несогласие — и на все руки отпадают.

Потом в Думе подавала заявление Миши для поступления в вольноопределяющиеся. Потом свезла Левину статью в «Русские Ведомости»,—перевод с шведского.

Вернувшись, переделалась и поехала поздравить именинниц: Дунаеву, Давыдову и Ермолову. Я люблю этот светский блеск, красивые наряды, изобилие цветов, мягкие, учтивые и изысканные внешние формы речи, манер. Как всегда, везде и во все мои возрасты — общее удивление и выражение это мне — по поводу моей будто бы необыкновенной молодости. Истощен особенно был изысканно любезен.

Сергей Иванович ни разу у меня не был. Он что-нибудь слышал о ревности Л. Н. и вдруг изменил свои дружеские отношения ко мне на крайне холодные и чуждые. Как грустно и как жаль! А иначе объяснить его холодность и непосещение меня — я не могу. Уж не написал ли ему что Л. Н.?

25 ноября.

Вернулась из Ялты Тая, и духовно и телесно поправившаяся. Был Илюша.

Тая говорит, что Л. Н. о жизни в Москве говорил как о самоубийстве. Так как он будто бы для меня приезжает в Москву, то значит я его убиваю. Это ужасно! Я написала ему все это, умоляя его не приезжать. Мое желание сожительства с ним вытекает из моей любви к нему, а он ставит вопрос так, что я его убиваю. Я должна жить тут для воспитания детей, а он мне это всегда ставит в упрек! — Ох, как я устала от жизни!

26 ноября.

Весь день провела в театрах. Утром возила Сашу, Веру Кузминскую и Женю Берс в театр Корша смотреть «Горе от ума». Играли очень дурно, и было мне скучно. — Вечером Тая меня упросила ехать с ней смотреть итальянскую актрису Тину ди Лоренцо. Это красивая, с темпераментом итальянка, но не зная языка и пьесы («Adrienne Lecouvreur»), не очень было интересно смотреть и слушать. Очень я утомилась, почти не играла сегодня, и теперь хотелось бы дома посидеть.

Был брат Петя с дочерью, Дунаев, Суллержидский... Очень холодно, ветер, у Машки горло покраснело.

27 ноября.

Сегодня провела время хорошо. С утра взяла у мисс Вельи 4-й урок музыки, ездила к ней по конке на Якиманку; зашла к Русановым, но ее не застала. Вернувшись, читала, т.е. перечитывала еще раз 1-ю и 2-ю части биографии Бетховена, потом писала свою повесть, которой очень недовольна, и читала Сенеки «Consolation à Marcia». Я люблю это письмо, оно меня

утешает. После обеда хотела играть с Мишей сонату Моцарта со скрипкой, но подошел Сережа, и я его посадила. Очень мне было радостно и то, что Миша взял опять в руки скрипку, и просто весело было на них смотреть, на двух братьев за моим любимым искусством. Миша стал играть хуже, но не совсем разучился. Хоть бы бог дал, чтобы он опять взялся за музыку. Сколько он узнал бы радости и утешения!

О Льве Николаевиче известий нет. Какая-то глухая тоска и забота о нем сидит в моем сердце; но рядом и недоброе чувство, что он добровольно живет врознь с семьей и сложил с себя уже очень откровенно всякое участие и заботу о семейных. Я ему больше писать не буду; не умею я так жить врознь и общаться одними письмами.

29 ноября.

Вчера получила длинное, доброе и благоразумное письмо от мужа. Я очень старалась проникнуться им; но от него веяло таким старческим холодом, что мне стало грустно. Я часто забываю, что ему скоро 70 лет, и несоразмерность наших возрастов и степени спокойствия. На тот грех мой наружная и внутренняя молодость еще больше мне мешает. Для Л. Н. теперь дороже всего спокойствие; а я жду от него порывистого желания приехать, увидеть меня и жить вместе. Эти два дня я страшно по нем тосковала и мучительно хотела его видеть. Но опять я это пережила, что-то защелкнулось в сердце и закрылось....

Сегодня весь день провела в музыке. Утром ездила с Сашей на репетицию симфонического, а вечером опять в концерт. Играли 9-ю симфонию Бетховена, и я наслаждалась бесконечно. Еще мне доставила удовольствие увертюра Вебера «Оберон». Утром у двери неожиданно встретила С. И. и обрадовалась очень.

Перечитываю Сенеку и продолжаю читать биографию Бетховена. Она длинна, а времени мало.

30 ноября.

Приходил завтракать С. И., принес с собой добродушное веселье, спокойствие и ласковость ко всем. Наблюдала его по отношению к Тале, но ничего не могла заметить.

Была еще Сафонова и ее две девочки у Саши, и Соня Колокольцова. Девочки весело катались в саду на коньках. Потом приехал из Ясной Маковицкий и стал ломаным русским языком мне рассказывать, что Л. Н. бодр и много работает. и посылает длинную, длинную статью в «Северный Вестник». Я ушаи сво-

им не верила, я просила его повторить, и он с особенным удовольствием это повторил.

Почти три года тому назад, за две недели до смерти Ванюшки, была гадкая, страшная ссора у нас с Л. Н. за то, что он тихонько от меня отдал не мне, по моей просьбе, не Стороженко, по его просьбе (в пользу бедных литераторов), а Гуревич в ее журнал — этот прекрасный рассказец «Хозяин и работник». Хотя я отстояла тогда и свои права для 14-го тома и права изданий «Посредника», и мы выпустили этот рассказ одновременно с Гуревич, что ее страшно злило, но вся эта история тогда чуть не стоила мне жизни или рассудка.

В первую минуту я хотела лишить себя жизни, потом хотела уехать куда-нибудь, потом проиграла на фортепиано часов пять, устала, весь день ничего не ела и уснула в гостиной, как спят только в сильном горе или возбуждении — как камень повалилась.

Написать, рассказать весь трагизм моей жизни и моих сердечных отношений, моей любви к Л. Н. — невозможно, особенно теперь.

10 декабря.

Прошло десять дней с тех пор, как я писала свой дневник. Что было? Трудно собрать все события, тем более, что все было тяжелое, и многое еще новое и тяжелое открылось мне. Постараюсь все вспомнить.

2 декабря я была в концерте «Бетховенский вечер». Ауэр и д'Альбер играли четыре сонаты со скрипкой. Наслаждение было полное, и душа моя успокоилась на время. Но на другой день я увидала в газетах объявление «Северного Вестника» о статье Л. Н. Кроме того Тania со мной посорилась, упрекая за мое мнимое отношение какое-то к С. И., а я его месяц до того не видала. Я оскорбилась страшно; меня мои домашние всегда умеют сделать без вины виноватой, если я, как делала всю жизнь, не рабски служу и покоряюсь всем требованиям семьи, а избираю какой-нибудь свой путь, как теперь избрала занятие музыкой. И это вина!

На другой день получена была телеграмма от Доры и Лёвы, что они едут, от Л. Н. ничего.

Я так нетерпеливо ждала Л. Н., так готова была ему писать, служить всячески, любить его, не доставлять ему никакого горя, не видать и С. И., если ему это так больно, что известие о том, что после месяца разлуки он не едет ко мне, да еще печатает статью в «С. В.», привело меня в состояние крайнего отчаяния. Я уложила вещи и решила ехать куда-нибудь. Когда я села на извозчика, я еще не знала, куда поеду. Приехала на

петербургский вокзал, хотела съехать в Петербург, отнять статью у Гуревич; но опомнилась и поехала к Троице. Вечером, одна, в гостинице, с одной свечой в грязном номере, я сидела как окаменелая и переживала всю горечь упреков моему равнодушному к моей жизни и любви — мужу. Я хотела себя утешить, что в 70 почти лет уже нельзя горячо чувствовать; но зачем же обман и тайные от меня сношения и статьи в «С. В.»? Я думала, что я сойду с ума.

Когда я легла и заснула, меня разбудил нянин и Тантин голоса и стук в дверь. Таня почему-то догадалась, что я именно поехала к Троице, беспокоилась и приехала ко мне. Я была очень тронута, но состояние моего отчаяния не изменилось. Таня мне сообщила о приезде Доры и Левы и о том, что Л. Н. приезжает на другой день. И это уж меня не тронуло. Я слишком долго и горячо его ждала, а тогда уж сломалось во мне опять что-то, и я стала болезненно равнодушна ко всему.

Таня уехала, а я пошла к обедне. Весь день (девять часов) я провела в церкви. Я горячо молилась о том, чтоб не согрешить самоубийством или мстью за всю боль, постоянно причиняемую мне мужем; я молилась о смирении, о чуде, которое бы сделало наши отношения с мужем до конца правдивыми, любовными, доверчивыми: молилась об исцелении моей больной души.

Исповедь моя была перед богом, так как старец, схимник Федор, так дряхл, что не понимал даже моих слов; он всхлипывал поминутно от нервности и слабости. Что-то было очень таинственное, поэтическое в этом говении; в каменных проходах, келиях, простом народе, бродящих всюду монахах, в молитвах, длинной службе и полном одиночестве среди не знавшей меня толпы молящихся. Вернувшись, вечером я читала долго правила и молитвы по книге, находящейся в гостинице. На другое утро я причащалась в Трапезной церкви. Был царский день (6 декабря) и готовился роскошный для монастыря обед: четыре рыбных блюда, пиво, мед. Посуда: тарелки и кружки оловянные; на столах скатерти, служат послушники в белых фартуках.

Потом я, простояв молебен, пошла бродить по Лавре. Цыганка нагнала меня на площади: — Любит тебя блондин, да не смеет; ты дама именитая, положение высокое, развитая, образованная, а он не твоей линии... Дай 1 р. 6 гривен, приворожу: иди за мной, Марью Ивановну все знают, свой дом. Приворожу, будет любить как муж...

Мне стало жутко и хотелось взять у ней приворот. Но когда я вернулась домой, я перекрестилась и поняла, как это глупо и грешно.

Вернувшись в номер, мне стало тоскливо. Телеграммы, которой я ждала от Тани о приезде Л. Н., не было. Поезд, я поехала на телеграф, и там были две непосланные телеграммы: одна от Тани, другая длинная, трогательная от Л. Н., который меня ввал домой.

Я немедленно поехала на поезд.

Дома Лев Николаевич встретил меня со слезами на глазах в передней. Мы так и бросились друг к другу. Он согласился (еще в телеграмме упомянув об этом через Таню) не печатать статьи в «Северном Вестнике», а я ему обещала совершенно искренно не видеть нарочно С. И. и служить Л. Н. и беречь его, и сделать все для его счастья и спокойствия.

Мы говорили так хорошо, так легко мне было все ему обещать, я его так сильно и горячо любила и готова любить...

А сегодня в его дневнике написано, что я созналась в своей вине в первый раз, и что это радостно!!.. Боже мой! Помоги мне перенести это! Опять перед будущими поколениями надо сделать себя мучеником, а меня виноватой! А в чем вина? Л. Н. рассердился, что я с дядей Костей зашла месяц тому назад навестить С. И., лежащего в постели по случаю больной ночи. По этой причине Л. Н. страшно рассердился, не ехал в Москву и считает это виной.

Когда я стала ему говорить, что за всю мою чистую, невинную жизнь с ним он может простить меня, что я зашла к больному другу навестить его, да еще с стариком дядей, Л. Н. прослезился и сказал: «Разумеется, это правда, что чистая и прекрасная была твоя жизнь»...

У нас всякий день гости; скучно, суетно. Лева в Москве не в духе. Вчера были для Левы и Доры в Малом театре. Шел «Джентльмен» князя Сумбатова. Сегодня обедает Bouvier, корреспондент французских газет «Temps» и «Débats». Играть на фортепиано не приходится. Усиленно переписываю для Л. Н., поправляю корректуры и всячески служу ему.

Вчера ночью страшная невралгия...

11 декабря.

Была Гуревич. Л. Н. к ней не вышел. Статью пока он у нее спросил назад. Что дальше будет! Я утратила всякое доверие к Л. Н. после всей этой обманной истории печатания статьи в «Северном Вестнике».

Вчера вечером был у Л. Н. немецкий актер Левинский.

У Л. Н. болит что-то печень и плохое пищеварение. Боюсь, что он разболится, как и я болела эти дни. У меня было сильнейшее расстройство печени и желудка. Сегодня страшная метель, и, может быть, нездоровье Л. Н. к погоде.

Вчера, и еще день раньше, он, купив себе коньки, ходил кататься на коньках и радовался, что совсем не устает. И действительно, он бодр, но со вчерашнего дня на него нашло уныние, не знаю отчего. От Гуревич письмо отчаянное, что Л. Н. берет назад статью; и верно Л. Н. на меня сердится за это. Чтоб не быть виноватой, я все время прошу Л. Н. делать все, что ему приятно, обещаю ни во что не вмешиваться, ни за что не упрекать. Он упорно, нахмурясь, молчит.

В сущности, как я ни храбрюсь, в самой глубине души — скорбь о не совсем, не до конца хороших, дружных отношениях с Л. Н. и беспокойство за его здоровье. Все сделала и так искренно и горячо желала хороших отношений! Эх, как трудно, все трудно! Сегодня, когда я уезжала в театр, ко мне с рыданиями пристала какая-то аптекарская жена, прося сначала 600 руб., потом 400 руб. на поправление дел. Ей еще труднее. А мы все искушаем господа бога нашего...

16 декабря.

Вечером страшно болела голова. Были две милые Масловы: Анна и Софья Ивановны. Участливые, добрые, живые. Потом Стажович и Горбунов. Сегодня обедала Лиза Олсуфьева и был Ф. И. Маслов, приносил виды Кавказа Л. Н. для его повести. Потом Наташа Ден. Бегала по делам и покупкам. У Л. Н. трипп, и он не в духе. Немного играла. Чудесный Rondo в сонате Бетховена.

Вчера ездила по светским визитам; везде один разговор: «Что пишет граф?» — «Qu'est ce que vous faites pour rester toujours jeune?» и т. д. Моя молоджавость сделалась каким-то необходимым разговором со всеми на свете. А на что она мне? На душе, главное, не радостно; Л. Н. не ласков, и, главное, что-то есть в нем не высказанное, что он таит. Я все на свете бы для него делала, если б он ласково про с и л меня. А его злобный, молчаливый протест вызывает и во мне протест и желание оградить и создать свой душевный мир, свои занятия и свои отношения. — С. И. не вижу и стараюсь о нем не думать.

Л. Н. охрип и кашляет.

С утра уроч с мисс Вельш на фортепиано. Потом визит Анненковой и баня. У Льва Николаевича грипп, ему не пишется, он молчаливо угрюм, неприятен и сегодня говорил об отъезде к Маше. Тяжела эта лихорадочная жизнь: если он приезжает, он сердится, что приехал, и все время опять куда-то стремится. Нет этого дружного, спокойного, семейного положения, которое я так бы любила; нет определенности...

В бане удивительное событие: здесь в Москве последнее время много говорили о семье Соловьевых каких-то, у которых умерло на одной неделе трое детей от скарлатины. И вот как раз мне привелось быть рядом в одном отделении с матерью этих детей. Мы разговорились, я мучительно вспоминала и рассказывала о смерти Ваночки и о том, какой выход (религиозный) я искала и отчасти находила в моем горе. Это ее утешало, и потом она спросила, кто я, и когда я сказала, она разрыдалась, бросилась меня целовать, просила меня еще побыть с ней. Милая, красивая и жалкая женщина.

Вечером гости: Чичерин, Лиза Олсуфьева, Маша Зубова, Анненкова, Русанова и С. И. Тансеев. Его появление меня испугало из-за Льва Николаевича, и первое время было неловко и страшно. За чайным столом обошлось. Конечно, я рада была его видеть, но еще больше была бы рада его слышать. Но он не играл.

Видела вчера сон: длинная, узкая зала, в глубине фортепиано, и С. И. играет свое сочинение. Вглядываюсь, вижу: сидит у него на коленях Ваночка, и я сзади только вижу его кудрявую золотистую головку и белую курточку, и он прислонился к левому плечу С. И. И мне так радостно и спокойно на душе и от музыки и от того, что Ваночка у С. И.—Стукнули ставнями, и я проснулась. Мотив музыки так ясно помнился мне и наяву; но недолго удержала я его в памяти.

И стало мучительно грустно, что нет Ваночки, что никогда не будет и той музыки, которая успокаивала мое горе, и что никогда не заживет горе Л. Н. от его ревности, и навеки испорчены, без всякой вины моей, и отношения с Л. Н., и простые, хорошие отношения с С. И. вследствие этой ревности. Как тяжела все-таки жизнь! Трудна.

Рассказал сегодня Лев Николаевич: в Кремле рожала женщина. Роды были трудные, она стала умирать, послали в Чудов монастырь за священником. Пришел с дарами иеромонах. Оказалось, что он был когда-то доктором, и увидал, что при помощи щипцов и известной операции можно спасти и мать и ребенка. Была ночь; он пошел к себе в келью и принес хирур-

гические инструменты. Операция была сделана этим иеромонахом, и роженица и ребенок были спасены. Говорят, что когда дело дошло до митрополита, монахи хотели расстричь, но потом только перевели в другой город и другой монастырь.

Соня Мамонова показала мне сегодня фотографический портрет сына двухмесячного Мави и Сережи.

18 декабря.

Поздно встала, ходила пешком в банк по делам денежным детей. Чувствую себя больной и слабой духом и телом. После обеда играла немного, потом читала вслух, сначала брошюрку «Жизнь», а потом Лев Николаевич читал мне и Соне Мамоновой вслух разбор новых французских пьес и их содержание. Все хочется всем выдумать новое, основанное на эффектах и неожиданности, а содержания настоящего мало.

20 декабря.

Вчера по покупкам к празднику, и зыиче то же. Детям, внукам, невесткам, гувернантке — всем все надо. С трудом и скукою делаю все это. Вчера проснулась рыдая. Вижу во сне, что Ванюшка вернулся и весело играет с Сашей, а я обрадовалась, бегу к нему. Потом он лег, и я нагнулась и начала его целовать, а он протянул ко мне губы, по его привычке. И я говорю ему: «как тебя давно не было, как хорошо, что ты вернулся».

Так все было реально, так живо, что, когда я проснулась, я рыдала, и долго после все плакала; Л. Н. удивился, а я не могу остановиться и плачу, плачу. Как болит во мне это горе! Говорят, что грех плакать по младенце; может быть!

Лев Николаевич вчера ездил верхом в типографию, где печатается в «Журнале Философии и Психологии» его статья «Об искусстве». Вчера же он катался на коньках, а вечером мы с ним ходили на телеграф послать телеграмму его переводчику в Англию.

Он все бодрится, а я ему привела лошадь верховую, чего ему очень хотелось.

21 декабря.

Да, где оно, людское счастье?

Сегодня опять тяжелый, тяжелый день. Получила Тania письмо от Гуревич, все насчет того, чтоб Л. Н. дал ей статью «Сережа, приехавший сегодня, и Тania написали на меня, что это

я не хочу (мне так неприятны эти сношения с «Северным Вестником»), и послали меня к Л. Н. просить, чтоб он оставил свое «Введение» к переводной статье Карпентера. Я пошла, говорю, чтоб Л. Н. дал эту статью, если и ему и всей семье этого так хочется. Я почти просила его согласиться. Но для Л. Н. это лучшее средство для достижения обратного, так как он из духа противоречия всегда сделает противное.

Но тут я неосторожно сказала что-то, что его отношения к Гуревич так же мне неприятны, как ему мои к Танееву. Я взглянула на него, и мне стало страшно. В последнее время сильно разросшиеся густые брови его нависли на злые глаза, выражение лица страдающее и некрасивое; его лицо только тогда хорошо, когда оно участливо-доброе или ласково-страстное. Я часто думаю, что бы он сделал со мной или с собой, если б я действительно хоть чем-нибудь когда-нибудь была виновата?

Благодарю бога, что он меня избавил от случая, греха и соблазна. Себе я не даю никакой цены; бог спасал.

Л. Н. сегодня утром у нас в саду разметал каток и катался на коньках; потом ездил верхом на Воробьевы горы и дальше. Ему что-то не работается.

25 декабря.

Неужели я четыре дня не писала дневник? Много случилось в эти дни. Третьего дня Лев Николаевич отправился на Николаевский вокзал, хотел перехватить отъезжающих: англичанина Слинжона и Суллержидкого, которые повезли пожертвованные духоборам деньги, чтоб передать им. Их не застал, страшно устал, пришел пешком домой, озяб, лег — и когда я вернулась домой, застала его уже больного. Был жар 38 и 5, через час 39 и 4 и еще через час 40 и 2. Накануне Л. Н. еще был в бане, и все вместе — он и захворал. Я сама поехала за доктором, привезла молодого Усова. Л. Н. охотно покорился осмотру, выслушиванью и пр. Предписали Эмс, как всегда, растирание всего тела горячим, горячее на живот. Все бросилось на кишки, печень и желудок. Все застужено от чрезмерного потения в работе. — Все сделала, вчера уж было лучше: 38 и 6, сегодня 37 и 5; Лев Николаевич еще слаб, но уже болезнь уступила. Он ел, я ему в три часа снесла Эмс, а в 3½ овсяный суп, пюре. Он говорит: «Как ты умна, что догадалась принести мне суп, я ослаб немного». Потом он с нами обедал; нас было мало: мы, старики, Сережа, Таня и Саша. Еще Саша Берс и m-He Aubert. Но дружно, тихо и хорошо было, и Сережа, бедный, такой грустный это время! Перед обедом дети

катались на коньках и смотрели зверей в Зоологическом саду, Л. Н. спал, а я играла, упражняясь усердно.

Получила анонимное письмо. Вот копия:

Граф Лев Николаевич!

Бесспорно, что секта Ваша растет и глубоко пускает корни. Как ни беспощенна она, но при помощи дьявола и по глупости людей Вам вполне удалось оскорбить господя нашего Иисуса Христа, который должен быть нами отпущен. Для подпольной борьбы с вами, подпольными же, мы образовали тайное общество «Вторых крестоносцев», цель которых — убить Вас и всех последователей — вожаков секты вашей. Сознаем вполне, что дело это не христианское, но да простит господь и да рассудит нас за гробом! Как ни жаль бывает «своей» руки, но раз заражена она гангреной — приходится ее пожертвовать, жаль и Вас, как брата во Христе, но с уничтожением Вас зло должно ослабнуть! Жребий пал на меня недостойного: я должен убить Вас! Назначая для Вас этот день: 3 апреля будущего 1898 года. Делаю это для того, что миссия моя — во имя великого святого, и Вы можете приготовиться для перехода в загробную жизнь.

Легко может быть, Вы поставите мне логично вопрос: почему агитация эта только против Вашей секты? Правда, все секты — «Мерзость пред господом!», но законоположники их жалкие недоумки — не чета, граф, Вам; вторых: Вы — враг нашего царя и отечества!. И так до «3 апреля».

Второй крестоносец жребьевой Жребий 1-й.

Декабрь 1897 г. Село Сmealoe.

На печати сургучем ЕС и дворянская корона. Штемпель из Павлограда 20 декабря.

Письмо это меня так беспокоит, что я ни минуты не могу его забыть. Думаю о нем сообщить екатеринславскому губернатору и здешнему обер-полицеймейстеру Трепову, чтоб приняли какие-нибудь меры. Если захотят, разыщут опасных людей.

Лев Николаевич не выразил беспокойства и говорит, что предупредить ничего нельзя и на все воля бога.

26 декабря.

Проводила утром Таню и Сашу в Гриневку и Никольское. Сережа уехал вчера вечером. Спешили, укладывали ящики. Я послала все на елку внукам, потом подарки и фрукты Доре и Яшику с серебром и шубу своей Маше. Все это с Таней; и шим корзиночку уложила с едой и фруктами на дорогу. Остались мы с Львом Николаевичем вдвоем; тихо и ничего, хорошо. Ему гораздо лучше, утром 36 и 9, вечером 37 и 5; он спросил вечером суп, печеное яблоко, бодрей и веселей. Меня преследует вчерашнее письмо.

Весь день провела за фортепиано. Эта бессловесная, музыкальная беседа то с Бетховеном, то с Мендельсоном, Рубин-

штейном и пр. и пр. — даже при моем плохом исполнении доставляет мне огромное удовольствие. Прерывали Митя Олсуфьев, и с ним мы откровенно, просто и дружно беседовали: потом моя холодная, благоразумная и красивая кузина Ольга Северцева, и живая (с темпераментом), умная и талантливая М. Н. Муромцева. У ней есть много недостатков, но мне с ней всегда весело. — Получила четыре приглашения и себе и детям: к Треповым, к Глебовым, к брату Саше и к Муромцевой с Кони и музыкантами. Она говорила, что зовет и С. И. Но я знаю, что он уехал в «Скит» работать.

27 декабря.

Была в симфоническом, играли все новые вещи для меня: Франка симфонию, Делиба «Le roi s'amuse», Глазунова в первый раз «Стеньку Разина» — поэму и пр. Новые вещи меня интересуют, но не радуют. Льву Николаевичу лучше, сегодня он выходил в сад и охотно ел. Трудно его, вегетарианца, кормить больного. Придумываешь усиленно кушанья. Сегодня дала ему на грибном бульоне суп с рисом, спаржу и артишок, кашку на миндальном молоке манную с рублеными орехами и грушу вареную.

Был у нас Давыдов Николай Васильевич; я ему говорила об анонимном письме, и он один посмотрел на это довольно серьезно. Принимала разные светские визиты: Голицыну, Самарину, Ховриных и т. д. Вечером приятно разговаривала с молодой девушкой, С. Н. Кашкиной. Приходили: Анненкова, Дунаев, Сергеевко, Цингер, Попов; сидели с Л. Н., пока я была в концерте.

Л. Н. сегодня рассказывал, что в день, когда ему заболеть, он шел по Пречистенке и на него вскочила вдруг неожиданно серая кошка и, пробежав по пальто, села на плечо. Л. Н., по-видимому, видит в этом дурное предзнаменование.

29 декабря.

С утра занималась фотографией. Немного играла, упражнялась. После обеда играли с Львом Николаевичем в четыре руки Шуберта «Трагическую симфонию». Сначала он говорил, что это глупости, мертвое дело — музыка. Потом играл с увлечением, но скоро устал. Он слаб после болезни, все под ложечкой болит и запор, и похудел он, так мне нынче больно было на него смотреть. Вечером часа на два уезжала в концерт пианиста Габриловича. Играл он, конечно, хорошо, удивительно рiапо выделяет. Но я все время вижу его старание и умысел и

потому он меня не увлекал. — Никого нет лучше Гофмана и Танеева.

Вчера мы с Л. Н. ездили к брату Саше: Л. Н. играл в винт, а я слушала, как мне играла одна пианистка. Сыграла она и тот полонез Шопена, который нам играл летом С. И. — Так меня всю и перевернуло от воспоминаний его чудесной игры и его милого общества. И все это конечно — и навсегда!

Была вчера у Столыпина старика. У него молодежь разная собирается и поют «Норму». Живой старик, а ему 76 лет!

Думала о том, что Л. Н., находя в церкви много лишнего, суеверного, даже вредного, отверг в сию церковь. — Так же в музыке, слушая разную чепуху, встречающуюся в последнее время у новых музыкантов, он отверг в сию музыку. Это большая ошибка.

Как десятками лет отбросили все лишнее, весь музыкальный сор, и остались настоящие таланты, так и из теперешней музыки новой отбросят все лишнее и останутся единицы; в числе их будет, наверное, Танеев.

1898

1 января.

Вчера встретили Новый год Лев Николаевич, Андрияша, Миша, Митя Дьяков, два мальчика Данилевские и я. Случилось, что Данилевская заболела, и вместо того, чтоб у них была встреча Нового года, пришлось мальчикам быть у нас. Очень было приятно, дружно, тихо и хорошо. Мы пили русское донское шампанское, Лев Николаевич — чай с миндальным молоком.

Сегодня с утра играла и стерегла Мишу, чтоб он учился. Потом ездила к старой тетеньке Вере Александровне Шидловской, болтала с ней и кузинами своими; еще была у Истоминых. Обедали вдвоем с Львом Николаевичем. Он все не может справиться здоровьем, мало ел, только суп грибной с рисом и манную кашку на миндальном молоке и пил кофе. Он вял и скучен, потому что не привык быть болен и слаб. Как ему трудна будет дальнейшая слабость и потеря сил! Как ему хочется еще и жизни и бодрости. А скоро 70 лет, в нынешнем уже году в августе, т.-е. через полгода. Он все читает один, в своем кабинете наверху, пишет немного писем; сегодня ходил к больному, обожающему его Русанову. На диване, в его кабинете, лежит черный пудель, недавно полученный Таней в подарок от графини Зубовой. Этого пуделя он и гулять брал.

Вчера с утра приехали: Стасов, Гинсбург скульптор, молодой художник и Вередагин (плохой писатель). Стасов, пользуясь своими 74 годами, бросился меня целовать, приговаривая: «какая вы розовая и какая стройная!» Я сконфузилась и не знала, как от него отделаться. Пошли наверх, в гостиную, разговаривали о статье Льва Николаевича «Об искусстве». Стасов говорил, что Л. Н. все вверх дном поставил. Я это и без него знала, ведь он на то и бил!

Была неприятная короткая стычка у нас с Л. Н. по поводу моего упрека, что публика должна записаться на «Журнал Философии и Психологии» на два года, чтоб прочесть статью Л. Н., помещаемую в книге ноябрь-декабрь и в книге февраль-март; а что если б его вещи печатала я при его «Полном собрании сочинений», то я бы продавала за 50 коп. и все могли бы читать. Л. Н. начал при всех кричать, что «Я не даю! Я всем даю!»... «Мне упрекают с тех пор, как я все даром отдаю!»

А ничего он мне не дает: «Хозяина и работника» тайком от меня послал в «Северный Вестник»; тоже тайком теперь послал свое «Введение», которое вернул; и статью об искусстве старательно охранял от меня,—бог с ним! Он прав, его произведения — его неотъемлемая собственность; но не кричи уж на меня.

Приехала вчера вечером Маша с Колей. Она всецело отдалась мужу, и для нее мы уже мало существуем; да и она для нас не очень много. Я рада была ее видеть; жаль, что она так худа; рада, что она живет любовью, это большое счастье! Я тоже жила долго этой простой, без рассуждений и критики — любовью. Мне жаль, что я прозрела и разочаровалась во многом. Лучше я бы осталась слепа и глупо-любяща до конца моей жизни. То, что я старалась принимать от мужа за любовь — была чувственность, которая то падала, обращаясь в суровую, брюзгливую строгость, то поднималась с требованиями, ревностью, но и нежностью. Теперь мне хотелось бы тихой, доброй дружбы; хотелось бы путешествия с тихим, ласковым другом, участия, спокойствия...

Вечером была в опере «Садко». Красивая, занимательная опера, музыка местами хорошая, талантливая. Автора безумно выдвигали, овации были большие. Мне было приятно, но опять-таки лучше бы и музыку слушать, если б рядом со мной, как у многих, был тихий, добрый друг—муж.

Езжу и принимаю визиты без конца, и очень этим тягочусь...

Вечер. Обедали у нас Стасов, Касаткин, Гивсбург и Матэ, один скульптор и другой гравер. После обеда приехала Муромцева в желтом атласном платье и цветах, но в нетрезвом виде, и на меня навела ужас, как всегда, когда я вижу людей не в своем виде. Позднее приехали Римский-Корсаков с женой, а Муромцева уехала. — Были разговоры об искусстве очень горячие и громкие. Стасов молчал, Л. Н. кричал, а Римский-Корсаков горячился, отстаивая красоту в искусстве и развитие для понимания его. Все это написано в его статье. Мы никто не соглашались с Л. Н. в том, что он отрицал и красоту и известное развитие для понимания искусства. Корсаковы несколько раз поминали С. И. и с таким же уважением и любовью, как и все к нему относятся, кроме моего свирепого мужа. Как он сегодня шумел в разговоре! Я всегда боюсь, что он кого-нибудь оскорбит резкостью.

Устала от целого дня общения с людьми... Мальчишки танцуют у Лугиных.

5 января.

Вчера была на танцевальном утре в доме Щербатова, где собралось все так называемое общество Москвы. Поехала для Саши, которая утром вернулась с Таней от братьев из деревни, и посмотреть, как танцуют мои сыновья. Очень было веселое утро и такое стройное, ничего не оскорбляло.

Вечером поздно поехала на вечер к Муромцевой, чтоб ее не обидеть, и там меня очень почетно принимали; было пенье, музыка, и это было приятно. Но в этом хаосе общественной жизни я совсем одуреваю. Кроме того больны все три дочери: у Маши головная страшная боль с истерическими припадками, у Саши нарыв в ухе был, очень болел и лопнул, у Тани флюс, лихорадочное состояние и мысли о Сухотине, который завтра приезжает.

Лев Николаевич опять эдоров, туляет и со мной ласков. Сегодня ходила пешком на ученическую выставку, ужасно плоха и только некоторые пейзажи не дурны и хорошо напоминают лето, лес и воду. Обедал у нас сегодня Репин и провел весь день до вечера. И кроме него было много гостей.

6 января.

Ездил на Патриаршие пруды кататься на коньках и много каталась с Маклаковыми и Наташей Колокольцовой. Оттепель и шел дождь. Очень весело и здорово это катанье на коньках. Вечером читала, сидела с Сашей и слушала музыку неизвестного юноши Поля из Киева, который играл Льву Николаевичу

и нам свои сочинения и очень талантливо. Л. Н. невесел, потому что ему все еще не работается. Он тоже катался на коньках в каком-то приюте малолетних бесприютных детей; это уже не в первый раз. С утра плакала, вспомнив живо Ванючку, а к вечеру опять взяла тоска по многому, чего хочется в жизни и чего нет и никогда не будет...

Л. Н. все читает материалы кавказской жизни, природы, всего, что касается Кавказа.

8 января.

Вчера обедал у нас Репин, все просил Льва Николаевича задать ему тему для картины. Он говорил, что хотел бы свои последние силы в жизни употребить на хорошее произведение искусства, чтоб стоило того работать. Лев Николаевич еще ничего ему не посоветовал, но думает. Самому ему не работается. Погода ужасная: ветер страшнейший, везде вода, больше чем весной бывает в Москве; 3 градуса тепла и темнота.

Вчера прочла отзыв хвалебный Кашкина об опере «Садко», которая мне страшно нравится, и так захотелось поехать. Л. Н. меня уговаривал с добротой такой, чтоб я ехала, что я еще больше почувствовала себя виноватой от своего легкомыслия.

Я... очутилась там, где могла видеть С. И. Когда мы искали свои шубы, он со мной сказал два слова, что кончил симфонию свою для оркестра и что на-днях придет.

Вернувшись домой, я хотела сказать Л. Н., что я видела С. И., и никак не могла. Когда я вошла к нему, мне показалось лицо Л. Н. такое худое, грустное; мне хотелось броситься к нему и сказать, что я не могу никого любить больше его, что я все на свете готова сделать, чтоб он был спокоен и счастлив; но это было бы дико, и потом, кто поручился бы, что он, как Маша, думал бы дурное про меня, подумал бы, что я что-нибудь знала, подстроила, сговорила...

Больна Саша; у шей нарыв в ухе, и очень мне жаль свою юную подружку моей теперешней жизни. Таню по-старому горячо люблю, жалею и слежу с болью за ее сердечной борьбой. Андрюша уехал в Тверь, Миша в лицее. Л. Н. сейчас хотел проехаться верхом, но лошадь хроает, и он ушел пешком.

10 января.

Была с Марусей Маклаковой на Периодической выставке картин, и хотя мало хороших, но я люблю искусство. Кстати об искусстве: вчера А. Стахович, адъютант вел. кн. Сергея Александровича, говорил, что читали у великого князя статью

Льва Николаевича «Об искусстве» и говорили с соболезнавшим, что «жаль, что это вышло из-под гениального пера Льва Толстого». — Еще говорили о нашей семье, и великий князь, встретивший меня у Глебовой в среду, сказал Стаховичу, что был поражен моей необыкновенной молодостью. Я так к этому привыкла, и так дешева эта похвала, что я уж ей не придаю никакой цены. Если б я хоть что-нибудь была больше, чем молодая жена Льва Толстого, как я была бы рада! Я говорю в смысле духовных качеств.

Л. Н. спокоен, здоров, но все не может работать. Мы дружны, и просты наши отношения, как давно не были. Я так рада! Но надолго ли?

13 января.

Вчера именины Тани. Готовили с утра вечер. Таня начала звать к себе гостей, я продолжала. Это долг светским отношениям. Днем разбираю картон, в утренней кофточке, растрепанная, ничего не слышу, вдруг предо мной С. И. и Юша Померанцев. Я так взволновалась, вся вспыхнула и ничего не могла сказать. Не велела никого принимать, а их пустили почему-то. Сидели почти час, говорили о «Садко», о Римском-Корсакове и др. Когда ушел С. И., какое-то мучительно тоскливое чувство, что я, чтоб успокоить Л. Н., должна ненавидеть этого человека и, по крайней мере, относиться к нему, как к чужому совсем — а это невозможно. — Вечер был с пением Муромцевой-Климентовой, Стаховича, с игрой Игумнова и Гольденвейзера, с освещением, угощением, ужином, генералом, княгинями, барышнями, и было не весело, но и не скучно. Трудно было. Л. Н. играл в винт с Столыпиным, братом Сашей и др.

Сегодня уехали Маша и Коля.

14 января. Среда.

Лев Николаевич стал бодрей эти два дня.

Саша, слава богу, выздоровела и начала ученье. Миша сегодня тоже занимался и уехал в Малый театр смотреть «Борцы» М. Чайковского.

Живу старательно, но часто с глубоким отчаянием в душе... Помогите, господа!

16 января.

Таня собирается в Петербург. Я намекнула, было, что мне хотелось бы съездить на представления опер Вагнера в Петербург, но на меня Лев Николаевич за это излил такой злобный

поток упреков, так язвительно говорил о моем сумасшествии касательно моей любви к музыке, о моей неспособности, глупости и т. д., что мне теперь и охоту отбило что-либо желать.

Весь день провела за счетами с артельщиком, очень внимательно привела в порядок свои книжные, детские и домашние дела, но очень устала и голова болит. Вечером поздно пошла прогуляться с Львом Николаевичем, проводили домой Марусю Маклакову, и с нами был Степа брат и Дунаев.

Сегодня наша Таня и Маруся Маклакова пересматривали фотографии разных мужчин и переговаривались, за кого бы они пошли замуж. Когда дошли до портрета Льва Николаевича — обе закричали: «ни за что, ни за что!» — Да, трудно очень жить под деспотизмом вообще, а под ревнивым — ужасно!

17 января.

До поздней ночи меня пилил Л. Н., говоря, что он просит отпустить его в деревню, что он мне не нужен, что жизнь в Москве для него убийство, и все в этом роде. Слово отпустить не имеет значения, я его держать не могу. Если я желала, чтоб он приехал в Москву, то потому, что мне естественно и радостно жить с мужем, которого я привыкла любить, о котором привыкла заботиться. Чтоб он не мучился ревностью — и все сделала и все-таки не заслужила его доверия. Если б он уехал в деревню, он еще больше бы мучился; уехать всем нам — как же быть с Мишей и Сашей, не учить их? Думаешь, думаешь... А равнодушие и бездействие Льва Николаевича в воспитании своих детей всегда мне тяжело, и я ему ставлю это в упрек. Сколько отцов не только воспитывают сами детей, но еще и кормят их своим трудом, как мой отец. А Л. Н. считает, что даже жить с семьей для него убийство.

Ходила утром по делам в банк и за покупками. Ветер страшный, 6 градусов мороза. Приехал Илюша на собачью выставку и за деньгами; тут Сережа. Степа брат уехал, приехала к нам Соня Мамопова.

Сегодня в банке, дожидаясь, читала газету, и до слез меня оторчает дело убийства рабочих взрывом газа на Максеевских шахтах в Харьковской губернии. Описание похорон, горе родных, убитые лошади, искалеченные люди — все это ужасно! Убиты те, которые без света, без радости, в вечной работе несли тяжелую трудовую жизнь под землей! А рядом пишут и кричат о деле Дрейфуса в Париже. Как оно мне показалось ничтожно в сравнении с русской катастрофой.

18 января.

Лев Николаевич чистил снег и поливал каток в саду, и написал много писем. Он очень молчалив, необщителен и, верно, обидев меня, в письмах жалуется друзьям на меня же.

20 января.

Вчера Саша утром собирала складчину для маленького сына отошедшего от нас лакея Ивана. Этого мальчика Леню обварили самоваром, и он лежит в больнице. Эта доброта Саши и ее бескорыстность странно вяжутся с ее дурным характером.

Как вышло удивительно третьего дня. Сыновья мои ушли в театр, Сережа смотрел «Садко» в театре Солодовникова. Напал на меня страх, что сгорит театр, и я говорю Льву Николаевичу, что я предчувствую пожар театра. И действительно, в ту ночь, когда разошлась публика, сгорел театр и обрушилась крыша.

Сегодня ездила с Сашей покупать ей башмаки и корсет. Потом разметала снег в саду на катке; Лев Николаевич присоединился ко мне и мы вместе мели снег, а потом он стал кататься на коньках, а я села играть и упражнялась часа полтора.

Вечером было большое удовольствие. Мария Николаевна Муромцева привезла нам молодого пианиста Габриловича, и он нам играл целый вечер превосходно: балладу Шопена, ноктюрн его же, Impromptu Шуберта, Rondo Бетховена. Пришел Миша Олсуфьев, Маруся Маклакова. Лев Николаевич очень наслаждался музыкой и благодарил этого веселого, добродушного и талантливое двадцатилетнего мальчика.

Прочли с Соней Мамоновой, которая гостит у нас, разбор статьи Л. Н. «Об искусстве». Все критики сдержанно отзываются об этой статье.

21 января.

Хотела и начала читать корректуру нового издания «Детства и отрочества», и оказалось, что не тем шрифтом набрано, и я отослала в типографию и велела набирать вновь.

Вечером разучивала усердно сонату Бетховена. Потом устала, пошла наверх к Льву Николаевичу, а у него фабричный, солдат и еще какой-то темный. Скуучно мне стало от этой вечной стены различных посетителей (да еще таких) между мной и мужем.

Весь день идут у нас с Соней Мамоновой и Львом Николаевичем разговоры о деревенской газете для народа. Цель

газеты — дать интересное чтение народу. События в роде крушения поездов, столкновения пароходов, несчастий в шахтах, приезд китайских, абиссинских и других заморских гостей; описания метеорологические, агрономические, исторические, потом сведения о своем царе и царской фамилии, краткое описание праздников, и фельетон — легкое чтение. Лев Николаевич так увлекся этой мыслью, что выписал Сытина (издателя народных книг и картин), чтоб поговорить о материальной стороне дела. — Главное, Л. Н. меня хочет вовлечь в эту газету. Я очень сочувствую мысли, но с ним я бы не могла вести дело, мы слишком разных направлений, а своей непрактичностью Л. Н. испортил бы мне все дело. Не как редактора, а только как сотрудника по беллетристике я взяла бы себе Льва Николаевича.

Устала, тоскливо, иду спать и жить душою и мыслями, той жизнью, которой не живу в действительности. Я силно мало, но зато думаю, думаю, вспоминаю, даже еще о будущем думаю и чего-то жду от него.

Сегодня Миша выдержал греческий экзамен полугодовой.

22 января.

Играла на фортепиано целое утро, нервна до последней крайности, не спала всю прошлую ночь и лежала с открытыми глазами в темноте, боясь разбудить и потревожить мужа. Сижу я сегодня за фортепиано и вдруг подумала, что Л. Н. может умереть, что его обещали убить, и вдруг расплакалась... Как ни строг он со мной, как еще много у меня в сердце любви к нему.

Вечером была в концерте — квартет венских профессоров консерватории.

Л. Н. утром гулял с Таниным черным пуделем по саду: какток его растаял. Потом он получил письмо от дамы из Воронежской губ., что там голод, и она просит помощи и совета. Л. Н. написал письмо в «Русские Ведомости» о голоде, но вряд ли напечатают. Вечером он был у больного Русанова. Приходил Попов, он едет к Бирюкову и везет ему кое-что от Л. Н. Бирюков из Бауска едет в Англию. Туда же вчера уехала Винер, бывшая сожительница князя Хилкова, тоже сосланного.

26 января.

Все эти дни я была больна. Сначала была сильная невралгия в правой стороне головы, потом сильный жар, потом горло. Ездил доктор. молодой Усов, боялся дифтерита, но, по иссле-

дованиям, его не оказалось. Удивительные эти молодые доктора: Малютин лечил Сашу — денег не взял, и Усов не взял. Я им послала сочинения Л. Н. с его подписью. Таня все в Петербурге, и Л. Н. очень трогательно мне смазывал горло, так старательно и неловко. Он испугался моей болезни и вдруг стал такой унылый и старенький эти дни. Как мы все странно любим! Вот он, например, спокоен, счастлив, когда я тупо, тихо, скучливо сижу дома и работаю или читаю. Если же я оживлена, предпринимаю что-нибудь, общаюсь с кем-нибудь — он приходит в беспокойство, а потом сердится и начинает ко мне дурно относиться. А мне иногда так трудно вечно подавлять все горячие порывы моего живого, впечатлительного характера!

Вчера я лежала в постели, а к Л. Н. приехали опять три молоканина самарских просить писем рекомендательных в Петербург. Едут хлопотать опять об отнятых у них правительством детях, которых отдали в монастыри. Бедные дети и матери! И что за варварское средство для обращения в православную веру! Это уж никого не убедит, а напротив.

Сегодня приехала моя сестра Лиза из Петербурга, привозила и читала свои статьи о тарифе, о финансах, о крестьянской общине. Ведь придет же в голову женщине заниматься такими вопросами! А она вся ушла душой в финансы России и постоянно общается с министром Витте. Л. Н. и Дунаев нашли многое очень умно, особенно о тарифе, недавно введенном в России и уже оказавшемся совершенно негодным.

Сегодня меня звали на музыкальный вечер к Муромцевой, и я не могла ехать. Пропустила симфонический в субботу, жалую об увертюре «Эгмонт» Бетховена. Уступила билет Сереже, и рада, что ему было приятно.

Вчера в постели, и сегодня читала корректуру «Детства», которое меня всякий раз приводит в умиление. Спина болит, ослабела и внутренняя тоска сосет, не переставая.

Сейчас Л. Н. пришел и говорит: «пришел посидеть с тобой». Он мне показал две семифунтовые гири, которыми хочет делать гимнастику и которые купил сегодня. Он очень вял и все повторяет: «точно мне 70 лет». А ему и так в августе, т. е. через полгода, будет 70 лет. Днем он катался на коньках, разметал снег. Но ему умственно не работается, а это его больше всего огорчает.

27 января.

День читала корректуру, вечером гости: Цуряков, Боборыкин старик, бывший орловский губернатор, профессор Грот, Суллержицкий, Горбунов и пр. Очень я утомилась, еще большая,

и не могла участвовать ни в разговорах и ни в чем. Л. Н. катался немного на коньках и поправлял корректуры «Искусства».

28 января.

Насилу встала, так душно себя чувствую: и тошно, и все тело ломит, и голова болит. Все-таки много работала над корректурами и делами детей: и вчера и сегодня делала выписки из общей расходной книги в каждую отдельную книгу: Андриши, Миши и Левы. Была у меня милая М. Е. Леонтьева, и мы с ней близко и откровенно разговаривали об очень серьезных жизненных вопросах.

С. И. присылал узнать о моем здоровье свою милую старушку няню, Пелагею Васильевну.

Л. Н. опять слишком усиленно разметал снег на катке и катался на коньках. Упражнения тирями тоже начались. Все вместе это сделало то, что опять заболела у него печень, он наелся чечевицы и овсянки не вовремя, а совсем потом не обедал. Сейчас я посылала за Эмсом и дала ему выпить, что он охотно исполнил. Сидит, читает; я теперь читаю «Desastre» Paul Margueritte и его брата. Кажется, это времен франко-прусской войны.

Приходила к Льву Николаевичу дама, Коган, и шел разговор о высоких вопросах человеческого назначения и счастья, и о путях к нему.

Переписку и поправку работ (пока незначительных) производит теперь Суллержидский, умный, способный и свободный юноша, когда-то учившийся живописи с Таней в школе на Мясницкой. Л. Н. очень доволен его работой.

29 января.

Вернулась Таня из Петербурга. Она ездила для своих изданий картин и очень приятно провела время. Была она у Победоносцева по поводу отнятых у молочан Самарской губ. детей. Победоносцев сказал, что местный архиерей перестарался, и прибавил, что он напишет об этом самарскому губернатору, и надеется, что дело это уладится. Какая хитрость! Он притворился, что не знал, что Таня дочь Льва Николаевича. и когда она уже сошла с лестницы, то он ее спросил: «вы дочь Льва Николаевича?» Она говорит: «да».—«Так вы знаменитая Татьяна Львовна?» Таня ему на это сказала: «вот то, что я знаменитая, я не знала».

Приехал опять брат Степа с больной, глухой и жалкой женой. Их дело покупки железа в Милской губ. с Сереей

«свершилось. Вопрос, выгодно ли? Обедал у нас М. Стахович. Лев Николаевич весь день поправлял корректуру статьи «Что такое искусство?». Сейчас вечер, он ходил с черным пуделем гулять, а теперь ест овсянку на воде и пьет чай.

Весь день метель, три градуса мороза до пяти. Мне все нездоровится, спина болит. Часа два играла на фортепиано, только разбирала. Разобрала много вальсов, ноктюрнов и прелюдий Шопена. Но как плохо! Сколько надо труда, чтоб хоть порядочно играть, а я так плохо играю и так тихо двигаюсь.

30 января.

Сегодня я должна себе признаться, что влияние, воздействие на меня С. И.—несомненно. Сегодня он был у меня, мы мало сидели одни, тут был брат Степа и сын мой Сережа; но когда ушел С. И., я почувствовала такое успокоение нерв, такую тихую радость, которые давно не испытывала. Дурно ли это? Ведь мы говорили только о музыке, о его сочинениях, о ключах альта, сопрано и тенора. Он толковал мне и Сереже различие этих ключей. Потом мы говорили об успокоении совести, когда строго относишься к своим поступкам; о том, как особенно тяжело бывает после смерти близкого человека все то, в чем был виноват перед ним. Его ласковые, участливые расспросы о моей недавней болезни, о детях, о том, чем я была занята все это время—все это было так просто, так спокойно и ласково, что прямо дало мне лишнее счастье. Как жаль, что ревность Льва Николаевича не допускает нашей дружбы, дружбы и Л. Н., и всей семьи с этим прекрасным, идеальным человеком. Сережа был очень мил с С. И., дружелюбен и прост. Сережа его хвалит и любил бы, если б не отец. О себе он рассказывал, что поправляет оперу, задумал новый квартет, послал симфонию, в Петербург, где ее будут играть 18 или 20 марта. Как бы я поехала!

Была жена Степы; ее глухота очень тяжела. Переписывала для Льва Николаевича новые поправки в статью «Об искусстве», это заняло часа три. Потом обедала у нас Маруся Маклакова, читала мне корректуру «Детства». Получили «Родник» с статьей Лёвы «Яша Полинов» («Воспоминания детства»). — Мне очень трогательно читать их воспоминания с точки зрения детей моих; мне напоминает многое в его сочинении из той моей святой, трудовой жизни среди детей и служения мужу, которой я жила всю молодость. Но вернуться своей молодости я бы не хотела. Как много грусти в ней, как много трагизма в той самоотверженной, безличной жизни, полной напряжения,

усилия и любви, с полным отсутствием чьей-нибудь заботы о моей личной жизни, о моих молодых радостях, об отдыхе хоть каком-нибудь... Не говорю уже о духовном развитии или эстетических радостях...

31 января.

Л. Н. поправлял все утро корректуры «Искусства», потом усиленно чистил навалившийся снег с катка и, надев коньки, катался. Вечером он теперь охотно сидит с гостями, иногда уходит к себе почитать и отдохнуть.

1 февраля.

Дурно спала, поздно встала, поправляла корректуру и вписывала в счетные книги вчерашние дела. Преодолела свою лень и поехала на каток, где каталась Саша моя и Андрияна с Мишей, на Патриаршие пруды. Застала там всех и много знакомых. Потом приехали и мои старшие: Сережа и Таня. С большим удовольствием катались на коньках. Лучше всего было кататься с Юшей Померанцевым. Какой хороший, веселый, открытый и талантливый этот Юша Померанцев. Я очень его люблю и вижу в нем хорошие свойства для будущего его.

Дети мои сначала конфузились, что я на коньках, особенно мальчишки; но видя, как я незаметно и легко катаюсь, кажется, успокоились и Андрияна даже прощелся со мной один круг.

Катанье меня все-таки утомило, и я спала после обеда, чего никогда не делаю. Проснувшись, застала гостей: Бутенева, Маслова, художника Касаткина, Баратынскую. Очень хорошо беседовали о славянофилах, об искусстве, о сектантах и Таниной поездке в Петербург. У Льва Николаевича опять болел желудок и печень, он думает—от яблок, а я уверена, что ют вчерашней слишком усиленной работы — чистки снега. Он даже не обедал. Вижу с страданием, что он худеет; когда он спит, лежит такой весь маленький на постели, и кости выдаются резко на плечах и спине. Лицо у него эти дни свежее и он бодр и силен в движениях, но худ. Очень стараюсь его питать получше, но трудно: вчера заказывала ему и спаржу и суп легкий шоре, а все-таки сегодня ему нехорошо. Душевно я стараюсь ничем его не расстроить, ни в чем ему не противоречу и никуда не хожу.

Говоря об искусстве, Л. Н. сегодня вспоминал разные произведения, которые он считает настоящими, например: «Наймичка» Шевченко, романы Виктора Гюго, рисунки: Крамского, как проходит полк, и молодая женщина, ребенок и кормилица

смотрят в окно; потом Сурикова рисунок, как спят в Сибири каторжники, а старик сидит — к рассказу Л. Н. «Бог правду видит». Еще вспоминал, не помню чей рассказ (тоже Гюго), о том, как жена рыбака родила двойню и умерла, а другая рыбацкая, у которой 5 человек детей, взяла этих детей, а когда ее муж вернулся, она с робостью рассказывает о смерти матери и рождении двойни, а муж говорит: «что ж, надо взять». И жена отдергивает занавес и показывает ему детей, уже взятых ею.— И многое еще было упомянуто и пересужено.

Несмотря на нездоровье, Л. Н. все-таки покатался в саду на коньках и погулял немного с Дунаевым.

Мне скучно без музыки, но что делать!

2 февраля.

Вчера поздно легли, и я не спала почти всю ночь. Давно не была я так высоко религиозно настроена. В душе моей пробудилось и какой-то широкой полосой прошло то чувство, которое было после смерти Ванички. Как-будто приподняла занавес и заглянула серьезно на тот свет, т. е. на то бестелесное, чисто духовное состояние, при котором все земное делается ничтожно. И это настроение привело меня к молитве, а молитва к успокоению.

Утром читала корректуру, потом пошла навестить Офросимову (Стольщину) и узнала, что она благополучно родила сына еще 31 января. Потом пошла к своей старой тетенке, Шидловской, и с ней посидела. Обедали молодые Маклаковы. Вечером Таша, Саша и Маруся поехали в «Садко». Я, было, села поиграть, но приехал Андрияша, мне стало жаль его, и мы вдвоем посидели и хорошо побеседовали. Позднее, когда он, бедный, опять уехал в Тверь, в полк, я все-таки часа полтора поиграла. Л. Н. днем занимался, вечером читал письма духоборов и книгу о Мэри Урусовой, написанную ее матерью. Потом он писал письма и очень радовался одиночеству.

Получила письмо от Маши и Лэвы. Холодно, ветер, 12 градусов мороза.

3 февраля.

Сегодня именины няни, и мы с ней избегали встречаться, чтоб не расплакаться, как прошлые два года, при воспоминании о Ваничке, который так горячо старался с править, как он выражался, нянины именины, просил кушать ей чашку, платочек, сладостей. Весь день крепилась я от горя, душившего меня, и ни с кем об этом не говорила, только вечером села

заиграть свою душевную боль теми музыкальными пьесами, которыми заиграл и усыпил мне горе дорогой за все это мне человек.

Ко Льву Николаевичу вечером собралась его компания: Горбунов, Попов, Меишиков из Петербурга и еще какие-то два новыя: один друг Буланже, другой — не знаю. Молчаливые совершенно люди. Разговоров интересных не было; говорили об искусстве, вспоминали разные содержательные картины. У Л. Н. насморк. Он спохватился утром в корректурах «Искусства», что ему что-то там пропустили; он пошел сначала к Гроту, потом в редакцию «Журнала Философии и Психологии» и восстановил пропуск.

5 февраля.

Я поехала в концерт консерваторских учеников. Опоздала, к сожалению, не зная, что начало в 8 часов. Просидела весь концерт рядом с Сергеем Ивановичем, и я люблю его разъяснения и комментарии на всякую почти музыкальную вещь. Подвезла его, и он веселился шавивно, что лошадь шибко бежит.

Дома вдруг стало страшно, точно я скрываю что-то преступное. А мне так жаль стало С. И., в плохом пальто, ветер, холод, и так естественно было его подвезти. Притом он с палочкой, хромой от ноги.

Завтра он с Гольденвейзером будет нам играть в четыре руки свою симфонию и «Орестею».

6 февраля.

Натянутый и довольно тяжелый вечер. С. И. и Гольденвейзер играли в четыре руки симфоническую увертюру «Орестей», сочинение Танеева. Слушали все наши снисходительным равнодушием. Было неловко, никто не похвалил; спасибо Льву Николаевичу, что он с своей обычной благовоспитанностью подошел и сказал, что тема ему нравится. Возмущены и довольны были только Анна Ивановна Маслова и я. Мы слышали «Орестею» и слышали увертюру в оркестре. Фортепиано нам было только напоминанием.

Л. Н. видела сегодня мало. Он читал, ходил к Гроту, писал корректуры «Искусства», писал много писем, а вечер провел с нами. Он бодр опять, но что-то есть в нем сдержанное и скрытое. Не знаю, куда он девал тетрадь своего последнего дневника, и боюсь, что отослал Черткову. Боюсь и спросить его. — Боже мой! Боже мой! Прожили всю жизнь вместе; всю любовь, всю молодость, — все я отдала Л. Н. Результат нашей жизни, что я боюсь его! Боюсь — не быв ни в чем перед ним

виноватой! И когда я стараюсь анализировать это чувство б о я з н и, то я поскорей прекращаю этот анализ. С годами и развитием я слишком хорошо поняла многое.

Уже то, что он в дневниках своих последовательно и умно чернил меня, короткими ехидными штрихами очерчивая одни только мои слабые стороны, доказывает, как умно он себе делает венец мученика, а мне бич Ксантиппы.

Господи! Ты нас один рассудишь!

8 февраля.

Опять Л. Н. жалуется на нездоровье. У него от самой шеи болит спина и тошнит его весь день. Какую он пищу употребляет — это ужасно! Сегодня ел грибы соленые, грибы маринованные, два раза вареные фрукты сухие — все это производит брожение в желудке, а питания никакого, и он худеет. Вечером попросил мяты и немного выпил. При этом уныние на него находит. Сегодня он говорил, что жизнь его приходит к концу, что машина испортилась, что пора; а вместе с тем я вижу, что отношение его к смерти очень враждебное; он мне сегодня напомнил немного свою тетку, Пелагею Ильиничну Юшкову, умершую у нас в доме. Она тоже не хотела умирать и враждебно, ожесточенно отнеслась к смерти, когда поняла, что она пришла. Л. Н. это не высказывал, но уныние, отсутствие интереса ко всему и ко всем показывают, что мысль о смерти и ему мрачна. Весь день он не выходил, спал днем у себя в кабинете, поправлял корректуры, читал. Сейчас вечер, у него сидит Грот, профессор, принес опять корректуры «Искусства». Л. Н. все мечтал поиграть в винт, и вот его все тошнит, и он так и не мог играть еще.

Заглянула ко Л. Н. сегодня вечером; сидят совсем чуждые мне люди: крестьянин, фабричный, еще какой-то темный. Это та стена, которая стала последние годы между мной и мужем. Послушала их разговоры. Один фабричный наивно спрашивает: «А что, Л. Н., вы примерно думаете о втором пришествии господина нашего Иисуса Христа?»

Миша мой исчез на весь день, и я очень недовольна его отлучками от дома. Но ему, восемнадцатилетнему малому, скучно с фабричными, с стариками и без молодежи.

9 февраля.

Сегодня Степа брат разговаривал с Львом Николаевичем и Сережей. Я вошла — они замолчали. Я спрашиваю: о чем говорили? Они замаялись, потом Л. Н. говорит: «Мы говорили о том, что лучшие (половые) отношения с женщинами — это

с простыми крестьянками, но, разумеется, без брака. Как только женятся на крестьянке, так добра не будет».

Я просто ушам не верила. Да, если я не пошла за мужем в его учения, то потому, что он никогда не был искренен. Вот и выскочит порой тот настоящий Л. Н., который высказывает свои настоящие мысли.

Да, бедная, бедная я! Ему всегда мешало во мне именно то, что я любила все изящное, любила чистоту во всем — и внешнем, и внутреннем. Все это ему было не нужно. Ему нужна была женщина пассивная, здоровая, бессловесная и без воли. И теперь моя музыка его мучит, мои цветы в комнате он осуждает, мою любовь к всякому искусству, к чтению биографии Бетховена или философии Сенеки — он осмеивает... Ну, прожила жизнь, нечего поднимать в сердце все шаблонное.

12 февраля.

Два дня не писала. Много трудилась эти дни над корректурами статьи «Что такое искусство?». Вписывала переводы и поправки; кончила совсем корректуры «Детства и отрочества». Третьего дня вечером Л. Н. ходил к Русановым, а ко мне пришли его племянницы Лиза Оболенская и Варя Нагорнова, а художник Касаткин принес великолепные рисунки: иллюстрации Евангелия французского художника Тиссо. Мы все и Таня разглядывали эти интересные рисунки, очень оригинальные, замечательные в этнографическом отношении и полные фантазии.

Вчера ходила пешком на Кузнецкий Мост, вернувшись, вижу, что Л. Н. катается в саду на коньках. Я поскорей надела коньки и пошла с ним кататься. Но после Патриарших прудов в нашем саду все-таки тесно и невесело кататься. Л. Н. катается очень уверенно и хорошо; он стал опять бодрей и веселей дня три. Еду я вчера в концерт и ясно, ясно стала себе представлять то бедствие народное от неурожая и бескормицы, о котором со всех сторон уже говорят усиленно. Все мне ярко представилось, точно я видела только-что все это — детей, просящих есть, а есть нечего, матерей, страдающих от вида голодных детей, а самих тоже голодных, — и ужас на меня напал, какое-то бессильное отчаяние... Ничего не заставляет меня так страдать, как мысль о голоде детей. Вероятно оттого, что когда я кормила грудью детей своих, то эта мысль, что ребенок голоден, у меня шаболела и мне теперь жалко не своих уж детей, а всех детей на свете.

Сегодня с утра большая неприятность с Мишей. Он не ночевал дома, я ему выговаривала, он стал отвечать, я рассердилась.

лась; потом он вышел, стал свистать что-то. Я совсем расстроилась, расплакалась, говорю ему: «Мать плачет, а ты свистишь. где ж твое сердце?» Он смутился и раскаялся. Чтоб успокоить нервы и сердце — села играть «Патетическую сонату» Бетховена. Проиграла часа полтора, учила другую сонату; вошел Л. Н., я ему стала о Мише говорить, но его это не интересовало, а он принес мне работу — вносить поправки в статье «Что такое искусство?» из одного экземпляра в другой.

Это заняло часа два. Он пошел снести в типографию эти корректурные листы, а я стала с Верочкой устраивать комнату Доре и Лева.

После обеда немного поиграла; приехали Лева и Дора. Разговаривали, сидели вместе, приходил Грот, говорили о статье; она никому не нравится. Меня возмутило сегодня в этой статье осуждение Бетховена. Я недавно, читая его биографию, еще выше поставила и полюбила этого гениального Бетховена. Но моя любовь всегда немедленно будила ненависть в Льве Николаевиче, даже к умершим. Я помню, что когда я читала и восхищалась Сенекой, он сейчас же сказал, что это был напыщенный, глухой римлянин, любивший красивые фразы. Надо скрывать все свои чувства.

Бедная Таня что-то невесела; ездил с Сашей кататься на коньках, но не ободрилась. Сережа уехал к Олсуфьевым, и мне без него скучно, я очень его люблю.

Получила ласковое письмо от Андриуши. Написала Маше вчера; сегодня ее рождение, ей 27 лет. И она у меня п я т а я! Никак не могу чувствовать себя старой. Все осталось молодо: и впечатлительность, и рвение к труду, и способность любви, огорчения, и страстность к музыке, и веселье катанья на коньках или вечера. И так же легка моя походка и здорово мое тело, только лицо постарело...

13 февраля.

Вечер весь занималась корректурами и вносила поправки и переводы в статью «Искусство». Вчера я разрешила Л. Н. послать Гуревич в «Северный Вестник» его предисловие к переводу Сережи Карпентера о значении науки. Разрешила я потому, что хочу после «Искусства» в 15-й том напечатать это рассуждение о науке; оно как раз по смыслу будет продолжением статьи. Л. Н. очень обрадовался моему согласию.

Вечером Л. Н. писал много, много писем. Второй вечер он пьет соду, наевшись сухих блинов. Бедный! по принципу он не ест ни масла, ни икры. Это очень красиво — его воздержанье, но если есть соблазн — то это хуже.

Суета масленицы. Ездил покупать все к вечеру, потом ездили кататься на коньках: Тania, Саша, Лева, я, и Дора — только присутствовать, так как она беременна. Обедали в семье своей, все в таком хорошем, добродушном настроении, что было приятно. Л. Н. все работает над корректурами статьи «Искусство». Вечером он пошел навестить купца, старого семидесятидвухлетнего своего последователя, который болен раком в печени. Купец этот жаловался Л. Н., что скучно жить с своими домашними, что и жена и сын доскам (т. е. образам) молятся.

Вечером собралось очень много детей и мальчиков; сначала все были вялы, потом играли в разные игры, шарады, пели хором, делали разные штуки гимнастические; некоторые мальчики сели играть в винт. Среди вечера приехали в домино и масках неизвестные люди (потом узнали, что это незнакомые нам Калачевы и Устиновы). Ничего из этого, как всегда, не вышло.— Очень жалею, что не могу доставить какое-нибудь удовольствие Лева и Доре.

Мое настроение и моя внутренняя жизнь все та же: все то же всплывающее, вечное горе о Ваничке; еду вчера Новинским бульваром, и вдруг предстал в моем воспоминании тот сграшный день, когда мы вдвоем с Л. Н. везли гробик Вани по этой же дороге... И всегда при этом я молюсь, чтоб бог мне помог очистить и возвысить свою душу до моей кончины, чтоб соединиться с моими умершими младенцами в божестве...

И все та же любовь во мне к музыке, которая одна поддерживает во мне душевное равновесие и помогает жить.— И все те же сердечные привязанности к некоторым людям, которые способствуют моей вере в хорошие качества людей и в ту помощь, которую они оказывают своими высокими душевными качествами.

Вечер окончился тем, что Гольдсвейзер сыграл ноктюрн Шопена, этюд Листа и скерцо Шопена.

С утра валит снег, пасмурно; в доме тишина; Андриша мне рассказывал ужасные вещи о разврате и падших женщинах. Очень грустно, что это может его интересовать. Л. Н. опять сидел за корректурами. Тania грустна, Саша нездоровится. Присидела день за хозяйственными делами, выписывала семена, что требует всегда много соображения и внимания. Никуда не выходила. Пыталась играть, но все мешали. Приезжала Глебова с П. Стаховичем. Не сужу теперь никого и прошу только

бога: «Дажь мне видети прегрешения м о и и не осуждати брата моего». Обедали Вера Соллогуб и Лева Сухотин, Андриюша, Миша были дома, было семейно и хорошо. Вечером все писала, пришли девочки Бельские и Бутеневы отец с дочерью. Л. Н. с ними и девочками играл в воланы; он здоров и весел. Разговаривали о «Декабристах», Л. Н. , когда хотел о них писать, много читал, помнит и рассказывал всем нам.

Сережа вернулся от Олсуфьевых; бедный Андриюша уехал в Тверь. Как ему не хотелось! Когда играли в воланы, я опять с тоской вспоминала Ваничку. Как странно, чем меньше музыки — тем больше тоски по Ваничке, чем больше музыки — тем меньше тоски. Музыка С. И. совсем уничтожает тоску. Совсем как весы с гириями: куда их переложишь, туда и перетянет.

16 февраля.

Понедельник первой недели поста. Люблю я это время; люблю настроенные деловитой тишины и религиозного спокойствия. Любила и от близости весны — теперь утратила это чувство. Что мне весна! Она не прибавит, а убавит моего счастья своим беспокойным влиянием — искания и желания счастья, которого нет и уж не будет.

Перешивала утром платье Саши; потом играла на фортепиано часа два с половиной; перед обедом пошла к С. А. Философовой, с ней беседовала о детях, внуках, о горестях разных семейных. Когда я от нее вышла, мне захотелось движенья, воздуха, одиночества, свободы — и я ушла ходить. Опоздала к обеду; на меня добродушно напали, все уже сидели за столом, и я поспешно съела свой постный обед. Буду поститься весь пост, если бог даст. После обеда все разглядывала картинки присланного Л. Н. журнала из Филадельфии. Разговаривали о покупках имений. Потом я взяла переписывать для посылки в Англию конец статьи Л. Н. об искусстве и прописала часа два.

Л. Н. читал вечером «Разбойников» Шиллера и восхищался ими. На столе у него я видела сегодня черную клетчатую тетрадь, в которой, я знаю, начаты беллетристические рассказы.

17 февраля.

Купила седло подарить завтра Лева к именинам, и куплю Льву Николаевичу мед, финики, чернослив особенный, гриппы и соленые грибы. Он любит иметь на окне запасы и есть финики и плоды просто с хлебом, когда голоден. Сегодня он много

лисал, не знаю что, он не говорит. Потом катался на коньках с сыном Левой. Обедали весело и дружно. Вечером сидел Дунаев. я выпивала, так как дела никакого нельзя делать, когда какие бы то ни были гости. А гостей мне сегодня навязали всяких. Был какой-то Аристов к Л. Н. Лев Николаевич ушел в баню, пропал с Сергеенко два часа, а я должна была выслушивать от этого господина Аристова бесконечные рассказы об орошении полей, разведении рыбы, о его семейных делах, давать ему совет о том, выдавать ли ему замуж свою двадцатидвухлетнюю дочь за богатого пятидесятилетнего старика. Странный вопрос совершенно чужой ему женщине, как я! — Потом Сергеенко мне рассказывал о том, как он хочет напечатать книгу о Лье Николаевиче со всевозможными воспроизведениями его портретов, его семьи, жизни и т. д. Это неприятно при нашей еще жизни.

18 февраля.

Именины Льва Николаевича и Левы. Л. Н. не признает празднеств вообще, тем более именины. Леве я подарила очень хорошее английское седло от Циммермана. Весь день просидела за работой: сначала перешивала и чинила серую фланелевую блузу Льва Николаевича; потом вышивала по белому сукну полосу, мою давнишнюю красивую, глупую работу. Когда все гости приходят, то лучше всего при этом шить, а то очень утомительно.

Обедали семейно; пришел дядя Костя Иславин, пришли племянницы Льва Николаевича — Лиза Оболенская и Варя Нагорнова. Сережа, Таня, Лева с Дорой, Миша и Сапа — много детей собралось, и я люблю, когда семейные праздники празднуются.

Пили донским шампанским за здоровье именинников. Но впечатление дня — пустота.

Л. Н. ходил с корректурами «Искусства» в редакцию, потом поправлял предисловие к Карпентеру для «Северного Вестника».

Вчера вечером меня поразила разговор Л. Н. о женском вопросе. Он и вчера, и всегда против свободы и так называемой равноправности женщины; вчера же он вдруг высказал, что у женщины, каким бы делом она ни занималась: учительством, медициной, искусством — у ней одна цель: половая любовь. Как она ее добьется, так все ее занятия летят прахом.

Я возмутилась страшно таким мнением и стала упрекать Льву Николаевичу за его этот вечный, — столько заставивший меня страдать, — дикий взгляд его на женщин. Я ему сказала, что он потому так смотрел на женщин, что до 34 лет не

знал близко ни одной порядочной женщины. И то отсутствие дружбы, симпатии душ, а не тел, то равнодушное отношение к моей духовной и внутренней жизни, которое так мучает и огорчает меня до сих пор, которое так сильно обнажилось и уяснилось мне с годами, — то и испортило мне жизнь и заставило разочароваться и меньше любить теперь моего мужа.

19 февраля.

Весь день провел у нас Сергеенко; он пишет с Таней драму, а, главное, составляет биографический сборник о Льве Николаевиче, и все выспрашивает. Сегодня Л. Н. ему чертил план дома, который был в Ясной Поляне, в котором родился и рос Л. Н. и который он же продал за карточный долг помещику Горохову в селе Долгом. Он и теперь там стоит, полуразвалившийся, и Сергеенко едет туда с фотографом снять этот дом и поместить в сборник.

Когда Л. Н. чертил план этого дома, у него было такое умиленное, хорошее лицо. Он вспоминал: тут была детская, тут жила Прасковья Савишна, тут был большой отцовский кабинет, большая зала, комната холостых, официантская, диванная и т. д. Большой был дом. Сергеенко меня допрашивал, что бы могло быть приятно Льву Николаевичу ко дню его рождения в нынешнем году, к 28 августа; Л. Н. будет 70 лет. Он думал купить этот дом, свезти его опять в Ясную и поставить на прежнее место в том виде, в каком он был. Или устроить приют для младенцев, у которых матери уходят на работы... Так ничего и не выдумали, а повидимому есть где-то деньги на это.

Л. Н. где-то старательно прячет свой дневник. Всегда прежде я или догадывалась куда, или находила его. Теперь совсем не могу найти и ума не приложу, куда он его кладет.

20 февраля.

Миша в лифее говеет, а я ни разу не была в церкви на этой неделе, и мне это неприятно.

У Л. Н. были два посетителя — мужики, и что он с ними находит говорить! Сейчас 12 часов ночи, а он хотел нести корректуру к Грету, на Новинский бульвар; насилу уговорили его остаться.

21 февраля.

Утром урог музыки с мисс Вельш. Потом еще играла. Все метель. Пошла гулять, часа 1½ ходила. Л. Н. все за корректуру

рой 20-й главы. Сегодня он ездил с Анночкой, внучкой, в Румянцевский музей, показывал ей картины и этнографический отдел, восковые куклы в русских костюмах по губерниям.

22 февраля.

Ходила к Русанову больному и говорили о Л. Н., о вегетарианстве, о Черткове, которого не одобряли Русановы, говоря, что в нем мало доброты. Еще ходила к Философовой. Все опять обедали у нас, были блины; до обеда за полчаса я вернулась, мне говорят, что тут граф Олсуфьев и Сергей Иванович Танеев. Я очень обрадовалась, побежала наверх. Они оба сидели с Таней, которая лежала на кушетке. С. И. мне принес свое сочинение «Восход солнца» на слова Тютчева для четырех голосов и сыграл мне это. Прекрасно сочиненное произведение, разделяющееся на два настроения: ожидание солнца и его ликующее появление.

Мы мало виделись и мало говорили. Наши беседы с ним опять будут в те одинокие вечера, когда я живу с Мишей и даже Сашей, но без Льва Николаевича и без Тани. Таня вчера уже наговорила мне много злого по поводу посещения С. И. В чем могут мешать людям дружеские, симпатичные отношения!

23 февраля.

День смерти Ванюшки. Три года прошло. Как встала — пошла в церковь, молилась, думала об умерших младенцах, родителях, друзьях. Служили для меня панихиду. Потом пошла навестить Машу, жену повара. Она сегодня в родильном приюте родила мальчика. Потом пошла к Жиляевой, бедной курской помещице, у которой сын необыкновенно способный к музыке ученик Сергея Ивановича. Ее не застала, а хотела узнать, как ей живется. Купила цветов, поставила вокруг портрета Ванюшки. Купила няне меду и баранок. Вернувшись, застала Л. Н., расчищающего снег с катка в саду. Потом он катался на коньках и так устал, что проспал весь наш обед и обедал один. Он кончил корректуры и больше «Искусством» заниматься не будет. Хочет новую работу начать; впрочем, начатого очень много, какой-то будет конец этих начал!

Вечером Л. Н. играл в карты, в винт, с графом Олсуфьевым, с моим братом Сашей и С. А. Философовой. Соню и Анночку я проводила сегодня домой. Приезжал из Тулы на один день Сережа.

Опять Лев Николаевич жалуется на желудок; изжога, голова болит, вялость. Сегодня за обедом я с ужасом смотрела, как он ел: сначала грузди соленые, слепившиеся оттого, что замерзали; потом четыре гречневых больших тренка с супом, и квас кислый, и хлеб черный. И все это в большом количестве.

Я ем теперь с ним одну пищу, т. е. все постное по случаю великого поста, и все время у меня дурное пищеварение, а я ем вдвое меньше. Каково же ему, шестидесятидевятилетнему старику, есть эту не питательную, дуоющую его, пищу!

Было письмо от Сергея Николаевича, которое и Л. Н., и нас расстроило. Вера, его дочь, кажется, больна чахоткой. Еще одна жертва принципов Л. Н.! Она не доедала, слабела; непосильно трудилась в школе, уча мальчиков, перекрикивала свой голос, рассказывая ребятам волшебный фонарь; и вот и она, и наша Маша погибают от болезни и слабости от вегетарианства и переутомления. Я всегда предупреждала их, особенно Машу, что нет у них сил вынести болезнь, если она придет. Так и вышло.

Л. Н. читал о Кавказе, ему хочется писать кавказскую повесть, но нет энергии и сил. Да хорошо ли у него на душе? Только и слышишь о его последователях: того сослали, тот болен, тот ослабел. Сегодня узнали, что Саянона из Тифлиса выслали на родину. Это тоже последователь, англичанин, который возил деньги духоборам и исповедал принципы Л. Н.

Разбирала сегодня «Восход солнца», хор на слова Тютчева, музыка Танеева. Очень хорошо, торжественно и передает мысль и два момента различного настроения.

26 февраля.

Получила утром «Русский Листок», в котором корреспондент, проникнувший на-днях к Льву Николаевичу, описывает свой с ним разговор, и очень неприятное впечатление на меня произвело, что там говорится о том, что Победоносцев по просьбе Тани обещал устроить дело молокан. Только не сказано, какое именно дело. Также напечатано мнение Л. Н. о Золя, Дрейфусе и всей этой истории.

Я начала... рассказывать [Л. Н.] о концерте; он перебил меня неприятным образом, говоря, что это все вздор или что-то в этом роде. Я замолчала. Потом он мне сказал, что у него был Грот и они вдвоем провели вечер очень приятно.

Страшно болит рука, распухла жила как шишка, крепилась, чтоб даже не плакать.

Играл Игумнов вечером баркаролле Шопена и фантазию его же, и полонез Листа, и вариации на Шуберта. Прекрасно он стал играть и сам поумнел, какой хороший мальчик.

1 марта.

Третьего дня ночью мы с Таней раздевались уже к ночи, прислуга вся спала, как вдруг продолжительно и зловеще прозвонил электрический звонок. Таня пошла к наружной двери, отперла — и потом надолго затихла. Я ее окликнула, она тихонько вошла в мою спальню и подала мне телеграмму.

«Наша Лиза скончалась.—Олсуфьевы».

Впечатление этого известия я никогда не забуду. Тяжелое горе, что я никогда больше не увижу это светлое, милое создание, этого дорогого друга всей семьи нашей, боль за горе родителей, просто ужас перед тем, куда, зачем исчезла эта полезная во всех отношениях, дорогая всем девушка, все это годами будет подниматься в воспоминаниях и болезненно отзываться.

Таня и Сережа уехали вчера туда. Подробностей еще не знаем; умерла Лиза Олсуфьева скарлатиной, как и мой Ванюшка.

Я много плакала, и слезы и теперь готовы в горле и в глазах. Таня не плакала, она как-то окаменела, и Сережа притих и, сидя час за фортепиано вчера, перебирал тихо клавиши, а лицо такое грустное, грустное...

Да, что такое смерть? Куда-то уходим мы все и расплываемся опять в вечность все по той же Воле, но которой побывали и здесь, на земле.

Лев Николаевич тоже огорчен. И странно, что по ивердии течет все так же наша жизнь.

Вечером ездила на лекцию петербургского профессора Докучаева о сложных вопросах простоты строения земли, о законе притяжения и отталкивания и о вытекающей из этого закона борьбы, любви и т. д. Вернувшись, застала у нас всю семью Бутеневых, Писарева с женой, и С. А. Философову, и Касаткина, и князя Накашидзе, высланного с Кавказа за сношение с духоворами. Болтали до ночи; но все это люди чрезвычайно порядочные и приятные; я им была рада.

Л. Н. расчищал каток в саду с Иваном, потом катался немного и перед обедом ездил верхом. Вечером спал и сидел

охотно с гостями. Писал письма и опять переправил кое-что и прибавил в свою статью «Что такое искусство?» по моему уже изданию.

4 марта.

Все эти дни горевала и плакала по Лизе. Была в клинике; профессор Левшин с своими ассистентами смотрел посредством лучей Рентгена, нет ли у меня в руке, которая очень болит, иглолки. Но не нашли, а нашли аневризм артерии и сделали перевязку, и хотят делать разрез. Профессор Докучаев ездил со мной и сидел у нас вечер. Ненормальный и нездоровый умственно человек, сегодня приходил рассматривать мои фотографии и просил ему дать.— Была и на панихиде по Лизе, в церкви, где собрались ее московские родные и друзья.

Вечером вчера нервы до того расстроились, что я не могла больше дома сидеть и поехала к милым старичкам, т. е. старушкам Масловым. Там видела С. И., но короткое время. Он очень непривлекательно ел колбасу, разговаривать не пришлось с ним, и он скоро ушел. Что он меня избегает, это, я думаю, несомненно. Но по какой причине? В концерте «Requiem'a» Верди у него был билет внизу, а он ушел на хоры.. Может быть, потому, что был весь high life, а он его избегает.

Неприятное известие о статье «Об искусстве». Светская цензура пропустила, а телеграмма из Петербурга, чтоб представить в духовную. Значит, статья, т. е. вторая ее часть, навсегда похоронена. Досадно! И я ее уже набрала и корректировала, и все напрасно. Напечатают за границей.

7 марта.

Л. Н. вял и придиричив. Ему не работается, его очень утомляют посетители, самые не нужные часто, и на мои просьбы не принимать, а иметь свои часы досуга, он с упорством отказывается; у него есть любопытство, которое заставляет его принимать всех, кто бы ни пришел, а кроме того, вечное упрямство, чувство протiwоречия, протеста мне.

Сегодня мне стало ясно то, что все сочинения Л. Н. последних лет есть сплошное противоречие, сплошной протест. Если он протестует всему человечеству, всему существующему порядку, то как же ему не протестовать мне, слабой женщине?

Сегодня утром был неприятный разговор с Л. Н. Он хочет делать все прибавки в свою статью, а я боюсь, что к прибавкам придерется цензура и опять остановит книгу, а я хочу печатать 30 000 экз. Слово за слово, упрекали друг друга; я упре-

кала за то, что лишена свободы, что он меня не пускает в Петербург: он упрекал, что я продаю его книги; а я на это говорила, что не я пользуюсь деньгами, а больше всего его дети, которых он забросил, не воспитал и не приучил к работе. Еще я говорила, что его верховую лошадь, его спаржу и фрукты, его благотворительность, велосипеды и пр.,—все это я ему доставляю на эти же деньги, а сама меньше всех их трачу... Но я бы ему этого не сказала, если б он не кричал, что я забываюсь, что он может запретить мне продавать книги. Я сказала: очень буду рада, запрети, и я уйду на себя работать, в классные дамы, корректорши и т. д. Я люблю труд и не люблю свою жизнь, поставленную всю не по моему вкусу, а по энергии и по тому, как ее поставила семья — муж и дети.

8 марта.

За чаем Л. Н., Сережа, Степа и я говорили о страхе смерти, отчасти по поводу статьи Токарского «Страх смерти», отчасти по поводу смерти Лизы Олсуфьевой. Л. Н. говорил, что существуют четыре рода страха смерти: страх перед страданиями, страх перед мучениями ада, страх потери радостей жизни и страх перед уничтожением. У меня этих страхов мало: боюсь немного страданий, а, главное, страшна яма, крышка гроба, мрак... Я люблю свет, и чистоту, и красоту. Могила же: мрак, грязь — земля и безобразие трупа.

Л. Н. ездил верхом к Гроту и к нам на Патриаршие пруды. Читает кавказские книги, а пишет ли — не знаю, боюсь спросить.

Статью пропустили, только вырезали два листка. С. Трубецкой хлопотал и негодует на измененность, интриги и взяточничество почти попов, духовных цензоров. — Сегодня таяло, на точке замерзания.

В душе моей происходит борьба: страстное желание ехать в Петербург на Вагнера и другие концерты, и боязнь огорчить Льва Николаевича и взять на свою совесть это огорчение. Ночью я плакала от того тяжелого положения не свободы, которое меня тяготит все больше и больше. Фактически я, конечно, свободна: у меня деньги, лошади, платья — все есть: уложились, села и поехала. Я свободна читать корректуры, покупать яблоки Л. Н., пить платья Саше и блузы мужу, фотографировать его же во всех видах, заказывать обед, вести дела всей семьи,—свободна есть, спать, молчать и покоряться. Но я не свободна думать по-своему, любить то и тех, кого и что избрала сама, идти и ехать, где мне интересно и умственно хорошо; не свободна заниматься музыкой, не свободна изгнать из моего дома тех бесчисленных, ненужных, скучных и часто

очень дурных людей, а принимать хороших, талантливых, умных и интересных. Нам в доме не нужны подобные люди, — с ними надо считаться и стать на равную ногу: а у нас любят поработать и поучать...

И мне не весело, а трудно жить... И не то я слово употребила: весело, этого мне не надо, мне нужно жить содержательно, спокойно, а живу я нервно, трудно и мало содержательно.

9 марта.

День сорока мучеников, в детстве моем и детей моих в этот день Трифонова, наша старая кухарка в доме отца, и Николай, повар в Ясной Поляне, к утру пекли вкусные сладкие жаворочки с черными корианками вместо глаз и с поджаристыми клювиками. И в этом была поэзия. А потом прилетали и живые жаворонки; садились на проталинках, по бурым бугоркам и поднимались к небу с своими серебристыми, нежными песнями. Я любила весну в деревне. Но тогда весна всегда приносила эти радостные, беспричинные надежды на что-то впереди... Теперь же она приносит грустные воспоминания и бессильные желания на невозможное... Ах, старость — не радость!

Вечером мне Л. Н. дал переписывать свой рассказ «Хаджи-Мурат» из кавказской жизни, и я была очень, очень рада, писала усердно, несмотря на боль в правой руке, но мне помешал Сергеенко; потом пришел Дунаев, дядя Костя, приехал брат Степа, Сережа. Много говорили о делах государства, о покупке флота за 90 миллионов. Сергеенко рассказывал, что флот заказан японцами англичанам за 130 миллионов, но японцы не могли уплатить в срок, так как деньги эти получались от Китайско-Русского банка, не выдавшего деньги во-время. Время контракта было пропущено, и русское правительство предложило 90 миллионов и купило у англичан готовый флот.

Л. Н. ездил вечером верхом к мисс Шанкс переводить на английский язык письмо, написанное им в Америку кому-то. Вообще он много писал писем и тяготился ими ¹.

10 марта.

Не спала совсем ночь. К утру часа два заснула и встала поздно. Ах, эти ночи! С ужасающей ясностью обнажающие душевное состояние! Я измучилась совсем. Днем опять попадаешь

¹ После слов «он тяготился ими», которыми кончается полустраница книги дневника С. А., приклеена фотография размером в $\frac{1}{8}$ листа: Л. Н. сидит верхом, на серой лошади, во дворе у ворот хамовнического дома Толстых перед отъезжающим на прогулку. На приклеенной фотографии рукою С. А. надпись: «Мною снято 6 марта 1898 г. Москва, Хамовнический пер., 21».

в жизненный водоворот и в нем не опоминаешься. И потом опять ночь без сна и мысли, и муки...

Переписывала с большим удовольствием повесть Л. Н. «Хаджи-Мурат», кавказскую. Я думаю, что это будет очень хорошо: эпическое произведение, надеюсь, без задора и полемички тайной.

14 марта.

Не вспомню, что было. Помню опять длинные бессонные ночи. Одну ночь я всю просидела до 4½ часов утра и переписывала для Л. Н. «Хаджи-Мурата» с большим удовольствием. Дни все эти или сидела дома, за работой, за корректурой, или ездила по покупкам летних вещей. Л. Н., не переставал, пивает разные письма, которыми очень тяготится, и читает много, особенно кавказские сборники, доставленные ему Ф. И. Масло-вым.—Три вечера мною были проведены так разнообразно, что, при кажущейся ровной моей семейной жизни, удивляешься, как значительно переживаешь свою внутреннюю жизнь. Л. Н. давно не был так нежен и добр ко мне. На другой же день тон его немедленно изменился. Я была страшно занята корректурами своего 15-го тома, работала весь день и не усмотрела его настроения. Вечером я продолжала с малыми отдыхами свой труд (надо было прочесть 12 печатных листов) и, зная, что все равно бессонницы не дадут мне спать, я просила мужа ложиться без меня, сама разделась, надела халат и туфли и обещалась войти тихонько, когда кончу корректуры. Напал на Л. Н. каприз, ложись спать, да и только. Работа у меня срочная, утром надо посылать в типографию; я не послушалась, продолжала работать. Он вскочил с постели, надел халат, ушел наверх, к себе в кабинет. Я продолжаю читать, не зная, что он ушел. Через полчаса приходит и начинает на меня кричать, что я его мучаю, что он хочет спать, а я ему не даю, что голова у него болит. Я все сидела, слушала, терпела, наконец, не дочитав последнего листа, пошла в спальню (я сидела рядом в столовой) и легла. Но тут яервы не вынесли. И усиленная работа, и неирриности, главное, несправедливость моего мужа ко мне — все это вызвало такое отчаяние в моей и так большой душе, что я вдруг почувствовала такую спазматическую боль в сердце и груди, что едва, уже в темноте, успела выговорить «умираю», как меня начало душить, сердцебиение усилилось, чувство страха, остановки жизни, спазма в сердце,— все это было ужасно. Такого удушья еще у меня никогда не было. Холодная вода к сердцу, старание овладеть собой помогли мне сократить этот припадок. Лев Николаевич растерялся, потом начал сам дрожать и всхлипывать... Спали дурно, оба устали... и зачем, за что все это! Господи,

помоги мне до конца беречь мужа и терпеть... На другое утро я же пошла к нему и выразила ему сожаление о случившемся. Он извинился как-будто, но мир установился. Надолго ли?

Вчера приходил С. И. Танеев. Как сразу успокоительно и хорошо подействовало на меня его присутствие. Добрый, спокойный, уравновешенный и высоко талантливый человек. Он сыграл свою прекрасную симфонию и спросил Льва Николаевича его мнения о ней. Л. Н. отнесся серьезно и с уважением, и стал излагать свои впечатления. А именно, что и в этой симфонии, и во всей новой музыке нет ни в чем последовательности: ни в мелодии, ни в ритме, ни даже в гармонии. Только-что начнешь следить за мелодией — она обрывается; только-что усвоишь себе ритм, он перебрасывается на другой. Чувствуешь неудовлетворенность все время; между тем в настоящем художественном произведении чувствуешь, что и н а ч е оно не могло быть, что одно вытекает из другого, и думаешь, что «я сам точно так бы это сделал». С. И. слушал внимательно и с уважением, но его все-таки, кажется, огорчило, что его симфония не понравилась Л. Н. Сегодня он едет в Петербург, его симфонию будут там играть уже в оркестре.

Вчера утром, после нашей ночной неприятности, встала разбитая, и вдруг Л. Н. мне вводит Мишу, внука. Я очень обрадовалась этому чистому, свежему элементу — этому здоровому, милому, умному ребенку. Весь день вчера с ним провозилась: возила его в Зоологический сад, в игрушечные лавки, в кондитерскую, в Кремль. Он всему радовался, но ничему не удивлялся. Так что вчерашний день мне весь был от бога наградой за ночную неприятность от мужа.

17 марта.

Вчера переписывала письмо Льва Николаевича «О помощи духоборам», желающим выселиться за границу. Л. Н. думает, что «Петербургские Ведомости» его напечатают, а я уверена, что нет. Помощь двоякая: найти им место для выселения и собрать для этого денег. Их 10.000 человек; сколько же нужно денег?

Вечером был знаменитый скульптор Антокольский. Говорили об искусстве: Л. Н. из своей статьи; Антокольский говорил, что лучшая задача искусства — изобразить душу человеческую. Держу все корректуры 15-го тома, сегодня еще не принесли; скоро кончу.— Опять переписывала письмо Л. Н., он его все перемарал.— Езжу по делам и платьям к лету уже. С Л. Н. очень дружно и хорошо. Надолго ли? Собираюсь в Петербург на несколько дней послушать Вагнера и симфонию Сер-

дяд Ивановича Танеева. Ес будут играть в первый раз 21-го, и это его первая симфония.

Приехал Андриюша. Илья и маленький внук Миша уехали еще третьего дня вечером, и мне очень грустно было расставаться с Мишей, но не надо привязываться больше к детям, их слишком больно терять, если они умирают.

Л. Н. сегодня говорит: мне 32 года, я отлично спал и голова свежа. Жаль, что он свои духовные силы тратит на разные писма.

А вдохновенья на писанье настоящего нет как нет! Старость мешает, вероятно.

Все суровая зима. Сегодня с утра было 10 градусов мороза и ветер, и холод, несмотря на солнце.

18 марта.

Все было хорошо, жили дружно. Сегодня читаю корректуру «Предисловия» Льва Николаевича к «Современной науке» Карпентера и вдруг вижу, что все не то, все изменено. Я очень удивилась и обиделась. Когда ее набирали в «Северном Вестнике», я просила Л. Н. дать мне последние корректуры, чтоб я могла дать в набор 15-й части в окончательном виде статью Л. Н. Теперь я ему упрекнула довольно спокойно, что он меня обманул; он ужасно рассердился. Эти неприятности бьют по старым ранам, и делается невыносимо. Скрыл он от меня последнюю корректуру, чтобы соблюсти выгоду «Северного Вестника» и не задержать его выхода. Внесение поправок и мой экземпляр все бы один-то день взяло.

Вечером много, много гостей: Бельская с дочерью, Толиверова с дочерью, Маклаков с сестрой, Варя Нагорнова, Горбунов. Толиверова, издательница «Игрушечки», хочет издавать журнал «Женское Дело», и поднялся разговор о женском вопросе. Л. Н. говорил, что, прежде чем говорить о неравенстве женщины и ее угнетенности, надо прежде поставить вопрос о неравенстве людей вообще. Потом говорил, что если женщина сама ставит себе этот вопрос, то в этом есть что-то нескромное, не женственное и потому наглое.—Я думаю, что он прав. Не свобода нам, женщинам, нужна, а помощь. Главное, помощь в воспитании сыновей, в влиянии на них, чтоб они были поставлены на правильный путь жизни, умения работать, быть мужественными, независимыми и честными. Одна мать не может воспитывать сыновей, и оттого так плохо молодое поколение, что плохи отцы, ленивы на дело воспитания и охотнее бросаются на всякое другое дело, отвлекая от самого важного — воспитания будущих поколений, долженствующих продолжать дела всего человечества и идти вперед.

Две недели прошло с тех пор, как я писала дневник! Отчего теперь жизнь идет так быстро и почти бессознательно — как сон? Если б я была более нормальна, я жила бы сознательнее и содержательнее. И потом, со временем, оглянувшись назад, как это всегда бывает, я пойму все прошедшее, оценю его и буду (опять, как это всегда бывает) сожалеть и о прошлом, и о том неумении им пользоваться. И вся жизнь, за редкими исключениями, проходит в желаниях и сожалениях.—Завтра день, назначенный в анонимном письме для убийства Льва Николаевича. Конечно, я неспокойна, но и не вполне верю, что это может случиться.—Приехали духоборы к Л. Н., два рослых, сильных духом и телом мужика. Мы их послали в Петербург к князю Ухтомскому и Суворину, чтоб эти два редактора сильных газет им что-нибудь посоветовали и помогли. Они обещали, но вряд ли что сделают.

Л. Н. им пишет прошение на имя государя, чтоб их выпустили переселиться за границу, всех — изгнанных, призывных и заключенных духоборов. Все это мне страшно, как бы нас не выслали тоже! Духоборы эти теперь сидят у Л. Н. и там же молодой фабричный Булахов, которого посылают с прошением и 300 руб. денег к сосланному вожаку духоборов — Веригину.

Была четыре дня в Петербурге. С осени запала у меня мысль поехать слушать симфонию Танеева, которую он мне несколько раз играл на фортепиано, — в оркестре. Мне казалось, что она будет великолепно. Кроме того, я давно мечтала услышать Вагнера, а в Петербурге как раз его давала немецкая приезжая опера.— Сначала меня Л. Н. не пускал; этот протест вызвал тоску, бессонные ночи и апатию.—Потом меня охотно отпустили, и я не получила от этой поездки никакого удовольствия. Дождь лил, не переставая; симфония Танеева была сыграна и дирижирована Глазуновым отвратительно; Вагнера я не слыхала: здоровье расстроилось: жизнь у сестры Берс с ее дурным отношением к мужу, к прислуге и с ее односторонним интересом к направлению финансов в России (странный интерес у женщины) — все это было скучно, неудачно, и я так счастлива была вернуться домой к Л. Н., к моей, свободной по духу нашего дома, жизни. что теперь не скоро нападет на меня желание уехать.

Всякий вечер нас кто-нибудь посещает: то был профессор Стороженко, много рассказывавший об иностранной литературе и новостях по этой части; тут же был молодой Цингер, умный и живой. Потом вечер сидел Грот. Сергеевко (не доверяю я

этому человеку почему-то), К. Ф. Юнге, о которой Л. Н. говорит словами Anat. France: «une laideur terrible et grande»¹. Но она талантливая, живая и умная женщина. Еще был молодой князь Урусов, Сережа, сын того, который умер и которого я так любила. Как-то Голденвейзер был, играл чудесную сонату Шопена с Marche funèbre, и прелюдии, и ноктюрны.

Сегодня с утра полотеры, чистка замков, шум, посетители, духоборы, Суллержицкий, на солнце в саду ребята играют в пыжки; Сапа с детьми Фридман поет, брэнчит танцы на фортепиано. Л. Н. с духоборами беседует и пишет длинное прошение государю. Я его переписала. Все эти дни общиваю Л. Н. Заметила ему гладью платки, сшила новую блузу, буду шить теперь панталоны. Мои знакомые меня спрашивают, почему я потухла, стала молчалива, тиха, и грустна. Я им ответила: «Посмотрите на моего мужа, зато он как бодр, весел и доволен».

И никто не поймет, что когда я жива, занимаюсь искусством, увлекаюсь музыкой, книгой, людьми,—тогда мой муж несчастлив, тревожен и сердит. Когда же я, как теперь, шью ему блузы, переписываю и тихо, грустно завядаю — он спокоен и счастлив, даже весел.— И вот в чем моя сердечная лямка! Подавить, во имя счастья мужа, все живое в себе, затушить горячий темперамент, заснуть и — не жить, а *дигет*, как выразился Сенека о бессодержательной жизни.—Сегодня вышел 15-й том, «Об искусстве», из цензуры, и я написала объявления в газеты.

3 апреля.

Ну, день почти прошел, уже одиннадцатый час ночи. Никаких покушений на жизнь Л. Н. не было. Утром шила Л. Н. панталоны, кроила их и тачала на машине. Потом Л. Н. собрался гулять, я пошла с ним, чтоб не тревожиться дома. Заходили к старому генералу Боборыкину, он пошел с нами и измучил меня разговорами при грохоте пролеток и тихой ходьбе. Потом в редакцию «Русских Ведомостей», потом калоши покупали, потом на Остоженку к Русановым. Я измучилась, устала и домой уже доехала на извозчике. Когда я хожу с Л. Н., я всегда, и зимой, и летом, и всю жизнь мучаюсь. Он никакого не имеет отношения к своим спутникам: если задержишься на минутку, он все-таки бежит, приходится догонять, он не ждет, спешишь, задохнешься — просто наказание. Охраняли его еще Сергеенко, Суллержицкий, потом приехал вечером Меншиков из Петербурга; пришли братья Горбуновы, Накашидзе, Дунаев. Очень утомительна эта постоянная толпа людей. Так весь день и ушел на разговоры и на эту толпу. Ох, как я устала нервно: то духо-

¹ Великая и ужасная некрасивость.

боры были, вчера уехали, то этот страх за убийство Льва Николаевича. А тут еще крик молодежи весь вечер за игрой в карты, в виаг. Вся жизнь идет не по моему вкусу. Жизнь и интересы Л. Н. настолько особенные, личные его, что детей не касаются; не могут же они интересоваться сектантами-духоборами или отрицанием искусства, или рассуждениями о непотреблении. Им нужна их личная жизнь, по их инициативе. Не имея руководителя в отце, не имея идеалов, посильных им, они создают свою разнузданную жизнь с игрой в карты, с пустотой и развлечением, вместо серьезного дела или искусства. У меня не хватает ни сил, ни умения создать им жизнь лучше,—да и возможно ли с все отрицающим отцом!

5 апреля.

Светло-Христово воскресение. Когда-то это был значительный, радостный день. В нынешнем году у меня не было ровно никакого настроения. Вчера вечером сидела молча, шла: Л. Н. читал, Саша ушла с Марусей Маклаковой к заутрене в приют, Таня тоже работала, и все я думала о том, что прежде, в молодости, жизнь делилась на периоды с перерывами какого-нибудь значительного, или казавшегося таким, события: вот праздники, а вот переезд в Ясную или — что важнее — ребенок родился, или еще что. Теперь все расплылось в неуловимом, скоро несущемся времени — и ничто не стало значительно, а как-то все все равно, лишь бы не было неприятностей и горя. — Очень трудно и волнительно жилось последние три года, после смерти моего ангела, милого Ванюшки.

Сегодня с утра неприятности с Мишей и Андрюшей. Они требовали денег после того, как я им подарила по 15 рублей. Я сердилась, потом плакала. Миша раскаялся, Андрюша же как ни в чем не бывало, с глупым видом, в новом сюртуке, делал визиты. Ночью они ходили компанией на площадь слушать звон и смотреть на ход вокруг соборов. Как они безумно прожигают жизнь, не останавливаясь мыслями ни на чем и не ставя себе никаких нравственных вопросов.

Когда они меня расстроили, я пошла к Л. Н. и спросила его со слезами и отчаянием о каком-нибудь совете, как мне быть с сыновьями, требующими денег и грубящими мне. — И как всегда, проповедуя на весь мир какие-то истины, он ни слова не умеет сказать семье и помочь жене.

6 апреля.

Посвятила свой день детям. Ходила на балатаны с Сашей, Верочкой (горничной), двумя детьми Литвиновыми и Колокольцовыми. И маршмэток смотрели, и театр, и с гор катались, и на

каруселях. После обеда катали яйца, и дети остались все очень довольны. — Больна Таня, жар и флюс. От Маши письмо. Мальчики визиты делали. Я играла после обеда в четыре руки с В. Нагорновой квартет Танеева.

Л. Н. ездил до обеда на велосипеде, утром писал о войне, вечером ездил верхом к умирающему купцу Брашнину. Ему любопытно видеть, как умирают люди, самому не далеко, а кроме того приятно и утешить умирающего участием.

7 апреля.

Был Кони, завтра обедает. Моросит дождь, стало теплей. Письмо интересное от Меншикова. Пишет, что правительство озабочено духоборами, но что имя Льва Николаевича в связи с духоборами всех приводит в крайнее раздражение. Полиция прислала в редакцию «Русских Ведомостей» бумагу с запретом принимать деньги для духоборов на имя Льва Николаевича. А сегодня все-таки оттуда принесли 300 р. — Л. Н. очень добр и хорош, а мое сердце беспокойно и нерадостно.

9 апреля.

Вчера был счастливый, радостный день. Утром встала рано, поехала с Сашей на репетицию концерта Никиш. Увертюра Фрейшюда была исполнена с таким совершенством, что я просто плакала от эмоции.

С репетиции шли пешком: С. И., Гольденвейзер, Конюс, Игумнов, Саша, я, Преображенский, профессор. Болтали весело, выглянуло солнце, так было хорошо под впечатлением музыки и с радостными людьми, с весенней погодой! Обедали у нас Кони, Анатолий Федорович, профессор Грот, Саша, брат, Ден с женой, мисс Вельш. Кони превосходно рассказывал то об умершем И. Ф. Горбунове, известном рассказчике, повторял его комические рассказы, то случаи из судебной практики; рассказывал статистику самоубийств, говорил, что большинство падает на вдовцов и вдов, на весенние месяцы, на северных жителей...

Вечером опять с Сашей, с Марусей Маклаковой ездили в концерт Никиш. Огромное я получила наслаждение. Л. Н. провел день с гостями; утром работать не мог, писал письма, ездил на велосипеде и верхом. Умер тот старик купец Брашнин, к которому он все ходил, и сегодня Лев Николаевич говорит, что любопытно узнать о его последних часах. Все время ему было именно любопытно видеть это умирание старика.

Сегодня Л. Н. говорит, что доктор Рахманов очень интересовался его повестью («Воскресение»), о которой он с ним дав-

но говорил. и вот он ему дал читать, а потом сам перечел и подумал, что если б ее напечатать всюду, то можно бы 100000 руб. выручить для духоборов и их переселения. Но что он только подумал так, а в сущности нельзя этого сделать. — Я все время молчала. П р а в о его, а не мое, хотя странно было бы для всякой семьи, что после 36 лет нашей совместной жизни мы должны толковать о п р а в а х. Дети его будут нуждаться, работать он их не научил; а я не пропаду. Да и не то мне теперь нужно. Не деньги дают мне теперь счастье, о, конечно, не деньги!

10 апреля.

Если б мне жить, как Лев Николаевич, я бы с ума сошла. Утром он пишет, значит, утомляется умственно, а вечером он не переставая разговаривает или, вернее, проповедует, так как слушатели его речей приходят большей частью посоветоваться или поучиться.

Сегодня после обеда было человек тринадцать. Два фабричных, три молодых школьных учителя, дама, занимающаяся сбытом русских кустарных производств в Англии, доктор, корреспондент «Журьера», Сергеенко, Душаев и пр.

Приехал сегодня Сережа, сидит за фортепиано и что-то еочиняет. Таня больна: флюс еще не прошел и живот болит. Андрюша уехал вчера. Весь день дождь идет. Ездил опять на дешевые товары, купила мебельной материи. Дома занималась д е л а м и, счетами, банковыми соображениями, отчетностью по попечительству и опеке над детьми, писала письма и т. д. Ни музыки, ни повести сегодня не трогала.

Минутами в душе поднималась та знакомая эти последние года боль, от которой вряд ли я выздоровлю. Была Варичка.

15 апреля.

Эти дни полны внешних событий: 11-го была очень хорошая лекция А. Ф. Кони об Одоевском. При этом он рассказывал посторонние вещи, все умно, кстати, тонко и правдиво.

Вечером были у нас гости; проф. Преображенский нас фотографировал при магнии и читал целую лекцию о световых и цветовых иллюзиях. Я была утомлена и сонна, что редко со мной бывает. Днем еще была с Сашей на Передвижной выставке; картин выдающихся нет, хороши последние пейзажи Шипкина, а бедность сюжетов и содержания — поразительные. Вчера провела два с половиной часа на выставке с.-петербургских художников, и там же огромная картина Семирадского: мученица, привязанная к быку, цирк, Нерон и т. д.

Эту выставку смотрела с большим интересом. Огромное разнообразие пейзажей, переносивших меня то в Италию, то в Крым, то на Днепр, то на остров Капри или в восточные дикие страны, или в русскую, или в малороссийскую деревню, или на Кавказ. Все это чрезвычайно интересно, особенно мне, никогда не путешествовавшей. Написаны картины хорошо, старательно,—почти все, но не все талантливо. «Христианка Дирден в ширке Нерона» — громадная картина в большую стену. О ней говорят разное и осторожно. По-моему, очень красиво, ярко, все размещение лиц и распределение цветов и положений — гармонично, умно; но все холодно; не жалко растерзанной христианки, не жалко быка с прекрасной головой; не досадно на Нерона, не чувствуешь впечатления на публику. Но выставка вообще доставила мне большое наслаждение.

Сегодня ездил по делам: отдала вещи в починку, переделку, переплет и т. д. Вечером был у нас князь Трубецкой, скульптор, живущий, родившийся и воспитавшийся в Италии. Удивительный человек: необыкновенно талантливый, но совершенно первобытный. Ничего не читал, даже «Войны и Мира» не знает, нигде не учился, наивный, грубоватый и весь поглощенный своим искусством. Завтра придет лепить Льва Николаевича и будет у нас обедать.

Был Сергей Иванович, и так с ним просто, побудничному, хорошо и спокойно. Говорил он с Сережей в моей комнате о переводе музыкального сочинения; Сережа его расспрашивал кое о чем.

Л. Н. объявил сегодня, что послезавтра он уезжает к Илюше в деревню, что ему в городе жить тяжело, что у него есть 1400 руб., которые он хочет раздать нуждающимся. Все это правильно, но мне так показалось грустно и одиноко жить одной с плохой Сашей и Мишей, которого никогда дома нет, что я просто расплакалась и умоляла Льва Николаевича не уезжать еще от меня, а пожить со мной хоть еще недельку. Если б он знал, как я слаба душой, как я всячески боюсь себя; боюсь и самобуйства, и отчаяния, и желанья развлечь себя — я всего боюсь, с ебя боюсь больше всего... Не знаю, послушает ли он мою просьбу. Мне и при нем часто кажется так безрассветно, трудно жить на свете, так многое в семье, в отношениях с Л. Н. и а б о л е л о, так я у с т а л а от вечной борьбы, от напряженного труда в делах, в доме, в воспитании детей, в изданиях книг, в управлении детскими именами, в уходе за мужем и соблюдении семейного равновесия... Все это совсем незаметно для постороннего глаза, а для измученного сердца моего все это т а к з а м е т н о! Ведь разве не тяжело такое положение: Л. Н. мне постоянно внушает, что живет в Москве для меня, а ему это му-

ченье! Значит, я его мучаю. А в Ясной Поляне он гораздо мрачней, ему все-таки самому жизнь в городе интересна и развлекательна, и только иногда его утомляет.

• 16 апреля.

Льва Николаевича лепил сегодня приезжий из Италии, итальянский даже подданный, князь Трубецкой. Он, кажется, считается хорошим скульптором. Пока ничего не видно, бюст начат очень большого размера. Л. Н. опять стал со мной добр, и мы в хороших отношениях. Вчера вечером я была в очень нервном состоянии, почти ненормальном.

18 апреля.

Приезжал Лева, вдруг продал дом через какого-то комиссионера и меня не предупредил. Мне стала страшна перемена, стали страшны хлопоты, жаль дома, и я его оставила за собой. Сама теперь остаюсь почти без денег, с долгами за издание. Дом мне достается очень дорого, за 58.000 почти. Опять Трубецкой лепит Льва Николаевича, и теперь я вижу, что необыкновенно талантливо.

19 апреля.

Сделали Тане очень болезненную операцию в носу, выдернули зуб и через отверстие сверлили нос и выпустили гной. Ей очень больно, она побледнела, ослабела, и очень ее жаль, хочется ее погладить, пожалеть, поцеловать, и ничего этого не делаешь, а только грустишь. — Отказала сегодня m-Me Aubert и уже взяла другую гувернантку Саше, которая присмирела. Льва Николаевича все лепит Трубецкой, и очень хорош бюст: величественный, характерный и верный. Наивный этот Трубецкой, весь в искусстве, ничего не читал и ничем не интересуется, кроме скульптуры.

Приезжал Сергей Тимофеевич Морозов, болезненный купец, кончивший курс в университете и желающий жить лучше. Он дал для голодных крестьян Льву Николаевичу 1000 рублей. Мы едем с Л. Н. в среду к Илье в Гриневку, где Л. Н. будет жить и помогать нуждам крестьян в тамошнем околотке.

20 апреля.

Опять в ы н у ж д е н и а я суета жизни. Покупка дома прямо почти насилье надо мной; и видела, как Льву Николаевичу и детям было жаль дома, и Л. Н., никогда не высказывающий

своего мнения, на этот раз прямо советовал мне его купить и даже сказал: «жаль его продать». А мне он и дорог и невыгоден. Я здесь потеряла двух детей, и не очень-то я была счастлива эти последние годы моей жизни. Лучшее счастье в Ясной, первую половину моей замужней жизни.

Весь день провела по банкам, продавая бумаги и переводя деньги свои на Леву. Большое внимание нужно было, чтоб не продешевить бумаги и ничего не потерять. — Дома к обеду опять пропасть народу: Преображенский, Трубецкой, Бутенев, Соня Мамонова, Миша Кузминский; вечером княжны Трубецкие, Колокольцовы и Сухотин!

Л. Н. писал письмо о войне — ответ какому-то итальянцу. Не идет у него художественное произведение, трудно уж ему; притом он так привык проповедывать, что не может без этого жить. — После обеда он позирует для скульптора Трубецкого. Бюст художественно задуман и превосходно начат. Но, к сожалению, Л. Н. спешит уехать, и бюст останется не оконченным. Мы уезжаем послезавтра; я вернусь в Москву, а Л. Н. переедет потом в Ясную. Все холодно.

21 апреля.

Собирались завтра ехать с Л. Н. в Гриневку и Никольское к сыновьям, я так радовалась этой поездке, и весне, и внукам. Но поездку опять отложили до вечера, так как бюст еще не совсем окончен и жаль не дать его кончить, очень хорош. Поворот головы, характер всей фигуры, глаза — все это выразительно и прекрасно задумано, хотя та неоконченность, которой радуется скульптор, меня беспокоит. Лев Николаевич спешит особенно потому, что у него 2000 р. благотворительных денег, которыми он хочет помочь крестьянам в той местности, где хуже всего бедствие.

Утром была у нотариуса и в банке; вернувшись, укладывала свои и мужнины вещи. Закупила вегетарианской провизии, хлеба и пр. Вечером пришел С. И. и были очень интересные и даже оживленные разговоры между ним и Л. Н. Тоже участвовал Трубецкой. Говорили об искусстве, о делах консерватории, о краткости жизни и уметь так распоряжаться временем, чтоб каждая минута была употреблена значительно: для пользы, для дела, людей, — прибавляю от себя. — и для счастья.

Мне так радостно было видеть, что Л. Н. перестал враждебно относиться к этому прекрасному человеку. Теперь он занят печатанием разных дел, касающихся любимой им консерватории, нападает на неправильное отношение к делам консерватории директора ее, Сафонова, и, не ссорясь ни с кем и не боясь

никого, служит только делу с своей честной и необычайно справедливой точки зрения.

Потом пришел В. Маклаков, и мы с ним философствовали о счастье. Вчера с Соней Мамоновой и сегодня с Маклаковым пришли к одному и тому же: счастье случайно и его мало; надо брать его, когда оно есть, благодарить судьбу за те малые мгновения этого счастья, не искать вернуть его, не скорбеть о нем, жить дальше, вперед; и даже в той будничной жизни с ее невзгодами находить удовлетворение, которое вполне возможно, если совесть спокойна, если живешь для дела, для людей, не делаешь ничего стыдного или безнравственного, не принужден раскаиваться.

Еще есть счастье — это самосовершенствование, это движение к религиозному и нравственному идеалу. Но я не люблю заглядывать в себя, я люблю людей и не люблю себя, и потому мне это тяжело.

Был П. И. Бартнев, принес мне книгу, письма моего прадеда, графа Завадовского, которого он мне очень хвалит. Интересный этот ходячий архив — Петр Иванович Бартнев. Всех на свете знает; знает все родословные, все придворные интриги всех русских царствовавших, все гербы, родство, имена и т. п.

29 апреля.

23-го Трубецкой кончил бюст Льва Николаевича. Он очень хорош. Вечером мы выехали с Л. Н. в Гриневку. Нас провожали: Дунаев, Маслов, моя Саша и Соня Колокольцова. Ехали мы в купе I класса; очень было тесно везде. Дорогой вечером разогрела Л. Н. овсянку, которую взяла с собой совсем сваренную. Он захотел сам возиться, схватил горячую крышку кастрюли и обжег три пальца. Я предложила воды, чтоб облегчить боль, он упрямо отказал. Тогда я молча все-таки принесла кружечку воды, и, когда он опустил в нее пальцы, ему сразу стало легче. Все-таки ночь от этого спал плохо.

В Гриневке нас встретили верхами сыновья Илья и Андрияша и пешком внуки — Анючка и Миша. Очень было весело их видеть и приехать в деревню. Л. Н. тотчас же приступил к делу: стал объезжать деревни и исследовать, где голод. Хуже всего в Никольском, и еще к Мценскому уезду. Хлеб едят раз в день и то не досыта. Скотина или продана, или съедена, или страшно худеет. Болезней нет. Л. Н. устраивает столовые. Посылали в Орел Андриюшу узнавать цены хлеба. Много гуляли в Гриневке; я читала с Анючкой по-французски, шла мальчишкам, смотрела за всеми четырьмя детьми, красила, рисовала с ними; присматривала за тем, чтоб плохой повар не слишком дурно готовил

Льву Николаевичу. Но хозяйство у Ильи и Сони очень скудно и плохо; мне все равно, но я боюсь, что желудок Льва Николаевича не вынесет плохой пищи и он захворает.

Илья мне не понравился дома. Детьми совсем не занимается; с народом не добр; ничего серьезного не делает, любит только лошадей. Сона же с народом добра, лечит их, хлопочет, чтоб их прокормить, дает муки и крупы детям и бабам.

Были у Сережи сына в Никольском. Сережа много музыкой занимается и сочинил прекрасный романс, который спела Сона очень мило своим молодым, симпатичным голосом.

Расположение духа Л. Н. было не радостно. Что-то унылое, подавленное и недоговоренное было в наших отношениях, и это меня очень огорчало. Более внимательной и кроткой, как и была с Л. Н. все последнее время, нельзя быть.

И так жаль мне было его оставлять в Гриневке. Но, может быть, лучше на время расстаться!

Заезжала я в Ясную Поляну и пришла после Гриневки в восторг от природы и местности ясно-полянской. Бегала по саду, в лес, рвала медунички в Чепыже, сажала деревца в саду и цветы на грядки; убирала в доме, приготавливала комнату для приезда Льва Николаевича.

28-го, вчера, был там первый гром и куковала кукушка. Деревья чуть зеленеют; везде веселая, напряженная работа; сеют огород, оканчивают яблони, чистят сады. Дора и Лева дружны и счастливы. Она — прекрасная женщина, уравновешенная и культурная. Тоже копаются в своем, вновь разведенном, садике, красят дом, готовятся к ее родам и к приезду родителей.

Сегодня утром вернулась в Москву и... грустно тут. Приехал Сергей Николаевич с дочерью Машей. Левочка будет жалеть, что не видал брата.

1 мая.

Вчера не писала, бессодержательна жизнь. Сегодня с утра пришел гимназист I гимназии Веселкин и принес собранные его товарищами 18 р. 50 к. денег. Трогательны до слез эти пожертвования в пользу голодающих юными душами или бедными людьми. Потом вдова Брашнина принесла 203 р., а еще прислала мне из Цюриха одна Коптсва 200 р. Все это перешлю Льву Николаевичу.

Сегодня получила письмо от Сони, которая меня извещает о том, что Л. Н. здоров, продолжает обходить и объезжать нуждающихся и бодр; но от него я еще не получила ни слова. Все мое горячее к нему отношение опять начинает остывать; я ему два письма написала, полные такой искренней любви к нему и желания этого духовного сближения; а он мне ни слова!

В саду сегодня вечером пили чай, собралось много гостей: Колокольцовы, Маклаковы, Аристов, Дунаев, наши Оболенские и Толстые, Горбуновы, Бутенев, Саша Берс, Марья Алекс. Шмидт и С. И. Танеев. Молодежь бегала по саду, визжали, гнилушки святившиеся там нашли; разговор о любви и хохот Маруси и С. И.—Все это томительно, шумно, ничтожно. Невольно думала о серьезной жизни в Грешевке с воспитанием детей, помощью голодным, посевами, хозяйством и т. д. Потом в Ясной с веселыми работами, спокойной, величественной веселой природой и интересом рождения нового ребенка у Доры.

Уехала сегодня m-lle Aubert, ее жалко, но не очень, такая она была бедная, бессодержательная натура!

3 мая.

Была в Петровско-Разумовском, видела маленького сына Мани и Сережи и очень взволновалась. Очень милое выражение глаз у этого ребеночка. — В Петровско-Разумовском застала пикник разных светских знакомых, и Саша огорчилась, что ее не позвали. Мы гуляли по саду и лесу. Обедала у старой тетеньки Шидловской, ей 77 лет и она очень бодря. Вечер у Колокольцовых. Какой трагизм в материнстве! Эта нежность к маленьким (как я видела сегодня в Мани к ее сыну), потом это напряженное внимание и уход, чтоб вырастить здоровых детей; потом старание образовать их, горе, волнение, когда видишь их лень и пустое, бездельное будущее,—и потом отчуждение, упреки, грубость со стороны детей, и какое-то отчаяние, что вся жизнь, вся молодость, все труды напрасны.

Получаю часто письма от Л. Н. Он, по крайней мере, теперь хоть несколько сот голодных прокормит. А то грех ему непростительный, что детей своих забросил.

5 мая.

Получила сегодня два письма от Л. Н. Он бодр и здоров, слава богу. Пишет, что открыл восемь столовых и что денег больше нет. Всегда мне казалось, что если одного, двух прокормить — и то хорошо, а не только несколько сот человек. А сегодня показалось так ничтожно девять столовых перед миллионами бедняков. — Пожертвовавший мы не вызывали, Л. Н. уже не по силам много работать; а если б вызвать — денег нам дали бы много.

9 мая.

Сегодня Соня Мамонова просила написать С. И., чтоб он пришел вечером с ней позидаться. И он пришел — и, наконец, я дождалась этого счастья—он играл. Сонату Бетховена («Quasi

una fantasia») и ноктюрн Шопена. Какое было счастье его слушать и как он играл! Он был особенно нежно настроен сегодня, и было что-то такое глубокое, содержательное, рассказывающее что-то в его игре... Я знаю, что он играл для меня, и была ему так благодарна! — Но зачем опять тревожить заснувшее на время к этим страшным впечатлениям сердце? Больно слишком...

Написала письмо Льву Николаевичу и о нем болезненно думала. То наслаждение, которое я получаю от игры С. И., доставляет страдание моему мужу. И это мучительно думать. Почему нельзя всего помирить, со всеми быть счастливой, любящей; от всякого брать ту долю радости, которую он может дать.

Приехал Сережа; играл Сергею Ивановичу свой романс и потом играл с ним в шахматы.

10 мая.

Утром читала корректуры, потом ходила за билетами в театр и к Дунаевым искать помощницу к Льву Николаевичу на дело помощи голодающим. Предлагают Страхова, это было бы хорошо. Прочла сегодня письмо Черткова к Л. Н., желая узнать об умирающем Шкарване. Все письмо не натуральное, все те же рассуждения о борьбе с плотью, о деньгах и грехе их иметь, а вместе с тем он всюду задолжал, а у Тани просит займы 10 000 руб.

Все фальшь, фальшь, а я ее-то и не терплю. И кто из нас не борется со страстями? Да еще как борются! Иногда чувствуешь, что последние силы ушли на эту борьбу, и больше их нигде взять. Да и какие у них страсти! Все они какие-то прямолинейные, скучные... А есть страсти, молчи, а не кричи о них вечно.

Вечером были в театре с Сережей, Андрюшей и Сашей. Давали «Freischütz» в пользу голодающих консерваторские ученики. Я сидела во втором ряду кресел, там же, где С. И.

19 мая. Ясная Поляна.

Много было движенья всякого эти дни: укладывалась, перевозила весь дом и Сашу с новой гувернанткой, m-lle Kothing, швейцаркой. Переехали все люди 15 мая, мы с Сашей приехали в Ясную 16-го утром, в пустой ясно-полянский дом. Второй год и так приезжаю! В тот же день прибывли лошади, корова, рояль, все ящики, и мы усиленно разбирались и убирались; обедали и ужинали в доме Доры и Левы, которые были очень приветливы. 17-го утром я уже уехала к Льву Николаевичу в Гриневку, и так

радовалась его увидеть, и детей и внуков. Но мои горячие порывы всегда обдаются холодной водой. У Льва Николаевича сидел какой-то сектант, которому он читал свою статью; мой приезд помешал чтению, и Л. Н. было немного досадно, хотя он очень старался это скрыть. Я ушла в сад с этими миленькими внуками, Мишей и Андриюшей, и мы долго туляли, бродили всюду, и я им рассказывала многое о цветах, яблонях, насекомых и просто сиз жизни — истории. Часа три я с ними наслаждалась. Когда после обеда я опять вошла к Льву Николаевичу, опять сектант сидел у него и говорил ему длинные стихи духовного содержания, которые составлены для пения сектантами; и опять Л. Н. с досадой уж просто меня выпроводил. Я ушла и заплакала: три недели почти мы не видались; ни о нашей жизни в Москве, ни о детях, ни об экзаменах Миши, ни о Тане — ни о ком ему дела нет. Когда Л. Н. увидал, что я огорчилась, он пошел меня искать, начал смущенно оправдываться.

В Гриневке идет горячая жизнь, и мне жаль было, что я не могу в ней участвовать. Открыто двадцать столовых, кроме того раздача идет муки; весь день народ с мешками на подводах: го привозят купленное: муку, картофель, пшено, то получают недельную выдачу и развозят по столовым. Соня, жена Ильи, усердно работает, хотя Л. Н. ее упрекает в бестолковости иногда. Взял у меня Л. Н. еще сотню рублей, это уже четвертая, и я больше своих денег дать не могу. Эти сто рублей передали Сереежке для помощи в Никольском. — С начальством идет какая-то глупая путаница: орловский губернатор Трубников выдал Илье официальную бумагу с позволением открывать столовые и даже выразил благодарность за них. Земский же начальник запрещает их открывать, говоря, что у него тайное предписание не допускать открытия столовых, а арестовать и выслать всех тех, кто вздумает жить среди народа и помогать ему. — Каково правительство! И кто кого обманывает?

Сегодня вернулась в Ясную, побывав часа четыре в Туле для всяких дел: и по иску Бибикова о владении землей; и о размытой на Чернском шоссе насыпи и о мосте; и о передоверии, межевании и т. д. Скучно и утомительно ужасно! Саша жила одна с гувернанткой, и мне сегодня было жаль ее. — Вечер пили все вместе чай на террасе, потом ходили встречать родителей Доры, которые приехали не тогда, а позднее, к ночи.

Л. Н. был в Гриневке совсем здоров, у него болят верхние спинные позвонки и изжога. Сегодня ему было получше. Он очень занят развитием мускулов, делает гимнастику с гириями, ходил в пруд купаться и мылся на берегу; ест плохую пищу и мало, — а потом жалуется, пугается, стонет, закутается в ваточный халат и говорит о смерти, которой и не желает и боится.

Стало ясно и холодно, особенно по ночам. Яркая луна на чистом небе, опять сухо и пыль. Опять плохой урожай будет!

Телеграмма от Тани, она приедет завтра. Миша продолжает выдерживать экзамены, благодарю бога! Послезавтра поеду к нему.

20 мая. Ясная Поляна.

Какой блеск, какая красота весны! Ясные, солнечные дни, лунные ночи, пышное, необыкновенное нынешний год, цветение сирени, особенно белой; осыпавшийся цвет яблонь, соловьи...—все это опьяняет, восхищает, и ловишь эти мимолетные впечатления красоты весенней природы, и бесконечно жаль их.

Приехали вчера добродушные Вестерлунды, родители Доры. Как она им рада, милая девочка с ее брюшком, домашними хлопотами, заботами о их комфорте.

Приехала сегодня утром моя Таня, что-то бледная и вялая; и все у ней разговоры о любви, о желании иметь детей, о трудности выносить девичество; трудности, о которой особенно ей наговорила Вера Толстая, которая вся возбуждена и готова на всякую любовь и, главное, на деторождение. Бедные девушки, они не знали в молодости, что их ждало в зрелости.

Сегодня рождение Львы, ему 29 лет. Мы у него обедали, пили шампанское, и Дора радовалась и все украсила цветами.

Еду завтра в Тулу по делам противного Бибикова, который затеял отрезать у нас землю; а вечером еду в Москву. Сегодня отправляла повара с провизией к Льву Николаевичу; написала ему длинное письмо. Завтра отправляю Сашу с гувернанткой к сестре Лизе, а то ей не с кем тут оставаться, Таня уезжает 22-го к отцу в Гриневку.

С Таней мне просто, хорошо. Мы друг друга до конца знаем, понимаем и несомненно любим.

Передо мной портрет Льва Николаевича с таким выразительным взглядом, который все меня к себе притягивает. И, глядя на него, я вспоминаю его упреки, его поцелуи, но не могу припомнить искренне-ласковых слов, дружески-доверчивого отношения...

Были ли они когда?.. У меня был порою страстный любовник или строгий судья в лице моего мужа, но у меня никогда не было друга — да и теперь нет, менее чем когда-либо.

Ах, как соловьи поют!

Ходили сегодня с Сашей гулять по лесам; набрали немного грибов в посадке, ландыши еще так чудесно цветут в Чепыжке. Люблю я ландыши, такой благородный цветок.

Какая тихая лунная ночь! И опять стало жарко днем и тепло ночью. Перечла жизнь и учение Сократа и с новой стороны поняла его. Все великие люди схожи: гениальность есть уродство, убожество, потому что она исключительна. В гениальных людях нет гармонии, и потому они мучают своей неуравновешенностью.

22 мая.

Приехала утром в Москву.

25 мая.

Троицын день. Миша уехал к Мартыновым. Экзамены выдерживает с натяжкой. Ездил с няней на могилки Алеши и Ванюшки в Никольское. Посадили цветы, обложили дерном, прочла я «Отче наш» и попросила в душе моих младенцев молить бога о моей грешной и больной душе.

Ясный, веселый день, праздничный народ. Ходила с девочкой в ближайший женский монастырь, болтала с монахинями. Одна из них — влюбленная в Христа с самой юности, и помешана на том, чтоб остаться в полном смысле слова Христовой, а не чьей-нибудь, невестой.

Чисто разведенный садик, близость деревни и дач, гармонии, народ — никакого настроения не чувствовалось. Вернулись поздно вечером в Москву.

26, 27, 28, 29-го в Москве; корректуры, одиночество, грусть. Раз вечером на этих днях играю в угловой комнате, и так мне захотелось видеть и послушать С. И., и через несколько времени вижу в окне три фигуры, не узнаю сначала, потом узнала и не удивилась. Это были Маслов, Тансеев и Померанцев. Маслов ушел раньше; потом Померанцев играл мне, потом и С. И. стал играть: играл свои романсы, свой квартет в четыре руки с Юшей.

29-го он опять пришел ко мне вечером вместе с Гольденвейзером. Но просидел очень мало времени и какой-то взволнованный, торопливо ушел.

30 мая.

Акт в консерватории. Жаркий солнечный день. Соната Шумана, концерт Сен-Санса и несколько маленьких вещей, прекрасно сыгранных ученицами консерватории — Фридман, Бесси и Гедике-учеником, — мне доставили большое удовольствие. Не было ни одного человека, кто бы меня не приветствовал словами: «какая вы сегодня молодая», или: «какая свеженькая», или: «на вас смотреть — станет весело, легко, свежо»... Это сделало больше всего мое светлое, новое, очень бледно-лиловое

кисейное платье. Но разговоры о молоджавости моей и приветствия ласковые публики — мне всегда, к стыду моему, приятны.

Сафонов заставил меня, умоляя, присутствовать на каком-то заседании. У него не хватало членов музыкальных. Я ничего не поняла из его отчетов, что-то подписывала, и мне было известно.

Приезжаю домой, выхожу на балкон, вижу — сидит на лавочке в саду С. И. и читает газету. Я страшно обрадовалась. Для нас с Мишей был накрыт в саду обед; поставили третий прибор. Как мы весело, хорошо обедали. Всем есть хотелось; а в саду было так уютно, свежо! После обеда втроем, т. е. с Мишей, ходили по саду, С. И. рассказывал о Кавказе. Миша уезжал на другой день на Кавказ и интересовался рассказами. Потом Миша уехал, мы остались вдвоем: пили вместе чай; С. И. мне сыграл вариации, написанные его учеником, Колей Жилиевым. Потом мы сидели и разговаривали так, как разговаривают люди, до конца доверяющие друг другу: серьезно, искренно, без застенчивости, без глупых шуточек; говорили только о том, что действительно нас интересует обоих. Ни разу не было шловоки или скучно.

Какой был вечер! Последний в Москве, а, может быть, и в моей жизни.

В девять часов он стал собираться уходить, и я не стала его удерживать. Он, прощаясь, только тихо и грустно сказал: «Когда-нибудь надо уходить». Я ничего не ответила, мне хотелось плакать. Я проводила его до двери и ушла в сад. Потом я все уложила, убрала, заперла, и мы в 12 часов ночи уехали в Ясную.

31 мая.

Утром тяжелый приезд в Ясную. Ни Тани, ни Льва Николаевича, и три телеграммы — он болен, лежит у Левицких! Он обещал никуда не ездить, а съехаться со мной в Ясной, и вместо этого уехал с Соней (невесткой) в коляске странствовать по соседям и будто бы изучать положение страны в смысле голода и будущего урожая. Были они у Цуриковых, у Афремовых и у Левицких, где Л. Н. уже слег в жару, с дизентерией.

1 июня.

Лев Николаевич не приехал; проплакав весь день, я поехала больная с Марьей Александровной Шмидт сначала через Козловку в Тулу, потом Сызрано-Вяземской дорогой до Карасей. Там рано утром наняли ямщика и поехали к Левицким. Лев Николаевич плох, все дизентерия, слабость, ехать домой немислимо.

У Левицких. Прекрасная семья, занятая, либеральная в хорошем смысле, особенно он, умный, твердый человек.

Трудный уход и забота за больным Л. Н. в чужом доме. с сложной вегетарианской пищей. Посылала за доктором, давали висмут с опиумом, клистиры крахмальные, компрессы. Скучно, холодно, тоскливо и досадно. Лев Николаевич поехал уже больной. Что за легкомыслие, и как не совестно в чужом доме дать столько забот с непривычными для посторонних, сложными требованиями миндального молока, сухариков, овсянки, покупного хлеба и пр.

6 июня.

Вернулись в Ясную, я очень кашляю, слаба, измучена и устала от трудного ухода за Львом Николаевичем.

Ночевали у Ершовых, которых не было дома. Ужасное событие! Тулубьева, рожденная Ершова, молодая женщина, от тоски бросилась в воду и утопилась. Я позавидовала ее храбрости. Жить очень, очень трудно.

8 июня.

Родился сын у Доры в 12 ч. 45 мин. Как она, бедная, страдала, как умолила отца о чем-то, горловым, молодым голосом, громко болтая по-шведски. Лева был очень с ней нежен, бодрил ее, а она так хорошо, любовью к нему относилась, прижималась, как-будто прося разделить ее страдания. И он разделял, и так нормально, хорошо родился этот маленький Лев.

11 июня.

Поставила рояль в мастерской Тани. Играла сегодня часа три, си плакала ужасно от бессилия, желания послушать еще когда-нибудь музыку С. И. Ведь были же эти два счастливых лета! Зато после какого страшного несчастья — смерти Ванюшки — послано мне было это утешение! Благодарю тебя, господи, и за то.

Приехали Маша с Колей и Илья с Мишей, внуком. Мы с ним гуляли вдвоем по Черте, рвали ночные фиалки, говорили о разлуке с няней, о гнездышке, которое мы берегли с Ванюшкой — сначала с яичками, потом с птичками. Очень было тихо, хорошо на душе, особенно после моих слез и моего отчаяния.

Ужинал у нас Вестерлуид и Лева, и стол был длинный, что я люблю, привыкла так. Мечтаю ехать к сестре Тане и захватить Масловым. Удастся ли? Когда Ф. И. Маслов со мной про-

ждался в Москве, он меня очень звал и за что-то горячо благодарил. Люблю я эту семью, утешающую, твердую, добрую и ласковую. Все они безбрачные, но при тихой поверхности, наверно, не без внутренних тревог и волнений прожита жизнь всякого из них. Как мне хотелось бы в их тихую пристань, где С. И., наверно, мне поиграл бы и где мы с ним опять побеседовали бы о самых серьезных и задушевных вопросах жизни и смерти.

Л. Н. все не поправляется от болезни. Он вял, сонлив и притих совсем, не проявляя ни радости, ни горя, ни злобы, ни любви. Эта последняя болезнь точно испугала его, и он, точно увидав возможность умереть, ужаснулся этого.

Вопрос о голоде, столовых, жертвованиях как-будто вдруг перестал его интересовать. Вестерлунд нашел в Льве Николаевиче увеличенную печень и велел ему пить воду Вишпи очень горячую по уграм.

12 июня.

Поздно встала; играла упражнения внимательно и вижу, что очень отстала. Ходила с внуком Мишей в елочку и в Чепыж, мы набрали грибов, рыжиков и березовых. Тишина лесная, цветы, ясное небо, солнце — все это как хорошо! Потом опять играла. После обеда посидели с Мишей на вышке, а потом ездили в кабриолете с Сашей к столяру и на могилки моих младенцев, тетушек и родителей Л. Н. Рвали во ржи васильки; дорогой смеялись, болтали, шутили с детьми. Вечером Л. Н., на балконе сидя, задавал нам задачи и вспоминал свою любимую о косцах. Вот она.

Было два луга: большой и малый. Пришли косцы на большой луг, косили все пол-дня. На вторую половину дня отправили половину косцов на малый луг. К концу дня большой луг был весь скошен, а на малом лугу осталось работы на одного человека на один день.

Сколько было косцов? 8 человек. $\frac{3}{4}$ косцов скосили большой луг; $\frac{3}{8}$ косили малый, т. е. $\frac{2}{8}$ косцов и $\frac{1}{8}$, т. е. один человек. Если один человек составляет $\frac{1}{8}$, то всех было восемь человек.

Это одна из любимых задач Льва Николаевича, и он ее всем задает.

Думала сегодня: отчего женщины не бывают гениальны? Нет ни писателей, ни живописцев, ни музыкальных композиторов. Оттого, что вся страсть, все способности энергической женщины уходят на семью, на любовь, на мужа, — а, главное, на детей. Все прочие способности атрофируются, не развиваются, остаются в зачатке. Когда деторождение и воспитание кончается,

то просятся художественные потребности,—но все уже опоздано, ничего нельзя в себе развить.

Девушки часто развивают в себе духовные и художественные способности и силы; но это развитие остается единично, не может идти дальше, в следующие поколения, потому что девушки не дают потомства. Бывают часто гениальные люди от старых, развитых раньше, матерей, и Лев Николаевич один из таких. Его мать была не молода, когда родила его, да и когда выходила замуж.

13 июня.

Опять как-будто судьба позволила жить и радоваться, если только сердце мое большое способно еще на радость. Но, слава богу, все здоровы и дружны, Лев Николаевич сегодня ездил верхом в Ясенки; и он рад, что поздоровел и что и ему еще бог позволил жить, и жить даже бодро. Только-что начинаю устлаваться, убирать дом, устанавливать мебель, гулять. Сегодня с внуком Мишей ходили в Посадку, рвали цветы, грибы, ягоды: много о Ваничке с ним говорили; я ему рассказывала о его жизни и плакала.

Потом я опять гуляла с Вестерлундами, Левою и Илюшей. С Илюшей тихо и хорошо разговаривали о его делах и переезде на зиму к теще. Очень он, бедный, запутался в делах хозяйственных и денежных.

Чудесный был ясный вечер; пропасть везде цветов, делали букеты на завтра.

Завтра крестят маленького внука Льва.

14 июня.

День провела со всеми своими детьми: в 1 час дня крестили маленького внука Льва. Дора очень волновалась, а деды — шведы — ужасались дикости русских крестин.

Обедали все у нас, на воздухе, очень торжественно, с букетами и фруктами на столе, с шампанским и прекрасной солнечной погодой. Потом все играли в теннис, и Л. Н. тоже; он не унывает; здоровье его, слава богу, совсем поправилось. Вечером уехали и Маша с Колей и Илья с Мишей, которого мне ужасно было жаль отпускать. Но чувство, что он не мой, что любить его только горе, что воспитывать его буду не я — все это заставляет меня бояться этой привязанности, и я удаляюсь от Миши умышленно.

Играла сегодня три часа под ряд, разучивала полонез Шопена As-dur; трудно, но какое это чудесное произведение! Позднее приехала Надя Ферре, очень приятно пела. Прочла

рассказ сына Левы в «Новом Времени»: «Прелюдия Шопена». У него не большой талант, а маленький, искренно и шайвно. Кончила день с Л. Н. слишком молодо.

17 июня.

Опять все и трудно и грустно! Вспомнила шевольно когда-то сказанные мне французским философом Charles Richet слова: «Je vous plains, madame, vous n'avez pas même le temps d'être heureuse»¹

Опять и вчера, и сегодня клистиры, припарки, компрессы, выливания из горшков, ухаживанье за больным Львом Николаевичем... Он после своей дизентерии не был воздержан, ел много и жадно; ездил, вопреки запрету докторов, на велосипеде, купался, слишком утомился верховой ездой, и вчера у него начались страшные боли в желудке, упорная, мучительная рвота, а сегодня жар, 38 и 2 было вечером, весь день он ровню ничего не ел, стонет вот уже сутки и очень нетерпелив.

От упрямства и невоздержания он сокращает свою жизнь и заедает и мой век. На этот раз мне стало досадно; только-что с напряженным вниманием я старательно выходила его от дизентерии, и опять он слег. Сама я тоже больна, слишком утомляюсь и огорчаюсь. У меня кашель, болит под ложечкой.

Л. Н. в постели принимал каких-то супругов из Воронежа, приехавших, как к духовному врачу, с ним о чем-то советоваться. Это его утомило.

Вчера, до заболеванья Льва Николаевича, с Сашей в первый раз купались и жалели, что мало кто пользуется такой чудесной купальней и вообще нашей ясно-полянской удобной летней жизнью. Разговорились с ней и смеясь решили, что когда будем жить по своей воле, то у нас будет много, много всякого народа, которые будут жизнью наслаждаться вокруг нас, а мы на них будем радоваться.

18 июня.

Рожденье Саши, ей 14 лет. Невыносимо жаркий день, 40 градусов тепла было на солнце в два часа дня. Л. Н. все нездоров, изжога, жар до 38 и 3 был сегодня. К вечеру стало лучше, температура пала до 37 и 5, и он ел сегодня два раза овсянку и пил кофе.

Сбегали с Сашей бодро на Воронку купаться. Такой был красивый, тихий вечер, что я не переставая любовалась природой, небом, луной.

¹) «Я жалею вас, сударыня; у вас даже нет времени быть счастливой».

Вернувшись, застала Льва Николаевича, диктующего статью газетную Тане, которую, впрочем, раздумали посылать.

Дело вот в чем: приехали в Ясную шесть человек гимназисток и гимназистов, привезли 100 р. для нуждающихся крестьян. Л. Н. послал их к священнику, попечителю здешних мест, и священник указал на особенно бедных. Гимназисты купили в Ясенках муки, которую и выдавали беднейшим. Явился становой и урядник и строго запретили купцу в Ясенках выдавать муку мужикам по запискам от нас или гимназистов. Просто безобразия! Не смей никто в России милостыню подавать бедным — становой не велит. Мы с Таней глубоко возмущались и обе охотно бы поехали прямо к царю или его матери и предостерегли бы их от того возмущения, которое может подняться в народе от озлобления к подобным мерам.

Приехали девочки Толстые и М. А. Шмидт.

20 июня.

Лев Николаевич все болен. Жар небольшой, 37 и 8, но все жжет его, и он худеет и слабеет. Боли в животе только при движении или нажатии. Вчера на ночь долго растирала ему живот камфарным маслом, потом положила компресс с камфарным спиртом. На ночь дала висмут с содой и морфием. Ел он сегодня овсянку, рисовую кашу на миндальном пополам с простым молоком (обманом) и яйцо, которое, после трех дней, уговорил его съесть доктор Вестерлунд.

Был исправник по поводу приезда из Харькова гимназистов и гимназисток для какой-то помощи народу и работы в народе. Все без видов, а сегодня приехали две еще девочки с той же целью, из которых одной 13 лет. Их всех выслали, а я упрекала исправнику резко, что он запретил купцу в Колпине отпускать по запискам муку народу. А записки выданы по указанию священника беднейшим жителям наших мест, и мука урлачена.

Еще приехал из Англии Х. Н. Абрикосов и рассказывал о Черткове и всех тамошних жителях русских немало нового и интересного.

Ходила купаться с Таней и Сашей. Жара страшная, сухая гроза, тучи, молнии, дождя нет, страшная засуха. — Урывками эти дни поиграла немного в мастерской, на дворе.

Очень сегодня я затосковала о Льве Николаевиче. Думаю, если он и поправится от этой болезни, то ему скоро 70 лет; и все-таки он должен прожить не может, и вдруг я останусь одна, без него на свете. Такая вдруг беспомощность мне показалась во мне, такое ужасающее одиночество, что я чуть не разрыдалась. Как же трудно мне подчас с Л. Н., но все-таки он меня

одну любил, он был мне опорой и защитой, хотя бы даже и от детей. А тогда? Трудно, грустно мне будет ужасно! Дай бог ему пожить подольше, и мне без него или не жить совсем, или как можно меньше.

Прочла четыре листа корректур, глаза слабеют.

21 июня.

Со всеми болезнями и горестями напутала в издании 15-го тома девятого, дорогого издания и очень этим взволновалась; не знаю еще, как выпутаюсь. Я забыла, что то, что составляло добавление к 13-й части, тоже не вошло в дорогое издание, и начала прямо с 14-й части. Теперь придется добавлять в конце, внося все без системы и без последовательности годов. Слишком много должна вместиать моя голова, и все идет хорошо, пока все благополучно. «И на старуху бывает проруха», говорит пословица; и вот у меня «проруха», а все от болезней Льва Николаевича и разъездов по разным местам, где он жил, куда ездил и где болел.

Посылала за Надей Ивановой, читала с ней корректуры. Часа три играла на фортепиано. Льву Николаевичу получше, со всяким днем температура ниже, сегодня 37 и 3, но он очень жалуется на слабость и был сегодня не в духе, ша все сердился. Начал есть, в виде лекарства, по совету Вестерлунда, по яйцу в день, и ему это неприятно, но слабость и немощь тоже неприятны.

Вечером ходили все купаться. Возвращалась я одна, сумерками, лесом, и так вдруг затосковала душа о Ваничке, о сестре Тане, о многом утраченном в жизни, об утраченном и исторченном в моем собственном сердце, о том, что еще друг — моя дочь Таня — уйдет от меня, порвет со мной ту сильную, тридцатичетырехлетнюю любовную связь, которая была между нами.

И вдруг рыдания поднялись в моей груди и горле, я стала громко стонать среди леса, одна; я думаю, птицы, и те перепугались от моих воплей и слез. Самые большие — это одинокие слезы и страдания, о которых никто никогда не узнает. — Потом мне стало страшно, я все слышала в лесу чьи-то еще другие стоны. Это умершие чьи-нибудь души мне вторили, или отсутствующие.

Приезжал Дунаев и с ним Дитрихс, брат Гали Чертковой, только-что оставивший военную службу по убеждениям.

Затмение луны, на которое я смотрю в окно... Уже стало меньше...

Весь день у крыльца бабы с просьбами: муки, денег, хлеба поесть просто, чайку, лекарства и т. д. Стараюсь терпеливо удовлетворить просящих, но очень утомляюсь. Помощи ни в чем, ниоткуда. Бегаю весь день, к Л. Н. вниза, бегаю по делам — и к вечеру совсем без ног. Растирала Л. Н. живот, а в это же время мечтала о море, и скалах, и горах в Норвегии, куда звал нас уезжающий завтра Вестерлунд.

26 июня.

Вчера провела тяжелый очень вечер. Наш сосед, юный Бибигов, оттягал у нас купленную у его отца землю; теперь приходится защищаться, началось судебное дело. Вчера нужно было собрать окольных свидетелей, и собрали только из Телятинок, деревни Бибикова, нашего якобы врага. По всему видно, что свидетели, судья, землемер — все подкуплены и угощены были вчера Бибиковым. Допрос тоже производили мошеннически. Сначала я горячилась, а потом просто пришла в недоумение: суд, допрос, присяга, — и все это одно мошенничество.

Просидела из любопытства до самой ночи в избе старосты. К концу допроса двенадцати крестьян все как-будто стали сконфужены и смиреннее: и судья, и крестьяне. Слишком очевидна наша правота.

Писала прошение в тульскую чертежную, прося о восстановлении границ нашей земли; а то крестьяне ежегодно забирают больше и больше нашей земли.

Л. Н. все мне не нравится своим здоровьем. Сегодня у него желудок расстроился опять, и что-то он зяб вечером. При том слабость еще большая.

Лева сын тоже раздражителен и нервен, и писательство его такое же нервное. Я хотела бы для него больше спокойствия, жизнерадостности, меньше самоуверенности и душевной суеты.

Дора с младенцем Львом очень трогательны и милы.

Радостно было вчера то, что когда меня не было дома и поднялся ветер с ужасной грозой, Л. Н. очень тревожился обо мне, не ужинал, просил послать пролетку и теплое платье. Вот, когда его не будет, не будет ничьей обо мне заботы, и это очень тяжело.

Уж и гроза была! Со всех четырех сторон молнии, ветер пролетку воротил, когда мы ехали из Телятинок домой, и вдали зловещее зарево пожара.

Много пожаров и много погорелых ходят к нам за помощью.

Тихая какая ночь, и луна светит в открытое окно. Я люблю это ночное одиночество с моими мыслями и в душевном общении с умершими и отсутствующими любимыми существами.

Грозовая несносная атмосфера; все мы от жары и наэлектризованного воздуха совсем расслабли. У Л. Н. опять ноет под ложечкой, и он мне сообщает постоянно об отправлениях своего желудка, какого они свойства. Боже мой! помоги мне не роптать и нести свои обязанности до конца достойно и терпеливо.

Делала ему сегодня ванну, сама все приготовила, положила градусник, потом чай приготовила в зале, и он очень ободрился. Хотелось мне очень ехать к Сереже, на денек; завтра его рождение, но не решаюсь оставить мужа. — Пыталась сфотографировать внука, но не удалось, он заснул, потом гроза помешала. — Учила инвенции Баха, но всего один час удалось играть. Больные бабы, дела, работа; написала по просьбе Л. Н. одно письмо крестьянину.

Маруся Маклакова уехала с Илюшей. Купались в белом тумане вечером с Сашей и Марусей.

Вестерлунд говорил, что я очень избаловала мужа. Сегодня меня поразило в записной книге Л. Н., что он пишет о женщинах.

«Если женщина не христианка — она страшный зверь».

Вывод из того, что я всю свою личную жизнь отдала ему в жертву, подавила в себе все желания — хотя бы к сыну съездить, как сегодня, и так всю жизнь. А муж мой везде видит зверство.

Зверство настоящее в тех мужчинах, которые ради своего эгоизма поглощают всецело жизни жен, детей, друзей — всех, кто попадают на пути их жизни.

Приехал с Кавказа Миша, восхищенный своей поездкой, природой величественной Кавказа, радушием жителей, весельем, которое и ему и Андриюше там доставляли. С ним приехал Саша Берс, возмужавший и подурневший. Миша и Лева уехали к Сереже, к его рождению.

Жизнь моя идет все так же мучительно скучно. Льва Николаевича я почти не вижу, он все один в своем кабинете, пишет без конца письма во все стороны и тклет усердно паутину своей будущей славы, так как эти письма будут составлять огромные томы. — Я на-днях читала его письмо к сектанту и ужаснулась ф а л ь ш и тона этого письма. Дневник он уже неохотно пишет, он знает, что я могу его прочесть, а письма разлетаются по всему миру, а дома копируются дочерьми.

Он очень осунулся, похудел и присмирел.

Он нашел, что доктор Вестерлунд и мужик немецкий, и буржуазен, и туп, и отстал на 30 лет в медицине; а не видел он доброты этого доктора, его самоотверженную жизнь на пользу человечества, его желание помочь каждой бабе, каждому встречному; его заботу о жене, о дочери, его бескорыстность.

29 июня.

Льву Николаевичу равномерно, потихоньку — но лучше. Сегодня он гулял, привнес букет васильков. Пишет все пьесы целыми днями.

1 июля.

Приехала Анненкова, были сегодня в Овсянникове. Там сидели у Марьи Александровны и потом у Горбуновых. У Марьи Александровны над ее постелью висит большой портрет Льва Николаевича. Она фанатичка его мыслей и по-женски все-таки в него влюблена, и потому может выносить такую суровую рабочую жизнь. Без этого она давно бы умерла, так слаб ее организм, так она худа. Я ее люблю за ее пылкую природу. Анненкова спокойная и добрая по природе.

Своей жизнью я очень недовольна: проходят дни в болтовне (в сущности для меня скучной), в мелких делах раздачи лекарств, денег, забот о еде, хозяйстве, дел по книгам и имениям,—без мысли, без чтения, без искусства, без настоящего дела, которое могло бы иметь благотворные последствия...

Приехали к Мише Бобринский Лев и Бутенев, в коляске, тройкой: один как-будто много выпил, другой курил толстые сигары, и Льву Николаевичу это было и жалко и смешно.

Приехал несимпатичный еврей Левенфельд, написавший и продолжающий писать вторую часть биографии Льва Николаевича.

Видеть очень хотела бы сына Сережу; Таня на время от нас ушла сердцем, но и она вернется. Мои двое старших детей — мои любимые. Они друзья моей всей почти замужней жизни и моей молодости.

2 июля.

Читали драму Тани: очень у м и о, но безжизненно,—ни в кого не веришь и никого в этой драме не любишь.

Вечером разговоры с Левенфельдом. Он мне рассказывал об «Этическом обществе» в Берлине. Полный атеизм, забота о материальном благосостоянии людей. Забота эта хороша бы была, если б она получила широкое, всемирное распространение.

тие, но почему при этом им помешала вера в бога? Без мысли о боге я бы утратила всякую способность что-либо понять и что-либо любить. Мне нужна эта идея бога и вечности.

4 июля.

Третьего дня просидела до трех часов ночи и писала с удовольствием свою повесть: «Песня без слов». Вчера часа три играла на фортепиано, сегодня тоже. Вспомнила сегодня о романах Танеева, потому что Саша по дороге в купальню их все напевала, я взяла их разбирать.

Непростительно тоскую и везде слышу запах трупа, и это мучительно. Только музыка меня спасает от тоски и от запаха этого.

5 июля.

Прекрасная прогулка с Л. Н., Дунаевым, Анненковой и тремя барышнями чужими, по Горелой Поляне, Засекой, под мост на шоссе, опять Засекой, Козловкой и домой. Ясный, красивый вечер. Все больна Таня, и все сердце болит, пойдешь, сидишь с ней и думаешь: «Неужели скоро мы расстанемся навсегда?»

6 июля.

Дождь, холод; Таня все лежит от болей в животе. Прошла по саду, нарвала для Тани чудесный букет. Поиграла часа два с половиной, но плохо. Весь день поправляла корректуры. Много мне беготни и мелких, скучных дел: документы надо посылать в Управу; жалованье людям, грибы, малину покупать; больных лечить; нищим подавать; обед и ужин заказывать; с Дорой и внуком посидеть; работы девушкам раздать; переписать бы следовало эти дни Льву Николаевичу, а тут пропасть корректур. За Таней походить, а она упрямится лекарство принимать.

12 июля.

Уехала из дому по гостям. Первое — заехала к дочери Маше, и измучилась душой, глядя на нее. Сгорбленная, слабая, худая, как скелет, нервная, с всегда готовыми слезами. Жизнь крайне бедная, еда отвратительная.

13 июля.

Рано утром приехала в Селище, к Масловым. Федор Иванович меня встретил на станции, вся семья была вставши и встречала меня, и С. И. тоже. Прелестные места, Брянские ле-

са, ключи, речка Навля, все это широко, красиво, особенно сосновые с дубом леса. Ходили всюду с Анной Ивановной. Вечером читали «О голоде», прекрасную статью Льва Николаевича, всем очень понравившуюся. С. И. исполнил мою мечту, сыграл мне Ав-дуг-ый полонез Шопена, и еще два раза. Два же раза он сыграл Шуберта «Morgenständchen» и что-то Генделя. Какое было наслаждение его слушать! — Сам он у Масловых мне не понравился: какая-то и внешняя и внутренняя распущенность в привычной с детства обстановке людей, уже состарившихся, и природы приглядевшей. — На другой день, 14-го, ездили все в лес, фотографировали меня в дупле одной из вековых лип, вечером занимались с Анной Ивановной фотографией и рано разошлись.

15 июля.

С утра рано все встали, Анна Ивановна проводила меня в карете до станции Навля, и вечером поздно меня встретила в Киеве сестра Таня. Ночевали с ней в городе, утром на извозчике приехали в Китаев.

16 июля.

Ласковый прием у Кузминских: хорошенькая, благоустроенная дачка, милые мальчики, радушный хозяин Сапа и любимая, горячо, глубоко любимая сестра Таня. При виде Митички сердце больно перевернулось: это был друг, ровесник и первый товарищ детства покойного Ванички. И Митя уже большой, десятилетний мальчик, а Ванички нет!

Ходили гулять в Китаевский лес: вековые сосны, дубы старые, горы, монастыри... Ходили с Сашей, Верой и Митей и Володька мальчик. Купались в пруду монастырском, пили чай, лазили по горам. Хорошо быть в гостях, все ново, забот никаких...

17, 18, 19, 20 июля.

Жила все дни у Кузминских. Был пикник с дачниками на остров Днепра; ходили все в народный театр в Китаеве. Купались в Днепре. 20-го были с сестрой Таней в самом Клеве, смотрели Владимирский собор. Лучшая там картина «Воскрешение Лазаря» Сведомского. Картины Васнецова — особенно крещение Владимира и крещение народа — ниже всякой критики. Вообще отсутствие изящества форм поражает всюду. Например, ноги Евы в раю, когда ее соблазняет змей,—это что-то ужасное.

Прелестно место, где стоит памятник Владимиру, и вид на Днепр вниз очень хорош. Вообще памятники древние, напри-

мер, Богдану Хмельницкому в Киеве же, насколько лучше по-
вых, как, например, безобразный памятник Пирогову на Де-
вицьем поле.

Еще ходили в пещеры. Я на этот раз решилась, и как
вдруг заробела, когда мы прошли несколько этого безвоздуш-
ного, темного, подземельного пространства, откуда не было уже
возможности поворота, и которое освещалось только теми све-
чами, которые были в наших руках. И пришло мне в голову,
что дьявол мне заграждает путь, а монах, водивший нас, в то
же время мне сказал: «Чего вы, матушка, заробели, тут жили
люди, а вы пройти боитесь. Вот церковь, молитесь». И я стала
машинально креститься и стала твердить слова молитвы, и дей-
ствительно страх вдруг совсем прошел и я уже шла с интере-
сом. Поразительны круглые окошечки в замуравленные пещер-
ные комнатки, куда добровольно замуравливали себя святые лю-
ди, которым пищу подавали в эти окошечки раз в день и кото-
рые и умерли в этих затворах — ж и в ы х могилах.

Семья сестры моей, Кузминской, произвела на меня самое
отрадное впечатление. Позавидовала я одному, что отец так за-
ботится о сыновьях и вместе с тем так с ними дружен. Вот уж
исполняют поговорку: служба службой, дружба дружбой. Кро-
ме того, обоюдная заботливость у супругов тоже очень трогат-
тельна.

Из Киева я уговорила сестру Таню ехать со мной в Ясную,
и это была мне огромная радость.

22, 23, 24, 25 июля.

Утром рано приехали с сестрой Таней в Тулу 22-го: дождь
шел, свежо, лошади не высланы. Взяли извозчика, приехали —
и тут начались неприятности: целый ряд неприятностей от
Л. Н., что я заехала к Масловым и видела там С. И. А между
тем, уезжая, я спросила Л. Н.: если ему неприятно, то я не
заеду. Я, прощаясь, шагнулась к нему, сонному, поцеловала его
и просто, откровенно сделала ему этот вопрос. А он не просто,
зло и не откровенно в первый еще раз сказал: «Отчего же, ра-
зуметсяя, заезжай», а второй раз сказал: «Это твое дело».

У преддверья пещер в Киеве, на стене написана огромная
картина, изображающая сорок мытарств, через которые пе-
решла душа умершей святой Феодоры. Изображены попереж-
ку: группа двух ангелов с душой Феодоры в виде девочки в
белом одеянии, с группой дьяволов во всех возможных без-
образных позах. И дьяволы эти — все сорок групп — изобража-
ют сорок грехов, подписанных по-славянски под этими группа-
ми чертей.

Так вот Л. Н. все эти сорок грехов, наверно, приписал мне в эти три-четыре дня, которые он меня бранил.

Наверху этой картины изображена уже одна душа, т. е. одна девочка в белом одеянии, упавшая ниц на ступенях возвышения, на котором изображен Христос, сидящий с апостолами. Далее врата рая — и, наконец, сам рай в виде сада. Целая поэма, очень интересная, воображаю, для народа особенно.

Потом стало у нас тише. Я старалась, чтоб не отравить сестре ее пребывание в Ясной. Мы с ней много разговаривали, и она меня осуждала за мое пристрастие и к С. И., и к музыке, и за то, что огорчаю мужа.

Трудно мне покорить свою душу требованиям мужа, но надо стараться.

28 июля.

Съездила в Ясенки сестру Таню. Она уехала в Киев, кажется, довольная своим пребыванием в Ясной. Мы, если можно, стали еще дружнее. Я осиротела — а прильнуть не к кому.

Ходила одна по лесу, купалась и плакала. К ночи опять начались разговоры о ревности и опять крик, брань, упрёки. Нервы не вынесли, какой-то, держащий в мозгу равновесие, клапан соскочил, и я потеряла самообладание. Со мной сделался страшный нервный припадок, я вся тряслась, рыдала, заговаривалась, пугалась. Не помню хорошенько, что со мной было, но кончилось какой-то околеченелостью.

29, 30 июля.

Пролежала полтора суток в постели, без еды, без света в темной комнате, без мысли, без чувства, без любви и ненависти, и испытала могильную тишину, безжизненность и мрачность. Ко мне заходили все, но я никого не любила, ни о чем не жалела, ничего не желала, кроме смерти.

Сейчас толкнула стол, и на пол упал портрет Льва Николаевича. Так-то я этим дневником свергаю его с пьедестала, который он всю жизнь старательно себе воздвигал.

31 июля.

Лев Николаевич уехал верхом за 35 верст в Пирогово к брату Сергею Николаевичу.

1, 2 августа.

Чувствую радость одиночества и комфорта жизни с каким-то небывалым еще во мне ощущением.

Вчера и третьего дня усиленно переписывала повесть Л. Н. «Отец Сергей», высокого стиля художественное произведение, еще не оконченное, но хорошо задуманное. Тут есть мысль из «Жития святых», как один святой искал бога и нашел его в самоотверженной в труде и работе, самой заурядной, но смиренной женщине. Так и здесь, отец Сергей, гордый, прошедший все перипетии жизни, монах, нашел бога в Пашеньке, уже старой женщине, знакомой еще в детстве и ведущей трудовую для семьи жизнь на старости лет.

Есть и фальшь в этой повести: это конец — в Сибири. Надеюсь, что так не останется. Очень уж все хорошо задумано и построено.

Писала вчера с половины второго до пяти часов утра, ночь всю пропереписывала, стало светло и голова кружилась, но я все кончила и Л. Н., приехав, может работать над этой повестью.

Он хочет сразу написать и напечатать три повести: «Хаджи-Мурат», «Воскресение» и «Отец Сергей», и все это как можно дороже продать в России и за границей, и весь сбор денежный отдать на переселение духоборов.

Это обидно для нас, для его семьи, лучше бы Илюше сыну и Маше помог; они очень бедствуют. Кстати, два духобора сюда приехали, и я их должна скрывать в павильоне, и мне это крайне неприятно.

Ветер, сухо, ясно и красиво.

Сидела у Доры, вникала в маленького Льва, внука. Пропадо во мне это непосредственное, животное почти, страстное чувство к маленьким детям, и в внуках я только люблю и мечтаю будущего и продолжение нашей жизни.

5 августа.

Вчера переписывала статью Л. Н. Все то же отрицание всего на свете, и под предлогом христианских чувств — полный социализм.

Сегодня с утра была в Туле: столько было дела в чертежной, у нотариуса, искала учителя Мише, покупки, дела в банке и управе. Я так устала, что шаталась на ногах. Мечтала дома отдохнуть, и вдруг толпы гостей: Сергеевко, две барышни Дидрихс, сестра Лиза с дочерью и гувернанткой, Звегинцева с дочерью Волхонской и князем Черкасским, мальчишки, — ужасали неожиданно все, и я заробела. Еще приехал Гольденвейзер и играл вечером Шопена, и поднялись во мне опять все музы-

кальные чувства, то прекрасное настроение и возбуждение, которым я жила эти два года.

Шум, крик, безумие молодого веселья. Очень устала. А Л. Н. весел, тоже возбужден и радуется и гостям, и балалайке Миши Кузминского, и болтовне княгини Волхонской, и всему, что составляет развлечение жизни.

11 августа.

Третий день больна: и все члены ломит, и голова болит, и желудок, и грудь заложено. Не сплю совсем и не ем ничего.

Вчера среди дня встала с постели, мне совестно было валяться больной без дела, и через силу почти переписала всю статью Льву Николаевичу. Он же работает над «Воскресением» — ненавистной мне повестью. Может быть, он ее исправит.

Тут Горбунов, Гольденвейзер, приехал Орлов-Давыдов, которого Л. Н. ждал; я сидела на балконе, хотела воздухом подышать, но страшно слаба; а Л. Н. вдруг уходит спать и мне оставляет на полтора часа гостя.

Я сказала, что пойду лягу, а графа пусть Л. Н. проводит к молодежи. И действительно у меня сил нет болтать с гостями, которых я вижу в первый раз и которые приезжают не ко мне, а к писателю Льву Толстому.

Неприятное известие о том, что цензура арестовала последний, только что напечатанный мною том дорогого издания. Без хлопот не обойдется. Написала в Петербург Соловьеву, главному цензору.

19 августа.

Пролежала в постели больная до вчерашнего дня, и то едва встала. Был сильный жар, боли в животе, расстройство кишечное с кровью. Все это время смутно пролетело в памяти. Очень все ласково за мной ходили, постоянно были со мной предупреждали все мои желания, жалели меня. Был день, когда и думала, что я умираю, но я этому была рада. Но вот встала и опять в водовороте жизни с ее требованиями, заботами, горем и трудностью разрешения неразрешимых вопросов.

Читаю интересную книгу «Le Réveil de l'Âme». Прочла еще книгу Anatole France: «La Buche» и «La fille de Clémentine». Я не скучала болезнью, хорошо было сосредоточенное одиночество, много мыслей и отсутствие забот материальных.

Чудесная, ясная погода, лунные ночи, пропасть цветов; вообще хорошо бы, если бы не люди и их злоба, пороки, соблазны, ревность, лень и т. д.

До умиления радовалась сегодня красоте природы и погоды и жалела, что слаба и не могу ни купаться, ни гулять, ни радоваться активно. Прискал М. О. Меншиков. Миша увлечен фотографией, чему я очень рада. Андрюша писал отказ выдуманной кавказской невесте и очень этим озабочен. Таня у Олсуфьевых и в Москве. Л. Н. ездил верхом в Засеку и хотел узнать о мясоедовских погорелых, но его не пропустили через полотно железной дороги по случаю проезда государя, бывшего в Москве на открытии памятника Александру II.

Играла с Сашей в четыре руки симфонию Гайдна, очень плохо она разбирает. Поправляла статью немецкую Левенфельда о его вторичной поездке в Ясную Поляну и копировала Мишины фотографии. Болит шод ложкой.

21 августа.

Стараюсь после болезни войти в жизнь, но ничто не интересуется. Готовимся к 28-му, не знаю, сколько будет гостей, и это хуже всего. Поиграла сегодня немного на фортепиано, и знакомое, столь любимое мною успокоение нерв и души так хорошо вспомнилось, и вспомнилось всё то, что дала мне музыка эти года. — Красота лета, лунных ночей, цветов — все это грустно действует своим неудержимо-быстрым течением и несомненным ходом к осени, холоду и зиме. Гулять еще не в силах, купаться нельзя. Лев Николаевич ездил далеко верхом, в Мясоедово, вчера его не пропустили через железную дорогу, ждали проезда царя.

Маленький внук Лев захворал свинкой, был Руднев. Андрюша гриппом болел. Миша увлечен фотографией.

Меншиков прожил несколько дней, но разговоров мало от него было интересных на этот раз. Сегодня он Маше говорил, что не одобряет того, что Л. Н. начал усиленно выпрашивать у богачей деньги для помощи духоборам. А я вообще никогда не могла понять, как можно жить, писать и говорить всегда так противоречиво, как это делает Л. Н.

Третьего дня ему лошадь наступила на ногу. Как он испугался вечером боли, как охал, не спал, растирал, клал компрессы, смотрел температуру — видно, очень испугался, а вышло ровно ничего, он уже опять бодро бсгает и ездит верхом.

22 августа.

Мое рождение, мне 54 года. Таня, Маша и Саша сделали мне подарки: Таня и Саша свои работы, что приятно, а Маша купила столик, что неприятно, я знаю, что у ней денег нет, и

мне жаль, что она их тратит на ненужные мне вещи. Но, может быть, чувства ее были хорошие. Она плоха все: то голова, то под ложечкой болит, то матка, то еще что... Прислушивается к своему телу, просто не в р а с т е н и я.

Тут Зося и Маня Стахович, милые, живые девушки. Приехала утром Вера Кузминская, потом к вечеру моя золовка, Марья Николаевна. Обедали у нас Дора и Лева, и рождение вышло довольно торжественно. Когда все ушли гулять к Ферре в Судаково, я пошла подстричь молодые плодовые деревья, потом часа два поиграла, одна, в мастерской. Л. Н. вечером был очень оживлен и блестящ, рассказывая всем, как бы задавая всякому темы для повестей: Мать, Купон, Кузмич—Александр I, и другие. — Тепло, ясно. Миша нас фотографировал, и меня с большим букетом.

24 августа.

Ветер, дождь, холод, все дома, много было разговоров. Всех интересует объявленное русским царем желание всемирного разоружения и мира. Л. Н. даже получил из Америки от «World» запрос о его мнении, и он отвечал, что это пока слова, а что прежде надо уничтожить подати, воинскую повинность и многое другое. А я думаю, что надо воспитать несколько поколений с отвращением к войне, чтоб она исчезла.

Приезжал мюнхенский профессор, румяный, коренастый немец. Приехал от духоборов Суллержидский и едет в Англию за сведениями, а те, т.-е. духоборы, 7000 человек, ждут в Батуме на берегу моря решения, от кого же? От Черткова — куда им ехать. Все это легкомысленно, страшно и нехорошо.

Л. Н. много беседовал с немцем. Он пишет свое «Воскресение», и ему переписывает очень кстати явившийся Александр Петрович.

Я очень озабочена приближающимся днем рожденья Льва Николаевича, боюсь множества народа и хлопот. Волнует меня и мой переезд в Москву: мне жаль нарушать жизнь тихую в Ясной, и страшно за Т[анеевс]кие истории.

26, 27 августа.

В Туле с золовкой Марьей Николаевной весь день. Покупки провизии, сенников, посуды и т. д. для приезда.

Приехали опять духоборы; все чего-то ждут извне, каких-то милостей царя по их прошению, а вместе с тем помощи от Льва Николаевича. Выходит все это очень странно и бессмысленно, ибо помощь одного исключает помощь, участие другого.

Как прошел день 28 августа 1898 г.

Льву Николаевичу минуло 70 лет. С утра, еще в постели я поздравила его, и он имел вид именинника. Собралась вся семья с женами и детьми, отсутствовала только жена Сережи — Маня с сыном, да меньшие мальчюки Ильи — Андрюша и Илюша. Приехали и гости: Потапенко, Сергеевко, князь Волконский, Мих. Стахович, Миташа Оболенский, князь Ухтомский, Муромцева с Гольденвейзером и пр., и пр. Обедали около сорока человек; П. В. Преображенский начал, было, пить белым вином за здоровье Льва Николаевича и говорил неловкую речь, которую все замолчали умышленно. Пить за Л. Н. нельзя, он проповедует общество трезвости. Потом кто-то предложил тост за меня. И вдруг веселое, единодушное, даже ласковое и шумное питье за мое здоровье привело меня в такое волнение, что даже сердце забилось. Обед был веселый и сохранил вполне семейный характер, чего мы и желали. Утром Л. Н. писал «Воскресение» и был очень доволен своей работой того дня. «Знаешь,—сказал он мне, когда я к нему вошла,—ведь он на ней не женится, и я сегодня все кончил, т. е. решил, и так хорошо!» — Я ему сказала: «Разумеется, не женится. Я тебе это давно говорила; если б он женился, это была бы фальшь».

Получено было около ста телеграмм от самых разнообразных лиц. Вечером взошло солнце, и мы все, с детьми, внуками и гостями, пошли гулять. Потом Муромцева много пела, но была неприятно возбуждена. Гольденвейзер играл очень плохо. К ужину еще подъехали гости, но продолжало быть семейно, просто и благодушно.

Очень умен, прост и приятен был князь Ухтомский. Говорил, что статья «О голоде» Льва Николаевича очень понравилась молодому государю, но когда Ухтомский спросил, можно ли ее напечатать в «Петербургских Ведомостях», то государь сказал: «Нет, лучше не печатать, а то вам с тобой достанется».

Странно, что декларация государя о мире связана в понятиях иностранцев с именем Льва Николаевича, и приписывают влияние его мысли на государя. А вместе с тем это несправедливо, вряд ли государь думал или читал что-либо Льва Николаевича о войне; а просто совпадение.

День 28-го кончили опять с пением хора и поодиночке. Устали все очень, и хлопот о ночлге и еде было немало...

29 августа.

Все люди перепились и перессорились. Погода дождливая: здесь еще сыновья, внуки, Ухтомский и еще кое-кто. Миша поехал в Москву на переэкзаменовку.

Получила утром умное и милое письмо от С. И., показала его Льву Николаевичу, который нашел то же. С. И. писал, что можно не быть последователем Л. Н., но, прочтя его сочинения, приходишь в тревожное состояние, и мысли Л. Н. постепенно незаметно входят в человека и уже остаются в нем. — Через час после письма приехал и сам С. И. Гости почти все уехали накануне, сыновья и Соня тоже. — Вечером, поспав немного, С. И. сыграл партию в шахматы с Л. Н., а потом сел играть на фортепиано. И играл же он в этот вечер! Лучше, содержательнее, умнее, серьезнее, полнее — играть невозможно. И Л. Н., и Машенька (не говорю про себя) пришли тоже в восторг. Играл С. И. Шумаю «David's Bündler» (кажется), сонату Бетховена ор. 30, потом Шопена мазурку, потом баркароллу и «Près d'un Ruiseau» Рубинштейна, арию Аренского... Я на другой день, 31-го, заболела и слегла в жару.

1 сентября.

Мне лучше. Чудесный, теплый день; богатство садовых цветов, ярких, душистых... Опять я жизнерадостна сегодня, опять люблю природу, солнце. Умиляюсь душой перед той нежной любовью, которую мне выказали, радуюсь моему выздоровлению.

Взяла фотографический аппарат и бегала всюду, снимая и природу, и внуков, и Л. Н. с сестрой, и лес, и купальную дорожку — и всю милую ясно-полянскую природу...

Вечером живо уложилась, набрала поручений, взяла Сашины букеты и поехала в Москву. Л. Н. и Саша проводили меня в катках на Козловку. Я нервна до слез и устала. Простилась трогательно с Левочкой и уехала с няней. Ночью в наше купе случайно зашел Сережа. Он вернулся в Ясную переговорить с отцом и едет в Англию по делам духоборов, так как по перепишке дело их переселения не двигается, и мы не знаем, насколько Чертков серьезно и умело ведет дело; да и денег мало. Кстати, о деньгах. Левочка тихонько от меня вел переговоры с Марксом (издателем «Нивы») о своей повести, Маркс предложил по нотариальному условию, чтоб исключительно иметь право на повесть, 1600 р. за лист. Когда я это услышала, я сказала, что Льву Николаевичу нельзя это делать, раз он напечатал, что отказывается от всяких прав. Но это продается в пользу духоборов, и потому Л. Н. думает, что это хорошо, а я говорила, что дурно. И вот теперь, вдруг, в день моего отъезда, Л. Н. согласился, и Маркс давал без условий ограничения его прав 500 р. за лист, на что Л. Н., кажется, и согласится.

2 сентября.

Приехала с няней утром в Москву. Дома темно, мрачно, дождь шел, уныние на душе... Разобралась, наняла извозчика, поехала по покупкам. Тряслась, тряслась... ох!

Но вечером осветили дом, везде цветы у меня, все чисто убрала, пианино взяла. Пришел Миша — перекламеновка кончилась успешно, он ходит в седьмой класс, но о чем-то умалчивает. Вечером стало веселей. Пришел Саша Берс, Данилевский, дядя Костя, Юша Померанцев, Сергей Иванович, — стало совсем весело.

Поразил меня С. И. одной вещью. Говорит мне, что когда я была летом у Масловых, я его глубоко обидела, посмеявшись, что у него обувь на велосипеде некрасивая, в белых чулках, и я сказала, что он шута из себя изображает.

3 сентября.

Опять покупки, дела... Был Сережа, уехал в Англию... Все дождь перепадает. Никого не было. И Миша, и я — мы ездили в баню.

4 сентября.

Весь день провела в халате, со счетами, с артельщиком, проверяя продажу книг и вписывая все по разным счетным книгам; даже не гуляла. Но пришел дядя Костя обедать и помещал кончить, что очень досадно, так как я от этого не уеду завтра, вероятно, в Ясную, еще выехать надо будет кое-куда.

Вечером пришли скучнейшие, чуждые совсем супруги Накашидзе, было досадно, потому что пришел С. И. и благодаря этим чужим, да крикливому Дунаеву — нам с С. И. не пришлось даже поговорить, и мы перекинулись несколькими фразами, нам одним понятными, и кроме того он указал мне в арии Баха, которую я теперь разучиваю, затрудняющие меня трудности. Эту арию Баха очень любит Л. Н., и я хотела бы ее выучить, чтоб ему ее лучше сыграть. Раскинула сегодня карты, гадая на себя. И мне вышла смерть трефового короля. Я ужаснулась, и мне вдруг так захотелось к Левочке, опять быть с ним, не терять ни минуты жизни с ним, дать ему побольше счастья, — а между тем, когда ушел С. И., мне стало грустно, что я долго его не увижу. И вот, измученная внутренним разладом, мне захотелось немедленно бежать куда-нибудь, чтоб лишиться себя жизни. Я долго стояла в своей комнате с страшной борьбой... Если б кто мог в такие минуты заглянуть и понять, что

делается в душе человека... Но постепенно страдание перешло в молитву, я долго молилась упорно, вызывая в себе лучшие мысли — и стало легче. Из дому шет писем, и мне грустно.

5 сентября.

Была у тетьки; у Веры Мещериновой умирает пятилетний ребенок от дизентерии. Вера Северцова пьет приданое и выходит замуж за Истомина. Опять дела весь день и покупки. Миша уехал к Грузинским. Вечером пришла Маруся Маклакова, умная, живая. Мы вместе весело делали запись продажи книг, спешили безумно, потом я поехала на поезд и — опоздала. Ночью вернулась, холод, ветер, насилу дозвонилась и легла.

6 сентября.

Утром кое-что исправила в вчерашних ошибках расчета с артельщиком и уехала скорым. Дома хорошо, ласково, спокойно душой, привычно, — и я счастлива быть дома. Заставляю себя постоянно молиться, надеюсь в слабостях моих на помощь божью.

Приезжало много Оболенских: Лиза и ее трое детей.

7 сентября.

Лев Николаевич здоров, бодр, и, кажется, спокоен. Я очень его люблю, мне хорошо с ним, и я охотно не поехала бы совсем в Москву. Там тревожно, и нет сил на эту тревогу.

11 сентября.

Вот уже сколько дней прошло, и очень было хорошо эти дни: семейно, весело, хотя бездельно. Стахович оживляет всех: все девочки от него в восторге.

Сестра Марья Николаевна очень приятна, дружественна, участлива и весела. Я очень ее люблю. Третьего дня вечером они вдвоем с Л. Н. вспоминали детство, и так весело. Машенька рассказывала, как раз они ехали все в Пирогово, а Левочка — тогда мальчик лет 15 — бежал, чтоб всех увидить, пять верст за каретой; лошади бежали рысью, и Левочка не отставал. Когда остановили карету, то он так дышал, что Машенька расслакалась.

В другой раз он хотел удивить барышень: в Казанской губернии в с. Панове, имени дяди Юшка, бросился одетый в пруд, но, не доплыв до берега, попробовал дно, дна не оказалось, он стал тонуть, бабы убирали сено и граблями его спасли.

А то его заперли на Плющихе, в Щербачевом доме, за наказанье. Ему было двенадцать лет, и он выпрыгнул в окно со второго этажа. Прислуга внизу увидела, его подняли, положили в постель, и он сутки проспал.

Да, удивить, удивить всех... и всю жизнь так было. И удивил весь мир так, как никто!

Уехали Оболенские; у Л. Н. грипп, по ночам лихорадит. Была Марья Александровна Шмидт и священник тюремный из Тулы. Ветер, сыро. Стахович всякий день возит конфеты, груши, персики, сливы. Это неприятно, но молодежи вкусно. Эти дни занимались фотографией, и слишком упорно. Живую жизнью семьи, а на дне сердца что-то гложет: сожаление о чем-то, желание музыки, безумное, болезненное.

12 сентября.

В доме совершенный разгром. Лакей влюбился в портниху Сашу и женится на ней; Верочка, шестнадцатилетний младенец, выходит замуж 18-го числа за приказчика. Повар уходит, кухарку свезли в больницу, Илья и няня в Москве. Никогда так не было. А гости без перерыва все приезжают и гостят. Сегодня приехал еще Ф. И. Маслов и Дунаев.

Л. Н. читал вечером ту повесть, над которой он теперь работает: «Воскресение». Я раньше ее слышала, он говорил, что переделал ее, но все то же. Он читал нам ее три года тому назад, в лето после смерти Ванички. И тогда, как теперь, меня поразила красота побочных эпизодов, деталей, и фальшь самого романа, отношения Нехлюдова к сидящей в остроге проститутке, отношение автора к ней; какая-то сентиментальная игра в натянутые, неестественные чувства, которых не бывает.

13 сентября.

Дождь весь день и гости. Приезжал англичанин Mr. Right, кажется, и И., глупая старая дева, верящая в спиритизм. Эти гости — страшная повинность и тяжесть, налагаемая на семью, особенно на меня. Интересно мне было только одно, что они были в Англии у Черткова и всей этой сосланной колонии русских и нашли, что жизнь их страшно тяжелая, что с ними оставаться долго невозможно, так тяжела нравственная атмосфера

их отношений между собой и их жизни вообще. Л. Н. это от меня тщательно скрывал, но я это всегда чувствовала...

Уехал Маслов; гуляли по дождю, который безнадежно льет и льет. Пошла было поиграть, но страшный стук в окно меня испугал: это Лев Николаевич пришел меня звать слушать чтение конца его повести. Мне жаль было оставлять игру, жаль было расстаться с арией Баха, которую я изучала и в красоту которой вникала, но я пошла.

Странное влияние музыки, даже когда я сама играю: вдруг начинает мне все уясняться, находит на меня тишина счастливая, делается спокойное, ясное отношение ко всем тревогам жизни.

Совсем не то впечатление производит на меня чтение повести Л. Н. Меня все тревожит, все дергает, со всем приводит в разлад... Я мучаюсь и тем, что Л. Н., семидесятилетний старик, с особенным вкусом, смакуя, как гастроном вкусную еду, описывает сцены прелюбодения горничной с офицером. Я знаю, он сам подробно мне о том рассказывал, что Л. Н. в этой сцене описывает свою связь с горничной своей сестры в Пирогове. Я видела потом эту Гашу, теперь уже почти семидесятилетнюю старуху, он сам мне ее указал, к моему глубокому отчаянию и отвращению. Мучаюсь я и тем, что герой, Нехлюдов, описан как переходящий от падения к подъему нравственному, и вижу в нем самого Льва Николаевича, который собственно сам про себя это думает, но который все эти подъемы очень хорошо описывал в книгах, но никогда не проводил в жизни. И описывая и рассказывая людям эти свои прекрасные чувства, он сам над собой расчувствовался, а жил по-старому. любя сладкую пищу, и велосипед, и верховую лошадь, и плотскую любовь...

Вообще в повести этой,—как я и прежде думала,—гениальные описания и подробности, и крайне фальшивое, кисло-фальшивое положение героя и героини.

Повесть эта привела меня в тяжелое настроение. Я вдруг решила, что уеду в Москву, что люблю и это дело моего мужа я не могу; что между нами все меньше и меньше общего... Он заметил мое настроение и начал мне упрекать, что я ничего не люблю того, что он любит, чем он занят. — Я ему на это ответила, что я люблю его искусство, что повесть его «Отец Сергей» меня привела в восторг, что я интересовалась и «Хаджи-Муратом», высоко ценила «Хозяина и работника», плакала всякий раз над «Детством», но что «Воскресение» мне противно.

— Да вот и дело мое духоборов ты не любишь...—упрекал он мне.

— Я не могу найти в своем сердце сожаление к людям, которые, отказываясь от воинской повинности, этим заставляют на их место идти в солдаты обедневших мужиков, да еще требуют миллиона денег для перевоза их из России...

Делу помощи голодающим в 1891 и 1892 году, да и теперь, я почувствовала, помогала, работала сама и давала деньги. И теперь, если кому помогать деньгами, то только своим смиренным, умирающим с голоду мужикам, а не гордым революционерам — духоборам.

— Мне очень грустно, что мы во всем не вместе,—говорил Л. Н.

А мне-то! Я истрадалась от этого разъединения. Но вся жизнь Льва Николаевича — для чуждых мне людей и целей, а вся моя жизнь — для семьи. Не могу я вместить в свою голову и сердце, что эту повесть, после того как Л. Н. отказался от авторских прав, напечатав об этом в газете, теперь почему-то надо за огромную цену продать в «Ниву» Марксу и отдать эти деньги не внукам, а совершенно чуждым духоборам, которых я никак не могу полюбить больше своих детей. Но зато всему миру будет известно участие Толстого в помощи духоборам, и газеты, и история будут об этом писать. А внуки и дети черного хлеба поедят!

15 сентября.

Вчера мне стало так грустно, что у нас с Л. Н. нехорошие отношения были накануне, и так он на этот раз кротко перенес мои суждения о повести и мои упреки о продаже ее, что я по какому-то внутреннему, сердечному толчку пошла к нему вниз, в кабинет, и выразила ему сожаление о резких словах моих и желание быть вместе, быть дружными. И мы оба расплакались, и оба почувствовали, что, несмотря ни на какие внешние разъединения, внутренне мы были все эти тридцать шесть лет связаны любовью, а это дороже всего.

Сегодня укладывалась, собираюсь завтра в Москву. Пробежала сегодня часа три по лесу, собирала мелкие рыжички в еловой посадке, рвала цветы, умилялась красотой природы, неба, солнца. Погода прояснилась.

Москва, 17 сентября.

Вчера вечером приехала в Москву.

Сегодня сздила утром купить провизии, потом по визитам, а вечером собрались мальчики, Мишцыны товарищи, а ко мне Наташа Ден, мисс Вельш, Гольденвейзер, Дунаев с женой, Мак-

лаковы, дядя Костя и Сергей Иванович. Юша Померанцев мне говорил, что он играл сегодня часа три, чтоб мне вечером играть. Маруся его просила, он долго отказывался, но потом сыграл «David's Bündler» Шумана. Но мальчики рядом играли в карты, их крик раздражал С. И., и он это выразил с досадой. «Я приду к вам как-нибудь и поиграю вам одной», — сказал он мне. — Мне это приятней.

Я поблагодарила его, и теперь жду этого счастья.

18 сентября.

Весь день покупки, исполнение поручений, вечером была Елена Павловна Раевская.

19 сентября.

Сидела в трех банках, платила за Илью, выручала деньги, которые положила пять лет тому назад на имя Ваночки. Милый, ему не нужны теперь ни деньги и ничего земного! Когда-то я перейду в это блаженное состояние!

Письмо от Машеньки: она пишет, что Левочка был грустен в день моих именин. Это потому, что он знал, что С. И. будет играть, и опять он ревновал меня. А что же может быть невиннее, чище этого эстетического наслаждения — слышать такую удивительную музыку.

Сама играла сегодня до трех часов ночи. Миша уехал в Ясную Поляну. Разговор три часа под ряд с Сергеенко. Раскаиваюсь в лишних словах.

20 сентября.

Была с утра в Петровско-Разумовском у Мани и восхищалась сыном Сережи — тоже Сережей. Что за симпатичный, милый ребенок; деликатный, здоровый, веселый, умный. Я для него чужая, а он обошелся со мной, точно давно знал и любил меня, а ему только год. Лаская мать, он сейчас же так же ручками ласкал меня, чтоб не обидеть. Давая яблоко няне в рот, он сейчас же пихал это яблоко и мне в рот. Совсем как Ваночка, который, разнося конфеты, никогда не обносил лакеев и вообще прислугу, а всех угощал под ряд. И всех ровно ласкал и любил.

Вернувшись, узнала, что приходил С. И., и мне было жаль, что я его не видала. Вечером заходил Гольденвейзер. Играла три часа.

22 сентябрь.

Приезжали Илья и Андриюша приготовить меня к приему Ольги Диттерихс, которой Андриюша сделал предложение.

Взяла сегодня туверьянтку Саше, пожилую даму, мать трех дочерей. Возилась с практическими делами, часа три поиграла.

Сделала ошибку: сама завезла книги С. И. Очень раскаиваюсь, но эти дни я опять ошалела: не сплю до четырех часов ночи, запах трупа, тоска одиночества душевного, суета жизни, искание за что-нибудь уцепиться, как спасение от этой тоски. Писала письмо Тане и плакала. Разговаривала с Андриюшей — и плакала. Говорила с Мишей об упадке его духа, поощряла его — и опять мне было тяжело. И захотелось откуда-нибудь участия, совета, мнения. Я передала книги в руки С. И., сообщила ему о свадьбе Андриюши, и по этому поводу услышала от него столько спокойной мудрости, что сразу стало легче.

С Андриюшей проболтали до трех часов ночи.

23 сентябрь.

Свадебный день, тридцать шесть лет я замужем за Львом Николаевичем, и мы сегодня врознь.

Грустно, что вообще мы не настолько вместе, как бы я того желала. И сколько с моей стороны было попыток этого душевного единения! Связь между нами прочная, но не на том основана, на чем бы я того хотела. Я не жалуясь, хорошо и то, что он так заботлив обо мне, так ревниво меня охраняет, так боится потерять меня. И напрасно. Кого бы и как бы я ни любила, никого на свете я не могла бы даже сравнить с моим мужем. Слишком большое место он всю мою жизнь занимал в моем сердце.

27 сентябрь.

Живу в Москве. Пришел дядя Костя, Маруся, Дьяков и Мещерский. Сергей Иванович. Мы с ним прошлись по саду, и я его спрашивала во многом совета. Дорогой друг он! Серьезно, обдуманно относился он к моим вопросам и сомнениям, говорил, что советует делать, утешал меня. После завтрака он играл сонату Бетховена, *Andante* из концерта Чайковского. Играл безумно хорошо, особенно последнее. И его посещение с советами, участием и музыкой дало мне надолго силу жить, бодрость духа и спокойствие души.

Вечером я была на свадьбе Веры Северцовой и испытала дурное чувство тщеславия. Все меня ставили и сажали на пер-

вое место, все хвалили мой наряд и мою моложавую наружность. Венчали Веру в церкви дома губернатора: были и великий князь Сергей, и великая княгиня Ел. Федоровна. Вера была проста, серьезна и трогательна. Ей хочется всем внушить, что она будет счастлива за Истоминым.

28 сентября. Ясная Поляна.

Вернулась я Ясную Поляну, домой. Как было мрачно ехать темнотой, по таявшему снегу, по тяжелой дороге, свернув с шоссе к церкви. Я ехала из Ясенок. На душе тяготила забота об оставленном в плохом настроении и упадке духа Мише. Но зато как весело было войти в освещенный веселый яснуюполянский дом, полный любимыми и любящими людьми. — Первое — пошла в кабинет Лёвочки, и мы бросились друг к другу, как во времена молодости, и несколько раз поцеловались, и глаза Л. Н. светились такой радостью и любовью, как давно не было. Потом Варю Нагорнову я рада была видеть, и Машенька еще не уезжала в монастырь, и Миша Стахович был опять.

Он привез из Орла обратно Льва Николаевича, который ездил туда посмотреть тюрьму для своей повести. Вечером сидели за работами, чтением и беседой. Было семейно, весело, дружно.

Снимала фотографию маленького внука Льва. От Миши письмо, хандрит, кутит, просится в Ясную опомниться — я позволяю приехать, но поможет ли это?

Таня с Верой Кузминой уехала в Москву дать ответ Сухотину. Думаю о ней непрерывно, страдаю и боюсь. Какой-то будет этот ответ? Л. Н. погружен в работу, все отделяет «Воскресение» и послал переводить за границу несколько глав. Сегодня он все беседовал с странником, высланным за стачки, сидевшим в остроге четыре месяца. Л. Н. так и впился в его рассказы.

5 октября.

Были известия о Тане. Она отказала будто бы Сухотину, но оба плакали; и няня пишет и Миша говорит, что она и теперь все тоскует и плачет.

Приехал Миша, затосковал, закутил в Москве, приехал в семью, в деревню опомниться. Были интересные французы: m-g и m-me de Gersy. Социалисты крайние, поджигатели стачек в Париже, люди не религиозные, но очень пылкие, дружные друг с другом; настоящие французы по живости, темпераменту, способности жить всецело для своей цели и вне себя.

Приезжал еще из редакции «Нива» торговаться с Л. Н. за его повесть «Воскресение». Л. Н. просит 1000 рублей за печатный лист и без ограждения прав собственности издателя. Но до сих пор редакция «Нивы» еще на это не согласна. Мне до того противны эти торги за сочинения Л. Н. и особенно после того, что он напечатал в газетах отречение от своих прав, что я едва сдерживаю свое негодование и остаюсь в хороших отношениях с Л. Н. — Он вошел в прежнюю колею: опять пишет художественное произведение и опять хочет за него больше денег. Только прежде деньги были законно отданы в семью, теперь же выдуманы какие-то единомысленные духоборы, и деньги пойдут им, и все газеты об этом будут печатать. Гораздо естественнее жалеть своего Власа на деревне, у которого и дети, и корова умирают с голоду. Сегодня и чужие французы проследились и дали им 1 рубль.

6 октября.

С утра разговор с Мишей о его беспорядочной жизни за последнее время, его раскаяние и желание сделаться лучше и вести более порядочную жизнь. Трогательно то, что он искал спасения в семье, в деревне, т. е. природе — и как-будто нашел его.

Приехал художник Пастернак; его вызвал Л. Н. для иллюстраций к «Воскресению», которые хочет сделать для французской «Illustration», кажется. Живой, умный и образованный человек — этот Пастернак.

Опять приезжал управляющий «Нивы». Л. Н. вел с этим переговорами о продаже «Воскресения». Писали и переписывали условия, торговались — и ничем не кончили. Льву Николаевичу хотелось взять 20 000 р. Но двадцати печатных листов не выйдет, другое же еще ничего не готово, так и отложили писать условие еще на неделю.

Когда шли эти переговоры внизу, я сидела наверху и переписывала это самое «Воскресение»; мне хотелось облегчить Маше труд переписки, ей Л. Н. дает слишком много работы. И вот Л. Н. несколько раз всходил наверх и начинал разговор о своей продаже. Я все молчала. Наконец высказала опять свое мнение.

Когда я была еще девочкой, Л. Н., проиграв на китайском биллиарде 1 000 рублей, пришел и рассказал нам об этом, прибавив, что запродавал Каткову «Казаков» и получил эти деньги. И я горько расплакалась.

И всегда, когда шли денежные переговоры за сочинения Л. Н., когда я уже была замужем, меня глубоко огорчала эта торговля души человеческой, близкой мне и создавшей гениальные произведения, ценящиеся на рубли и копейки. И теперь?

Продажа книг не так тяжела. Тут большая публика, охотно покупающая любимого автора или не покупающая. А в журналах — эксплуататор-редактор весь свой интерес видит в наибольшем приобретении денег посредством любимого писателя.

Весь день метель. Насыпало много снега. Вечером читал нам Л. Н. рассказ Чехова «О любви». Очень талантливо, тонко описан самый обыденный случай любви постороннего человека к молодой замужней женщине, ставшего другом всего дома: мужа, детей, прислуги. А между тем любовь между ними растет без слов, без связи и высказывается при разлуке тем, что они бросаются друг другу в объятия, плачут, целуются и — расстаются.

Сколько такой молчаливой страсти, трагически-мучительных чувств любви проходит между честными людьми, не высказываясь никогда. А эти чувства самые сильные!

17 октября.

С воскресенья вечера, т. е. с 11-го, мы с Сашей в Москве. Она серьезно и хорошо принялась за учение, ведет себя хорошо. Дай бог, чтоб так продолжалось. За Мишей следить очень тяжело. Постоянное напряжение и страх, что он сделает что-нибудь дурное. Я чувствую, что он считается с моим беспокойством о нем, чувствую ответственность, неумение, и все это утомительно для души. Живу в постоянных занятиях: то овес продаю по образцу, то дом убираю, то книжные дела, работа. Переписываю дневники Льва Николаевича, и это большое терзание для души.

Два дня живу музыкой. Опять охватило меня это пьянство, и оно меня чарует.

Вчера утром — репетиция. Вчера вечером Маклаковы и дядя Костя увлекли меня в духовный концерт. Прелестна была музыка к молитве «Верую во единого бога».

Сегодня опять утром репетиция, ездила с дядей Костей. Антракт из оперы «Орестей» С. И. Танеева безумно хорош.

Из дому внешние известия хорошие; о внутренней же жизни Левочки-мужа и Тани очень тревожусь и интересуюсь. Муж меня удаляется потому, что продал в «Ниву» за 12 000 рублей в пользу духовоборов свою повесть «Воскресение». Я эту торговлю не одобряю, и он это знает, а сам не одобряет моей музыки. Грустно! Все стало врознь. Кто виноват?

20 октября.

Приехал Сережа сын, хочет покупать имение. Я очень ему рада и люблю его. Играл Грига прелестно. Получила хорошее письмо от Л. Н., хотела ему писать, но голова болит, как-то за-

стыла от напряжения всех нерв. Миша стал лучше; говорили с ним о внутренней борьбе и совершенствовании, я ему упрекала, что он не стремится к этому, а он скарал: «почем ты знаешь?» и слезы были в голосе.—Он еще не безнадежен.

Вчера Сергеенко, сегодня опять он с дочкой. Звал меня гулять, звал в театр... Похоже, чтоб я с ним пошла! И скучно, и несимпатичен он.

Напала на меня настоящая осенняя тоска. Работаю страшно над собой,—но чувствую, что скоро так или иначе погибну.. Что-то назрело в сердце мучительное и безвыходное...

Была у меня на-днях княгиня Цертелева, рожденная Лавровская, певица. Она потеряла единственного двадцатидвухлетнего сына, и мы много говорили о безысходности горя. Сколько горя на свете! Я утешала ее, как могла, а у самой в душе тоже все дверки заперты,—бейся о стены, пока разобьешься.

Тепло, серо, сыро.

22 октября.

Когда что-нибудь созреет, то и отваливается. Созрела тоска —и вчера отвалилась. Написала письмо Льву Николаевичу нехорошее; сегодня получила от Лёвы, он пишет, что у папа голова болит, и он очень утомлен заботами о духоборах и писанием повести. И к чему эти духоборы! Как неестественно. А у самих у нас постоянная забота о семье; им бы, детям нашим, нужен был отец, заботящийся о них, а не искать по всему миру каких-то сектантов. Хороша русская пословица: «Матушка Сохья, по всему миру сохне, а дома не емши сидят». А Л. Н. даже и не сохне.

Сегодня на фотографии взгляделась в Л. Н., в его худые старческие руки, которые я так часто целовала и которые меня столько раз ласкали, и так стало по нем грустно, захотелось от него именно старческой ласки, а не любовной.

Вчера пришел дядя Костя, Маруся, Сергей Иванович. Прекрасно провели вечер: читали стихи Тютчева; восхищаясь им, С. И. был нежен, вдохновлен как-будто и предложил сочинить романс на какое-нибудь стихотворение. Выбирали все неудачно, наконец, наугад Маруся открыла стихи: «О, не тревожь меня укорой справедливой»... и С. И. сейчас же сочинил, написал и събрал романс на эти слова. Талантливый человек.

Рассказ Померанцева о том, что на Арбатской площади солдат не отдал чести пьяному офицеру, а офицер пашкой зарубил тут же солдата до смерти. Какое безобразие и зверство!

23 октября.

Разговор о Л. Н. Сережа говорит: «Отдайте права издания сочинений папа». Я говорю: «Зачем? Наградить богатых издателей? Это ложь».

26 октября.

Утром приехала в Ясную, через Козловку. Дождь, слякоть, все серо; озябла, промокла. Дома все спят. Вошла к Л. Н. Комната темная; он вскочил, начал меня целовать.

По утрам [Л. Н.] писал усердно свою повесть «Воскресение»; говорит, что последние дни не мог работать, все думал обо мне и утро моего приезда видел меня во сне. Изредка приходил ко мне, улыбался и целовал меня. Таня и Вера очень милы и веселы. Таня деятельна, смешлива и шаловлива, как по-старому — привлекательно и радостно. Обманывали они Дуничку тем, что спрятали все из кладовой в шкаф, а она, приехав из Тулы, думала, что все украли, хотела идти к гадалке. Помучив ее, ей открыли с хохотом шкаф и показали и варенье, и хлеб, и все прочее. А то селедку принесли из Лёвиного дома и опять с хохотом стали ее есть. Вообще настроение в Ясной хорошее, и мне было весело, и хорошо, и беззаботно.

27 октября.

Л. Н. ездил навестить М. А. Шмидт в Овсянникове, я гуляла с Дорой по купальной дороге, потом одна, в саду. Сделала кое-какие распоряжения. Мороз, ветер; не веселая и не тихая погода. Обедали у Левы. Вечером читали вульгарную повесть Сергеевски «Дэзи», и, когда нас коробило от разных невозможных по тону мест, то мы страшно хохотали. Л. Н. играл слевой в шахматы и тоже смеялся. Ночь плохо спали, холодно; у Л. Н. насморк. Мы дружны, просты друг с другом. Я много расспрашивала о «Воскресении» и одобрила перемены конца и других мест. Фальши все меньше. — Переписываю дневники Л. Н. и ее люблю его, какой он был. Разврат без раскаяния; нелюбовь к людям; тщеславие.

28 октября.

Нежно и дружно простились сегодня утром с Л. Н., Таней, Верой,левой. Морозно, ветрено. Кучер Андриан дорогой в Ясенки рассказывал ужасную историю об убийстве четырех людей на Косой (Рудаковой) горе. Все испортилось от близости от нас этого завода Бельгийской компании. Ехала скучно, читала Максимова о ссыльных каторжных, их переезде, жизни и пр. Мрачное впечатление!

Суэта: Сережа приехал с Цуриковым, Суллержицкий приехал от духоборов с Кавказа, интересно рассказывал; Андриюша уехал в Петербург. Миша страшно ленив, апатичен и учиться очевидно не хочет. Сережа его сегодня хорошо, по-отечески, уговаривал заниматься и опомниться. Вечером пришла Маруся Маклакова. Чувствую пустоту жизни, а весь день занята чем-то неотложным. Читала «О влиянии музыки на человека и животное».

31 октября.

Утром немного играла, потом ездил, вечером была с Сашей в квартетном концерте. Трио Чайковского — прелесть, но играл какой-то Кваст плохо.

Получила от Маши и Льва Николаевича ласковые письма. Разговаривала очень хорошо с Цуриковым об отношениях супругов, когда их убеждения не во всем одинаковы, пришли к тому, что и так можно хорошо прожить жизнь вместе.

Сережа и Цуриков уехали. Сережа собирается с Суллержицким на Кавказ помочь духоборам подняться ехать в Канаду.

Видела мельком С. И. неожиданно в концерте. Мы едва поздоровались, и он даже несомненно учтиво продолжал свой разговор с каким-то стариком.

6 ноября.

Все время два интереса: болезненная, напряженная забота о Мише, и устройство вечера в честь Толстого. Л. Н. прислал отрывок из прекрасно задуманной повести «История матери». Сюжет тот, что мать восьми детей, прекрасная, нежная, заботливая мать остается одинока к старости и живет при монастыре с горьким, непризнанным, драматическим сознанием, что вся жизнь убита на детей, и не только ей нет счастья от них, но и сами они несчастливы.

Вечер устраивает «Общество народных развлечений» под председательством Кирпичникова, а помощница его, Погожева, была сегодня у меня. Завтра везу отрывок в цензуру; просили и еще будут просить С. И. играть. Он мне говорил: «Если б я мог Льву Николаевичу этим доставить удовольствие, то я потратил бы на это и время и силы. Но для кого я буду играть и что можно сыграть, кроме «Крейцеровой сонаты?» В воскресенье он и Лавровская приедут меня потешать музыкой вечером, и я ужасно радуюсь этому.

Шью, чищу белье, крою; спшила себе юбку черную шелковую, перешила Саше кое-что, играла много, но два дня совсем

не касалась. Сегодня получала деньги детей, платила зубному врачу за Андриюшины зубы, купила Саше ша ротонду, купила растения, а свои пересаживала в новые горшки. Были Сафонова, Суллержидский, поехавший в Ясную, Алексей Митрофанч, Погожева и умная М. А. Сабашникова, с ней было приятнее всего.

Здоровье лучше, на душе спокойнее.

8 ноября.

Начинаю еще одну, пятую книгу дневников. Неужели я проживу столько, чтоб закончить эту толстую книгу? И при каких обстоятельствах кончу я ее?—Вчера день не писала. Была в симфоническом, довольно скучном концерте, оттуда шли пешком при звездном небе втроем: Маруся, я и С. И. Теперь время, когда съплотятся с неба звездные дожди. Мы хотели с Марусей в бинокли смотреть, С. И. случайно к нам присоединился. Но звезды мерцали неподвижно, небо только точно все колыхалось. Вернувшись домой, я долго стояла в саду и, в первый раз увидав небо в бинокль, поразилась этим величественным зрелищем бесчисленных звезд.

Сегодня с утра ездила к брату и за билетами в театр. Потом приготовила все к вечеру. Вечером пришел С. И., приехала Лавровская, брат с женой и еще кое-кто, и я весь вечер наслаждалась музыкой. Лавровская шела романсы С. И. — из них некоторые прелестные, особенно один: «Бьется сердце непокорное»... Столько страсти, столько силы, полноты содержания. Потом С. И. сыграл сонату Бетховена.

Финал был исполнен до того своеобразно и совершенно, что лучше нельзя. Да, это огромная власть у людей — такой музыкальный дар!

В начале вечера я прочла всем отрывок, присланный мне Львом Николаевичем для его вечера. Отрывок прекрасный, художественный, доставивший всем огромное наслаждение. Все сказали, что я хорошо читала, и мне это доставило удовольствие.

Какое сегодня было прелестное, теплое утро! Я ехала вдоль бульваров: яркое солнце, зеленая трава, темно-голубое небо. Полная иллюзия весны! Но только иллюзия; день, два — и смерть всей природе; все покроется снегом. — Так старческая «Последняя любовь» в стихотворениях Тютчева. Так же сильно, молодо вспыхнет ярким солнцем эта последняя любовь, и до л ж н а замереть перед снегом седины, беззубого рта, морщин, бессилия и т. п. Не приветствую тебя, старость!

Вчера в симфоническом было крайне неприятно, что когда я стала просить Сафонову отпустить Гржимали (первую скрипку) для того, чтобы он сыграл на нашем Толстовском ве-

через «Крейдерову сонату», он схватил мои обе руки, начал их прижимать к своей груди, говоря, что «для вас все на свете сделаю», но Гржимали отпустил только от уроков, а я с негодованием отняла руки, отлично поняв, что Сафонов хотел перед присутствующими показать свою (несуществующую) интимность с графиней Толстой, женой знаменитого человека.

Теперь буду его опасаться и избегать. Была у Погожевой; она занята народными школами, развлеченьями для народа, чтением, чайными и т. д. Хорошая, полезная женщина.

9 ноября.

Я помню, что я как-то думала и говорила, что есть у человека старческий возраст, в котором стоишь между двух дорог и колеблешься: идти нравственно в гору, т. е. к совершенствованию, или под гору, т. е. к слабости, к попушению себя. И вот я чувствую, что иду по последнему пути, и мне и страшно, и грустно. Мне хочется развлекаться, хочется наряжаться; в душе не весело, удовлетворения нет, а все стремишься к какому-то удовлетворению и счастью.

Получила письмо от мужа, доброе, ласковое, и совестно мне чего-то стало, хотя я, слава богу, ни в чем не виновата перед ним, разве только в легкомыслии.

10 ноября.

Миша пришел к обеду сердитый и неприятно придрался, что нет свежего калача. Вечером мы были с ним в театре, давали «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого. Играли хорошо, хотя был шарж на всем, перехитрили желание реализма, кричали, суежились на сцене. Был С. И. Много пришлось говорить с ним сегодня вечером, и никогда я больше не убедилась, как сегодня, что он человек совершенно неподвижный, безжизненный, бесстрастный. Не в смысле брани, а прямо, констатируя то, что есть, про него можно сказать, что он только «жирный музьянт», как Л. Н. его часто называл в припадке ревности — и больше ничего. Внешняя доброта его — это внутреннее равнодушие ко всему миру, исключая звуков, сочинения музыки и слушанья ее.

11 ноября.

Пришел Миша поздно домой, а я сидела, шила и все ждала его. Он пришел с таким тротательным и, кажется, искренним раскаянием, целовал меня, умолял не плакать, а я уж не могла

установить накипевших страданий, что я успокоилась на этот раз.

А сама я тоже плоха. Боюсь мании траты денег, боюсь глупости наряджания себя,—и все это теперь составляет тот мой грех, от которого не могу удержаться.

13 ноября.

Вчера обедали у меня: С. А. Философова, Е. П. Раевская, дядя Костя, Гольденвейзер. Прочли статью Д. А. Хомякова о предисловии Л. Н. к сочинениям Мопассана, и там же упоминается о статье Л. Н. «Об искусстве». Слово «католицизм», вставленное в виду цензуры вместо «церковность», очевидно сбilo Хомякова и он не понял потому общего характера статьи Льва Николаевича.

Записываю позднее.

Выехали 13-го в Ясную Поляну: Маруся, Саша, Миша и я. Очень все радовались этой поездке, всю дорогу смеялись. Приехали на Козлову Засеку с почтовым в 11 часов вечера, ехали при луне по страшной грязи и дождь моросил, и туман белый. Но хорошо в деревне и очень хорошо в Ясной Поляне. Застали всех здоровыми, ласковыми. Маша, кажется, ничего. Доктора говорят, что могло движения ребенка вовсе не быть, а еще будет, а она себе вообразила движение, или просто соврала и себе, и нам. Она очень весела и бодр, и такая беленькая, нежная и хорошенькая.

Л. Н. был со мной очень нежен и страстен, на что я не могла ему ответить.

14 ноября.

Говорили много с Лезочкой-мужем о Мише, обо мне, о работе Л. Н. Он говорит, что со времен «Войны и Мира» не был в таком художественном настроении, и очень доволен своей работой над «Воскресением». Ездил он верхом в Ясенки, бодр, крепок телом и очень приятен духом, и все это оттого, что работает над свойственным его натуре художественным трудом. И еще (в области материальной) оттого, что не утрачивает физической любовной способности.

15 ноября.

Весь день жила с природой. Дождь утомился, грязь страшная, но тихо, тепло, гуляли с Верой Кузминской в еловой посадке; чудо, как хорошо в этих молодых, зеленых елочках.

Вечером, т. е. после обеда, ходили все гулять далеко: вышли Чепыжем, в елки опять, кругом посадки и купальной дорогой домой. Пришли темно, пили чай у Левы, любовались внуком, прелестный мальчик. Вечером читали вслух «Сахалин» Чехова. Ужасные подробности телесного наказания! Маша расплакалась, у меня все сердце надорвалось.—Кончили день опять дружно, ласково.

16 ноября.

Проснулась в горьких слезах. Страшно не хотелось возвращаться в Москву, главное, расставаться с Л. Н. Мы на этот раз трогательно, до конца, искренно встретились и провели эти дни так дружно, участливо друг к другу, даже любовно.

Уезжать от Тани тоже было жаль, я ее очень люблю; да и Ясную Поляну, тихую, привычную, красивую Ясную Поляну жаль было оставлять. Л. Н. удивился, что я плачу, и начал меня ласкать и сам прослезился и обещал приехать сюда в Москву 1 декабря. Мне очень этого хочется, но это будет дурно — вызывать сюда его, огрывать от его успешных занятий, от той помощи, которую ему оказывают дочери, переписывая ему, и Александр Петрович, так хорошо помогающий ему своей переплеткой. Постараюсь не быть эгоисткой и оставить Л. Н. в Ясной. Но мне показалось, что и ему хочется — скорее нужно в город для каких-то сведений к его повести.

Выехали скорым поездом, ехали с Сашей и Марусей сначала уныло, грустно, потом легче.

В Москве Миша встретил, но тотчас же начал собираться куда-то. Я очень огорчилась. Еще больше огорчилась я, когда он вернулся в третьем часу ночи, и мне пришлось опять делать ему выговор и почувствовать, что все напрасно, что все мои жертвы — жизнь в Москве, уговаривание и увещивание Миши, призыв к труду, к лучшей, более нравственной жизни — все это напрасно, все это он не хочет принять во внимание.

Приехав, ждала его, чинила белье и грустила.

17 ноября.

С утра сажала с Марусей и Иваном привезенные из Ясной Поляны березки и липы. Посадили всего около семидесяти деревьев, подстригали акации, рубили сучь, мели дорожки и расчищали место для катка. Тепло и тихо, дождя нет, солнце на минуту выглянуло, птицы щебетали. Очень хорошо и в саду, лучше, чем если б его не было.

Вчера вночью Миша опять не вернулся домой до трех часов; я его ждала, слушала, не спала потом всю ночь, мучаясь о нем. Утром отправилась к директору идея, просила взять Мишу в полный пансион. — «Nous jouons gros jeu»¹, — ответил он мне, подразумевая, что Миша тогда вовек уйдет. Миша вернулся пристыженный, говорил, что я права во всем, что он забывает совместить в себе мысль о моем беспокойстве с его опаздыванием и сиденьем у товарищей. Вечером вдруг приносит мне три груши.

Сергеенко выпытывает изо всех сил для биографии Л. Н., а я все молчу.

Событие дня — письмо Льва Николаевича ко мне. Привезла Вера Толстая. Умиленное, полное любви письмо. А у меня умиление прошло, поддерживать его — больно. Вперед, вперед в жизни, — и поскорее к концу. Ничего больше не даст жизнь. Листья опадают, старость — лучше уж скорее конец.

19 ноября.

Утром Пастернак привез из Ясной хорошие вести и доброе письмо от Л. Н. Но ему не пишется и он вял. Уж не мой ли приезд ему повредил? Весь день сидела дома. Часа три играла, потом написала три письма: Льву Николаевичу, Степе брату и Андрюше. Много шила, переделывала рукава на меховой кофточке Саши. Миша пришел в хорошее настроение, получил еще 5 из греческого и 5 из закона божьего. Был у Барановых. Саша тоже мила. Поправила на время своих детей, и легче на душе. точно дело сделала. Немного переписывала дневники Л. Н. Вообще я в спокойном и будничном духе.

22 ноября.

Если стоны души можно передать дневнику, то могу только стонать и стонать. Миша третьего дня опять пропадал всю ночь до седьмого часа утра у цыган, вчера посидел дома, сегодня опять пропал. Где он, с кем он? — ничего не могу дознаться. Всякий день новые товарищи, какие-то дикие, неизвестные.

Делала скучные необходимые визиты. Играла, писала. Маруся с Сашей пошли к Масловым; я не пошла, хотя знала, что там С. И. Велела им ехать, а не идти, а они пришли и привели с собой С. И. Я очень рассердилась на Марусю; потом С. И.

¹ «Мы сильно рискуем».

играл свой квартет, ноктюри Шопена. Он успокаивал мой гнев, он был ласков, добр со всеми, — добродушно весел. Но и он не успокоил моего страдающего о Мише сердца. Не даром я плакала, уезжая из Ясной Поляны. Как мне не хотелось расставаться с Л. Н., как нужна была его помощь, защита от жадни, от самой себя.. Он прав перед человечеством: он великий писатель. Но мне от этого не легче, он мне не муж, в смысле помощи, он, главное, не отец своих воспитывающихся детей, и это ужасно для матери.

24 ноября.

Поздравляла именинниц: Ермолову, Давыдовых, Дунаеву, посетила Наташу Ден, родившую сына и заболевшую после родов. У Ермоловой тщеславно веселилась и тем приветливым приемом, который мне все делали, и красотой цветов, нарядов, изящных форм светской жизни и общества. Разговаривала с великой княгиней Елизаветой Федоровной, этой красивой, милой и приветливой женщиной.

25 ноября.

Таскалась все утро по дождю по Москве. Тоска, безумное, бесцельное нервное шлянье по грязи без цели, но тоска, ох! — невыносимая. Вечером легла и заснула. Встала, пришла Саша: — Ты больна, мама? — Я говорю: нет. Она бросилась меня целовать. — Если б ты знала, какая ты хорошенькая, розовая, после сна. — Неужели я еще хорошенькая? Или это любовь ее видит красоту в любимой матери? — Вечером театр: «Моцарт и Сальери» и «Орфей». Был С. И. с нами, Маруся, Саша, и Гольденвейзер, и Бутенев. Еще в ложах были знакомые. Сначала было интересно и весело, но ужасное пение в «Орфее» навело опять скуку, и я насилу досидела.

27 ноября.

Письма из дому: от Льва Николаевича — он все-таки собирается сюда, в Москву, 1 декабря; потом от Тани. Мое к ней пропало, так досадно! А я отговаривала в нем Л. Н. ехать в Москву. Мне ужасно подумать, что он будет страдать от городской жизни: посетители, шум, уличная суета, отсутствие досуга, природы, дочерей, и их помощи — все это ему ужасно. А мои интересы воспитанья детей, музыка, мои знакомые, мои выезды, хотя и редкие, в концерты и театр — все это прекратить мне трудно, а его раздражает. Переписывать же ему его переправляемые им без конца писанья я уже и по зрению, и по приливам крови к голове — уже не могу, как прежде, и это тоже его будет

сердить и огорчать, а в Ясной пишут дочери, Александр Петрович и Коля Оболенский. Еду в Ясную отговаривать его или привезти самой, если он будет настаивать ехать.

Была утром Погожева, объявила, что вечер Толстовский разрешен, но не упоминать, что он в честь Толстого, не позволят читать о Толстом, а только из его произведений, и прочие грубые и глупые оговорки.

Вечером пришел С. И. Танеев. Мы пили чай: Саша, Миша и я.

Как я ему обрадовалась! Больше всего люблю, когда он так придет просто, и только для меня. Сочинил сегодня для пеня двух хоров прекрасную, содержательную вещь на слова Тютчева и пришел мне ее сыграть и напеть. Потом сыграл Andante из своей симфонии. Сидели, тихо разговаривали, прочли статью критическую музыкальную. Как всегда с ним просто, спокойно. содержательно проведешь время.

28 ноября.

Узнала в квартетном концерте о смерти Насти Сафоновой. семнадцатилетней старшей дочери, ужасно это меня поразило.

Играл Гольденвейзер «Трио» Рахманинова, потом чудесный квинтет Моцарта с кларнетом. Много знакомых, С. И.

Письмо открытое о приезде Льва Николаевича 1-го. Мы с Сашей обрадовались ужасно и даже прыгали и кружились вместе.

29 ноября.

С утра у Сафоновых. Одна дочь лежит мертвая, другая, Саша, опасно больна. Четыре доктора ничего не понимают. Похоже на воспаление брюшины. Привезла им Флерова. Приехал из Петербурга отец, отчаяние тупое, без слез — матери. Ужасное впечатление! Саша с Марусей на выставке. Вечером играла много, девочки в зале кривлялись всячески, особенно Маруся, и были бешено веселы. Уехала в первом часу в Ясную Поляну.

30 ноября.

В Ясной Поляне. Таня охрипла и легкий жар, Маша все неопределенна, но спокойна и здорова на вид. Л. Н. ездил третьего дня в Пирогово (35 верст) верхом и верхом же на другой день вернулся, и оттого уставши и вял. Обещав приехать в Москву 1 декабря, он теперь как-будто отвиливает от этого приезда. А я так приготовилась к радости привезти его в Москву и пожить с ним. Привезла и хлеба отрубного, и финников, и

спирт — все для дороги: велела в Москве приготовить комнату, обед, фрукты, хотела сама ему уложить вещи, устроить ему переезд в Москву как можно незаметнее. К вечеру уже было решено, что он не едет; я плакала и голова у меня разболелась, так что совсем слегла. Не то больно, что ему не хочется в Москву, — я это вполне понимаю и предлагала ему не ехать до Рождества, — а больно, что он пишет: «Нынче получили твое письмо к Тане (в котором я предлагаю ему не ехать в Москву). Я непременно приеду 1-го курьерским и радуюсь мысли быть с тобой». И после такого письма, когда все мои чувства давно сдержанного ожидания его приезда вдруг вылились навстречу радости его видеть и пожить с ним, тогда он опять отказывается ехать.

1 декабря.

Я опять в Москве. Не спала всю ночь от тяжелого сомнения: «1-го приеду в Москву», — писал мне Л. Н. Сегодня 1-е, я еду со скорым и думаю: неужели он не уложится утром и не поедет со мной? Сердце билось, всю меня бросало в жар, и утром он встал, пошел вниз и ни слова мне не сказал. Я встала около 10 часов, узнаю, что Л. Н. не укладывается и не едет. Слезы меня так и душат. Одеваюсь, велю запрягать — он ни слова. Поднимается суэта: Марья Александровна Шмидт, Таня. Л. Н. — зачем я еду? — Как зачем? Да я так и собиралась, и лошади за нами выедут, и дети, и внуки ждут в Москве. Рыданья меня душат неудержимо. Беру свои мешочки, иду пешком, велю лошадям меня догонять, боюсь всех расстроить своим видом, не хочу дать Льву Николаевичу удовлетворения в том, чего он каждый год добавляется, т. е. вида моего горя от его нежелания жить со мной в Москве. Но это делается невозможно: именно это-то его отношение жестокое и приводит меня в отчаяние. Вижу, с лошадьми и Лев Николаевич в полушубке. — «Не езд, погоди». Возвращаемся домой. Он начинает мне мораль читать противным тоном, а меня рыданья душат. Посидели полчаса, во мне происходила адская боль и борьба с отчаянием. Таня пришла: «Я понимаю, что вам больно», — говорит она. Наконец уехала, простившись со всеми и прося меня простить. Никогда во всю жизнь я не забуду этого переезда до Ясенков. Какой был ветер ужасный! Перегнувшись пополам, я так рыдала всю дорогу, что голова треснуть точно хотела. И как они все меня пустили в таком виде! Одно меня удержало от того, что я не легла под поезд, — это то, что меня не похорошили бы возле Вагички, а это моя *idée fixe*. В вагоне все пассажиры на меня устремились — так я плакала всю дорогу, потом задремала. Ничего я весь день во рту не имела. Домой при-

скала — унылая встреча детей и внуков, и олять я плакала. Получила телеграмму от Л. Н.: «Как доехала Соля, приеду завтра».

2 декабря.

Вечером получила от Льва Николаевича письмо: он просит прощения за свою якобы невольную жестокость, за недоразумение, за свое утомление и другие разные причины, почему он не поехал и так меня измучил. Потом он и сам приехал... У меня невралгия правого виска, у меня болит вся внутренность, и не спала всю ночь, все во мне застыло, оцепенело как-то. Ни злобы, ни радости, ни любви, ни энергии жизни — ничего нет. Все хочется плакать, и жаль мне даже своей свободы, своего здоровья и своих друзей, которых теперь, если и придется видеть, то не так, как когда я одна и когда они мне всецело принадлежат. Один день страданий убил во мне все!

Стараюсь исполнять свой долг. Буду ухаживать за Л. Н., буду ему переписывать, буду служить его плотской любви, — в другую я уж не верю, а эта — вот-вот и ей конец. И что тогда?!?! Терпенье, вера, добрые люди.

4 декабря.

Вчера пролежала больная весь день. Не вынес организм неприятностей. Все перевернулось внутри: желчь поднялась, желудок расстроился, висок невралгией болел, тошнота. Так день из жизни вон.

Сегодня с утра ездил на похороны Саша Сафоновой. Бедная пятнадцатилетняя девочка, талантливая, горячая — умерла в страшных страданиях через три дня после умершей сестры, тоже девочки на семнадцатом году. На мать мучительно было смотреть. Осталось еще шестеро детей, но эти были старшие.

Дома уныло. Л. Н. недоброжелателен, своя жизнь с детьми, занятиями, музыкой, м о и м и друзьями — вся остановилась; три жизни же Л. Н., кроме тупой переписки и тяжелого, пнущего весь дом настроення, ничего пока нет.

5 декабря.

Все то же уныние, даже дети — внуки не развлекают. Заболел Миша — инфлуенция; но все страшно после Сафоновых девочек, и в докторов совсем перестаешь верить, их было так много там. — Приехал от Сережи духобор спрашивать совета у Л. Н., не ехать ли партии духоборов вместо Канады в Канзас, откуда прислан человек их звать туда. Л. Н. отсоветовал менять намерение и ехать все-таки в Канаду.

Был неприятный разговор: Соне (невестке) хотелось му-

зыку хорошую послушать. Я предложила позвать Лавровскую. Гольденвейзера, Танеева и устроить дома музыкальный вечер. Мы с Соней робко сказали Льву Николаевичу, что нам музыки хочется. Он сделал сердитое лицо, сказал: «Ну, так я уйду из дому». Я говорю: «Сохрани бог тебя так изгонять, лучше и надо и музыки». Он говорит: «Нет, это еще хуже, точно я мепшаю». Слово за слово, вышло очень тяжело, но о музыке, конечно, и думать нечего.

6 декабря.

Ездили с Соней, Сашей и внуками в театр: «Майская ночь» Римского-Корсакова. Не выдержан характер музыки: то лиризм, то речитативы, то русский или, вернее, малороссийский трепак, и ничто ничем не связано, и мало красивых мелодий. То, что интересно в новой музыке, сложность гармонии, как у Танеева,—этого нет, а что восхищает — богатство мелодий, тоже нет. В общем было скучно. Да и пустота в голове, не выдоровела еще я от душевного потрясения.

10 декабря.

Отношения с Л. Н. стали лучше, но я уж не верю в их чистоту и прочность. Переписываю следующие главы «Воскресения». Глаза болят, досугу совсем нет, а я все переписываю.

Ездила в банк с Андрюшей, передала ему все его дела и деньги. Подарила ему шубу, 2000 р. денег и заказала дюжину серебра для его невесты. — За все мои хлопоты и подарки не только он мне спасибо не сказал, но вид имел недовольный.

12 декабря.

Переписывала весь день. Вечер — квартетный концерт. Прелестно квартет Шумана. Слепота, жутко.

13 декабря.

Пригласила Лавровскую петь, Танеева играть и близких друзей слушать: Раевскую, Колокольцовых, дядю Костю, брата с женой, Масловых и пр. Играл С. И. прелестно, аккомпанировал тоже. Лавровская пела много и хорошо. Было бы очень приятно, даже весело, если б не чувствовался в Льве Николаевиче злобный протест всему задуманному мною развлечению.

14 декабря.

Писала, переписывая Льву Николаевичу, 7 часов, не сходя с места; отвечала его письма. Голова закружилась. Приехал

Н. Н. Ге. Лев Николаевич не весел и не приятен. Жалуется на боль в пояснице. Миша огорчает: все вечера и ночи пропадает по балам, день до трех спит, в лице не был.

15 декабря.

Весь день с артельщиком счеты и контроль книжной про-
дажи. В пять — с Сашей крестили мальчика Ден с волосиками
густыми. Потом посетители, баня. Вечером Л. Н. нам читал
вслух Легоме^а, перевод — плохо. Полная оттепель.

16 декабря.

Опять с утра счеты с артельщиком. Привела в большой
порядок все практические дела, ответила письма, все книги
счетные учла. Приехала Варя Нагорнова, я ей очень рада;
Н. Н. Ге тут, добрый, умный неудачник. Опять Л. Н. читал нам
Джером-Джерома вслух и так хохотал сам, как я давно не ви-
дала его смеющимися.

19 декабря.

Приехали с вечера в театре Корша, который должен был
считаться вечером чествования семидесятилетия Толстого.
Жалкий, неудачный вечер! Плохое пение, плохое чтение, пло-
хая музыка и отвратительные живые картины, в которых ни
правды, ни красоты, ни художества — ничего. Почему-то де-
лали страшные овации Михайловскому; потом начали кричать
Толстого, потом послать телеграмму... Все это пошло, казенно,
настоящего крика сердца толпы не чувствовалось. А сам Л. Н.
уехал сегодня один в Ясную Поляну с почтовым поездом. Ут-
ром он занимался, потом в час поел овсяный суп, попил кофе
и уехал, прося только Н. Н. Ге проводить его. Он заезжал на
Мясницкую по просьбе Трубецкого, чтоб мастер из Италии,
бронзовщик, мог бы поправить по натуре кое-что в бюсте Льва
Николаевича.

Была утром на репетиции симфонического, а вечером про-
слушала опять весь концерт, кроме симфонии Бородина.

Приехали Илюша и Андрюша. Андрюша огорченный та-
кой. Летом на Кавказе он легкомысленно сделал княжне Гурь-
ели предложение, а потом письменно отказался от него. Княж-
на эта стрелялась, теперь ее родные заступились за нее, и Ан-
дрюша боится дуэли или убийства. Все только горе с ними! Ми-
ша уехал в Орел и оттуда к Илье и в Ясную.

Княжна эта умерла¹.

¹ Эта фраза приписана позднее.

20 декабря.

Узнала, что участвующие во вчерашнем так называемом Толстовском вечере и Илья сын с ними поехали в Эрмитаж ужинать, т. е. пьянствовать — и это чтят Толстого! Безобразие возмутительное!

Ездил сегодня с Сашей в консерваторский концерт памяти Рубинштейна; вещей хороших исполнили мало; хороша, драматична ария из «Ифигении» Глюка. Шли славно домой пешком с Сашей, А. И. и С. И., бодро, весело, болтали, смеялись. Мягкий мокрый снежок, все бело, луна сквозь облака... так хорошо было! Я упала, но ничего...

Дома волнительные разговоры о том, что стрелялась княжна Гурьели, которой Андрияша на Кавказе делал предложение и потом отказал. Бойтся мести родственников кавказских.

23 декабря.

Выехали с Сашей и Соничкой в Ясную Поляну, Илья тоже ехал с нами. Дорогой тесно, Илюша юродствовал, шутил, всех смешил. В Ясенках Тania и Лева. Досада с уехавшим багажем; у Левы тяжелый и для него и для окружающих его характер, и он этого не замечает. — Ехали по воде, оттепель и мало снегу.

Дома Маша, худая, слабая, жалкая до слез. Коля при ней тоже жалкий. Тania бодрится, но не забыла еще своей несчастной любви и оттого тоже несчастная.

Л. Н. на этот раз тоже жалкий, потому что нездоров. Болит у него поясница и лихорадит его слегка. Приехала я бодрая, счастливая тем, что спокойно проживу в Ясной Поляне, в семье, без душевных тревог, без увлечений музыкой, не одиноко — приехала с радостным чувством, что буду со Львом Николаевичем, но так все угнетены, что сразу стало грустно. Растирала спину Льву Николаевичу, который меня ласкал.

24 декабря. Ясная Поляна.

Встала рано, опять растирала спину и поясницу Л. Н., дала ему пить Эмс; и опять моя близость его волновала. — Погода плохая, ветер, сыро, хотя 3 градуса мороза. Л. Н. бодрей и мог опять немного заниматься, а те дни ничего не писал, совсем ослабел и завял. Все говорят, что я необыкновенно моложава; и думаю, что я своим моложавым сожителем действую бодрящим образом на Л. Н. Без меня ему не пишется, он легко заблеивает, плохо спит и дряхлеет.

Сегодня он другой человек, и я ему это сказала, и он с улыбкой согласился. Мне здесь хорошо, только все мои не бодры;

боюсь, что на всех и против общей кислоты духа — одной моей бодрости нехватит. Ходила в тот дом к Доре и Леве и наслаждалась миленьким, симпатичным шестимесячным внуком — Левушкой. Ходила по саду с сентиментальным, как всегда, чувством к Ясной Поляне, к воспоминаниям молодости, да и последних годов, и с молитвенным настроением.

Последнее время я слаба духом, не готова ни к какому горю, ни к какому несчастью. В душе размягченность и жалость ко всем и всякому, виноватость и неспособность к протесту, к терпению, к спокойствию, и, главное, отсутствие религиозного настроения. Слишком переполнена душа чем-то другим.

Таня, Лева, Саша и Соня Колокольниковы ходили кататься на коньках. Весь пруд замерз без снега, и я жалею, что не взяла из Москвы свои коньки.

25 декабря. Рождество Ясная Поляна.

С утра все были в праздничном настроении: готовили подарки, раскладывали привезенные из Москвы угощения. Лучший момент дня был — моя прогулка по лесам, особенно хорошо в молодой елочной посадке. Три градуса мороза, тишина, и минутами выглядывало, наконец, пропавшее за всю осень солнце. Все покрыто выпавшим за ночь свежим, чистым снежком, молодые елочки, зеленые и тоже слегка запущенные снегом, на горизонте черная, широкая полоса замерзшего на зиму старого леса Засеки, и все тихо, строго, неподвижно, серьезно. Я глубоко наслаждалась; лучше всего — в природе и в искусстве. Как хорошо это знает С.И. — А в семье, на людях, столько ненужного раздражения, столько наболелого, злого...

Обедали семейно, хорошо, весело. М. А. Шмидт приехала. К пяти часам у Доры и Левы была елка, чай, угощение. Бедная Дора устала, но ей, девятнадцатилетней, почти девочке, необходимо праздник, и ей было все удачно и весело. Маленький внук Левушка пугался и удивлялся. Славный, симпатичный ребенок.

К восьми часам стало грустно: у Л. Н. поднялась температура до 38, и это всякий вечер было раньше, но только до 37 и 7, а сегодня хуже. Я советовала ему очистить желудок, так как у него запор, но он ремень не принял, а промывательное не подействовало. Все приуныли.

26 декабря.

Всю ночь у Л. Н. был жар. Он так вскрикивал, стонал и возился, что я ни одного часа не могла спать. Дуняшка говорит: «Ведь они очень уж нежны, не то что вы». Действительно, трудно встретить более нетерпеливого и эгоистичного больного.

А главное — упрямого. Вчера ревень не принял, сегодня принял в 11 часов. Теперь хиин от его лихорадки на полный желудок принимать нельзя, и вот опять на сутки затянется — и все из упрямства, нежелания послушаться меня и во-время принять слабительное. Ох, как надоело, как скучно и трудно поднимать всю энергию, чтоб опять убеждать, настаивать, сердиться, все с той же целью — спасти его же и помочь ему же, брюзжащему, сердящемуся, упрямому человеку, которому отдаешь всю свою жизнь, убивая в себе все личное — хотя бы простые потребности спокойствия, досуга для чтения, для музыки, не говоря уже о том, что я никогда нигде не была, ни за границей, ни по России.

Пришел какой-то тульский мастеровой, принес удивительную картину крестьянина-иконописца. Картина аршина в полтора, карандашом, изображает сидящего в середине Льва Николаевича; налево школа, дети; за ним ангел, выше — Христос на облаках, ангелы и дальше еще мудрецы: Сократ, Конфуций, Будда и пр. Направо церковь и перед ней виселица с повешенными. На первом плане архiereи, священники, камергер, тут же дальше на заднем плане военные пешком и верхом. Тысяч разных народностей, читающих книги, на самом первом плане почему-то турок в чалме читает большую книгу. Л. Н. непохож лицом, но похож общим типом. Сидит, поджав ногу.

Тяжелые рассказы о ясно-полянских мужиках: брат обокрал брата, вдова убила незаконного своего ребенка, отец просовал в тесную щель клетки своего малолетнего сына и велел ему красть и подавать себе вещи; в нашей библиотеке разбили рамы и ребята таскали книги. Все досадно, все больно. О, власть-тмы!

Слегка морозит. Тихо, спокойно, если б не люди и их пороки. Как я стала любить тишину, тихих людей, тихие отношения с ними!

Читаю чудесную книгу о буддизме под заглавием «The soul of a people». Какие прекрасные истины и простые встречаются в буддизме. Их как-будто и сам знаешь, но напоминание о них. Законим в выражении — все это восхитает душу.

Я только что писала, что люблю тишину, и вспомнила подчеркнутые в этой книге слова: «... the greatest good for your heart is to learn that beyond all this turmoil and fret is the great Peace»¹.

Письмо от Сережи, прекрасно описывающее отъезд духовоборов из Батума с Сулдержицким. 2000 человек уехали, и Сережа теперь тоже отъехал (была телеграмма) с 2000 духовоборами.

¹ Величайшее благо для вашего сердца состоит в знании того, что выше всей этой суеты и обмана есть великий покой.

все в Канаду. Страшно мне за Сережу, но хорошо его дело, — красиво, достойно, интересно. Какое безумное это дело правительств — выпустить такое прекрасное население с окраин России! И прекрасный, нравственно воспитанный народ, без ругани, без преступлений. Отъезд их имел характер чего-то страшного и торжественного, как пишет Сережа. Запели гимны, шаркод отчалил — и что ожидает это семитысячное население, поехавшее на двадцатипятисуточный переезд в неизвестные места, без языка, без лишних денег... Удивительная стойкость. Но вера ли это, в смысле религии?

Много, много гуляла; тишина и неподвижность в природе поразительные; легкий мороз, мало снегу, так что везде пройти по лесу можно, не только по полям. Прекрасно!

Приезжали вечером гости: Стаховичи Зося и Павлик, и С. Н. Глебова. Льву Николаевичу лучше, стало всем веселее.

27 декабря.

Утром гуляла, сидела с внуком Левушкой, немного переписывала дневники Л. Н. Выехали в пять в Гриневку к Илье: Тани, Саша, Соня Колокольцова и я. В Гриневке Миша худой, какой-то беспокойный и неясный. С Соней и Ильей хорошо, благодушно. Дети, кроме Анночки, спали.

28 декабря.

С утра все устраивали елку, дарили подарки, три внука здоровые, белокурые мальчишки — весело пока на них смотреть. Но внуки не те, что дети. Это все повторенье пережитых детских жизней, без непосредственной любви, заботы, мечты, искания своего и любимого мужа сходства. Мечты о будущем детей не сбываются, а пока они есть — хорошо.

Ходила много гулять, снег молодой, ночью выпавший, блестел по бесконечным полям на ярком солнце; тихо, чисто, хорошо. Ушла далеко одна и думала о всем том, что и кого люблю. На душе тоже чисто, спокойно и хорошо.

Вечером гости, великолепная елка (я все привезла из Москвы), соседи, дворовые, крестьяне. Песни, пляски, ряженые; нелепое представление «Царя Максимилиана и непокорного сына Адольфа». Саша и Анночка нарядились и под масками плясали. Саша толста, неграциозна, скучно на нее смотреть. Хорошо у Ильи то, что пускают в дом всех, веселись, кто хочет. Еды нанесли пропасть — ешь целый день и пей все гости. На ночлег принесли сена в контору и полшубков на пол, и все полегли спать. Гостеприимно, беспорядочно, добродушно и широко живут, но я бы так не могла.

Чудный день, густо покрыты все деревья и вся природа инеем, все бело, небо и земля слились в одно белое царство. — Много гуляла одна, дети на салазках катались с гор. Уехали в шесть часов, увезли Анночку внучку. В Ясную ехать было жутко от Ясенков; я отвыкла от зимней деревенской дороги; а из Гриневки до станции немного плутали и приехали опять к дому. — В Ясной хорошо, Л. Н. здоров и страстен.

30 декабря.

Метель с утра. Маша бедненькая бледна, худая и тихая; такая на вид нежная, и я в душе умилялась на нее и любила ее очень, глядя на нее. — Булыгин кричит о чем-то с Количкой Ге, что надо детей увезти воспитывать в Швейцарию; они народили незаконных детей, не крестили их, обоим около сорока лет, теперь не знают, как быть с детьми.

31 декабря.

Последний день года. Какой-то будет этот Новый год! С утра у Маши схватки. Ждем мучительно разрешения ее мертвым ребенком или выкидыша. Десятый час вечера; тут акушерка, и ждем доктора Руднева. В доме тихо и все в мучительном ожидании.

Без пяти минут двенадцать Маша разрешилась недоношенным, четырехмесячным сыном.

Все повеселели, встретили Новый год всей семьей, которая налицо, благодушно, спокойно. Прощай, старый год, давший мне много горя, но и радостей не мало. Привет тем, кто мне их дал.

1899

1 января.

Недовольна я началом года. Встали поздно; поехала с детьми: Сашей, Соней Колокольцовой и внуками Анночкой и Мишей на развальных в лес с фотографией. Очень было хорошо в лесу, и весело с детьми. Снимались, смеялись; сломалась оглобля, сильная Саша ее привязывала. Вернулись к обеду. Вечером пошли к Доре и Леве чай пить, там елку опять зажгли. Дома дети и прислуга обоих домов нарядились и плясали, сначала под плясовую на рояли, потом под две гармонии. Я ушла посидеть к Маше, потом проявляла фотографии. Шила блузу Льву Николаевичу.

К ужину собрались все; после играли в рубик, и Лев Николаевич, и все до одного принимали участие. Все это весело, но душа много просит и по другому тоскует — и это больно и жаль.

Опять оттепель, два градуса тепла, вьра, лужи и ветер.

Был Волхонский, женатый на Звегинцевой, Маша благополучна, слава богу. Лев Николаевич плохо работает, говорит, что потому, что запор и желудок плохо работает. Он всю жизнь всякое духовное настроение объясняет физическими причинами, и в себе, и во мне, и во всех.

4 января.

Вечером опять гости: Черкасских трое, Волхонских двое, Болдыревы — Мэри бесконечно мила. Гармонии, пляска, хор песен неудачный... Скука! В мои года и с моими требованиями духовными — все это тяжело. Жаждешь серьезных отношений с людьми, серьезной музыки — а уж никак не гармоний, которые я всегда ненавидела. — Противная старая княгиня Ч., старая грешница, не хотящая стариться. Разбудили с ней Машу, и у ней сделалась истерика. Ужасно досадно и жалко, я косвенно виновата, зашумела вместе с этой старой.

5 января.

Днем фотографией занималась, написала длинное письмо Сереже, о котором скучаю. Он теперь должен быть в Атлантическом океане.

6 января.

Уехала с Соней Колокольцовой в Москву.

7 января.

Весь день делала покупки и дела в Москве. В ночь уехала в Тулу. Читала вечером. «Начала жизни» Меншикова, о значении детских жизней.

8 января.

С утра в Туле одна, в номере Петербургской гостиницы. Уныло, и волновалась грустно о женитьбе Андрюши. Читала присланную Льву Николаевичу французскую брошюру об Авт. Конте — письмо к Э. Зола. Проповедь мира, братства, социологии.

Приехали сыновья! худенький Лева, напущенно веселый Илья, взволнованный Андрюша и совершенно дикий Миша, не получивший мундира, ищущий фрака, бестолковый, шумный и эгоистичный.

Благословляли мы с Ильей тут же в номере. Андриюша как во сне, растроганный, но не понимающий сам, почему он женится и как будет потом. Ольгу не пойму еще. Свадьба всегда страшна, таинственна и трогательна. Мне хотелось все время плакать.

Обед у Кунов, проводы на вокзале, все подпившие. Лев Николаевич в полушубке приехал верхом на тульский вокзал. Публика окружила нас: Толстой и свадьба. Очень любопытно для всякого. Провожали до Ясенок; ехали оттуда с Таней в пролетке. Немного мело, снегу мало, дунно. Дома у Маши головная боль, уныло. Милая Дора, худой и любимый мною Лева, вялый Коля, Количка Ге, смелая Маруся. Но ничего, хорошо. Приехали с нами Дитерихсы. Лев Николаевич стал любить свою знаменитость. На вокзале он смотрел на публику с удовольствием, я это заметила. Он здоров, но что-то холодно с ним.

9 января. Ясная Поляна.

Весь день укладка в Ясной Поляне, уборка дома. Сидела с Левушкой во флигеле, очень люблю я эту крошку.—Тепло, тает и дождь. Снег почти сошел. У Льва Николаевича болит поясница, растирала ему вечером усиленно. Все идет та же работа над «Воскресением». Маше лучше, пробовала вставать.

10 января.

Приехали скорым в Москву. Опять теснота в вагонах. Ехали: Лев Николаевич, я, Саша, Таня, Маруся Маклакова. Села к нам миленькая Мэри Болдырева (рожд. Черкасская). Очень дружно с Львом Николаевичем, просто, как я это люблю, без страха с моей стороны, без всяких придиорок и задних мыслей с его стороны. Если б всегда так было! В Москву он поехал по-видимому легко и даже охотно.

Читала дорогой комедию Зудермана «Тихий уголок». Нездоровится все время. Утомила меня дорога, укладка, раскладка, уборка дома, забота обо всех,—да и вообще вся жизнь последнего времени была лихорадочная и утомительная.

11 января.

Совсем расхворалась. Грипп, грудь все жжет, голова болит. У Льва Николаевича все болит поясница. Мы все так же дружны и спокойны.

Именины Тани. С 12 часов дня все гости, скучные, неинтересные. Шоколад, болтовня, бесконечное количество мальчиков — студентов, товарищей Миши и т. д. Здоровье все хуже. Ждала весь день С. И.—он не был; говорят, что он в Клину, занят с М. И. Чайковским постановкой балета П. И. Чайковского «Спящая красавица». Вечером Маша Колокольцева, Лиза Оболенская и пианист Игумнов, приехавший из Тифлиса. Он играл «Тарантеллу» и «Ноктюрн» Шопена, балладу Рубинштейна, Andante из сонаты Шуберта, Мендельсона что-то, но так вяло, что я не узнала его игры. Или я так была нездорова, что не могла слушать.

Льва Николаевича мало видела сегодня. Он много писал писем и занимался своим писанием. Все жалуется на поясницу, и я опять растирала его.

13 января.

Миша приехал, рассказывал, как вчера в Эрмитажке и у Яра пьяные студенты, судейские, старики — и всякий народ, празднующий Татьянин день (праздник университета), плясали двести человек трепака. Как не совестно! Половину дня пролежала.

14 января.

Льву Николаевичу хорошо и он пишет с утра, пьет чай и спокоен. Явился Александр Петрович и опять переписывает ему. Я рада, а то мне было бы слишком теперь трудно.

Прекрасно провели вечер: Лев Николаевич читал нам вслух два рассказа Чехова: «Душечка» и другой, забыла заглавие — о самоубийце, очерк скорей. Пришел Игумнов (пианист) и отлично играл, все больше Шопена: баркароллу, балладу, ноктюрн, мазурку. Лучшее всего исполнена была им прекрасная баркаролла.

15 января.

Вечером пришли: М. И. Чайковский, две англичанки, Накашидзе, Гольденвейзер, Померанцев, Танеев. Он долго о чем-то говорил с Львом Николаевичем, так и не знаю о чем. Потом Лев Николаевич опять прочел отлично всем «Душечку» Чехова, и все очень смеялись. С С. И. не пришлось говорить, да и не то, когда много народу. Лев Николаевич относился к нему хорошо, слава богу.

16 января.

Телеграмма от Суллержицкого, что он с духоворами благополучно прибыл в Канаду, что страна им понравилась и что их очень хорошо там приняли. Теперь Сережа наш должен прибыть туда через шесть дней. Жду его телеграммы с нетерпением, постоянно о нем думаю и даже гадаю.

Была сегодня с Чайковским на репетиции балета Чайковского «Спящая красавица». Премилая музыка, великолепно поставлено, но я устарела для балета и мне стало скучно, и я уехала.

17 января.

У Льва Николаевича был Мясоедов и смотритель тюремного замка в Бутырках, который дал ему очень много указаний по технической части тюремного дела, заключенных, их жизни и пр. — все это для «Воскресения».

18 января.

Вчера написала число, сегодня не стоит писать дневник. Вечером гости: Болдыревы, Гольденвейзер, Накашидзе и один интересный — Б. Н. Чичерин. Он нам читал свою статью о напрасно обвиненных двух стариках-хлыстах в его местности, и на суде из многочисленных свидетелей отклонили его одного, хотя не имели права, и старик обвиненный был на службе лесником у Б. Н. Чичерина. К Льву Николаевичу приходил массажист в 8 часов вечера, и Л. Н. совестно как-будто.

Опять приходил тюремный смотритель для сведений по тюрьме, пересыльных и пр.

19 января.

С утра дела: вносила за Илью деньги в банк, уплатила кое-что. Лев Николаевич бодр и разговаривает с тюремным надзирателем. Голова болит.

20 января.

Всю ночь не спала. Утром радостное известие — телеграмма от Сережи из Канады, что он благополучно прибыл с духоворами в Канаду, что умерло трое на корабле, один родился, и появилась оспа, вследствие чего карантин.

Была на периодической выставке картин: Трубецкого скульптурные вещи очень талантливы. Премии за декадентские картины меня возмутили. Прекрасные есть пейзажи, и два жен-

ских портрета хороши: Морозовой и Муромцевой. Еще цветы полевые — прелестны.

У Льва Николаевича были темные: Никифоров, Кутелева, акушерка, бывшая на голоде, какой-то Зонов, Ушаков...

21 января.

Была на бельгийской выставке. Все как-то холодно, ничего не забирает, мало чувства, мало красок, мало страсти. Я стала любить пейзажи. Люблю иностранные выставки потому, что я точно съезжу в ту страну, откуда картины: видишь костюмы, дома, нравы, работы, игры — не говорю уже о видах. Сегодня меня поразила замоч Валъзен на скале.

Вечером был Танеев и играл. Это для меня высшее счастье теперь. Превосходно он сыграл фугу Баха, полонез Шопена; потом Rondo Бетховена, два вальса Шопена, Impromptu.

Лев Николаевич ездил сегодня до обеда верхом, я очень беспокоилась, что он долго не возвращался. Вечером третий раз приходит массажист и делает ему массаж поясницы.

22 января.

Сделала сегодня семь визитов, а вечером опять гости и гости. Страшно утомлена. Заходила к С. И. поблагодарить за вчерашнее удовольствие и узнать о его пальцах, которые он вчера сильно повредил, играя нам.

Анненковы, молчаливый Ростовцев, милый Давыдов, жалкая Баратынская, студент Сухотин, Бутенев-рёге,—а вообще висок болит невыносимо, и потому скучно, и я вяла, и тоска страшная на душе.

От Андрюши доброе письмо, и Ольга приписывает. Пока они тихо счастливы. Что-то будет дальше!

С Львом Николаевичем весь день не приходится общаться. С утра он пишет, потом гуляет, вечером уходил к Мише в лицей, потом гости, как стена, нас вечно разъединяют, и это скучно. Миша скучает, не спит в лицее, и я боюсь, что он там не удержится.

23 января.

Тихо, уединенно проведенный день. И все успела: и почитать «Смерть и бессмертие в представлении греков», и поработать, и часа четыре на фортепиано поиграть, и с Львом Николаевичем посидеть, даже переписать ему немного с корректур поправленных. Весь вечер ни души не было, прелесть как хорошо! Таня возила Сашу на вечер танцевальный, и Миша ездил,—

Миша Мамонов, трогательный, умный мальчик; я люблю детей. Сама никогда не доросла до взрослых, и дети благодарные, незлобивые и любопытно-участливо смотрят на мир божий. Соня Мамонова гостит у нас, ее прекрасный характер и воспитание очень приятны в общении с ней.

24 января.

10 градусов мороза, ясно. Утром неудачные визиты, вечером толпа гостей: Нарышкины, Ермолова, кн. Голицына, гр. Солдугуб, Стахович. Олсуфьев, мальчики, Свербеева и пр.—30 человек всего. Я лежала от невралгии, и Таня меня подняла и позвала к гостям. Как-то, как-будто нечаянно, но очевидно Таня устроила этот вечер с Софией Мамоновой. Лев Николаевич все время присутствовал, читал дамам вслух Чехова «Душечку», разговаривал оживленно со всеми. Потом Гольденвейзер играл сонату Моцарта и кое-что Шопена. Легли поздно, Миша меня позвал разговаривать о том, в силах ли он будет выдержать жизнь в лицейском пансионе. Я уверена, что он уйдет.

25 января.

Весь день просидела дома. Но все посетители мешали делать что-либо. Пришли братья Олсуфьевы, читали «Воскресение», пили чай. Потом обедал Стахович. Он что-то мрачен. Таня ездила с Треповой смотреть «Чайку» Чехова.

Боттала с девочками Толстыми, играла днем одна, вечером с Сащей, потом с Таней с фисгармонией. Был Б. Н. Чичерин и Страхов. Льву Николаевичу опять делали массаж; захал доктор Усов его навестить. Пояснице легче, сам Л. Н. суетился очень, чтоб послать к своему «Воскресению» эпитафии из Евангелия и просил меня написать об этом Марксу, в редакцию «Нивы».

Ветер, мороз, костры на улице. Сегодня, сидя за обедом, упрекала себя, что не умею быть вполне счастлива. Был сегодня горячий разговор. Лев Николаевич говорил, что дорого иметь принципы и совершенствоваться духовно, а что поступки при этом могут быть слабые, вытекающие из страстей людских. А я говорила, что если можно при принципах грешить и падать нравственно, то на что мне их ставить вперед. Лучше без принципов иметь правильное внутреннее чувство, направляющее всегда волю в сторону того, что хорошо.

Лев Николаевич говорил, что совершенствование духовное само приведет человека к хорошей жизни. А я говорила, что пока он себя совершенствует, он двадцать раз и больше поступит дурно. Лучше сразу знать, что хорошо, что дурно, и не тре-

пить, не дожидаясь какого-то особенного совершенствования. Только очень порочным людям нужен этот долгий путь, а кто не порочен, тому легче, проще просто не падать и не грешить.

Второй час ночи. Лев Николаевич зачем-то сейчас посылал к Маклакову и велел разогреть себе поесть. Сколько он всегда суесть вносит в жизнь, и сам того не замечает.

26 января.

Переписывала поправленные корректуры «Воскресения» для Льва Николаевича, и мне был противен умышленный цинизм в описании православной службы. Например, что «священник протянул народу золоченое изображение креста, на котором вместо виселицы был камен Иисус Христос». Причастие он называет крошкой в чашке. Все это задор, цинизм, грубое дразнение тех, кто в это верит, и мне это противно.

29 января.

Те дни не помню: делали визиты с Таней, немного играла, тоска и работа о всех отсутствующих детях. Сегодня кроила, пила, очень устала. Думала о Сереже сыне и вспомнила, как он сочинил и мне играл свой романс «Мы встретились вновь после долгой разлуки...» и кончается строфа: «мы жали друг другу холодные руки, и плакали, плакали мы...» Знаю я, что он свое душевное состояние выразил и выплакал в этом романсе. Он человек, но глубок в своих чувствах, да и во всех своих способностях. Он не умел воспользоваться своими качествами. Мы, женщины, любим иногда и с мужьями играть в роман. Сентиментально погулять, пойти куда-нибудь, просто даже быть ласкаемыми духовно. Но этого от Толстых не дождешься. Сколько раз, когда сама чувствуешь прилив душевной нежности к мужу, — если, сохрани бог, ему это выразить, то он даст такой брезгливый отпор, что и стыдно и грустно станет за свое чувство. И сам ласкает только тогда, когда в нем проснется нежность, — но не та, увы!

Утром была на репетиции, нашла удовольствие в пении Лавровской Баха. Она поет хорошо, и так мне по настроению было ее серьезное, немного мрачное пение, в пустой зале, никто ее ничто не нарушало моего молчаливого одиночества.

Вечером Лев Николаевич пошел с Дунаевым в баню, а я пошла к Масловым и часок посидела с Варварой Ивановной и Юлией Афанасьевной. Это мои две любимицы в их семье, участливые, добрые и умные.

С утра все шло: сначала кушак кучеру, потом себе юбку шелковую на машине. У Льва Николаевича был старик Солдатенков, привез ему денег 5 000 рублей серебром для духовоборов. Мне очень не нравится это выпрашивание денег у богатых людей после того, как Л. Н. написал отрицательную статью о деньгах, считая их злом и отрекаясь от них. Это все равно, что теперь, из духа противоречия, он бранит музыку, а М. И. Чайковский говорил мне, что есть письмо Льва Николаевича к Петру Ильичу Чайковскому, в котором он пишет, что признает музыку высшим искусством и дает ей в мире искусства п е р в о е место.

Я часто про себя думаю: как не стыдно Льву Николаевичу всю жизнь проводить в крайних противоречиях. [...] Все идейно и все с целью. Главная же цель все описать, как и летом, статья о голоде, превосходная. И, может быть, он и прав, всякому свой путь и свое дело.

Была на-днях в лицее, говорила с директором. Этот прекрасный человек (Георгиевский) относится к Мише лучше отца. Миша в хорошем настроении, но из пансиона опять вышел, приходящим, но принялся учиться. 12 градусов мороза, ясно, красиво, иней в саду на деревьях.

Вечером завезла Мишу Мамонова в лицей и довольно неохотно поехала в симфонический концерт. Впечатление же и удовольствие от него было неожиданно очень большое. Это было пятисотое симфоническое собрание, играли то же, что в первом, при открытии этих симфонических концертов, под управлением Н. Рубинштейна. Четвертая симфония Бетховена и кантата Баха меня всю охватили и привели в восторг. С радостью я почувствовала, что, помимо всяких соображений, всяких человеческих влияний и отношений, музыка сама по себе, девственно и чисто, доставляет мне духовное наслаждение.

31 января.

С утра гости. Савва Морозов с женой приезжал, Лев Николаевич продолжает, к моему неудовольствию, выпрашивать деньги духовоборам у богатых кушцов.

1 февраля.

Лев Николаевич жалуется на поясницу, он, вопреки приказанию доктора, ездил опять верхом к Русанову и повредил больному органу. Обедал Юнге, дядя Костя. Вечером пришли Дунаев, Алмазов, студент Струменский, и опять все разговоры: о разоружении, о том, что искренен ли был государь, говоря

о мире, о марксизме, о музыке. Я не скучала, говорили интересно и без раздражения. Е. Ф. Юнге — умная, талантливая, всем интересующаяся женщина.

2 февраля.

Днем каталась на коньках с Сашей, Марусей и знакомыми. Как мне было легко и весело кататься! Обедали без Льва Николаевича, он теперь всегда опаздывает и обедает один. После обеда я села шить, позвала Льва Николаевича со мной посидеть, он сказал, что пойдет к себе читать. Мне почему-то стало ужасно грустно, и я заплакала. В сущности никто так не одинок, как я. С утра одна, обедаю одна, вечер одна. Поневоле будешь уходить в концерт и общаться с людьми, которые хоть поговорят серьезно и участливо со мной.

Почувствовал ли Л. Н. мое огорченное сердце, не знаю, но он скоро сошел ко мне, но у меня сидела Анненкова.

Чудесный концерт чехов.

3 февраля.

Много ходила без толку, с тревогой в душе. К обеду радость — получено письмо от Сережи из Канады. У них на пароходе оказалась оспа; дукоборов с Сережей ссадили на 19 дней на маленький остров и карантин теперь. О себе мало он пишет; но видно устал, утомлен от роли переводчика, от морской болезни, заботы и пр.

Вечером экстренное симфоническое, знаменитый и крайне противный пианист Падеревский. Был С. И. Прочла Микулич (Веселитской) «Встреча с знаменитостью», воспоминания ее о Достоевском, и очень хорошо.

4 февраля.

С утра суета: заехала милая Маня Стахович, потом пришла с фотографией А. И. Маслово, снимала картинки евангельского содержания, которые нам принес Бутенев, какого-то князя Гагарина иллюстрация Евангелия, очень хорошая. Потом долго возилась с испорченным аппаратом, снимала Аину Ивановну; тепло, вода, 4 градуса тепла, мы снимали в саду, на воздухе.

Пришла Маруся, переписывала Льву Николаевичу. Митша дома, говорил о тошноте, в лицей не пошел. Обедали Анненкова и Сергеевко. Поехала вечером опять чехов слушать. Прекрасно играли, но хорош был только квартет Бетховена. Встретились с С. И., где шубы снимают. Неприятный разговор о том, что вчера вечером он шел, потом ехал с М. Н. Муромцевой, и рассказ об этом с каким-то глупым смехом. Меня взорвало:

какое мне до этого дело! Я очень была строга и брезглива к ним, и он это понял, сконфузился и ушел. А что-то екнуло в сердце, и это досадно, досадно на себя.

Дома застала Льва Николаевича стоящим у стола чайного, длинного, в зале накрытого, и вдруг приехавших из Самарской губернии молокан. Дунаев, Ашненкова, Горбунов, Накашидзе, еще крестьянин какой-то, все пили чай, и Лев Николаевич что-то толковал им об Евангелии Иоанна, и до меня шла беседа религиозная.

Не понимаю религиозных разговоров; они нарушают мое высокое, не выразимое никакими словами отношение к богу. Как нет определенного понятия о вечности, о беспредельности, о будущей жизни,— этого не расскажешь никакими словами,— так нет и слов для выражения моего отношения, моих чувств к отвлеченному, неопределимому, беспредельному божеству и вечной моей жизни в боге.

А церковь, а обряды, образа — все это мне не мешает; это то, среди чего я с детства привычна вращаться, когда душа моя настроена к богу, и мне бывает хорошо и в церкви, и во время говенья, и я люблю маленький образок Иверской божьей матери, который всегда висит над моей кроватью и которым так любил Татьяна Александровна благословила Льва Николаевича, когда он ехал на войну.

Молокане почуют у нас, и мне неприятно.

5 февраля.

Скучнейший концерт Падеревского, утром визиты, фотография Анны Ивановны Масловой. Разговор интересный с Сафоновым и Скрябинным о музыке. Мучительная тоска весь день; не могу примириться с тем разрывом, который я сама устроила с С. И. Не спала всю ночь.

7 — 27 февраля.

Двадцать дней я не писала дневника, и как всегда это бывает, тут-то и было много событий, впечатлений и значительных минут. 7-го утром получила из Киева от Веры Кузминской телеграмму: «Воспаление легких, мама плоха». В понедельник утром я уехала в Киев. А в воскресенье Гольденвейзер, Алмазов и Сац играли 3-е трио Бетховена, сонату Грига, молодая Вера Алмазова пела, была Л. И. Веселитская, Анненкова и вообще гости, что было крайне тяжело. В Киеве застала сестру Таню с ползучим воспалением обоих легких, слабую, с воспаленным лицом, красивую, страдающую и обрадованную мне. Описывать ее болезнь, мое влияние духовное на нее, мож

чувства ужаса потерять лучшего друга и мое открытие неожиданное, что такое смерть? Все это я не буду. Верно описать свои чувства и мысли — можно только непосредственно, и это написано в моих письмах.

Вернулась я в Москву 19-го. Заезжала в Ясную Поляну взглянуть в Левино симпатичное мне гнездышко с Дорой и Левушкой, и взглянуть на Ясную Поляну, всегда мне дорогую и красивую.

В Москве застала всех здоровыми. Лев Николаевич сейчас же до слез оторчил меня, сказав: «Вот хорошо, ты приехала. я теперь поеду к Олсуфьевым». Усталая и измученная киевской поездкой, я не удержалась и расплакалась.—«А я-то радовалась пожить с тобой теперь спокойно!» Он испугался моим слезам и стал говорить, что ему, разумеется, тоже радостно быть со мной, что он не уедет, и пока не уехал. Таня дочь жалка мне до боли. Все сприндует свой нос через пробитое отверстие выдернутых зубов. Это угнетает ее дух. От Сережи интересные письма о жизни с духоберами в карантине. Еще их не пустили в Канаду.

Живет у нас художник, ничтожный французик, совершенно бесполезный; пустили его жить без меня. Фамилия его m-g Sinet.

Видела С. И. у Масловых случайно. С ним опять дружно и хорошо.

10 марта.

И опять давно не писала. 28 февраля я заболела инфлуэнцей, слегла в постель и пролежала восемь дней. Болезнь осложнилась воспалением верхушки левого легкого.

Что было интересного — кажется, ничего. В три часа ночи раз Левочка побегал сам за доктором П. С. Усовым. У меня был очень сильный жар, и я задыхалась. И мне приятно было, что Левочка испугался и дорожит мною.—Саша была неловко заботлива и нежна. Маруся Маклакова ловко, решительно и самоотверженно ходила за мной и ночевала две ночи.

Лев Николаевич ежедневно ездит на Мясницкую в мастерскую Трубецкого, который одновременно лепит его и верхом на чужой лошади и маленькую статуетку. Это утомительно, и я удивляюсь, что он соглашается позировать.— По утрам все пишет свое «Воскресение». Он здоров и бодр; все так же упрямо и молча ест свой завтрак один, в два часа, и обед тоже один, около 6½ часов и даже в 7. Мы его никогда не видим, повар улавливает моменты, когда графу кушать подать, и люди никогда не знают покоя и досуга.

Приходили сегодня три барышки, желающие ехать помогать лично голодающим в Самарской губернии, и Лев Николаевич им дал письмо к Пругавину. Была из Виннипега телеграмма от Сережи, просящего денег для духоборов в Канаде. А Лев Николаевич деньги пожертвованные послал уже Черткову для переселения кипрских духоборов, тоже в Канаду. Мои все симпатии на стороне голодных русских и казанских татар, умирающих от цынги, голода, пухнувших и страдающих; им бы надо побольше помощи, а не духоборам, которые сами себе сделали трудной жизнь.

11 марта — по 21 июня.

11 марта обморок в симфоническом концерте. Слегла до 8 апреля. И потом все ложилась и была долго слаба. Собственно здорова я и не была с самого приезда из Киева. 27 февраля совсем свалилась инфлуэнцой, потом через силу ходила и опять слегла.

21 июля.

Три почти месяца не писала дневника. Я не жила это время, я болела и душой и телом. Доктора говорили про ослабление деятельности сердца; пульс иногда был в минуту 48, я угасала и чувствовала тихую радость от этого медленного ухождения из жизни. Много было любви, участия ко мне всей семьи и друзей, и знакомых во время моей болезни. Но я не умерла: бог велел еще жить. Для чего?.. Посмотрим.

Вспоминаю, что было значительного во все эти три месяца? Да ничего особенного. Сережа благополучно вернулся из Канады, и это была радость. Было чудесных три концерта под управлением Никитина, [дирижера] филармонического берлинского концерта — и это было огромное удовольствие.

14 мая Лев Николаевич переехал в деревню, то-есть поехал с Таней в Пирогово, а 19-го в Ясную. Я с Сашей переехала в Ясную Поляну 18 мая. 20 мая уехала в Вену бедная Таня с Марусей; в Вене Нажек ей делал операцию, она очень страдала, а я о ней вдвое.

30 мая уехал Лева с Дорой и Левушкой в Швецию. Живем в Ясной с Андрюшей и его женой Ольгой; с Сашей и мисс Вельш; Ник. Ник. Ге, который непрерывно переписывает для Льва Николаевича «Воскресение», и Мишей с его учителем, студентом-мальчиком, по фамилии Архангельский.

Заезжал из Москвы С. И. и Лавровская. С. И. играл мою любимую сонату Бетховена, D-moll, и ноктюрн Шопена с шестью диэзами — все подобрал мое любимое, — и еще кое-что;

а на другой день свой новый квартет, и интересно его растолковывал сыну моему Сереже. Только и было радости.

А потом заболел Лев Николаевич желудком, очень страдал целый день, 14 июня, и до сих пор не справится.

Холодное, дождливое лето.

Лев Николаевич очень однообразно живет, работая по утрам над «Воскресением», посылая готовое к Марксу в «Ниву», поправляя то корректуры, то рукопись. Он пьет Эмс, худ, тих и постарел в нынешнем году.

Отношения наши очень хорошие: тихие, участливые друг к другу, без упреков, без придирок,— если б всегда они были таковы! Хотя иногда мне грустна некоторая чуждость и безучастие.

Вчера было мне тяжелое впечатление от следующего события: Лев Николаевич отдал одному самоучке крестьянину переплести книги. В одной из них оказалось забытое письмо. Смотрю, на конверте синем рукою Л. Н. написано что-то, а конверт запечатан. Читаю и ужасаюсь: он пишет на конверте ко мне, что он решил лишиться себя жизни, потому что видит, что я его не люблю, что я люблю другого, что он этого пережить не может... Я хотела открыть конверт и прочесть письмо, он его силой вырвал у меня из рук и разорвал в мелкие куски.

Оказалось, что он ревновал меня к Т... до такого безумия, что хотел убить себя. Бедный, милый! Разве я могла любить кого-нибудь больше его? И сколько я пережила этой безумной ревности в своей жизни! Сколького я лишилась из-за нее! И отношений с лучшими людьми, и путешествий, и развития, и всего, что интересно, дорого и содержательно.

Третьего дня опять был обморок. Жду и приветствую тебя, смерть,— не чувствую в ней никакого предела. Жду ее, как смену одного момента (наша земная жизнь) вечности на другой; и этот другой л ю б о п ы т е н, как сказал мне мой друг.

Душа моя изболела от раздвоения. В ней столько накопилось тоски, раскаяния и желанья любви и жизни другой, что выдержать долго такое напряжение трудно.

«Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне».

Жарко, сегодня купалась в первый раз.

26 июня.

Еще одно предостережение. Вчера несколько раз меня душило, и к вечеру и ночи такой сделался припадок задушения, что с трудом выносила страдания. Главное, жутко и независимо от себя бурные явления икоты, зевоты, давишься, хватаешь воздух,—а дыханья нет и нет. Потом прошло. Причин было до-

вольно: письмо о самоубийстве Льва Николаевича, Миша третьего дня вечером пазлил целый поток упреков за несочувствие ему и непонимание его.

Все, что у меня было любви материнской, энергии, умения — все я употребила, и ничего не сделала. Видно, и не сумела, а не хотела.

И то, что я не умела воспитать детей (выпехши замуж девочкой и запертая на 18 лет в деревне), меня часто мучает.

Вчера, играя «Вариации» Бетховена, я вспомнила, как Андриуша на-днях полусхута сказал: «Мама, поучи меня музыке, опять подзатыльнички будешь давать»... И вспомнив это, мне стало невыносимо грустно. Теперь, если б у меня были дети, и не могла бы их пальцем тронуть, так и умиляюсь детьми; а молодая я преследовала цель, дети были и ленивы и упрямы, с ними трудно было, а так хотелось всему и побольше их научить, а дела всякого много, время идет даром, все это волновало, и я теряла терпенье и хлопала их, хоть слетка — мать вреда и боли большой никогда не причинит, — но все же они это только и помнят, и мне захотелось вдруг сказать: «Простите меня, мои дети, я жалею, что хлопала вас по вашим нежным детским затылочкам; теперь я не могла бы этого делать, да поздно!»

Собираюсь сегодня к старшим сыновьям и к внукам. Если в дороге умру — опять приветствую тебя, смерть, я совсем готова к ней. А что-то меня заткнуло, дыханья нет совсем и жутко только физически.

Лев Николаевич загнулся на месте суда в Сенате в своем «Воскресении» и очень желал бы кого-нибудь расспросить о заседаниях в Сенате, и шутя всем говорит: «найдите мне сенатора». Льва Николаевича точно нет: он живет один, весь в своем деле. Гуляет один, сидит один, приходит в половине обеда или ужина только поесть и опять исчезает. Видно все время, что работает мысль; и это его стало очень утомлять. Он переработал, и я ему советовала сделать перерыв. Хотя его желудочное здоровье лучше, но он очень похудел, одряхлел и ослаб за эту болезнь. Пьет Эмс и все трет себе живот, помещался на массаже; и, действительно, это вызывает отделение огромного скопления газов. Вчера он в первый раз купался.

4 октября.

Рожденье Таня, она поехала вчера в Москву, куда проехал и Сухотин, и опять она хочет решить окончательно: выйти или не выйти за него замуж. Бедная! прожила до 35 лет, блестящая, умная, любимая всеми, талантливая, веселая — и не нашла

счастья. Очень она стала жалка: худая, бледная, нервная. В Вене лечение ее не принесло, по-моему, никаких результатов. Все опять приходится промывать через зубное отверстие в нос и лоб, и общее состояние плохо.

Живут у нас уже более двух недель внуки Ильичи, и мы на них радуемся и умиляемся. Да, внуки милые, — но это не свои дети! Не поднимается уже в сердце та материнская, бо́льшая любовь, как не зацветет вторично в лето яблоня.

Была два раза в Москве; в первый раз учительвала с Н. Н. Ге артельщика, прокравшегося в 6 000 рублей. Во второй раз хлопотала об определении Миши в Сумской полк. Была у великого князя Сергея Александровича, просила принять Мишу сверх вакансий. Он был изысканно вежлив и любезен, и несмотря на незаконность этого зачисления Мишу приняли в Сумской полк.

С артельщиком учет был нравственно очень тяжел. Надо было поступить и по-христиански, и по справедливости, и не подорвав хороших и вместе авторитетных отношений. И бог помог мне в этом.

Видела часто С. И. Наши отношения доверчивой дружбы, кажется, твердо установились. Лев Николаевич же ревновать перестал. Какие романы в наши годы?! Смешно.

Думала зимовать в Ясной, если б Мишу не приняли в полк, стоящий в Москве; теперь же не решаюсь его покинуть, и опять буду жить в Москве. Лев Николаевич говорит, что ему все равно, где жить. Надеюсь, что он искренен.

Его жизнь все так же однообразна; утром пишет, в два обеда, потом спит, гуляет или верхом едет, вечером читает. Здоровье его лучше.

11 октября.

Еще прошло несколько занятых, однообразных дней в Ясной Поляне. Было одно письмо от Тани; пишет, что она спокойна и счастлива, сознавая, что отдает себя в хорошие руки. Значит, она решилась выйти замуж за Сухотина.

Третьего дня вечером Лев Николаевич ушел гулять, не сказав мне ни куда, ни как. Я думала, что он уехал верхом, а эти дни у него кашель и насморк. Поднялась буря со снегом и дождем; свало крыши, деревья, дрожали рамы, мрак — луна еще не взошла, — его все нет. Вышла я на крыльцо, стояла на террасе, все ждала его с такой спазмой в горле и замиранием сердца, как в молодые годы, когда, бывало, часами в болезненной тревоге беспокойства ждешь его с охоты. Наконец он вернулся, усталый, потный, с прогулки дальней. По грязи идти было тяжело, он устал, но храбрился. Я тут разразилась и слезами и

упреками, что он себя не бережет, что мог бы мне сказать, что ушел и куда ушел. И на все мои слова горячие и любящие он с иронией говорил: «Ну, что ж, что я ушел, я не мальчик, чтоб тебе сказываться». — «Да ведь ты нездоров». — «Так мне от воздуха только лучше будет». — «Да ведь дождь, снег, буря...» — «И всегда бывает и дождь, и ветер...»

Мне стало и больно и досадно. Столько любви и заботы я даю ему, и такой холод в его душе! А вчера безумно целовал, говоря, что всегда любитесь красотой моего тела.

Живу так: утром работа, письма. От 12 до 2 позирую для моего портрета, который очень грубо и плохо пишет Игумнова. После обеда гуляю или копирую фотографии; учу Саму по-лемки через день. Потом играю, и вечером переписываем с Ольгой ежедневно для Льва Николаевича «Воскресение». Вчера играли с Ольгой в четыре руки 5-ю и 8-ю симфонии Бетховена. Что за красота, богатство звуков! Я была вполне счастлива и спокойна после музыки.

Осень грязная, холодная. Собираюсь в Москву.

31 декабря.

Последний день грустного года! Что-то принесет новый?

14 ноября вышла замуж ниша Таня за Михаила Сергеевича Сухотина. Надо было этого ожидать. Так и чувствовалось, что она все исчерпала и отжила свою девичью жизнь.

Событие это вызвало в нас, родителях, такую сердечную боль, какой мы не испытывали со смерти Ваночки. Все наружное спокойствие Льва Николаевича исчезло; прощаясь с Таней, когда она, сама измученная и огорченная, в простом сереньком платье и шляпе, пошла наверх, перед тем как ей идти в церковь, — Лев Николаевич так рыдал, как-будто прощался со всем, что у него было самого дорогого в жизни.

Мы с ним в церковь не пошли, но и вместе не могли быть. Проводив Таню, я пошла в ее опустевшую комнатку и так рыдала, пришла в такое отчаяние, в каком не была со смерти Ваночки.

Гостей никого почти не было: свои дети, кроме Левы и Маши, его дети: два сына, и еще кое-кто.

Так как не нашли спального помещения в вагонах, то нельзя было Тане и Сухотину ехать в тот же день за границу, и Таня осталась еще сутки в родительском доме, а Сухотин уехал ночевать к сестре.

На другой день мы их проводили в Венту, оттуда они переехали теперь в Рим. Счастлива ли она? Не пойму я из ее и длинных писем. Они больше описательные.

Лев Николаевич горевал и плакал по Тане ужасно и, наконец, заболел 21 ноября сильнейшими болями в желудке и печени, его рвало двадцать восемь часов так, что накопец с кровью, пульс упал на двое суток, температура была 35 и 5. Давали возбуждающие средства, вино, кофе, и кофеин обманом сыпали в кофе, гофманские капли и пр. Лечил милый, симпатичный Павел Сергеевич Усов, лечивший и меня прошлой весной. Описывать, как мы ходили за Львом Николаевичем, каких нравственных и физических трудов это мне стоило — теперь всего не опишешь. Трудно было нравственно. Избалованный лестью и восхищением всего мира, он принимал мои почти непосильные труды только за должное... Но не зная мести, о с т ь мужей нужна нам, женам, а их ласковая любовь.

Теперь уже почти шесть недель прошло, и Льву Николаевичу лучше. Но вряд ли он вполне оправится. Остались атония кишечника, больная печень и сильный катарр желудка.

Лечили его: Эмс, порошок Цериа, испучий порошок Боткина, кофеин, вино. Потом Киссинген Ракоччи. Да, еще я забыла: вначале три дня он пил Карлсбад, и дали раз (с большим трудом и слезами я добилась, чтоб он выпил) горькую воду, Франц-Иосиф. Наружно: клистиры с касторовым маслом и горячее прованское масло на живот.

Во все время болезни Льву Николаевичу большим отвлечением от горя служило мне рисование. Я никогда раньше не училась и не рисовала акварелью, а тут, по просьбе сына Ильи, скопировала ему с рисунков Сверчкова две лошади: Холстомер в молодости и Холстомер в старости. Вышло настолько удачно, что все меня преувеличенно хвалили, и я радовалась этому.

Душевно я много перестрадала. В первый раз в жизни и я с собою себе представила, что могу лишиться мужа и остаться совсем одинока на свете. И это доставило мне мучительную боль сердца. Если б постоянно об этом думать, можно опять самой заболеть.

Живут у нас Миша с Колей и Андрияша с Ольгой, которая беременна на пятом месяце и только что похоронила отца.

И с этой стороны одно горе: Андрияша грубо, деспотично и придирчиво обращается с этой милой, умной и кроткой Ольгой. Я не могу видеть ее страданий и ее несчастья; постоянно браню и упрекаю его, а он похож более на сумасшедшего, чем на нормального человека. У него тоже больная печень, и эта бедная женщина много еще пострадает от этой наследственно-несчастной больной печени; Лев Николаевич тоже ею страдал, а от него и я.

Живу изо дня в день; цели нет, нет и серьезности отношения к жизни, от которой страшно устала. Пишу длинный роман

и меня это интересует. Стараюсь, если не усладить, то не огривлять жизнь окружающих меня. Стараюсь вносить мир и любовь среди семьи и людей.

Слепнут и болят глаза. И в этом и во всем: да будет воля твоя!

1900

5 ноября.

Почти год не писала дневника. Пересчитывать события года — не буду. Самое тяжелое было — ослабление зрения. Сделался в левом глазу разрыв жилки и, как говорил глазной профессор, внутреннее кровоизлияние, почти микроскопическое. У меня постоянно перед левым глазом черное кольцо, ломота в глазу и зрение огуманивается. Случилось это 27 мая, и затем запрещение чтения, писания, работы и всякого напряжения. Тяжелые полгода бездействия, бесцельного лечения, отсутствие купанья, света, умственной жизни...

Играла мало, хозяйничала мучительно и много. Сажала яблони и деревья, смотрела с страданием на вечную борьбу за существование с народом, на их воровство и распушенность, на наше несправедливое, богатое существование и требование работы в дождь, холод, слякоть не только от взрослых, но и от детей за 15, иногда 10 коп. в день.

Переехала с Сашей в Москву 20 октября, бодрая, готовая на все хорошее, на общение с людьми, на радость видеть любимых людей и друзей. Теперь опять упала духом.

Лев Николаевич уехал из Ясной Поляны к дочери Тане, в Кочеты, 18 октября и вернулся от нее в Москву уже 3 ноября, конечно, больной. Дороги все замерзли после месяца дождя и слякоти, и езда сделалась невозможно тряска. Он шел пешком к станции, заблудившись, по незнакомой дороге, четыре часа под ряд, потный, потом сел на тряскую долгушу и так доехал до станции. Теперь опять боли в животе, усиленное растирание его, запор, клистиры и прочее.

И только и радости от его приезда. Он мрачен, мнительен, работать не мог все время с тех пор, как мы расстались. А до нашей разлуки как он был бодр, весел, энергичен, с какой радостью писал свою драму «Труп» и вообще работал.

Когда я встретила его на железной дороге, он на меня пристально посмотрел, а потом сказал: «Как ты хороша, я не ожидал, что ты так хороша!»

Вчера и сегодня приводил в порядок свои бумаги и книги. Приходили его друзья: Горбунов, Накашидзе, Буланже, Ду-

наев и пр. Затевают журнал с бездарными писателями в роде Черткова и Бирюкова, а Льва Николаевича будут тянуть за душу.

Была у Миши в новом его итменьи, и как-то жалко мне его было, так он по-детски, робко и неумело начинает жизнь. Была летом у Тани, осенью у Андриюши. Все начинают новые жизни. Сегодня с Сашей и Мишей Сухотиным были на репетиции «Ледяного дома» Корещенки. Была В. И. Маслова, Маклаковы, С. И. и пр. С С. И. что-то новое. Видимся редко, а встречаемся — как-будто не расставались.

На душе всю осень тоскливо, ни снега, ни солнца, ни радости жизни — точно спишь тяжелым сном. К чему-то проснешься,—к новым ли радостям, к смерти, или опять тяжелой горе разбудит унылую душу? Посмотрим...

Вечером готовила клистир с касторовым маслом и желтком для Льва Николаевича, пока он, разговорившись, внушал Гольденвейзеру, подобострастно слушавшему его, что в Европе высшие власти стали беззащитно смелы и наглы в своих распоряжениях и действиях.

6 ноября.

Встала рано, поехала в Крутицкие казармы хлопотать, по просьбе и слезами матери, о солдате Камолове, чтоб его оставили в Москве. Подъехала к большому зданию, на дворе рекруты молодые, их жены, матери — толпа людей. Спрашиваю у солдата, где воинский начальник? «Вон идет»,—показал мне солдат. И действительно, идут двое. Если б я две минуты опоздала, ничего бы нельзя сделать, а тут я передала просьбу, которую приняли очень любезно, и поехала хлопотать о гонораре автору за «Плоды просвещения». Эти деньги всегда шли или на голодающих или на пожары народные. Теперь туда же пойдут. Получила 1040 рублей за несколько лет.

Приехала домой усталая, села за счеты по изданиям. Помешали Е. П. Раевская, гимназист Окулов, просящий купить билеты на спектакль, племянник офицер Берс, потом Варя Нагорнова, которой я очень обрадовалась. Так и бросила свои дела. Вечером пришел Дунаев, Лев Николаевич сошел к нам вниз, посидел, поговорил. С Варей сыграли вторую симфонию Бетховена, Larghetto — прелесть! Когда я вышла в столовую, Александр Петрович, переписчик Льва Николаевича, стоит пьяный и бранится возле двери столовой. Я начала его тихо уговаривать, чтоб он шел спать, но он еще больше бранился, так что пришлось более энергично усмирять его. Это такое для меня нравственное страдание! Вообще вид пьяных пугал меня с детства, и до сих пор хочется всегда плакать, глядя на них. Лев

Николаевич их выносит легко, а в молодости, я помню, он потешался, глядя на пьяные выходы спящегося старого дворянина-монаха Восейкова, и заставлял его прыгать, болтать вздор, выдвигать разные штуки, над которыми смеялся.

И вот все впечатление бетховенской симфонии потонуло в впечатлении пьяного Александра Петровича.

12 ноября.

Утром пошла в свой приют, где я попечительницей, вникала сегодня особенно в типы детей, собранных кое-где на улицах, в кабаках, детей, случайно родившихся от потибиших девушек, от пьяниц, с врожденным идиотизмом, припадками, пороками, истеричных, ненормальных... И пришло мне в голову, что не так прекрасно то дело, в котором я участвую. Нужно ли было спасать и оберегать те жизни, которые в будущем ничего не обещают? А по уставу приюта мы должны их держать только до двенадцати лет.

Вернулась домой, невралгия замучила — то в одном месте, то в другом. Села учить пятую сонату Бетховена, помешал Глебов, дочь которого выходит замуж за Мишу. Потом Лавровская. Говорят, что она глупа, а я в ней вижу много хорошего, сердечного и артистического.

Приехал Сережа, сидит целыми днями, углубившись в шахматные задачи. Странно! Вечером с Сашей на «Плоды просвещения» в Малый театр. Не люблю комизма, не умею смеяться — это мой недостаток. Вернувшись, застала дома Игуменова, он играл, к сожалению, без меня, и милого доктора Усова, игравшего в шахматы с Львом Николаевичем.

Идет мокрый и обильный снег. Наконец!

Третьего дня, 10-го, был С. И. и играл свою симфонию в четыре руки с Гольденвейзером.

9-го были с Сашей, Варей Нагорновой и Мишей Сухотиным в концерте Тоньо и Ауэра.

Сегодня Лев Николаевич рассказывал, как он по случаю дурной дороги, уезжая от Таки из Кочетов, пошел пешком на станцию и заблудился, не зная дорог. Увидел мужиков и попросил его проводить, они боялись волков и не пошли, один согласился проводить до большой дороги, на которой нагнали уж его ехавшие на станцию Свербеевы и Сухотин. Но все-таки проплутал он часа четыре и вернулся в Москву совсем больной и разбитый.

Кроме того, прищемил палец в вагоне, ехав туда, и до сих пор ходит в клинику на перевязку, ноготь сошел и писать не мог три недели.

13 ноября.

Приехала Тania с мужем, была у Снегирева, который нашел ее беременностью вполне благополучной. Лев Николаевич, увидав Таню, до того обрадовался, что точно не верил своим глазам и все приговаривал: «Приехала? вот удивительно!»

Лев Николаевич, Михаил Сергеевич, Миша и Сережа уехали вечером в баню. Сидели с Таней, она стала чужда, вся ушла в матерьяльные заботы о сухотинской семье. Она сама нынче сказала: «Я стала совершенная Марфа».

Были еще молодые Маклаковы: Маша и Николай. Вечером Лев Николаевич играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем. А Сережа даже жалок: с утра молча сидит перед шахматной доской с серьезным лицом, решает задачи, и так до ночи.

У меня на душе все тоскливо, а в теле невралгические боли. Жить трудно, и очень: тот внутренний огонь, который мог бы еще подогревать жизнь, тот ее и пожирает, потому что приходится душить прорывающееся наружу пламя.

Лев Николаевич сегодня опять начал писать, первый день, что он мог работать. Пожил со мной, с моей о нем заботой и сразу и поздоровел и умственно просветлел.

15 ноября.

Нездоровится, насморк, ломота, голова болит. Сижу дома третий день. Сегодня часа три играла: Etudes «Auf Flügeln des Gesang's» Мендельсона, сонату Бетховена. Были гости весь день: Писаревы, Раевский и Цигер, Нарышкины брат с сестрой, Бутенев с дочерью, Маруся, Петровские, Дунаев, Булашке, Страхов, Горбунов... Тяжелая суতোлка при больной голове; забота о еде, разговоры.

Таню вижу мало, она вся в муже. Лев Николаевич не совсем здоров, живот болит и не обедает. И он, и я — мрачны. Он боится и недоволен, когда я выдаю С. И., а я скучаю и без него и без его музыки, и не хочу огорчать Льва Николаевича, но не могу и не скучать. Все это грустно и непоправимо.

20 ноября.

Вчера гости: один с острова Явы, говорят по-французски, другой с мыса Доброй Надежды, говорит по-английски. Рассказывал первый интересное то, что в столице Явы — электрическая конка, опера, высшие учебные заведения, а в провинции есть людоеды и настоящие идолопоклонники. Начитался этот малаец философских сочинений Льва Николаевича и приехал нарочно, чтоб его видеть и поговорить с ним.

Дом весь полон: приехала невестка Соня с двумя мальчиками, Андрюшей и Мишей, живет Тania с мужем и пасынком. Юл. Ив. Игумнова, Сережа, Миша. Вчера происходило два романа: Миша с Линой, которая вчера в первый раз провела у нас в доме весь день, милая, серьезная девушка; и Сапа, влюбленная в Юшу Нарышкина. К чему это поведет — совершенно неизвестно.

Я люблю, когда вокруг меня идет жизнь горячая, живая; но я уже не могу участвовать в ней, как прежде. Своя, кипучая, вечно сердечная жизнь во всех ее проявлениях и в отношениях и к семье и к посторонним лицам сожгла все мое сердце, и оно устало.

Навестила вчера больную Марусю, потолклась дома — послушала игру Гольденвейзера (соната «Apassionata» Бетховена, Шопена и пр.) с удовольствием, но легла с пустой душой, и все еще нездоровится. Лев Николаевич тоже кашляет и насморк; по вечерам увлекается шахматной игрой и целыми часами играет то с Мях. Серг., то с Сережей, с Гольденвейзером и пр.

21 ноября.

Утро, как всегда, суетливое. Была у Глебовых, Лина славная, милая.

Вечером Соня уехала с внуками в «Руслан и Людмила», и учила Е-дин-ный этюд Шопена и «Auf Flügeln des Gesang's» Мендельсона. Потом приехала Мартынова, пришел Гольденвейзер и Танеев.

Играли в четыре руки «Симфонию» Моцарта. Жаль, что С. И. не играл один. Лев Николаевич был очень разговорчив и хорош с С. И., и я радовалась. Люблю их обоих.

22 ноября.

Копировала фотографии, мерила платья, много ходила пешком. Зашла к С. И. посмотреть гимнастические эластичные приспособления. Он мне сыграл свои два вновь оконченные сочинения для хора. Сразу не разобралась в них, как всегда: один на слова Тютчева, другой на слова Хомякова «Звезды».

Как всегда, впечатление его *interieur'a* такое хорошее: сидит ученик, Жилиев, сосредоточенный, занятый корректурами нот, нянюшка спит в полутемной своей комнатке, и вышел ко мне ласковый, серьезный, спокойный С. И. Поговорили спокойно-серьезно; всем он так просто и ласково поинтересовался: и Тапей и Львом Николаевичем, которого нашел грустным и

похудевшим, и нашей жизнью суетливой, тревожащей меня и расстраивавшей мои нервы.

Вечером был Суворин с Оболенским, доктор Рахманов, которого Сухотины берут к себе в деревню. Говорил Суворин с Львом Николаевичем о том, как увеличилось число читающей публики и какой большой спрос на книги.

Приехала поздно Соня, болтали с Таней, Жули (Игуминой) и Соней и легли около двух часов ночи.

23 ноября.

Уехала сегодня Таня с мужем обратно домой, в деревню, с намерением приехать рожать в Москве. Расстались мы с ней во всяком случае до конца января, и если б не апатия, то разлука с ней слишком была бы опять болезненна. Уезжают и Сережа, и Миша, и завтра Соня с внуками.— И опять апатия такая, что никого не жаль, никому я особенно не рада, а вместе с тем постоянное чувство чего-то безвозвратно потерянного, беспомощное, пласивое состояние души, пустота, бессцельность существования и отсутствие близкого друга, отсутствие любви, заботы.

С трудом выпытываю и догадываюсь я, чем живет мой муж. Он не рассказывает мне больше никогда ни своих писаний, ни своих мыслей, он все меньше и меньше участвует в моей жизни.

24 ноября.

Сегодня с утра суета опять: Соня с внуками уезжала; приехал шумный мой брат Степа; Сережа меня упрекает, что я отказываюсь ехать к нотариусу именно нынче. Потом сошел Лев Николаевич усталый вниз завтракать, пришел тоже шумный Суллержидский, приехал Буренин. Говорили о театре, о современной литературе; хотелось вслушаться, но гул голосов вокруг — мешал.

Потом досада с дурно спитым платьем; потом визиты к именинницам Екатеринам. Ек. Мих. Давыдова — больна. Екат. Фед. Юнге плачет, что сына взяли на три года в солдаты. Екат. Адольф. Дунаева безнадежно оплакивает умершего любимого дсверя. У Екат. Петр. Ермоловой веселей: цветы, наряды дам, светский блеск. У родных Свербеевых и их окружающих благодушно, но пусто.

Вечером была у больной Маруси, а Лев Николаевич ходил на музыкальный вечер в дом сумасшедших. Мне часто его жалко: ему как-будто хочется иногда и музыки, и развлечения, а блуза и принципы мешают идти в концерт, театр или еще куда.

Позднее сидели дома, пили чай: Лев Николаевич, два моих брата, Сережа и я. Говорили о концерте в пользу приюта, я хотела бы сама прочесть отрывок из сочинений неизданных Льва Николаевича, но мои домашние против.

27 ноября.

Опять была больна: лежала весь день 25-го, вчера до трех часов лежала, едва встала, едва ходила, ни мысли, ни желаний, тоска... Вечером кн. Ширинский-Шихматов, секретарь «Нового Времени» Снесерев, Дунаев, еще кто-то. Говорили о собаках-лайках, о пожаре Мюра и Мерилиза, скучно! Лев Николаевич днем ходил к Чичерину, еще не оправившемуся от обжогов пожара, бывшего в его доме, в имении Караул. Уехал Сережа.

Сегодня мне немного легче, весь день считалась с артельщиком, контролировала его продажу книг, принимала отчеты по всему. Он хотел меня обмануть на 1 000 рублей, но я во-время это усмотрела. Помогали мне Мар. Вас. и Жули. Лев Николаевич все читает книги, посылаемые ему со всего мира, сам ничего не пишет, жалуется на вялость.

Вечером ездил с Дунаевым в баню на своей лошади; приехав, ужинал один, как всегда, с большим аппетитом; он весел, бодр духом, — отчасти от того, что так тиха и безжизненна я. Он не любит и всегда боится моего оживления.

Сегодня лежу еще в постели, слышу, гудит ветер и вдруг пропел петух. И ярко возникло в воспоминаниях утро Светло-Христова воскресенья в Ясной Поляне; я взглянула в окно, стоит петух красный на кучке соломы и поет. Я открыла форточку, вдали благовестили, и тогда никто у нас в доме не отрицал церкви, и никто не бранил и не осуждал православия, как вчера Лев Николаевич осуждал его, говоря с Ширинским-Шихматовым. Церковь — это та идея, которая хранит божество, призывая к содействию всех верующих в бога. Церковь создала своих отцов, молящихся, постящихся, взывающих к богу очищенной душой словами такой молитвы, как, например, «Господи, владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми, — дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне»...

30 ноября.

С утра ездила покупать внукам фуфайки, башмачки, шерсть на одеяла, Доре и Вареньке платья, дешевку — посуду. Крою второй день белье и все детское приданое Таниному будущему ребенку, и не весело, а страшно, и работа надоела.

Был секретарь приюта, что-то не ладится приют. Вчера мальчика привезли — не взяли по младости.

Была сегодня в квартетном. Бетховен все. У Льва Николаевича были гости. С князем Цертелевым он играл в шахматы, потом все его друзья: Дунаев, Буланже, Горбунов, студент Русаилов, художник Михайлов: Лев Николаевич им читал вслух статью крестынина Новикова. Он что-то слаб и говорит: «Надоело мне мое тело, пора от него избавиться». Нашлась пропадавшая собака Белка, и все радуются.

3 декабря.

Ничего не было особенного. Была в пятницу, 1-го на репетиции концерта Зилоти (дирижером), Шаляпина и Рахманинова; видела там С. И., какого-то странного, насмешливого и недоброго. Вчера был концерт, интересный по программе: увертюра «Ромео и Джульетта» Чайковского, его же элегия, концерт Рахманинова новый, исполненный автором на рояли, «Сон на Волге» Аренинского и прелестное пение Шаляпина, хотя выбор плохой песней.

Было жарко и скучно на хорах.

Лев Николаевич эти два дня немного бодрей, играл в шахматы с Гольденвейзером, который потом поиграл Шопена, хорошо, но безжизненно.

Был Зилоти, не играл, но интересно говорили с ним о дирижерстве, о музыке вообще, о музыке Рахманинова и Танеева, которого он, как и я, высоко ценит, как композитора и ученого (музыкально).

Хлопочу с приютом, но безуспешно. Была сегодня в приюте, и мне так стало жаль этих детей, в первый раз с тех пор, как я попечительницей. Хотелось бы сделать концерт, чтоб добыть денег, да трудно, опоздала, да и дело непривычное. Была у Стрекаловой, говорила с княжной Ливен о ее вчерашнем концерте, все допрашивала. Была у бедной, потухающей к этой земной жизни Е. П. Раевской, у Масловых, у Лавровской. Не играла почти, не работала, не читала.

Беспокоюсь о Сереже; его выбрали гласным, он хотел приехать 1-го и вот его нет. Был Миша и уехал к Илье на охоту за лосями.

4 декабря.

Лев Николаевич сегодня говорит, что стал пробуждаться к работе и чувствует себя лучше. Он шутя говорил, что из него выдыхается Пузин, и он умнеет. А Пузин — из дворян, барышняк лошадами, молодой неуч, живущий у Сухотиных. Лев Николаевич занимал его комнату и спал на его постели, когда

гостил у Сухотиных, и потом говорил, что душа Пузина вошла в него и что он не может работать и поглупел, как Пузин. Сегодня же это прошло. А просто пожил Лев Николаевич в привычной обстановке, с моими заботами, и ему стало опять хорошо и духом и телом.

Поздравляла именинниц — Варвар: сидела долго у Масловых, благодушно, ласково, интеллигентно, просто. Шоколад, угощение, гости. Пришел С. И. и сразу внес оживление.

Потом поехали к Сафоновой: купчихи, шаряды, поп, ненатуральный тон. А она сама проста и симпатична. Потом поехали к моей милой Варичке Нагорновой. Низменная среда, она как алмаз светится, жара, шум, теснота и старательные разговоры со стороны родственников жены ее сына.

Вечером поучила этюд Шопена, поиграла упражнения. Приехала Лина Глебова с матерью, Шаховской с разговорами о женском вопросе и малаец с англичанином. Очень озабочена концертом для приюта.

5 и 6 декабря.

Лев Николаевич пишет письмо государю с просьбой дать возможность женам духоборов, выселившихся с прочими в Канаду, соединиться с мужьями, сосланными в Якутск за отказ от воинской повинности. Лев Николаевич опять уныл, худ, в нем весу осталось только 4 пуда 13 фунтов, а какой был мощный человек!

Отдавала необходимые визиты, рассылала приглашения на заседание в моем приюте и просьбы об уплате членских взносов. Если бы было веселее на душе, энергичнее хлопотала бы о концерте, а руки так и опадают.

6-го собралась молодежь к Саше, и я им прочла отрывок повести, которую Лев Николаевич мне дал для концерта в пользу приюта. Большое было наслаждение читать, очень художественно, хотя мотивы повторялись много раз. Болтала слишком с молодым П. Волконским и раскаялась в этом.

7 декабря.

Позвали Льва Николаевича к Глебовым слушать концерт 23 балалаечников под управлением Андреева. Тут же в их оркестре желейки, гусли, вольники.

Прекрасно выходило, особенно русские песни; потом вальс «Wagun?» Шумана. Лев Николаевич изъявил желание послушать, и это было устроено для него. Милые дети Трубецкие. Вечером В. И. Маслова, Дунаев, Усов.

Вышла маленькая неприятность с Львом Николаевичем. Мы собирались провести праздники у Илюши, близко от Москвы, а Лев Николаевич заявил желание ехать в Пирогово, к Маше и брату. К Илье близко к Москве, я могла бы ухаживать, беречь Льва Николаевича. В Пирогове же — труппа. Сергей Николаевич, этот деспот и гордец, страдает ужасно. Льву Николаевичу его жалко, он будет страдать, глядя на брата: кроме того, утомление дороги, плохая пища, жизнь опять врознь со мной, без моих забот — все это меня огорчило, и я ему высказала, что он мне все праздники отравит, если уедет, что я не могу, да и совсем не желаю ехать в Пирогово, которое не люблю, а кочу ехать к внукам, к Илье, Андрюше, Леве.

Лев Николаевич упорно и холодно молчал. Это новая, убийственная манера. А я проплакала до четырех часов ночи, стараясь его не будить.

8 декабря.

Ездил исполнять поручения детей и в баню. Кучер на Кузнецком мосту круто повернул лошадь, опрокинул сани, сам слетел с козел и меня вывалил. Самое бойкое место: конки звенят, летят экипажи, толпа собралась вокруг меня. Ушибла локоть, ногу и спину, но, кажется, ничего. Льва Николаевича это взволновало, и я была рада. Шила ему ша больно палец лайковые пальцы, принесла наверх, он взял, притянул меня к себе и поцеловал с улыбкой. Как редко он теперь ласков! Но и на том спасибо.

Вечером гости: Гагарина, Гаяринова, Горбунов, Семенов — крестьянин-писатель, Мартынова. Лев Николаевич затеял разговор с Софьей Михайловной о детях вообще. Она их любит и идеализирует, а Лев Николаевич говорит, что и дети, и женщины эгоисты и что людей самоотверженных встретишь только среди мужчин. Мы, женщины, говорили, что только среди женщин есть самоотверженные, и спорили дурно.

10 декабря.

Заседание в приюте, лестное для меня тем, что все члены мне говорили, что я душа их общества, что со мной весело работать, что во всех их и возбуждаю энергию своим горячим отношением к делу.

А мне веселей всего было то, что когда показывали детей жене нашего благодетеля приютского — Цветкова, то самые маленькие вскакивали ко мне на руки и обнимали меня за шею и ласкали. Значит, я симпатична детям, и это мне дороже всего.

Вечером концерт. Играли антракт «Орестей» Танеева, вещь превосходная, играл оркестр Литвинова плохо. Собинев пел романс Юши Померанцева, посвященный мне. Домой ехала с С. И. опять случайно, мы встретились на лестнице и я его умоляла играть в моем концерте, но он отказывался и был, как всегда, эгоистичен, логичен и вполне прав в своих доводах.

«Я сочиняю теперь и играть не могу. Чтоб играть, надо два месяца учить вещь; детей ваших приютских мне совсем не жаль, а я должен убить два месяца времени, чтоб сыграть четверть часа». Вполне прав, а жаль, что никто не соглашается играть и петь.

Дома застала Глебову с дочерью, Лазурского, Гольденвейзера. Приехали сегодня добрый Илья с своими прибауточками вечными, ребячливый Миша с граммофоном, забавившим всех: противно-гнусящее повторение звуков. Приехал и Сережа, прекрасно сыграл вещь Грита и очень весь приятен. Лев Николаевич, к ужасу моему, видимо, стал стареть и слабеть; жалуется на желудок опять, устает от прогулок и уныл иногда просто физически.

Пропать поручений от Тани, свои дела и вообще суета близни. Завтра надо ехать в Ясную, не хочется и трудно; тоже все болит: рука, нога, спина.

17 декабря.

Вчера вечером вернулась из Ясной Поляны и странно утомилась и душой и телом. Застала внука Левушку в жару, Дору беспокойную и тоже нездоровую; Лева при мне уехал в Петербург, где купил дом, и очень грустно было видеть беспокойство матери над день и ночь стонущим и жалующимся ребенком.

Два дня уплачивала за прежние поденные работы, вписывала в книгу, проверяла счета. Потом ходила по хозяйству. Везде борьба с народом, воровство, столь справедливое со стороны бедствующего народа, а неприятно. Особенно досадно было, что грумантские мужики срубили березы на берегу пруда, где мы так часто делали пикники, пили чай и удили рыбу. Жалко было мужика, выдержавшего яблони у рити, он просил прощенья, а уже дело без меня передано уряднику.

Пробыла у Доры почти четыре дня, няньчила детей, но гяжело мне переживать свои старые впечатленья на внуках. Из Ясной поехала к Марии Алекс. Шмидт в Овсянниково и оттуда в Таптыково, на лошадях 20 верст, к Ольге. Морозный вечер, красный закат солнца, резко очерченная половина луны,

бесконечное снежное пространство, иней, все молчаливо, строго, холодно в природе и к ночи свирепый мороз в 24 градуса. Я очень озябла, было мрачно и одиноко на душе. Мар. Алекс. после болезни как будто тяготится своей трудовой жизнью. Молодой Абрикосов живет аскетом, непонятно зачем и для чего именно тут, в чужой деревне, без цели, без дела, работая какой-то рундук для мужика за деньги, когда у его отца кондитерские. богатое имение в Крыму и роскошь.

В Таптыкове застала Ольгу одну, Андриюша на волчьей охоте. Сидит, как птичка в клетке, одна с девочкой своей. Мне жаль ее стало. Ночевала, уехала на другой день; мороз все 24 градуса. Вагоны холодные, лежала, думала — и все не весело.

Дома, в Хамовниках, застала Льва Николаевича играющего с Сухотиным в шахматы, худого, нездорового на вид, и мне стало еще грустнее, и так жаль его. Сухотин уехал сегодня за границу с доктором и сыном, Таню оставил в деревне с его детьми.

23 декабря.

Прошло еще несколько тяжелых, напряженных дней. Болезнь Левушки оказалась туберкулезным воспалением мозга. Теперь он умирает, и еще одно милое существо, к которому я привязалась душой, уйдет из этой жизни. И этот ребенок по своему тонкому моральному складу был не для этого мира, как и мой Ваничка.

Лев Николаевич все осаждаем людьми. Вчера приехали пятнадцать американок и два американца смотреть знаменитого Толстого. Я их не видала, не до них было.

Еще приезжали молокане и сектанты, желающие переселиться в Канаду, по примеру духоборов, и обратились за советами к Льву Николаевичу. Эти толпы людей очень утомляют его, и он рад бывает, когда придут люди с его круга, как Бутенев, или когда кто-нибудь играет с ним в шахматы, как сегодня сын Илья и Вас. Маклаков.

Илья привез маленького внука Мишу, и мне это было приятно. Была Анна Ивановна и говорила мне, что С. И. во вторник, после урока, собирался ко мне, но прояскал книгу так долго, что опоздал и не мог прийти. Как это положе на него!

Умирает еще С. А. Философова, и Соня к ней уехала. Как стало жутко, как страшно всего! Смерть, горе, страдания со всех сторон!

6 января.

Кончила старый и начала новый год в большом горе. В день Рождества, 25 декабря, получила известие о смерти Левушки. скончавшегося накануне, в 9 часов вечера. Несмотря на недорозье, я тотчас же уложила наскоро вещи и уехала в Ясную. Проводил меня Илья. Приехала вечером, Дора бросилась в мои объятия с страшным рыданьем, Лева — худой, нервный, обвиняющий и себя, и жену, и всех за смерть сына. В виноваты, что простудили, что шубка плоха, что не усмотрели болезненность и нежное сложение Левушки. И это обвинение — самое тяжелое в их горе. Но горе ужасное! Все мои душевные страдания при смерти Вашички поднялись со дна души мучительно и за себя и за молодых родителей, детей моих. Помочь я им не могла; приезжал ее отец, Вестерлунд, немного помог снять с совести Левы тяжесть обвинения. Присутствовала все время милая Мария Александровна Шмидт. Хоронить приезжал Андриюша. Опять эта отверзтая яма, восковое личико, окруженное гиацинтами и ландышами, это спокойствие смерти и безумное горе остающихся.

Потом известие, что Таня родила мертвую девочку. Это так и ошеломило меня. В день похорон Левушки я уехала вечером к Тане. Проводил меня Андриюша. И тут обманутая мечта Тани быть матерью, ее горе, болезнь, отсутствие мужа — опять болело сердце. Таня храбрилась, занималась и детьми, и читала, и вязала, и болтала. Но видела я в глазах ее ту боль, и отчаяние, что нет ни мужа, ни ребенка. Пасынки ее, особенно Наташа, очень с ней добры, но она мне сказала: «Глядя на мертвую девочку, я только понюхала, что такое материнское чувство, и ужаснулась перед его силой».

Вернулась в Москву 3 января; Саша и Л. Н. мне очень обрадовались, и все люди, и мне дома стало хорошо, спокойно. Мишину свадьбу с Линой Глебовой объявили: она его безумно любит. Сегодня я ездила к Глебовым на благословение; было трогательно, и мне хотелось плакать. Лина сияет счастьем.

Эти дни был тут Стасов, умный, интересный старик, но в больших дозах утомительный. Вчера вечером играл Гольдсвейзер, и музыка опять на меня действует успокоительно и хорошо.

Лев Николаевич жалуется на нытье под ложкой и боль печени. Он ест мало, но во-время, много лежит, сонлив и вял, но беречься не умеет, ел сегодня капусту цветную, и ему стало хуже. Пишет письма разным лицам и ничего не работает.

Отправила Сашу с Марусей Маклаковой к Доре и Леве в Ясную, и к Ольге на денек.

Сегодня вечером приехал Илья. Пили чай и беседовали: три сына — Сережа, Илья и Андриюша, и я. Илья тоскует по жене, которая в Ялте с больной матерью; судили меня строго, но потом начали ласкать. Сережа, как всегда, сдержан и справедлив, Илья впадает в крайности, Андриюша сентиментален и нежен. Писал своей жене, жалея, что не проведет с ней свадебный день, 8-го.

Была сегодня Дунаева, монахиня Вишпер. Черногубов по поводу биографии Фета.

8 января.

Весь день провела в хлопотах: была в банке, клала деньги, полученные от М. М. Стасюлевича. Бедный старик сам разбирается в делах, после того как его обокрал Слиозберг и запутал все дела его «склада». Заказывала увеличенный портрет Левушки. Саша и Маруся вернулись сегодня от Леры с Дорой и Ольги, сделав всем удовольствие своим посещением. Была в бане, за покупками и отдала чистить платье к свадьбе Миши. Вечером разбирала письма Л. Н. ко мне, дала переписывать М. В. Сиськиной под моим надзором. Сама ответила Стасову, Стасюлевичу, написала управляющему и Соне Мамоновой. Потом проявляла фотографии Саши и мои, сделанные сегодня утром нами. Был Михайлов и Дунаев. Л. Н. болен, то зябнет, то живот болит, уныл и скучен ужасно. Умирать ему не хочется, и когда он себе это представит, то видно, как это его ужасно огорчает и пугает.

10 января.

Не весело и не бодро живется. У Л. Н. печень болезненна и опять расстройство пищеварения; и он очень угнетен духом. Всю жизнь он, к всегдашнему моему брезгливому удивлению, был необыкновенно озабочен тем, как действует желудок.

Ездил в Руминцевский музей, взяла комедию неизданную: Нигилист или Зараженное Семейство», хотела ее прочесть дать в моем благотворительном концерте. Просмотрели кое-что с Ан. Ал. Горяиновой, и, кажется, ничего не выберется цельного и интересного для чтения. Решили в пятницу все перечитать вслух.

Обедала у нас Лина Глебова, невеста Миши, вечером все Льва Николаевича близкие: Буланже, Горбунов, Дунаев, Михайлов. Приехал Количка Ге, постаревший, точно облез весь, похудел.

прише. Но слава богу, что с женой своего уровня, да еще такой любящей.

Из церкви поехали к Глебовым, там великий князь был особенно любезен со мной, и мне неприятно сознавать, что это льстило моему самолюбию так же, как льстили разговоры при выходе из церкви: «А это мать жениха». — «Какая сама-то еще красавица».

Миша был радостен и Лина тоже. Провожали мы их на железную дорогу. Все шаферы, молодежь, любившая Мишу. Навезли цветов, конфет, пили шампанское, кричали ура. Я рада, что молодые поехали в Ясную Поляну, где Дуныша им все готовит и где Лева с Дорой их встретят.

И погода хорошая. 10 градусов мороза и, наконец, ясные дни. Скучала сегодня, что дочерей не было. Из нашей родни один представитель — Миша Кузминский приехал из Киева.

Л. Н. всю свадьбу просидел дома, и в четыре часа пошел проститься с Мишей и Линой. Вечером у него были сектанты из Дубовки и разные г е м н ы е. Читали вслух сочинение крестьянина Новикова о нуждах народа.

12 февраля.

Еще ряд событий: сегодня тяжелое известие о рождении мертвого мальчика у Маши Оболенской, дочери моей. Бедная, жалкая! Положение здоровья ее удовлетворительно.

Ездили с Таней в Ясную. Милая моя, добрая, участливая Тania. Она хотела непременно навестить Дору и Леву после их горя. Они немного повеселели, особенно она, любят, берегут друг друга. Приезжала в Ясную и Мария Александровна и Ольга — она одинока душой. Да кто из нас не одинок!

Сегодня испытываю это чувство очень сильно сама. Дети всегда так рады меня осудить и напасть на меня. Тania осуждала за беспорядок в доме, Миша, уезжая с Линой за границу, за мою суету во время путешествий. И ничего они не видят: какой же порядок, когда вечно живут и гостят в доме разные лица, за собой влекущие каждый еще ряд посетителей. Живет и Миша Сухотин, и Количка Ге, и Юлия Ивановна Итумнова, и сама Тania. С утра до ночи толчется всякий народ.

И работаю я одна и а всех и з а всех. Веду все дела одна. без мужа, без сыновей, делаю мужское дело, и веду хозяйство дома, воспитание детей, отношения с ними и людьми — тоже одна. Глаза слезнут, душа тоскует, а требованья, требованья без конца...

Готовлю в пользу приюта концерт. Много неудач. Дал Л. Н. плохой отрывок для чтения, Михаил Александрович Стахович взялся прочесть. Но и он, и Михаил Сергеевич Сухотин,

и Таня, и я — мы все нашли отрывок бедным, бледным для прочтения в большой зале Собрания перед многочисленной публикой. Я попросила у Л. Н. дать другой, хотя бы из «Хаджи-Мурата» или «Отца Сергия». Он стал сердиться, отказывать. Потом точно стал мягче и обещал.

Все эти дни он мрачен, потому что слаб и боится смерти ужасно. На-днях спрашивал он у Янжула, боится ли тот смерти? Как не хочется Льву Николаевичу уходить из этой жизни.

Был у нас 9-го числа музыкальный вечер. Играл С. И. свою «Орестею», пела Муромцева арию Клитемнестры с хором своих учениц. Пели еще Мельгунова и Хренникова. Всем было хорошо и весело в этот вечер. Но Л. Н. очень старался придать всему отрицательный и насмешливый характер, и дети мои заражались, как всегда, его недоброжелательством ко мне и моим гостям.

Когда все порядочные люди разъехались и Л. Н. уже надел халат и шел спать, в зале остались студенты, кое-кто барышни, и Климентова-Муромцева. Стали все (выпив за ужином) петь песни русские, цыганские, фабричные. Гиканье, поддлысьванье, дикость... Я ушла вниз, а Л. Н. сел в уголок и начал их всех поощрять и одобрять, и долго сидел.

15 февраля.

Проводила сейчас Таню в Рим с ее семьей. Давно я не плакала при разлуке с детьми: беспрестанно встречаешь и провожаешь их куда-нибудь. А сегодня, при этом ярком солнце на закате, так светло озаряющем весь наш сад, и седую, оплешивевшую, грустную голову Льва Николаевича, сидящего у окна и провожавшего печальными глазами Таню, которая два раза возвращалась к нему, чтоб поцеловать его и проститься с ним — все сердце мое истерзалось, и я и теперь пишу и плачу. — Видно, горе нужно для того, чтоб делать нас лучше. Даже небольшое горе разлуки сегодня сделало то, что отпала от моего сердца всякая досада на людей, тем более близких, всякая злоба, и захотелось, чтоб всем было хорошо, чтоб все были и счастливы и добры. Особенно жаль мне все это время Л. Н. Страх ли смерти, нездоровье ли, или что-нибудь затаенное мучает его: но я не помню в нем такого настроения, постоянного недовольства и убитости какой-то.

16 февраля.

Больна Саша горлом. Был доктор Ильин, есть налет, сильный жар, но нет опасного. Поехала с товаром Сем. Ник. на грибной рынок: купила себе, Тане и Стаховичам грибов и себе рус-

прише. Но слава богу, что с женой своего уровня, да еще такой любящей.

Из церкви поехали к Глебовым, там великий князь был особенно любезен со мной, и мне неприятно сознавать, что это льстило моему самолюбию так же, как льстили разговоры при выходе из церкви: «А это мать жениха». — «Какая сама-то еще красавица».

Миша был радостен и Лина тоже. Провожали мы их на железную дорогу. Все шаферы, молодежь, любившая Мишу. Навезли цветов, конфет, пили шампанское, кричали ура. Я рада, что молодые поехали в Ясную Поляну, где Дуныша им все готовит и где Лева с Дорой их встретят.

И погода хорошая. 10 градусов мороза и, наконец, ясные дни. Скучала сегодня, что дочерей не было. Из нашей родни один представитель — Миша Кузминский приехал из Киева.

Л. Н. всю свадьбу просидел дома, и в четыре часа пошел проститься с Мишей и Линой. Вечером у него были сектанты из Дубовки и разные г е м н ы е. Читали вслух сочинение крестьянина Новикова о нуждах народа.

12 февраля.

Еще ряд событий: сегодня тяжелое известие о рождении мертвого мальчика у Маши Оболенской, дочери моей. Бедная, жалкая! Положение здоровья ее удовлетворительно.

Ездили с Таней в Ясную. Милая моя, добрая, участливая Тania. Она хотела непременно навестить Дору и Леву после их горя. Они немного повеселели, особенно она, любят, берегут друг друга. Приезжала в Ясную и Мария Александровна и Ольга — она одинока душой. Да кто из нас не одинок!

Сегодня испытываю это чувство очень сильно сама. Дети всегда так рады меня осудить и напасть на меня. Тania осуждала за беспорядок в доме, Миша, уезжая с Линой за границу, за мою суету во время путешествий. И ничего они не видят: какой же порядок, когда вечно живут и гостят в доме разные лица, за собой влекущие каждый еще ряд посетителей. Живет и Миша Сухотин, и Количка Ге, и Юлия Ивановна Итумнова, и сама Тania. С утра до ночи толчется всякий народ.

И работаю я одна и а всех и з а всех. Веду все дела одна. без мужа, без сыновей, делаю мужское дело, и веду хозяйство дома, воспитание детей, отношения с ними и людьми — тоже одна. Глаза слезнут, душа тоскует, а требованья, требованья без конца...

Готовлю в пользу приюта концерт. Много неудач. Дал Л. Н. плохой отрывок для чтения, Михаил Александрович Стахович взялся прочесть. Но и он, и Михаил Сергеевич Сухотин,

и Таня, и я — мы все нашли отрывок бедным, бледным для прочтения в большой зале Собрания перед многочисленной публикой. Я попросила у Л. Н. дать другой, хотя бы из «Хаджи-Мурата» или «Отца Сергия». Он стал сердиться, отказывать. Потом точно стал мягче и обещал.

Все эти дни он мрачен, потому что слаб и боится смерти ужасно. На днях спрашивал он у Янжула, боится ли тот смерти? Как не хочется Льву Николаевичу уходить из этой жизни.

Был у нас 9-го числа музыкальный вечер. Играл С. И. свою «Орестею», пела Муромцева арию Клитемнестры с хором своих учениц. Пели еще Мельгунова и Хренникова. Всем было хорошо и весело в этот вечер. Но Л. Н. очень старался придать всему отрицательный и насмешливый характер, и дети мои заражались, как всегда, его недоброжелательством ко мне и моим гостям.

Когда все порядочные люди разъехались и Л. Н. уже надел халат и шел спать, в зале остались студенты, кое-кто барышни, и Климентова-Муромцева. Стали все (выпив за ужином) петь песни русские, цыганские, фабричные. Гиканье, поддлысьванье, дикость... Я ушла вниз, а Л. Н. сел в уголок и начал их всех поощрять и одобрять, и долго сидел.

15 февраля.

Проводила сейчас Таню в Рим с ее семьей. Давно я не плакала при разлуке с детьми: беспрестанно встречаешь и провожаешь их куда-нибудь. А сегодня, при этом ярком солнце на закате, так светло озаряющем весь наш сад, и седую, оплешивевшую, грустную голову Льва Николаевича, сидящего у окна и провожавшего печальными глазами Таню, которая два раза возвращалась к нему, чтоб поцеловать его и проститься с ним — все сердце мое истерзалось, и я и теперь пишу и плачу. — Видно, горе нужно для того, чтоб делать нас лучше. Даже небольшое горе разлуки сегодня сделало то, что отпала от моего сердца всякая досада на людей, тем более близких, всякая злоба, и захотелось, чтоб всем было хорошо, чтоб все были и счастливы и добры. Особенно жаль мне все это время Л. Н. Страх ли смерти, нездоровье ли, или что-нибудь затаенное мучает его: но я не помню в нем такого настроения, постоянного недовольства и убитости какой-то.

16 февраля.

Больна Саша горлом. Был доктор Ильин, есть налет, сильный жар, но нет опасного. Поехала с товаром Сем. Ник. на грибной рынок: купила себе, Тане и Стаховичам грибов и себе рус-

скую мебель. Толпа, изделия крестьян, народным духом пахнет. Еду домой, ударили в колокол, к вечерне. Переделась, вышла вместе с Л. Н. пешком, он пошел духоборам покупать 500 грамм хиину, а я в церковь. Слушала молитвы, в душе молилась очень горячо; люблю я это уединение в толпе незнакомых, отсутствие забот и всяких отношений земных.— Из церкви пошла в приют: дети меня окружили, ласкали, приветствовали. Там долго сидела, узнавая о делах и нуждах приюта. Дома одиноко, но с Л. Н. хорошо, просто и дружно. После обеда мне m-lle Lambert читала вслух «La Tènebreuse» Ofret. Потом припили Алмазова, Дунаев, Усов, проведать Льва Николаевича. У него очень увеличена печень и болят ноги и руки.

Усов дал Карлсбад и порошки от болей. Во втором часу ложимся спать, вдруг звонок отчаянный. Какая-то дама, вдова Берг, сидевшая 13 лет в сумасшедшем доме, хотела видеть Льва Николаевича. Я ее не допустила, она час целый возбужденно говорила и, между прочим, вспоминала, как семь лет тому назад Ваничка мой рвал синенькие цветы в саду сумасшедших и просил у нее цветов. Жалкая, нервно-больная полячка. Легли поздно, дружно и спокойно. В 6 часов утра смазывала горло Саше

17 февраля.

Встала поздно; опять к Саше доктор, смазывал горло; все еще налет, жар меньше. Опять поехала на рынок с Марусей; купила пропасть дешевых деревянных и фарфоровых игрушек детям в приют; свезла их туда, большая была радость. Убирала детские вещи, которые готовила Таниному и Машиному ребенку — и оба родились мертвые. Ужасно грустно! Забот много с детьми, а радости мало!

18 февраля.

Вчера легла поздно под тяжелым впечатлением религиозных разговоров Льва Николаевича и Булыгина. Говорили о том, что поп в парчевом мешке дает пить скверное красное вино, и это называется религией. Лев Николаевич глумился и грубо выражал свое негодование перед церковью. Булыгин говорил, что видит всегда в церкви дьявола в огромных размерах.

Мне стало и досадно и грустно все это слышать, и я стала громко выражать свое мнение, что настоящая религия не может видеть ни парчевого мешка священника, ни фланелевой блузы Льва Николаевича, ни рясы монаха. Все это безразлично.

Сережа вернулся, слава боту, благополучно. Опять ездит в Думу, сидит над шахматными задачами. Саша здорова, а Л. Н. все жалуется на запор, на боль печени, худеет и наводит на меня мрачную грусть.

Сегодня он обедал один, я подбшла к нему, поцеловала его в голову, — он так безучастно на меня посмотрел, а у меня точно упало сердце. — Вообще что-то безнадежное в душе. Чудесная погода, ясные дни и лунные ночи; безумно-красиво, волнительно и возбуждающе действует эта блестящая, уже напоминающая весну — погода. Утром фотографировали весь приют со мной и начальницей для афиш моего концерта. Потом много играла на фортепьяно, вечером ходила гулять...

(Газетная вырезка, вклеенная в дневник.)

«Божиею милостью,

Святейший Всероссийский Синод верным чадам православных кафедральных греко-русских церквей

о господе радоватися.

Молим вы, братие, блюдитесь о творящих распри и раздоры кроме утешая, ему же вы научитесь и уклонитесь от них» (Римл., 16, 17).

Изначала церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях, утверждающихся на вере во Христа, сына бога живого. Но все силы ада, по обетованию господню, не могли одолеть церкви святой, которая пребудет неодоленною во веки. И в наши дни, божием попусшением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на господа и на Христа его и на святое его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, в множестве рассуждаемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живого бога, во святой троице славимого, создателя и промыслителя вселенной, отрицает господа Иисуса Христа — богочеловека, искупителя и спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа господа и девство до рождества и по рождестве пречистой богородицы, приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства церкви и благодатное в них действие святого духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнувшись подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святому евхаристию. Все сие проповедует граф Лев Толстой неперывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не

прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с церковью православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствуем пред всею церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же и новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из близких его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он, на конце дней своих, остается без веры в бога и господа спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от церкви, вместе и молим, да подает ему господь покаяние в разум истины (2 Тим., 2, 25). Молитесь, милосердный господи, не хотяи смерти грешных, услыши и помилуй и образи его во святой твоей церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный Анто́ний, митрополит с.-петербургский и ладожский.

Смиренный Фео́гност, митрополит киевский и галицкий.

Смиренный Влади́мир, митрополит московский и коломенский.

Смиренный Иеро́ним, архиепископ холмский и варшавский.

Смиренный Иако́в, епископ кишиневский и хотинский.

Смиренный Иако́в, епископ холмский и варшавский.

Смиренный Бори́с, епископ.

Смиренный Маркел, епископ.

24 февраля 1901 г.¹

6 марта.

Пережили много событий не домашних, а общественных. 24 февраля было напечатано во всех газетах отлучение от церкви Льва Николаевича. Приклеиваю его тут же, так как это событие историческое, на предыдущей странице. Бумага эта вызвала негодование в обществе, недоумение и недовольство среди народа. Льву Николаевичу три дня под ряд делали овалции, приносили корзины с живыми цветами, посылали телеграммы, письма, адреса. До сих пор продолжают эти изъявления сочувствия Л. Н. и негодование на Синод и митрополитов. Я написала в тот же день и разослала свое письмо Победоносцеву и митрополитам. Приложу его здесь же.

Глупое отлучение это совпало с студенческими беспорядками 24-го был уже третий день движения в университете и среди всего населения Москвы. Московские студенты поднялись вследствие того, что киевских отдали в солдаты за беспорядки. Но небывалое явление то, что прежде народ был против студентов, теперь же, напротив, все сочувствия на стороне студентов. Извозчики, лавочники, особенно рабочие, все говорят, что за правду стоят и за бедных заступаются студенты.

В то же воскресенье, 24 февраля, Л. Н. шел с Дунаевым по Лубянской площади, где была толпа в несколько тысяч че-

¹ Текст отлучения Толстого от церкви вырезав С. А. из газеты и наклеил в дневник; дата «24 февраля 1901 г.» приписана в конце газетной вырезки рукою С. А.

DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

ловец. Кто-то, увидав Л. Н., сказал: «Вот он дьявол в образе человека». — Многие оглянулись, узнали Л. Н., и начались крики: «Ура, Л. Н., здравствуйте, Л. Н. Привет великому человеку! Ура!»

Толпа все прибывала, крики усиливались; извозчики убежали...

Наконец какой-то студент-техник привел извозчика, посадил Льва Николаевича и Дунаева, а конный жандарм, видя, что толпа хватается за вожжи и держит под уздцы лошадь, вступился и стал отстранять толпу.

Несколько дней продолжается у нас в доме какое-то праздничное настроение; посетителей с утра до вечера — целые толпы...

26 марта.

Очень жалею, что не писала последовательно события, разговоры и пр. Самое для меня интересное были письма, преимущественно из-за границы, сочувственные моему письму к Победоносцеву и трем митрополитам. Никакая рукопись Л. Н. не имела такого быстрого и обширного распространения, как это мое письмо. Оно переведено на все иностранные языки. Меня это радовало, но я не возгордилась, слава богу! Написала я его быстро, сразу, горячо. Бог мне велел это сделать, а не моя воля.

Сегодня важное событие: Лев Николаевич послал письмо: «Царю и его помощникам». Что-то из этого выйдет! Не хотела бы я, чтоб нас на старости лет выслали из России.

Событием для меня еще был мой концерт в пользу приюта. Участвовали очень все приятные люди, концерт получил характер необыкновенно порядочный, содержательный, чинный, нарядный. Барышни продавали афиши все в белых платьях, корзины живых цветов на столах. На bis повторяли мало. Прекрасно прочел отрывок сочинения Л. Н. «Кто прав?» Стахович Михаил Александрович. Самолюбие мое перед людьми, мнением которых я дорожу, было вполне удовлетворено. Для приюта выручили мало, 1.307 рублей. Здоровье Льва Николаевича лучше, если не считать еще боли в руках. Внешние события как-будто придали ему бодрости и силы. Со мной он ласков и опять очень страстен. Увы! это почти всегда вместе.

Начинаю говеть. Вяжу шапки для приюта; сшила сегодня юбку черную Варичке Нагорновой, этой милой, беспомощной племяннице Л. Н. Ей 50 лет, и все в ней что-то детское. Играем с ней много в четыре руки. Вчера играли симфонии Бетховена. С Сашей было немного неприятно в вербную субботу. Я звала ее с собой ко всенощной; она воспротивилась, ссылаясь на неве-

рие. Я ей говорю, что она, если хочет идти путем отца, то должна, как и он, пройти весь круг: он несколько лет был крайне православным, уже долго после женитьбы. Потом отрекся от церкви в пользу чистого христианства, и вместе отрекся от благ земных. Саша же, как и многие мои дети, сразу хочет сделать скачок к тому, что легче, — не ходить в церковь и только. Я даже заплакала. Она пошла к отцу советоваться, он ей сказал: «Разумеется, иди, и, главное, не огорчай мать».

Она пришла в приютскую церковь, протояла всенощную, и теперь будет со мной говеть. (И не говела)¹.

Сегодня в газетах: назначен министром просвещения Ванновский, и это хорошо.

Ясно, но снегу много, все дни от 2 до 5 градусов тепла.

По телефону. (От наших корреспондентов).

Петербург, 24 марта. В № 17 «Церковных Ведомостей», издающихся при Святейшем Правительствующем Синоде, в неофициальной части, опубликовано письмо графини С. А. Толстой к митрополиту Антонию и ответ митрополита. Письмо графини следующего содержания: «Ваше высокопреосвященство! Прочитав вчера в газетах жестокое распоряжение Синода об отлучении от церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидав в числе подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла остаться к этому вполне равнодушна. Горестному негодованию моему нет пределов. И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибнет духовно мой муж: это не дело людей, а дело божье. Жизнь души человеческой с религиозной точки зрения никому, кроме бога, не ведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения той церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских..., которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех — с этой точки зрения для меня непостижимо распоряжение Синода. Оно вызовет не сочувствие (разве только «Московских Ведомостей»), а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъявления — и им не будет конца — от всего мира. Не могу не упомянуть еще о горе, испытанном мною от той бессмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретном распоряжении Синода священникам не отпевать в церкви Льва Николаевича в случае его смерти. Кто же хочет наказывать? — умершего, не чувствующего уже ничего, человека, или окружающих его, верующих и близких ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпевать моего мужа и молиться за него в церкви, я не найду — или такого порядочного священника, который не побоятся людей перед настоящим богом любви, или непорядочного, которого я подкуплю большими деньгами для этой цели? Но мне этого и не нужно. Для меня церковь есть понятие отвлеченное, и служителями ее я признаю только тех, кто истинно понимает значение церкви. Если же признать церковь людей, держащих своей злобой нарушать высший закон — любовь Христа, то давно бы все мы, истинно верующие и посещающие церковь, ушли бы от нее. И виновных в грешных отступлениях от церкви не заблудившихся, ищущие истину люди, а те, которые гордо признали себя во главе ее, и вместо любви, сми-

¹ «И не говела» — написано позднее.

рения и всепрощения, стали духовными палачами тех, кого вернее простит бог за их смиренность, полную отречения от земных благ. любви и помощи людям, жизни, хотя и вне церкви, чем носящих бриллиантовые митры и звезды, но карающих и отлучающих от церкви пастырей ее. Опровергнуть мои слова лицемерными доводами — легко. Но глубокое понимание истины и настоящих намерений людей — никого не обманет. 26 февраля 1901 г.

Графиня Софья Толстая.

Ответ митрополита Антония.

«Милостивая государыня графиня Софья Андреевна. Не то жестоко, что сделал Синод, объявив об отпадении от церкви вашего мужа, а жестоко то, что сам он с собой сделал, отрекшись от веры в Иисуса Христа, сына бога живого, икупителя и спасителя нашего. На это-то отречение и следовало давно излиться вашему горестному негодованию. И не от клочка, конечно, печатной бумаги гибнет муж ваш, а от того, что отвалился от источника жизни вечной. Для христианина немислима жизнь без Христа¹, по словам которого, «верующий в него имеет жизнь вечную и переходит от смерти в жизнь, а неверующий не увидит жизни, но гнев божий пребывает на нем» (Иоанн., III, 15, 16, 36: V, 24), и потому об отрече- ющемся от Христа¹ одно только и можно сказать, что он перешел от жизни в смерть. В этом и состоит гибель вашего мужа, но в этой гибели повинен только он сам один, а не кто-либо другой. Из верующих во Христа состоит церковь, к которой вы себя считаете принадлежащей, и для верующих, для членов своих церковь эта благословляет именем божиим все значительнейшие моменты человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских, но никогда не делает она¹ этого и не может делать для неверующих, для язычников, для хулящих имя божие, для отрекшихся от нее и не желающих получать от нее ни молитв, ни благословений, и вообще для всех тех, которые не суть члены ее. И потому с точки зрения этой церкви распоряжение Синода вполне постижимо, понятно и ясно, как божий день. И закон любви и всепрощения этим ничуть не нарушается. Любовь божья бесконечна, но и она крошится не всех и не за все. Хула на духа святого не прощается ни в сей, ни в будущей жизни (Матф., XII, 32). Господь всегда ищет человека своего любовию, но человек иногда не хочет идти навстречу этой любви и бежит от лица божия, а потому и погибает. Христос молился на кресте за врагов своих, но и он в своей первосвященнической молитве изрек горькое для любви его слово, что погиб сын погибельный (Иоанн., XVII, 12). О вашем муже, пока жив он, нельзя еще сказать, что он погиб, но совершенная правда сказана о нем, что он от церкви отпал и не состоит ее членом, пока не покается и не соединится с нею. В своем послании, говоря об этом, Синод засвидетельствовал лишь существующий факт, и потому негодовать на него могут только те, которые не разумеют, что творят. Вы получаете выражение сочувствия от всего мира. Не удивляюсь сему, но думаю, что утешаться тут вам нечем. Есть слава человеческая и есть слава божья. «Слава человеческая, как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее отпал; но слово господие пребывает во век» (Петр., I, 24, 25). Когда в прошлом году газеты разнесли весть о болезни графа, то для священнослужителей во всей силе встал вопрос: следует ли его, отпавшего от веры и церкви, удостоивать христианского погребения и молитв? Последовали обращения к Синоду, и он в руководстве священнослужителям секретно дал и мог дать только один ответ: не следует, если умрет, не восстановив своего общения с церковью»

¹ Эти фразы подчеркнуты С. А.

² Приписки на полях сделаны рукою С. А.

Какая ложь по отношению к Льву Николаевичу.²

Какая ошибка! Как не христиански.

Любите врагов!

Никому тут никакой угрозы нет, и много ответа быть не могло. И я не думаю, чтобы пашелся какой-нибудь, даже неперядочный, священник, который бы решился совершить над графом христианское погребение, а если бы и совершил, то такое погребение над неверующим было бы преступной апрофанацией священного обряда. Да и зачем творить насилие над мужем вашим? Ведь, без сомнения, он сам не желает совершения над ним христианского погребения? Раз вы, живя в чужой стране, хотите считать себя членом церкви, и она действительно есть союз живых, разумных существ во имя бога живого, то уж падает само собою ваше заявление, что церковь для вас есть понятие отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей церкви в злобе и нарушении высшего закона любви, Христом заповеданной. В синодальном акте нарушения этого закона акт. Это, напротив, есть акт любви, акт призыва мужа вашего к возврату в церковь и верующих к молитве о нем. Пастырей церкви поставляет господь, а не сами они гордо, как вы говорите, признали себя во главе ее. Носят они бриллиантовые миатры и звезды, но это в их служении совсем не существенное. Оставались они пастырями, одеваясь и в рубище, гонимые и преследуемые, остаются таковыми и всегда, хотя бы в рубище пришлось им опять одеться, как бы их ни хулили и какими бы презрительными словами ни обзывали. В заключение прошу прощения, что не сразу вам ответил. Я ожидаю, пока пройдет первый острый порыв вашего огорчения. Благослови вас господь и краши, и графа — мужа вашего — помилуй!

Антоний, митрополит с.-петербургский.

1901 г. марта 16¹.

27 марта.

На-днях получила ответ митрополита Антония на мое письмо. Он меня совсем не тронул. Все правильно и все безусловно. А я свое письмо написала одним порывом сердца — и оно обошло весь мир и просто за р а з и л о людей искренностью. — Но для меня все это уже отошло на задний план, и жизнь идет вперед, вперед, неумолимо, сложно и трудно...

Внешние события меня утомили, и опять очи мои обратились внутрь моей душевной жизни; но и там — и не радостно, и не спокойно².

30 марта.

С Сашей вышло очень неприятно. Она говеть со мной не стала: то отговаривалась, что ногу натерла, а то наотрез отказалась. Это новый шаг к нашему разъединению.

Сегодня я причащалась. Говеть было очень трудно: противоречия между тем, что в церкви и а с т о я щ е е, что составляет ее основу, и между обрядами, дикими криками дьякона и пр. и пр. так велики, что подчас тяжело и хочется уйти. Вот это-то и отвращает молодых.

¹ На двух страницах наклеены вырезки из газет.

² Следующая страница чистая, к ней припита программа вечера, устраиваемого С. А. в пользу приюта; попечительницей которого она состояла.

Вчера стою в церкви, где прекрасно пели слепые, и думаю: простой народ идет в церковь отчасти как мы в хороший симфонический концерт. Дома бедность, темнота, работа, вечная, напряженная. Пришел в храм, светло, поют, что-то представляют... Здесь и искусство, и музыка, да еще оправдывающее развлечение — духовное настроение, религия, одобренная, даже считающаяся чем-то необходимым, хорошим. Как же быть без этого?

Говела я без настроения, но серьезно, разумно, и рада была просто потрудиться и душой и телом: рано вставать, стоять долго на молитве и, стоя в церкви, разбираться в своей душевной жизни.

Дома сегодня опять тяжело: песни Суллержидского под громкий аккомпанемент Сережи, крикливый, мучительный голос Булыгина, хохот бессмысленный Саши, Юлии Ивановны и Марьи Васильевны — все это ужасно!

Приезжал Андриуша; грустно, что весь интерес — лошади, собаки, провинциальные знакомые, и никакой умственной жизни.

Вчера было тихо, и приятно провели вечер с Репиным. Он рассказывал, что в Петербурге на передвижной выставке, на которой он выставил портрет Льва Николаевича (купленный Музеем Александра III), были две демонстрации: в первый раз небольшая группа людей положила цветы к портрету; в прошлое же воскресенье, 25 марта 1901 г., собралась в большой зале выставки толпа народа. Студент стал на стул и утыкал букетами всю раму, окружающую портрет Льва Николаевича. Потом стал говорить хвалебную речь, затем поднялись крики: «ура», с хор посыпался дождь цветов; а следствием всего этого то, что портрет с выставки сняли, и в Москве он не будет, а тем более в провинции. Очень жаль!

18 мая.

Десять дней уже мы в Ясной Поляне. Ехали с П. А. Булашкве в директорском вагоне со всеми удобствами и доверзли Л. Н. прекрасно: грела я ему сваренную заранее овсянку, варила яйца, кофе, ел он еще спаржу, спал на прекрасной постели. С нами была еще дочь Тая и Юлия Ивановна Игунова. В Москве провожали нас дядя Костя Иславин, Масловы Фед. Иван. и Варв. Иван., Дунаев и незнакомые молодые люди, кажется, техники. Кричали «ура!», рисовали Льва Николаевича, и это было трогательно.

Тут и Маша с Колей, и Лева с Дорой, и все сегодня мы вместе обедали, все были веселы. Приезжал американец из Бостона, ему надо изучить Россию и, конечно, Толстого, чтоб чи-

тать лекции об этом. Весна красивая, цветущая: цветут сирень, яблони, ландыши; так свежа зелень, поют соловьи — все обычно, но все переживаешь опять с наслаждением, сколько бы оно ни повторялось.

Только теперь, когда пережила много горя, когда видишь упадок сил и жизни Льва Николаевича, когда усложнилась своя внутренняя жизнь — на всем отпечаток грусти, томления, точно что-то приходит к концу. А вместе с тем разлад душевный от прилива физической энергии, потребности жизни вперед, деятельности, движения, разнообразия впечатлений.

И все вспыхивает и замирает, поднимается и падает... Дряхлость Льва Николаевича тянет меня за собой, и я должна стареть вместе с ним, и не могу, не умю, если б и хотела...

Еду в понедельник в Москву...

6 июня.

Была в Москве. Занималась делами, жила одна с девушкой в своем большом доме. Ездил на могилки Ванюшки и Алешки, ездила к живому внуку, сыну Сережи. Славный мальчик, ясный, простой. Видела Мишу с Липой, всегда они производят хорошее впечатление. Видела часто Масловых, видела и С. И. С ним разладилось, и нет больше ни сил, ни желания поддерживать прежнее. Да и не такой он человек, чтоб дружить с ним. Как все талантливые люди, он ищет постоянно в жизни нового и ждет от других, не давая почти ничего от себя.

Жарко, душно, лениво и скучно.

Л. Н. берет соленые ванны и пьет Kropenquelle. Он довольно бодр, и мне приятно выхаживать его после зимы нездоровья. Живет Пастернак, хочет написать группу из Л. Н., меня и Тани. Пока делает наброски. Это для Luxembourg'a. Живет Черногубов, разбирает и переписывает письма Фета ко мне и Льву Николаевичу. Приехала мисс Вельш, и Саша занята.

14 июня.

Боже мой, как хорошо лето! В мое окно смотрит луна на ясном, чистом небе. Все неподвижно, тихо, и так ласкающее тепло, радостно. Живу всецело почти с природой, хожу купаться, по вечерам поливаю цветы, гуляю. Гостит у нас моя дорогая, милая Тania с мужем, с которым начинаю мириться за ее любовь к нему. Характер у него милый, хотя эгоист он страшный, и потому часто за Таню страшно.

Жил Пастернак художник, рисовал и меня, и Льва Николаевича, и Таню во всех видах и позах. Готовит из нашей семьи картину «генге» для Luxembourg'a.

Живет сейчас скульптор Aronson, бедняк-еврей, выбившийся в Париже в восемь лет в хорошего, талантливого скульптора. Лепит бюст Льва Николаевича и мой; bas-relief — Тани, и все недурно.

Меня он изобразил не такой безобразной, как это делали до сих пор все художники. Странно, что люди вообще находят меня красивой; портрет же, бюсты и фотографии выходят даже безобразны. Говорят: игра в лице неуловимая, блеск в глазах, красивые цвета и неправильные черты.

Уехали Лева, Дора и Павлик в Швецию. Ужасно, ужасно больно было с ними расставаться. Я их особенно сильно принимаю к сердцу, особенно чувствую их жизнь, их горе и радости. Последних мало им было в этом году! И так безукоризненно свято они живут, с лучшими намерениями и идеалами. Им нечего скрывать, можно спокойно до дна их души смотреть — и увидишь все чистое и хорошее. Бедная Дорочка бегала в пять часов утра на могилку своего Левушки проститься с любимым детищем, и мне хотелось плакать и я болела ее материнскими страданиями с ней вместе.

Лев Николаевич все жалуется на боль в руках и ногах, худ, слаб, и сердце мое болезненно переворачивается, глядя на то, как он стареет.

Сегодня утром Л. Н. ходит около дома и говорит: «А грустно без детей, нет, нет и встретишь две колясочки, а теперь их нет». Как раз были тут вместе Павлик и Сонюшка, дочь Андриюши.

20 июня.

Была в Москве по делам продажи Сашинной земли; опять страшная трата энергии и сил. Жара, две ночи в вагоне, разговоры с присяжным поверенным, покупки и пр. В доме моем уютно, сад так хорош и воспоминаний много хороших.

Вернулась утром, усталая, лошадей не выслала, пришла домой с Козловки пешком, рассердилась, жара невыносимая. дома толпа бесполезных для жизни людей: Алеша Дьяков, Гбельденвейзер, скульптор, Сухотины.—Одна Таня дорога. Опять потребность спокойствия и хоть какой-нибудь умственной и художественной деятельности.

Сегодня дождь, ветер. Прихожу к Л. Н. узнать о его здоровье, встречаю стену между нами, о которую бьюсь. Сколько раз это бывало в жизни, и как это все наболело!

Сказала ему между прочим, чтоб он написал Андриюше письмо, увещевая его лучше и добрее относиться к своей жене.

«Что ты меня учишь?»—злбно сказал Л. Н. Я говорю, что я не учу, а прошу его заступиться за Ольгу и советовать Андрюше быть вообще добрее и сдержаннее, потому именно, что Л. Н. умнее и лучше это сделает, чем я или другой.—«А если я умнее, то нечего меня учить»,—ответил он.

3 июля.

Подходит нечто ужасное, хотя всегда всеми ожидаемое, но совершенно неожиданное, когда действительно подойдет—это конец жизни. И конец жизни того, кто для меня был гораздо больше моей собственной жизни, потому что я жила только и исключительно жизнью Левочки, мужа, и детей, которых он же мне дал.

Состояние моего сердца я еще не понимаю, оно окаменело. я не должна его слушать, чтоб сохранить силу и бодрость для ухода за ним.

Заболел Лев Николаевич с 27 на 28 июня в ночь. Он жаловался на общую тоску, бессонницу, стеснение в груди. Я думаю—ветры. Мы с Сашей утром 28-го собирались к сыну Сереже—это день его рождения и именин, туда приезжала и моя Тania, и Соня с семьей, и Варя Нагорнова, и мне очень хотелось с ними повидаться и Сереже сделать удовольствие, но я колебалась, мне не хотелось оставить Льва Николаевича. Все-таки мы поехали в восемь часов утра. Без меня он встал, гулял, но к вечеру сделался жар 38 и 5. Говорили, что он спал эту ночь хорошо, но на другой день пошел гулять и не мог идти, так ослабел; чтоб вернуться домой, надо было сделать огромное усилие. было еще далеко, и он странно утомился. Грудь стала болеть больше, ему клали теплое, и это облегчало. Вечером 29-го у него опять был жар, я тут вернулась, успокоенная телеграммой 28-го вечером, что Л. Н. совсем здоров. Кому без меня было усмотреть его состояние! Когда я его увидела, у меня сердце оборвалось, и всю ночь у него сильно болела грудь, и я ему сказала, что это от сердца. Утром судили, кого взять доктором. Послали за тульским Дрейером, который нашел лихорадку и очень плохой пульс: 150 ударов в минуту. Предписал хиин по 10 гран в день и кофеин и строфант для сердца. Когда температура спала, пульс все был 150, а температура 35 и 9.

Потом выписали телеграммой из Калуги доктора Дубенского, который главный врач городской больницы и наш хороший знакомый. Он поражен был пульсом и говорил, что это пульс агонии. Но усомнился в лихорадке, думая, что не желудочно ли кишечное нездоровье. От приемов хиинна жар прошел, и два дня температура была нормальная, 36 и 2. Но сегодня

опять вторая ночь полной бессонницы, маленький озноб и жар, и обильный пот, а теперь слабость, а главное, ослабление деятельности сердца очень значительное.

Съехались дети, кроме Лёвы, который в Швеции, и Тани. Здесь и внуки Ильичи. Вчера он позвал трех внуков и Анночку внучку к себе, раздал из коробочки шоколад и заставил четырехлетнего Илюшка рассказывать себе, как он чуть не утонул в водосточной кадлушке. Анночку Л. Н. спросил о ее хрипоте, потом сказал: «ну, идите теперь, когда мне будет скучно, я вас позову опять». И когда они ушли, он все говорил: «какие славные ребята».

Вчера утром я привязываю ему на живот согревающий компресс, он вдруг пристально посмотрел на меня, заплакал и сказал: «Спасибо, Соня. Ты не думай, что я тебе не благодарен и не люблю тебя...» И голос его оборвался от слез, и я целовала его милые, столь знакомые мне руки, и говорила ему, что мне счастье ходить за ним, что я чувствую всю свою виноватость перед ним, если не довольно дала ему счастья, чтоб он простил меня за то, чего не сумела ему дать, и мы оба, в слезах, обняли друг друга, и это было то, чего давно желала душа моя,— это было серьезное, глубокое признание наших близких отношений всей тридцатидевятилетней жизни вместе... Все, что нарушало их временно, было какое-то внешнее наваждение и никогда не изменяло твердой, внутренней связи самой хорошей любви между нами.

Сегодня он мне говорит: «Я теперь на распутье: и вперед (к смерти) хорошо, и назад (к жизни) хорошо. Если ты пройдет теперь, то только отсрочка»¹. Потом он задумался и прибавил: «Еще многое есть и хотелось бы сказать людям».

Когда дочь Маша принесла ему сегодня только что переписанную Н. Н. Ге статью Льва Николаевича последнюю, он обрадовался ей, как мать обрадовалась бы любимому ребенку, которого ей принесли к постели больной, и тотчас же попросил Н. Н. Ге вставить некоторые поправки, а меня попросил собрать внизу в его кабинете все черновые этой статьи, связать их и надписать: «Черновые последней статьи», что я и сделала.

Вчера он очень тревожился о том, приходили ли погорелые из дальней деревни, для которых на-днях он у меня взял 35 рублей и еще просил, что если кто к нему приходит с просьбами, то чтоб ему говорили об этом.

Прошлую ночь с 2 на 3 июля он провел ужасную: я была с ним вдвоем до семи часов утра. Он ни минуты не спал; страшное раздутие живота, ветры, боли в кишках. Я грела на

¹ Фраза со слов: «Если и пройдет...» написана между строк и, вероятно, позднее всей дневной записи.

спирту воду и ставила ему клизму; позднее стала болеть грудь, я растерла ему ее камфарным спиртом, заложила ватой, и боль утихла. Потом появились боли в ногах, и они похолодели. Я растирала ему ноги тоже камфарным спиртом, завернула в теплое, и стало легче. И я был так счастлива, что могла облегчать его недуги. Но началась тоска, и я вложила градусник. Температура была опять повышенная: от 36 и 2 поднялась до 37 и 3. Жар держался часа три, он заснул, я ушла спать, потому что падала от усталости, и сменили меня сначала Н. Н. Ге, потом Маша.

Приехал сын Миша; Л. Н. с ним поговорил, спросил о жене и сказал, что большое счастье, что все его невестки такие хорошие, и даже, как женщины, такие красивые, славные. Сережа сказал про брата своего Мишу: «Папá, Миша все умнеет». И. Л. Н. сказал: «Ну, слава богу, это ему очень нужно», и спросил: «кончил ли он свое мерзкое дело — военную службу». Миша сказал, что «слава богу, совсем отбыл».

Сегодня сижу я в его комнате, читаю Евангелие, в котором Львом Николаевичем отмечены те места, которые он считает важнейшими, и он мне говорит: «Вот как нарастают слова: в первом Евангелии сказано, что Христос просто крестился. Во втором narосли слова: И увидал небеса отверзтыми, а в третьем уже еще прибавлено: Слышал слова: «Сей есть сын мой» и т. д.

Теперь Левочка мой спит — он еще жив, я могу его видеть, слышать, ходить за ним... А что будет после? Боже мой, какое непосильное горе, какой ужас жизнь без него, без этой привычной опоры любви, нравственной поддержки, ума и возбуждения лучших интересов в жизни...

Не знаю, в состоянии ли буду опять писать. Хочется записать все, что касается его; всем, всем он нужен и все его любят... Помогите, помогите, господа, как невыносимо тяжело!..

14 июля.

Не помню уже подробно всего: приехала еще Таня с мужем; приезжал из Москвы доктор Шуровский, приезжало много друзей; телеграммы, письма, суета большого стечения детей, внуков, знакомых. Забот без конца... Наконец, заболела я: сильный жар целую ночь, боли в верхней части живота, ослабленные деятельности сердца, пульс 52. Пролежала два дня совсем обессиленная. Теперь мне лучше. Живет у нас молодой врач Витт Николаевич Саввин, следит за пульсом Л. Н., который при малейшей усталости учащается до 90 ударов. Сегодня Л. Н. сошел вниз, походил возле дома среди цветов и теперь лег уснуть на кушетке под кленом.

Врачи все нашли, что причина общего заболевания и ослабления сердца — присутствие малярийного яда в организме. Давали хинин, предлагают впрыскивания мышьяком, от которого, к сожалению, Л. Н. упорно отказывается. — Сейчас он очень худ и слаб, но аппетит прекрасный, сон тоже, болей нет, занимается он каждое утро своей статьей о рабочем вопросе.

Слава богу, слава богу, еще отсрочка! Сколько придется еще пожить вместе! В первый раз я ясно почувствовала возможность разлуки с любимым мужем, и та боль сердца, которая овладела мной, так и не прошла, и вряд ли когда пройдет. Когда я только взгляну на осунувшееся лицо, совсем побелевшие бороду и волосы и исхудавшее тело Левочки — боль сердца ноющая, вликогда меня теперь не покидающая, обостряется, и жизни нет, и исчез весь интерес, вся энергия жизни. А сколько ее было? Поднимусь ли когда?

Да, еще целый период отжит. Еще резкая черта проведена между тем периодом, в который жизнь шла в п е р е д, и между тем, когда она вдруг во мне с т а л а, как теперь.

Все казалось: «вот соленые ванны помогут, и Левочка окрепнет и еще проживет лет десять; то воды Эмс обновят пищеварение; то лето, тепло, отдых дадут ему новые силы...»

Теперь вдруг ясно представился к о н е ц. Нет обновления, нет здоровья, нет сил — всего мало, мало осталось в Левочке. А какой был богатырь!

Грустно часто слышать от него упреки за лечение мне и докторам. Как только ему лучше, он сейчас же высказывает ряд обвинений. А когда плохо, всегда лечится.

22 и ю л я.

Лев Николаевич поправляется, делает большие прогулки по лесам, аппетит прекрасный, сон тоже. Слава богу!

Вчера вечером поручили письма из Тулы, и Коля Оболенский читал их вслух. Все сочувственные письма, радость, что ожил Л. Н. Он слушал, потом засмеялся и говорит: «Теперь, если начну умирать, то уж непременно надо умереть, шутить нельзя. Да и совестно, что же, опять сначала: все съедутся, корреспонденты приедут, письма, телеграммы — и вдруг опять напрасно. Нет, этого уж нельзя, просто неприлично».

Сегодня премилос, умное письмо от королевы румынской Елисаветы. Посылает Л. Н. свою брошюру и пишет, что счастлива уже тем, что *la main du maître* будет хоть минуту лежать на ее книжечке.

Сегодня жарко, сухо, пыльно. Идет уже уборка овса. Ясные, солнечные дни, лунные ночи, так везде красиво, что

хотелось бы как-нибудь еще, получше воспользоваться красотой лета.

Когда вчера Л. Н. говорил о том, что теперь, когда он заболел, приличие требует, чтоб он умер, я говорю: «Скучно жить в старости, и я хотела бы поскорей умереть». А Л. Н. вдруг оживился, и у него как-то вырвался горячий протест: «Нет, надо жить, жизнь так прекрасна!..» Хороша эта энергия в 73 года, и она и спасает и его, и меня. А Таня дочь сегодня пишет, что мы, ее родители, не хотим стариться, и это напрасно. Кто знает, что лучше?

30 июля.

Вчера вечером опять захворал Л. Н. Пищеварение испортилось, желчь не отделяется, и был жар, вчера в 11 часов вечера термометр показал температуру в 37 и 8, и гульс днем был около 90.

Сегодня опять жара, воздух пропитан гарью, точно дымом. Ничего не видно, даже солнце стало крошечным красным шариком.

Живу уныло, сижу весь день у двери больного мужа, вяжу шапки в приют, и совсем потухла во мне жизнь и энергия.

Получила от графини Паниной письмо, предлагает в Крыму нам свою дачу, «Гаспру», и мы собираемся ехать, но я не хочу раньше сентября.

3 августа.

Последнее нездоровье еще поубавило силы в Льве Николаевиче, хотя сегодня ему лучше. Стоит жара, опять сухо, и купаюсь всякий день. Утром приходили из Мясоедова погорельцы, дали им по 7 р. на двор. Сколько было пожаров нынешнее лето, и скольким пришлось раздать помощи!

Приехал чужой посетитель, Фальц-Фейн, потерявший молодую жену и оставшийся с тремя детьми, в отчаянии, больной от горя. Л. Н. пошел с ним походить и поговорить.

Но чувство, что все приходит к концу, мучительно преследует. Что-то должно кончиться. Мы жили с Л. Н. одним широким течением жизни — тридцать девять лет. И вот начались колебания: собираемся в Крым, Л. Н. ходит слабый, унылый, хотя правильно держится порядка обычного: утро пишет, немного ходит по саду или в ближайший лес, сидит с нами по вечерам... Надолго ли все это? И как сложится моя жизнь? Ничего не предвижу, не знаю... «Да будет воля твоя».

Собираемся в Крым 5 сентября. Была в Москве по делам. еду опять перед отъездом, около 1-го.

Холод, ветер, сыро и гадко.

Здесь сестра Л. Н., Мария Николаевна, Варя Нагорнова; Лева приехал из Швеции, Сережа сын тут, и много еще. Была сестра Таня, что мне доставило большую радость.

Л. Н. опять почувствовал себя не совсем хорошо, но он плохо бережется. Вчера был доктор Дубенский и нашел Л. Н. в удовлетворительном состоянии.

Живу совсем не по душе: хозяйство, денежные уплаты, сборы, укладка и соображения практические... Ни прогулок, ни музыки — ничего, скучно, и духом упала.

2 декабря. Крым. Гаспра.

С 8 сентября живем здесь для здоровья Льва Николаевича, которое плохо поправляется. Две жизни не проживешь, ему минуло в августе 73 года, и он очень постарел, ослаб и изменился за этот год.

Не писала дневник, долго не могла освоиться с новыми условиями жизни и с теми душевными лишениями, которые я должна была пережить. Теперь привыкла, и поддерживает чувство исполняемого, строгого долга относительно моих обязанностей, как жены.

Вчера ночью написала письма четверем отсутствующим сыновьям (кроме Андрюши, который только что приехал) и потом всю ночь не могла спать от мучительно нагромоздившихся воспоминаний детства моих детей, моего страстного, заботливого к ним отношения, моих ошибок невольных в их воспитании, моего и теперешнего отношения к моим в з р о с л ы м детям. — Потом мысли перешли к умершим. С мучительной ясностью я представляла себе то Алешу, то Ваничку в разные моменты их жизни. Особенно ясно мне представлялся худенький Ваничка в постельке, когда после молитвы, всегда почти прочитанной в моем присутствии, он уютно свертывался в маленький, худенький комочек и, блаженно улыбаясь мне, укладывался спать. Помню, как мне мучительно было, глядя его спинку, ощупать под рукой его тоненькие косточки.

И какое я почувствовала вчера ночью душевное и физическое одиночество! С Львом Николаевичем вышло как раз то, что я предвидела: когда от его дряхлости прекратились (очень еще недавно) его отношения к жене, как к любовнице, на этом месте явилось не то, о чем я тщетно мечтала всю жизнь, — тихая, ласковая дружба, а явилась полная пустота.

Утром и вечером он холодным, выдуманньм поцелуем здорывается и прощается со мной; заботы мои о нем спокойно принимает как должное, часто досадует и безучастно смотрит на окружающую его жизнь, и только одно его волнует, интересуется, мучит—в области материальной с м е р т ь, в области духовной—его работа.

Все чаще думаю с спокойной радостью о смерти, о той области, куда ушли мои дети, где, думается, будет спокойнее. В э т о й жизни спокойствия не может быть: если стремиться к нему, если вырывать мудрое, равнодушное отношение ко всему, религиозное смирение и понимание, — то этим самым прекращается жизнь. Жизнь есть энергическая, непрерывная смена чувств, борьба; подъем, упадок доброго и злого: жизнь есть жизнь. Ее не остановишь, да и не хочешь останавливать добровольно. Но когда придет время естественно ей остановиться, тогда надо спокойно и радостно ее приветствовать и, созерцая бога, подчиняясь его воле, соединиться с богом посредством духа, и с природой посредством тела. И кроме хорошего ничего здесь быть не может.

3 декабря.

Жаркий день, ездили в Ялту, писала и посылала доверенность Сереже на прикупку $46\frac{1}{4}$ десятин Телятинской земли к Ясно-Полянской. Получала, переводила деньги,—несносные, вечные, ни на что мне не нужные дела! Устала, и одна пошла бродить. Прошла в Чукурлар, там нищая и чахоточный юноша. Пустота и неблагоустроенно. Все это еще впереди. Лев Николаевич ездил в Алупку верхом, вечер весь проиграл в шахматы с Сухотиным. А приехавшие сыновья, Илья и Андрюша, Саша, Наташа Оболенская, Классен, Ольга — все играли в карты, чего я не люблю. Осталась одинока, молча шила, потом поучилась по-итальянски.

4 декабря.

День еще жарче, ярче и красивее. Солнце прямо по-летнему греет. Какой неустойчивый, странный климат. Такое же здесь неустойчивое душевное настроение. Ходили пешком в Орианду: Лев Николаевич, Сухотин с сыном и учителем, Наташа Оболенская и я. Устали немного, но так называемая Горизонтальная дорожка очень хороша. Оттуда приехали с Сонюшкой и Ольгой. Море, закат — все волшебни красиво. Боялась за усталость Льва Николаевича и простуду. Остальные поехали верхами на Учан-Су. Илюша вернулся, увлечен фотографией. Сегодня Варварин день, вспоминаю мои прошлогодние визиты с Марусей

к Варе Нагорновой и Масловым. Как было у последних благодушно и весело! Что-то там сегодня, и странно, что зима, снег, сани!

7 декабря. Гаспра, Крым.

Проводила сейчас сыновей: вечно ребячливого, добродушного Илью и Андрюшу. Лев Николаевич поехал с ними в Ялту, к Маше, будет там ночевать, ему давно хотелось. Действие ли мышьяка, или просто хорошая погода повлияли на него хорошо, он бодр, здоровье лучше, и радость этого улучшения выражается в суетливой предприимчивости: то он ходил с нами пешком до Орианды, оттуда приехали. На другой день ездили верхом в Симеиз и обратно. Вчера ходил и утром и вечером, при лунном свете, гулять, заходил в больницу и восхищался видами при лунном освещении. Сегодня собрался в Ялту. Но лучшее состояние здоровья не делает его лучше духовно. Напротив, появляется что-то животное, еще более эгоистичное. Сегодня я хотела ему помочь при сборах в Ялту, чтобы он, суетясь, не потел. Он так грубо, брюзгливо на меня окрысился, что я, чуть не заплакав, молча удалилась.

Получила письмо от графини Александры Андреевны Толстой. Какая удивительная духовная гармония в этой прелестной женщине! Сколько настоящей любви и участия дает она людям.

Начинаю еще более склоняться к мнению, что сектанство всякое, включая и учение моего мужа, сушит сердце людей и делает их гордыми. Знаю двух женщин близко: это сестру Льва Николаевича — Машеньку, монахиню, и вышеупомянутую Александру Андреевну, и обе, не уходя из церкви, стали добрее, возвышеннее.

Наступило четыре дня удивительной летней погоды: окна открыты, гуляем в одних платьях, и то жарко. Вечером 12 градусов тепла.

Мои бедная Таня, родив опять мертвого ребенка — мальчика (12 ноября), еще более привязалась к своему легкомысленному эгоисту-мужу. Ее совсем нет, она вся в нем, и он позволяет себя любить, а сам любит мало. Если ей хорошо, то и слава богу! Мы, женщины, способны жить любовью даже без взаимности. Да еще как сильно, содержательно жить!

Из Москвы разные вести, не особенно мне радостные, из Ясной Поляны тоже. Дела запущены, друзья понемногу забывают, чудесная музыка — симфонические и другие концерты манят и соблазняют, и все бессильно, сиди здесь и скучай. Долг, долг, и вся энергия уходит на исполнение его, на убийство своей личности.

Проводив Льва Николаевича в Ялту, пошла к обеду, нелицевая девочка хорошо, и мне было хорошо и молитвенно спокойно.

8 декабря.

Лев Николаевич из Ялты не вернулся, приехала одна Саша, а его уговорили доктор и Оболенские остаться еще на день.

Вчера, проводив его, мне вдруг стало тоскливо, не при чем жить. Сегодня легче; ходила одна гулять в серьезном и хорошем настроении. Необычайно тепло, 12 градусов тепла в тени, небо розовое от невидимого за облачками солнца. В здешнем парке красиво и уединенно.

9 декабря.

Как я и думала, Лев Николаевич в Ялте немного захворал, и явились опять сердечные перебои. Сейчас говорила с ним по телефону, голос бодрый, думает, что от желудка, который опять хуже. Съездив в Симеиз верхом назад и вперед, он опять свои кишки раздражил, это уж чуть ли не в сотый раз повторяется одно и то же. Перед отъездом он с жадностью вдруг напустился сразу на вареники, виноград, грушу, шоколад. Было 6-го рождение Андриюши и всякие угощения. Теперь идет так: чуть поправится, все истратит несдержанностью в еде и движениях. Испугается, опять лечится; опять лучше, опять трата... так и идет правильным кругом.

Была у обедни. Прекрасно пели девушки. Настроение хорошее, спокойное, привычное. Мне не мешают, как другим, бессмыслицы в роде «дориносима чинми», «одесную отца» и пр. Помимо этого церковь — место напоминания нам бога, место, куда столько миллионов людей приносило свою веру, свое возвышенное религиозное чувство, свои горести, радости во все моменты изменчивой судьбы.

13 декабря.

В тот же день, как я писала последний дневник, меня сначала по телефону успокоили, а потом встревожили состоянием здоровья Льва Николаевича, и я тотчас же после обеда уехала в Ялту. Застала Льва Николаевича довольно бодрым, но в постели; говорили, что даже доктор испугался; перебои были значительные в сердце, и он выписал даже камфару для впрыскивания, но до нее дело не дошло. Все болезненные явления все-таки от желудка и кишек. Я спала в комнате рядом и с ужасом всю ночь слушала, какие отделялись газы, как отрыжка его будила, как ветры отделялись, и как перед этим Лев Николаевич метался и тосковал. Газы эти надавливают на сердце, и от этого перебои.

Сегодня мы с Лизой Оболенской его привезли домой, в Гаспру.

Сначала он, выпив кофе с молоком, оживился; вечером играл две партии в шахматы с Сухотиным, но сделался понос, стало тошнить, опять ослабел и, наконец, лег. А весь вечер его уговаривали лечь по предписанию доктора, а он не хотел.

У Сухотиных горе, Сережа их заболел тифом в Морском корпусе, и телеграммы, что положение серьезно. Таня очень жалка, плакала, и у нее детское отношение к судьбе, что ее кто-то все обижает.

Радость у нас та, что у Миши и Лины родился 10-го сын Иван. Пусть Ваничка вложит в этого мальчика свою душу и помолится о нем, чтобы рос хорошим, счастливым и здоровым. Хотелось бы взглянуть на этого нового Ваничку.

Сегодня мне кротко и сердечно жаль Льва Николаевича. Я не могу на него смотреть без горя, и я рада этому чувству. А то иногда на меня нападает дурное чувство раздражения против него, что он даром тратит свои силы и сокращает жизнь, которой мы все так дорожим, что все свои жизни отдаем ему на служение. Я помню, что когда у моей сестры падали дети и ушибались, она их же бранила, и я понимала, что она на них нападает за те страдания жалости, которые она испытывает. Так и я: я на Льва Николаевича нападаю иногда (более молча, в душе) за то, что его немощи мне доставляют невыносимые страдания.

14 декабря.

Лев Николаевич поселился внизу со вчерашнего дня, чтобы не ходить по лестнице. Комната его, рядом с моей, опустела, и эта мертвая тишина наверху какая-то злоеющая и мучительная. Уже я не стараюсь ставить тихонько умывальник на мраморный стол, ходить на цыпочках и не двигать стульями.

Рядом с Львом Николаевичем внизу пока спит Лиза Оболенская (его племянница), и он охотно принимает ее услуги и рад меня не беспокоить.

15 декабря.

Левочке сегодня лучше, и мы все повеселели. Он бодр, сердце хорошо, желудок еще не совсем, жару нет. Он обедал с нами, ходил до ворот усадьбы, но вернулся, устал.

Был доктор, который его тут лечит, Альтшулер, приятный, даровитый еврей, совсем непохожий на евреев, и Лев Николаевич ему верит и слушается его, и даже любит. Сегодня делала тридцатое впрыскивание подкожное мышьяка и пять гран хинину принял.

Приезжал чех, доктор Маковидский, мы его раньше знали, и с ним Евг. Ив. Попов, грузинского типа, будто бы толстовец. Обычно провели вечер: шахматы, газеты, письма и работа.

Ходила сегодня одна гулять, тепло, красиво. Играла более двух часов, наслаждалась сонатой Вебера и «Impromptu» Шопена. Читая газеты, соблазняюсь концертами, особенно мне жаль, что я не слыхала концертов М. Пауера, сыгравшего все сонаты Бетховена в нескольких сериях.

16 декабря.

День пустой, мало видела Льва Николаевича, сидел с ним ненавистный Попов и Маковидский.

23 декабря.

Лев Николаевич поправился, сегодня ходил далеко гулять, зашел к Максиму Горькому, т. е. к Алексею Максимовичу Пешкову. Не люблю, когда писатели подписываются не своей фамилией. Домой приехали все, т. е. Лев Николаевич, Ольга, я и Буланже, в коляске. Мы с Ольгой делали визиты, почти никого не застали. Тепло, 6 градусов, ясно и ветрено. Лев Николаевич принес розово-лиловый крупный полевой цветок, вновь распустившийся. Миндаль хочет цвести, белые подснежники распустились. Хорошо! Я начинаю любить Крым. Слава богу, тоска моя прошла, главное, потому, что Льву Николаевичу стало гораздо лучше. Надолго ли!

Вчера уехали Сухотины, приехал Андрияша, больной, добродушный, но неприятно несдержанный, особенно с женой.

24 декабря.

Приехал Сережа и Гольденвейзер. Заезжал Миша Всеволожский. Вечером играл Лев Николаевич с своими детьми и Классеном (адептный немец-управляющий) в винт. Все кричали, приходили в волнение от большого шлема без козырей, и очень странно мне всегда эти настроения при карточной игре, точно все вдруг лишаются рассудка и кричат вздор.

Лев Николаевич опять жалуется на боли в руках, хотя эти дни тепло и он осторожен. Что-то потускнело в жизни, перестала радоваться на поездку в Москву, и просто тяжело это будет: и скучно, и холодно, и хлопотно. А будет ли какая радость?

25 декабря.

Празднично проведенное Рождество.

26 декабря.

Прелестная погода, все туляют, катаются. Льву Николаевичу совсем хорошо. Кроила, копировала фотографии, немного шила и вечером просмотрела итальянскую грамматику. Собираюсь со страхом в Москву. Очень боюсь и жалею оставить Льва Николаевича, да и жутко одной совершить такое дальнейшее путешествие. Вечером у Классен, немецкий говор, чуждые люди, сладкая еда — все не по мне.

27 декабря.

Были вечером Четвериковы, Волковы. Разговор о музыке с Эшльманом. Играл Гольденвейзер. Лев Николаевич ходит опять тулять, тишет о свободе совести и опять переправляет «О религии». Вечером, когда лег, спросил у меня теплого молока, он теперь его постоянно пьет, и пока ему разогревали и я прощалась с своими скучными гостями, Лев Николаевич вдруг в одном белье показался в дверях и нетерпеливо и сердито стал торопить, чтобы ему дали молока.

Саша засуетилась, и пока я сняла с керосинки теплое молоко и донесла до его комнаты, он вторично выскочил с досадой в дверь.

29 декабря.

Праздник у татар, провожали муллу на три месяца в Мекку, делали ему обед. На улицах Кореиза и Гаспры нарядный веселый народ всяких народностей. Плясали турки хороводом очень характерно и живописно. Пробовала фотографировать, но в движении плохо вышло. Лев Николаевич ходил один гулять в Ай-Тодор, у него понос от мандарин неудобоваримых с молоком, которое он много пьет; даже на ночь, как маленьким детям, ему ставят стакан с молоком. Он кроток и добр сегодня, и все мы дружны и радостны, такое счастье! Днем недовольна: фотография и шила и больше ничего.

30 декабря.

Утром приходили к Льву Николаевичу самые разнообразные люди: трое рабочих-революционеров, озлобленных на богатых, недовольных общим строем жизни; потом шесть человек сектантов, отпавших от церкви, из коих трое настоящих христиан, в смысле нравственной жизни и любви к ближнему, а трое возникших от молокан и близких к их вере. Не слыхала их бесед с Львом Николаевичем — он не любит, когда им мешают, но Лев Николаевич говорит, что некоторые умно и горячо говорили. Еще приходил старый человек, состоятельный и бо-

лее интеллигентный, который хочет на Кавказе, на берегу моря, основать монастырь на новых началах. Чтоб братия вся была высшего образования, чтоб монастырь этот был в некотором роде центром науки и цивилизации, а вместе с тем, чтоб монахи сами обрабатывали землю и кормились своим трудом. Задача сложная, но хорошая.

Вечером ходили в читальню, где устроен был танцевальный вечер. Играли странствующие три музыканта-чеха, и еще юноша на огромной гармонии. Плясали вальсы, польки, *pas de quatre* разные горничные, жены и дочери ремесленников, какие-то мужчины из разных классов общества. Плясали и два татарина по-татарски, и два грузина с кинжалами лезгинку; и многие, в том числе и земский доктор, энергичный и способный на все — Волков, плясали трепак по-русски и в присядку. Хорошее это дело — эти народные балики, большое оживление и вполне невинное веселье. Мы все и Лев Николаевич ходили смотреть.

31 декабря.

Вот еще год как-будто прошел. Последний день довольно сложного, трудного года! Лучше ли будет повый? Все как-будто хуже живется, да и сама не лучше делаешься.

День как-то весь пропал в суете, которую среди дня всегда делает приезд Оболенских.

Лев Николаевич ходил к М. Горькому, оттуда приехал с Гольденвейзером, который гостит у нас.

Переписывала первую главу «О религии» Льва Николаевича, и пока еще мне не особенно нравится: нового мало сказано, да и бедно как-то содержание. Что дальше будет! Не понравилось мне сравнение Л. Н. с отростком кишки — отброшенная людьми вера в необходимость религии.

Посетители: Попов и Маковицкий. Письмо милое от Доры и интересное от Муромцевой. Ходили с Сашей в Кореиз покупать прислуге вино, апельсины и угощения для встречи нового года. Мы тоже собираемся его встречать, хотя я не люблю этого полу праздниства. Сидят, едят, и вдруг в двенадцать часов ночи что-то должно случиться.

1902

1 января.

Вчера тихо встретили новый год в семье. Лев Николаевич раньше лег спать, чувствовал себя дурно после ванны. Утром Классен с чудесными фиалками.

Переплываю понемногу «О религии» Льва Николаевича. Умно, но чего-то мало, хочется больше горячности, силы убеждения.

Ходили с Таней и Ольгой в юсуповский парк и к морю. Летний теплый день. У моря Горький с женой. Приезжал доктор Альтшулер. Приходила наша вся прислуга ряженые, топтались и плясали, и скучно; скучно мне это, совсем я из всего этого выросла.

Играли в винт Лев Николаевич, Гольденвейзер, Сережа и немец-управляющий Классен. Написала вечером пять писем, довязала шарф и подарила Илье Васильевичу и повару. Получила милое письмо от Соии и Глебовой, порадовалась, что там, далеко, есть счастливые две семьи моих детей: Ильи и Миши. Какой-то будет новорожденный второй Ванюшка Толстой! Такого, какой был первый — уже не может быть! А как бы он радовался, что у его любимого брата Миши есть тоже Ванюшка.

Гудит страшный ветер, здесь это несносно, и я боюсь за здоровье Льва Николаевича.

Днем было тепло, и мы гуляли с Таней и Ольгой, а домой приехали.

4 января.

Третью ночь сплю на кожаном диване в гостиной, или, вернее, не сплю, а всю ночь прислушиваюсь к Льву Николаевичу, рядом, и боюсь за его сердце. Он третий день болен; болит печень, задержки в кишках, отрыжка, газы и главное — перебой в сердце. Вчера и сегодня он вставал, выходил к обеду, но сильно ослабевал после обеда, и сегодня мы испугались и вызвали из Дюльбера великокняжеского доктора Тихонова, который сейчас был. Непосредственной опасности не нашел, но грозит, как и все доктора, плохим исходом, если Л. Н. будет вести ту неосторожную жизнь утомления, переизнания и пр., которую он ведет. Ставила я Л. Н. два раза клистир, забинтовала компресс, дала строфант и соду раньше. Температура нормальная, но пульс смутительный.

Выпал снег с ночи на четверть аршина и лежит до сих пор. Вчера при северном ветре было 3 градуса мороза, сегодня 1½ градуса тепла и тихо. Я знала, что погода дурно повлияет на Льва Николаевича, это теперь всегда так.

К Альтшуллеру в телефон не дозвонились. Хожу за Львом Николаевичем совсем одна, хотя все предлагают помощь. Но пока я не валюсь сама, я люблю ходить за ним самостоятельно, хотя трудно ужасно, иногда невыносимо с его упрямством, самодурством и полным отсутствием знания медицины и гигиены.

Например, доктора велит есть икру, рыбу, бульон, а он вегетарианец и этим губит себя, развивая газы в кишках и желудке.

Читала удивительно хорошую книжечку, перевод, «Об обаянности человека» Иосифа Мадзини. Какие мысли, какой язык, полный силы, простоты, краткости и убедительности. Переписывала еще «О религии», кроила себе лиф. Никуда не хожу, боюсь оставлять Л. Н. даже на полчаса.

5 января, суббота.

Вчера вечером и всю ночь Льву Николаевичу было очень плохо: перебои в сердце, стеснение в груди, бессонница, тоска. Несколько раз я вставала к нему, пил он среди ночи молоко с ложечкой коньяку, принимал (сам спросил) строфант. К утру немного заснул. Был вчера вечером доктор Тихонов и сегодня днем опять. Нашел уплотнение печени, слабость сердца и атонию кишек. Все эти недуги давно появились, но теперь они как-то несомненное и злое идут своим течением, все тяжелее и чаще проявляя свои угрожающие симптомы.

Сам Л. Н. очень угнетен, нас всех от себя удаляет и зовет кого-нибудь, только если что нужно. Сидит в кресле, читает или лежит. Днем опять спал мало.

Лежит снег, на поле температура. Весь день дул страшный ветер. И все тоскливо, безнадежно как-то! Голова тяжела. Получили от Сухотина телеграмму, что они все приезжают в Крым на зиму. Рада, что Таня еще поживет с нами, рада, что Саше будет подруга, и Дорик миленький, да и Алю я теперь любила. Только бы Л. Н. поправился! О поездке в Москву уже не думаю пока, и во всяком случае будет страшно уехать. А очень, очень нужно!

Сижу дома, шью, порчу глаза; отупела, как, бывало, в молодости, в Ясной Поляне, когда годами живешь ровной, без подъемов, жизнью. Но тогда были дети...

8 января.

Несколько тяжелых дней болезни Льва Николаевича. Пульс все слабый, частый. Вчера были оба доктора: Тихонов и Альтшулер. Прописали два раза в неделю экстракт крушины (растение) в таблетках и шесть дней по пять капель три раза в день — строфант. Но Лев Николаевич ничего не хочет делать, вдруг взбунтовался. А я так устала от вечной сорокалетней борьбы, от хитрых уловок и приемов, чтобы хоть какими-нибудь путями заставить принимать то или другое лекарство и вообще помочь себе. Вообще всякая борьба мне стала

не под силу. Иногда так хочется от всех на свете удалиться, уйти в себя хоть на время.

Болезнь Л. Н. мне стала очень ясна за это время: болели кишки, полная атония, плохи печень и желудок. И вот или при утомлении, или от холода, или от неосторожности в еде, а главное, от запоров, пища застаивается в кишках, начинается брожение, все наполняется газами, желчь не довольно проходит в желудок, газы и наполненные кишки и увеличенная печень давят на сердце и отравляют его — и оно начинает плохо работать. Надолго ли хватит сил Л. Н. переживать эти периодические нездоровья — кто знает.

Было вчера ночью, с 6-го на 7-е, 8 градусов мороза, ветер страшный. Сегодня 4 градуса тепла, но мрачно, серо и скучно.

Вчера все наши ездили на концерт Гольденвейзера. Осталась Ольга и я. Сидела весь вечер одна в гостиной, пила, писала, порчу все свои глаза, и, наконец, заснула на диване. Л. Н. давно уже спал, а наши вернулись около двух часов.

Сегодня все утро переписывала «О религии» Льва Николаевича. Это более социалистическое, чем религиозное произведение.

Я вчера говорила это Льву Николаевичу. Говорила, что всякое религиозное произведение должно быть поэтичнее, возвышеннее, а что его «О религии» очень логичное, но не увлекает и не возвышает душу. На это он мне сказал, что то только и надо, чтобы было логично, всякая поэзия и возвышенная неясность только путает понимание.

Опять думаю о поездке в Москву и ловлю себя на том, что мне этого хочется.

10 января. Гаспра.

Как иногда бывает мрачно настроение. Сегодня после обеда сижу одна, шью в темной гостиной. Лев Николаевич рядом в своей комнате тяжело переваривает свою пищу, громко и непрерывно раздается его отрыжка. Таня с другой стороны быстро чикает по клавишам ремингтона. Сережа в столовой читает молча газеты, и Ольга с Сонюшкой наверху. В доме мертвая тишина, и порою страшные порывы ветра рвут все, и ветер этот гудит и шумит громко, и ходит холодом по всему дому.

Жизни никакой нет; только одно несомненно нужно и хорошо — это уход за Львом Николаевичем. Он совсем ослаб, даже прикрыть его пледом или поправить одеяло — он и то зовет. Смотришь за тем, чтоб он не пересел, чтобы не шумели, когда он спит, чтоб нигде не дуло. Кладла ему на живот компресс, пьет он Эмс два раза в день. Все желчь, горькие отрыжки, живот и печень ноют.

11 января.

Ездил с Таней в Ялту за делами и покупками, подарила Тане шляпу к именинам. Маша очень худа и жалка. Вернувшись домой, первое, что мне сказал Л. Н., было то, что живот все расстроен и он принял висмут с кодеином. А я третий день его уговариваю это сделать. И всякий раз так, чем бы болезни помочь вначале, он ее запустит и уже хочет помочь себе тогда, когда уж поздно и труднее помочь.

У бедной Ольги прекратилось движение ребенка, шестой месяц беременности. Очень ее жаль. Привезла домой Сашу. Она вчера ездила верхом в Гурауф, а сегодня ходила на репетицию пьесы «Не все коту масленица», где она играет роль Фионы. Кончила переписывать «О религии». Под конец лучше мне понравилось. Хороша мысль о свободе души человека, просвещенного религиозным чувством, — но не нова. Вышел у Ясинского роман Левы; боюсь читать.

12 января.

Весь день проходит в суете и мелкой заботе о семье. То с внучкой поиграть, то плачущую о своем неудавшемся младенце Ольгу утешить; то Сереже шапку мыла и подшивала; то с Сашей о ее театральном костюме совет держала; то доктор приезжал к Ольге; то вечером клистир готовила и ставила Льву Николаевичу; потом бинтовала живот и компресс положила, принесла ему вина, пил он кофе, которое ему варили. Он очень стал всего пугаться. Сегодня запор у него и газы, и опять вечером были перебои пульса. Он сам принял строфант, заробел, лег, напился кофе и стал мрачен. А лицо у него свежее, совсем не болезненное. Днем же он два часа гулял, а доктор сказал никогда более часа не ходить. Все нескладно! Таким неразумным и умрет в области гигиены и медицины.

Именины Тани. Она приехала из Ялты и грустна. Аядрюша тоже тих и грустен; все не ладится в его супружеской жизни, и его жаль. Сережа уехал в Ялту с мыслью праздновать день открытия Московского университета. Он все эти дни во флигеле молча один занимался музыкой. А у меня и это отнято! Из дому уйти нельзя, не на кого оставить и Льва Николаевича и Ольгу. Тоскливо сложилась и старческая жизнь! А какая-то буря желаний, стремление куда-то выше, духовнее, содержательнее жить — еще все не угасла в душе. Когда? Видно, на том свете.

14 января.

Время так и летит... Зимы нет, и нет никакой определенности во времени. И все не радостно в жизни. Здоровье Льва Николаевича не поправляется. Все газы душат его, развиваются

быстро, давят на сердце, вызывают боли и тоску. Надо бы совершенно переменить пищу, но упорный, независимый и, не в обиду будь сказано, страшно упрямый характер великого человека не склонится ни за что на питание рыбой и курицей, как ему советуют, а будет есть морковь и цветную капусту, как сегодня, и страдать от этого.

Вчера просидела возле его комнаты до 3¹/₂ часов ночи, ждала уехавших играть в карты сыновей: Сережу и Андриюшу. Спал Лев Николаевич хорошо.— Сегодня же слышу, как он рыгает, охает и мучается от давления, производимого газами. Сажу и переписываю письмо Л. Н. к государю. Боюсь, что рассердится царь за жестокую правду, ничем не смягченную.

15 января.

У Льва Николаевича жар, 37 и 7. Был Альтшулер. Доктора ничего не понимают, а дело плохо. Я очень встревожена.

16 января.

Ночь была ужасная. Жар у Л. Н. усилился, дошло до 38. Провела без сна всю ночь в гостиной, рядом с Л. Н. К утру пот, температура 36 и 1, болит левый бок. И вчера и сегодня мазали иодом, положили компресс. В два часа дня дали пять гран хиинина и два раза в день по пять капель строфант. Все-таки он встал, писал, играл в винт с Классеном, сыновьями и Колей Оболенским. Переписала Таня, запечатала и послала к великому князю Николаю Михайловичу письмо Льва Николаевича к государю Николаю II, которое Николай Михайлович взялся передать, если удобно. Письмо резкое, и я очень боюсь за то, что государь, наконец, рассердится.

Таня все собирается уезжать и все не решается. Но, кажется, завтра уедет.

Ездили с Сашей, Ольгой и Наташей в горы, в сосновую рощу. Тепло, ясно, виды со всех сторон красивые. На столе у меня цветы свежие — белые прелестные подснежники, похожие на цветы померанцевые.

Весь день и вечер шила с отупением, заботы, огорчения и ожидания тяжелого.

17 января.

Все то же, те же лекарства, та же боль в боку, только сам Лев Николаевич немного бодрей. Был Чехов и Альтшулер. Тепло, ясно. Уехала Таня к мужу в деревню. Переписывала

письмо Л. Н. к государю: злое, задорное письмо, все бранящее и дающее самые глупые советы о владении людьми землей. Надеюсь, что великий князь Николай Михайлович поймет, что это письмо — продукт больной печени и желудка, и не передаст царю. Если же передаст, то ожесточит царя против Л. Н., и как бы чего нам не сделали.

16 января.

Льву Николаевичу немного лучше, хотя все еще желудок не наладился, бок немного болит и температура утром 36 и 3, вечером 37. Сидит весь день, читает, писал письма, а вечером играл в винт с сыновьями, Классеном и Колей Оболенским.

Каждый вечер, как ребенка, укладываю спать мужа: пеленаю его живот с компрессом из воды и камфарного спирта, ставлю молока в стакане, часы, колокольчик, раздену, покрою его, и потом сижу рядом в гостиной, пока он заснет, и читаю газеты. Большим я вооружилась терпением и очень стараюсь облегчать выносить болезненное состояние Льву Николаевичу.

20 января. Гаспра.

Ходила смотреть, как Саша играла роль Фионы, старой экономки в пьесе «Не все коту масленица», в народной здешней читальне. Это первый опыт Саши, и недурно. Странное сочетание людей играющих: жена доктора, кузнец, фельдшерца, каменотес и графиня. Это хорошо.

Выпал снег мокрый, густой и тихий, и мне стало легче, а то нездоровилось.

21 января.

Ночь и день тревоги, тупого отчаяния, ожидания и, наконец, нервной тяжелой сонливости. Все это от ухудшения здоровья Льва Николаевича. Болел бок, поднялась температура до 38. Были два доктора: Елпатьевский и Альтшулер, определили возврат лихорадки и застой в кишках, а боль невралгическая.

Лежит снег, на точке замерзания.

23 января.

Вчера вечером приехал доктор Бертенсон (почетный лейб-медик) из Петербурга. Умный, простой в обращении человек и, очевидно, опытный и знающий доктор.

Сегодня приехал из Москвы тоже умный доктор Щуровский. Вместе с Альтшулером состоялся серьезный консилиум, и на следующей странице и напишу их предписания.

Разговоры о фельстоне Амфитеатрова в газете «Россия», где намеки на государя и его семейных, о ссылке в Иркутск автора этой статьи или, вернее, сказки. Об обжорстве, глупости, нахальстве министра Сипягина. Рассказывал Бертенсон много о великих князьях, петербургском обществе. Щуровский рассказывал о своих поездках на Кавказ. День прошел утомительно. Был Горький с Суллержицким. Бертенсон непременно хотел сделать визит Горькому и поехал к нему. Щуровский едет завтра к Чехову в Ялту.

За болезнью Л. Н. все интересы жизни отодвинулись. Получила вчера письмо от Сергея Ивановича, пишет, чтобы я пришла слушать удивительную певичу: Оленину д'Альгейм. И я почувствовала какое-то равнодушие ко всему и миру и усталость! Ох, как я вообще устала жить! Сегодня ни чего ровно не делала, кроме ухода за Львом Николаевичем. Глаза очень плохи, даже читать не могу. И только одно важно, только одно нужно и радостно: близость с Л. Н.!

Так вот предписания докторов:

Режим: 1) Избегать всякого утомления как физического, так и нравственного (лишних¹ и т. п.).

2) Гулять не много, соображаясь с силами, не задаваясь целью укреплять свои силы моционом. Безусловно запрещается верховая езда и подъемы.

3) Отдыхать днем 1—1½ часа, ложась в постель раздетым.

4) Кушать три раза в день, причем не употреблять вовсе: гороха, чечевицы, капусты цветной. Пить молоко с кофе не менее четырех стаканов в день (¼ стакана кофе, ¾ стакана молока) Молоко если пить отдельно, то с солью (¼ чайной ложки на стакан).

Вино можно иногда заменять портером (не более двух мадерных рюмок в день).

5) Ванну одну в две недели в 28 градусов, с заранее разведенным (1½ фунта) мылом. Сидеть в ванне пять минут, облиться чистой водой той же температуры. Ванну делать днем.

В промежутки времени между ваннами делать обтирания тела из мыльного спирта пополам с одеколоном.

Лечение: 1) Два раза в неделю масляные клистиры из 1 фунта масла, чуть подогреть, на ночь.

В остальные дни пилюли на ночь, от 1 до 5, смотря по действию. Если действие пилюль недостаточно, то ставить утром водяную клизму.

2) В течение месяца пить три раза в день за полчаса до утреннего кофе, завтрака и обеда по 1/3 стакана Karlsbad Mühlbrunn, слегка подогретый.

¹ Многоточие в подлиннике, не написано одно слово.

3) Облатки каломеля по три облатки в день в течение трех дней; через три дня повторить, и т. д.

4) В случае надобности сердечных средств (Stroph.), по усмотрению врача непременно давать.

5) В случае сильной шервной боли принимать облатки от боли (+ Coff¹).

Если врач найдет нужным при указанном режиме дать хинин, то этому препятствовать нельзя.

Бертенсон.

Еда Льва Николаевича должна быть: 4 стакана молока с кофе.

Каши: гречневая, рисовая, овсяная, смоленская, размазня гречневая и каша с молоком манная.

Яйца: глазунья, сбитые яйца, заливные яйца, яичница со спаржей.

Овощи: морковь, репа, сельдерей, брюссель, картофель печеный, картофельное пюре, жареный картофель лапшой, кислая, мелко изрубленная капуста (?)², салат, предварительно ошпаренный кипятком.

Питье: портер, вода с вином, молоко с солью.

Фрукты: печеные протертые яблоки, вареные плоды, сырые мелко изрубленные яблоки, апельсины только сосать.

Желе и кремы всякие хороши. Дутые пироги.

Записано после.

23-го вечером приступ грудной жабы у Льва Николаевича напугал ужасно. Сразу температура поднялась до 39 градусов.

24-го. Утром при слушании оказался в левом боку плеврит. Щуровского вернули, и он лечит.

25-го. Решили, что воспаление левого легкого. Позднее оно распространилось и на правое. Сердце плохо было все время.

26 января.

Не знаю, зачем я пишу, это беседа моей души с самой собой. Мой Левочка умирает... И я поняла, что и моя жизнь не может остаться во мне без него. Сороковой год я живу с ним. Для всех он знаменитость, для меня — он все мое существование, наши жизни шли одна в другой, и, боже мой! сколько накопилось виноватости, раскаяния... Все кончено, не вернешь. Помоги, господи! Сколько любви, нежности я отдала ему, но сколько слабостей моих огорчали его! Прости, господи! Прости.

¹ Слово, обозначавшее первую составную часть лекарства, пропущено.

² Вопрос поставлен С. А.

мой милый, милый, дорогой муж! Я не прошу ни сил у бога, ни утешения, я прошу веры, религии, поддержки духовной, божьей, той, с которой жил все последнее время мой муж драгоценный. На-днях он где-то прочел: «крихтит старинушка, кашляет старинушка, пора старинушке под холстинушку». И говоря нам это, он намекал на себя и заплакал. Боже мой! Потом прибавил: «Я плачу не от того, что мне умирать, а от красоты художественной»...

27 января.

Хотелось бы все записывать про моего милого Левочку, но не могу, слезы и мучительная боль, как камнем, всю раздавили... Вчера Щуровский предложил подышать кислородом, а Левочка говорит: «Погодите, теперь камфара, потом кислород, потом гроб и могила».

Сегодня я подошла, поцеловала его в лоб и спрашиваю: «Тебе трудно?» Он говорит: «Нет, спокойно». Маша спросила его сейчас: «Что, гадко тебе, папа?» Он ответил: «Физически очень гадко, а нравственно хорошо, всегда хорошо». Сегодня утром сижу возле него, он дремлет и стонет, и вдруг громко меня позвал: «Сони!» Я вскочила, нагнулась к нему, он на меня посмотрел и говорит: «Я видел тебя во сне, что ты где-то лежала»... Он, милый, спрашивает обо мне, спала ли я, ела ли я... Последняя забота обо мне кого бы то ни было! Помогите, господи, прожить с тобой и не ждать ничего от людей, а благодарить за все, что они мне дадут. Я многое получила от бога и благодарю его!

Как часто, чувствуя, что мой Левочка уходит из жизни, я точно на него за это досадовала, точно я хотела сделать невозможное: разлюбить его прежде, чем он будет от меня взят.

Плеврит идет своим ужасающим ходом, сердце все слабеет, пульс частый и слабый, дыхание короткое... Он стонет... Эти стоны день и ночь глубокими бороздами врезаются в мою голову, мой слух, мое сердце. Всю жизнь их буду слышать. Часто он заговаривается о том, что его занимало в последнее время: о письме царю, письмах вообще.

Я слышала — раз он сказал: «ошибся», а то еще: «не поняли».

Он благодарно и ласково относится ко всем окружающим и, видно, доволен уходом, все говорит: «ну, прекрасно».

Нет, не могу писать, он стонет внизу. Ему впрыскивали несколько раз камфару и морфий.

Завтра приезжает Тани, выехал и Лева из Петербурга. Хоть бы дождал проститься со всеми детьми.

5 часов вечера. Температура повышается, все время бред. Но когда на минуту опомнится, пьет молоко или лекарство.

В бреду раз сказал: «Севастополь горит». А то опять позвал меня: «Соня, ты что? записываешь?»

Несколько раз спрашивал: «а Таня когда придет?» Сказала ему сегодня, что и Лева выехал.—Беспрестанно то смотрит, а то спрашивает: «а который час?» Спросил, которое сегодня число, 27-е?

28 января.

Приехала Таня, Сухотины, Илья, шум, заботы о ночлегах и еде. Как это все ужасно: тяжелый, серьезный путь высокой души к переходу в вечность, к соединению с богом, которому служил, — и низкие земные заботы.

Тяжело ему, милому, мудрому... Вчера говорил Сереже: «Я думал, что умирать легко, а нет, очень трудно».

Еще он сказал доктору Альтшулеру: «В молитве «Отче наш» различно понимаются слова: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Это просьба у бога дать на каждый день духовную пищу. И вот вы, доктора, ежедневно служите больным, и это хорошо, особенно когда бескорыстно».

Сегодняшний день Лев Николаевич провел лучше тем, что менее страдал, спал часа полтора днем, мог разговаривать. Но силы его слабеют, главное, сердце плохо. Не позволяю себе ни о чем думать, надо быть бодрой и ходить за ним. Стараюсь глубже хоронить в своем сердце то отчаяние, которое рвется наружу.

Сейчас звал к себе Таню. Он был рад ее приезду; и еще ему дала удовлетворение телеграмма от великого князя Николая Михайловича, что он передал лично письмо государю. И то и другое он очень ждал.

Опять впрыскивали камфару, дают дигиталис, молоко с коньяком, Эмс, шампанское. Клади мушку на левый бок, но три дня тому назад.

Одну ночь дежурит доктор Волков, другую Альтшулер, третью Елпатьевский, Щуровский весь день.

29 января. Утро, 9 часов.

Меня усиленно послали наверх спать, но, прорывав час, я хочу лучше еще кое-что записать. Ночь Левочка мой (теперь уже не мой, а божий) провел очень тяжелую. Как только начнет засыпать, его душит, он вскрикнет и не спит. То просил меня и Сережу посадить его, то требовал посуду, но не мог мочиться.

и охал, то пил раз молоко, раз полрюмки шампанского, а то воду. Он не жалуется никогда, но тоскует и мечется ужасно.

Всякий раз, как он задохнется, и у меня спазма в груди. Да, моя половина страдает, как же мне не болеть!

Переход каждого любимого существа в вечность просветляет души тех, кто с любовью их провожает. Помогите, господи, душе моей до конца жизни остаться на той высоте и просветлении, которые я все больше и больше испытываю эти дни! Сейчас он заснул. Меня сменили Лиза Оболенская (его племянница) и Маша дочь. Всю ночь до четырех часов я сидела при нем и служила ему.

30 января.

Вчера с утра было настолько хорошо, что часу в первом Л. Н. послал за дочерью Машей и продиктовал ей приблизительно такие слова в свою записную книжечку: «Старческая мудрость, как бриллианты-караты, чем дальше, тем дороже, и их надо раздавать».

Потом он спросил свою статью о свободе совести и стал диктовать в разных местах поправки.

Днем температура была нормальная, он был бодр, спокоен, и мы все ожили. С вечера я водворилась на свое ночное дежурство и просидела до четырех часов, следя за дыханием, и все было хорошо.

Вечером вчера приехал Лева, мне всегда жалкий и приятный. Сегодня вечером приехал и жизнерадостный Миша.

Сегодня утро я пошла поспать, а когда вернулась, узнала к ужасу моему, что температура опять 37 и 6. Так сердце и упало. Говорят доктора, что идет рассасывание в легких, что не опасно, и сердце пока удовлетворительно.

Верить ли? Так хочется хоть обмануться, сил нет страдать.

Спросил сегодня, что с почты; еще попросил сначала иллюстрированную какую-нибудь газету, а потом «Новое Время» и «Русские Ведомости». Последних двух ему не дали, боясь утомления.

Часам к трем начал задыхаться и метался; потом заснул. Дают то каждые четыре часа, то через два часа дигиталис. Поят кофеем с молоком, молоко с Эмсом, яйцо, вино с Эмсом. шампанским запивает дигиталис.

Сейчас восьмой час вечера, он спокойно спит.

Когда ему переменить положение, он охотнее всего зовет Андриюшу, ест охотнее всего из рук Маши. Мои страдания о нем неволью сообщаются ему, и он меня часто ласкает, бережет мои силы и принимает от меня только легкие или интимные услуги.

Ночь до четырех часов шровал тяжелую. Метался, задыхался, звал два раза Сережу и просил посадить его. Ставили ночью клизму, я грела на спирту воду, выносила за ним, и ему это тяжело — давать столько работы мне и другим, особенно нечистой. После клизмы я два раза терла ему левый бок и заложила ватой, после чего он заснул.

Вчера говорил Тане: «Что же это рассказывали про Адама Васильевича (графа Олсуфьева), что он легко умер, совсем не легко умирать, очень трудно; трудно сбросить с себя эту привычную оболочку», — прибавил он, показывая на свое исхудавшее тело.

Сегодня Левочке лучше: он призывал Дунаева и Мишу; вообще он радуется каждому приезду. Сегодня приехала и Соня, жена Ильи. Всех много, шумно, а процесс умирания великого человека, любимого мной мужа, идет своим путем, я не верю в полное выздоровление, я едва верю в временную отсрочку...

Диктовал опять и в записную книгу и в статьи начатые. Лежит спокойный, серьезный. Продиктовал длинную телеграмму брату Сергею.

1 февраля.

Ночь провел ужасную. До семи часов утра не спал, болел живот, задыхался. Ставила я ему три раза клизмы, растирала живот несколько раз, ничто не помогало. Раз только под моей рукой уснул минут десять, и как терла, так и замерла, стоя на коленях, с рукой на левом его боку, думала, поспит, но он тотчас же задохнулся и проснулся. В пять часов утра я ушла. Меня заменила Лиза и Сережа сын. В семь часов разбудили доктора Щуровского, и он впрыснул морфий. Елпатьевский, доктор, тоже дежурил, но был так уставши, что все спал. День провел довольно спокойно. К левому боку Щуровский поставил еще мушкету.

Диктовал Маше в записную книгу.

2 февраля.

Вчера вечером приехали еще Соня, жена Ильи, дядя Костя старенький, Варя Нагорнова. Лев Николаевич каждому посетителю, повидимому, рад.

Ночь вчера началась опять тревожно. Когда я его поднимала с Буланже я много раз служила ему, он мне сказал: «Я тебя замучил, душенька».

В три часа ночи впрыснули маленькую дозу морфия (шестое деление), и через десять минут Л. Н. заснул и спал хорошо до утра. Сегодня в первый раз температура вместо 36 и 9 стала 35 и 9. Ел охотно тапиоку на молоке и яйцо и за обедом ждет с удовольствием воздушного пирога, разрешенного доктором.

Диктовал Маше поправки в статье «О свободе совести».

Вчера сняли группу со всех моих детей со мной. На память тяжелого, но содержательного и важного времени.

3 февраля.

Вчера к ночи опять ужас овладел моим сердцем. Температура поднялась до 37 и 8. Ночь тяжкая, в три часа ночи опять морфия впрыснули, но тоска и бессонница продолжались. До пятого часа я была с ним вдвоем, приходили два раза Сережа и доктор Альтшулер.

Когда я поднимала Левочку и служила ему, не присаживаясь ни на минуту, он жал и гладил нежно мои руки и говорил: «благодарствуй, душенька», или: «я тебя измучил, Соня». И я целовала его в лоб и руки и говорила, что мне большое счастье ходить за ним, лишь бы как-нибудь облегчать его страдания.

Было стеснение в груди, тяжелое дыхание; он все пил воду с вином и шампанское.

Сегодня утром все жар 37 и 4 или 37 и 2. Но диктовал все более и более слабым голосом поправки статьи. Интересуется содержанием писем, которые мы ему вкратце рассказываем.

Сегодня в «Русских Ведомостях», наконец, напечатано о болезни Льва Николаевича.

Вчера утром уехал Лева в Петербург.

Сейчас Л. Н. поел немного супу, яйцо и воздушный пирог. Спросил Соню: «А где вы в прошлом году мать схоронили?» — «Мы ее свезли, по воле брата, в Паники». — «Как бестолково, — сказал Л. Н., — зачем возить мертвое тело».

4 февраля.

Прошлую ночь впрыснули морфия, провел довольно спокойно. Утром был Л. Н. бодрее, чем все дни, температура 36 и 7, к вечеру опять поднялось до 37 и 7.

Щуровский уехал в Петербург. Сегодня же уехали Илья и Миша. Прощаясь с ними, он сказал, что, может быть, умрет, что последние двадцать пять лет он жил тою верою, с которой и умрет. Пусть близкие мои меня спросят, когда я совсем буду умирать. хороша ли, справедлива ли была моя вера: если и при

последних минутах она мне помогла, я кивну головой в знак согласия».

Илюша плакал, когда простился. Два раза сегодня Левочка призывал меня, раз спросил: «Что ты такая смиренная, ты лежишь?» А я сидела и мне было грустно, одиноко на душе, и он меня почувствовал.

5 февраля.

Положение все то же. Ночь под морфием, впрыснули восьмое деление. С утра 36 и 7, к шести часам вечера — 37 и 4. Спокойное состояние, молчаливое; пьет шампанское, молоко с Эмс, ест все тот же овсяный пюре-суп, яйца, кашки. Положили сегодня согревающий компресс. Сию усталая, застывшая; все переболело сердцем, все передумала, многое почувствовала — и вдруг вся прикинула в ожидании.

6 февраля, 9 часов вечера.

Бессонная ночь, два раза впрыскивали морфий, ничто не помогало. В пятом часу, усталая, я ушла отдохнуть. Утро все прошло в тревоге. Днем озноб и вдруг сильный жар. Температура дошла до 38 и 7. Боль в груди.

Приехали Елизаветьевский и Альтшулер. Говорят — кризис. Воспаление вдруг стало разрешаться со всех сторон. Что-то будет, когда спадет жар, и не упадут ли сразу силы? Мы все опять в ужасе. Я лежала два часа как мертвая, сразу силы меня оставили. Как выдержу ночь? Сегодня все будут не спать в ожидании кризиса.

«Все балансирую», — сказал сегодня Лев Николаевич племяннице Вариньке. Следит сам за пульсом и температурой, пугается, и мы принуждены обманывать, уменьшая градусы.

Холод, ветер ухудшают дело.

7 февраля.

Положение почти, если не сказать — совсем, безнадежное. Пульс с утра был не слышен, два раза впрыскивали камфару. Ночь без сна, боль в печени, тоска, возбужденное состояние от валериановых капель, от шампанского и пр. До пятого часа я внимательно старалась облегчать всячески его страдания. Милый мой Левочка, он только и засыпал, когда я легкой рукой растирала ему печень и живот. Он все благодарил меня и говорил: «душенька, ты устала».

К утру у Ольги начались схватки, и в семь часов она родила мертвого мальчика.

Сегодня Лев Николаевич говорит: «Вот все хорошо устроите, камфару впрыснете, и я умру».

Другой раз говорит: «Ничего не загадывайте вперед, я сам не загадываю».

А то спросил записи хода своей болезни: температура, лекарства, питание и пр. и внимательно читал. Потом спрашивал Машу, что она испытывала, когда был кризис ее тифа. Бедный, бедный, ему хочется еще жить, а жизнь уходит...

Утром температура была 36 и 2, сейчас, в седьмом часу вечера — 36 и 7. Ничего не хочется пить, все насильно. И когда сказали, что температура 36 и 6, он с отчаянием сказал: «И будет 37, и 37 и 5, и так далее».

Напал густой снег, сильный ветер. Ненавистный Крым! В ночи было 8 градусов мороза.

8 февраля.

Ночь Левочка провел спокойнее, хотя часто просыпался, но все же спал. Утро тоже спал. Температура была 36 и 4, и вечером — 36 и 7. Сейчас семь часов вечера, он слаб, дремлет, но все хорошо, и пульс и разрешение воспаления.

Диктовал сегодня Маше страничку своих мыслей: все против войны и б р а т о у б и й с т в а, как он выразился.

Сидела с ним дочь до пятого часа утра и с Павл. Алекс. Буланже, переворачивала его, меняла намоченное как-то им белье, поила лекарствами (дигиталис), шампанским и молоком.

Заглядываю в себя и вижу, что все существо мое стремится к тому, чтоб выходить любимого человека. И вдруг сидишь с закрытыми глазами, и шокемному выступают всякие мечты, целые планы жизни самой разнообразной, самой неправдоподобной... опомнишься к действительности, и опять нытье в сердце, что замирает жизнь человека, с которым так сжилась и без которого я себя представить не могу.

Странная, двойственная внутренняя жизнь. Объясняю себе это своим несокрушимым здоровьем, громадной жизненной энергией, просящейся наружу и находящей себе пищу только в те тяжелые минуты, когда действительно нужно что-нибудь делать: переворачивать, кормить, мыть, лечить больного; не спать — это самое трудное. А как только бездействие, сиденье часами при больном, так жизнь воображения начинает свою работу.

Если б не слепнувшие глаза — я бы читала, какое это было бы хорошее развлечение и занятие времени!

9 февраля.

Опять бессонная ночь, полная труда и тревог и страданий! Болела печень и живот, тазы ужасные, душили, давили на сердце.

Ставили клистиры, стало полегче. Когда ночью он просил его посадить и мне сесть сзади, чтоб поддерживать его — какие я испытывала страдания ощущать жалкие косточки моего мощного силача Левочки, бодрого, сильного и теперь жалкого, страждущего. Никто из ухаживающих не может ощущать того, что я. Кроме душевной боли, я все время испытываю, что что-то с страданиями отдирается от меня.

На-днях Л. Н. сказал: «Все болит, вся машина разладилась. Нос вытацишь, хвост увязнет, хвост вытацишь, нос увязнет». А сегодня утром, утомленный, говорит: «Как тяжело, умирать не умираешь, и не выздоравливаешь». Что-то будет!

Вчера был ясный день, и ему было лучше. Сегодня опять снег идет и темно, серо, на точке замерзания, а вчера было 3 градуса мороза.

Еще вечером вчера опять диктовал Л. Н. Павлу Александровичу Буланже свои мысли.

10 февраля.

Опять сегодня ясный день и 3 градуса тепла, и потому наш дорогой больной опять ночь спал хорошо и менее тоски днем, хотя слабость страшная, температура дошла днем до 36 и 3. Он ничего сегодня не говорит, ничем не интересуется, тихо лежит, пил три раза понемногу кофе, раз шампанское спросил, впрыскивали два раза камфару. Он спокоен, и на меня нашло спокойствие.

Перечитываю сочинение Льва Николаевича «Христианское учение». И мне кажется все время, что я это все давно, давно, с детства знаю и сама передумала двадцать раз.

«Цель жизни человеческой в желании блага себе и всему существующему. Достичь этого можно только единением людей между собой...»

А кто из нас в раннем еще детстве не испытывал этого чувства, чтоб всем было весело и хорошо. Мама веселая, папа смеялся, няне подарили платье, собачку накормили, с Мишей помирился — и так все весело, хорошо, потому что всем хорошо.

И вот живешь, вырастаешь. Везде страдания, всем не хорошо. На-днях газету пересматриваю: в Шемахе землетрясение, погибли в страшных мучениях тысячи людей... Англичане (солдаты) сделали из живых женщин и детей вал и им себя защитили, стреляя в буров, т. е. в отцов, мужей, братьев, сыновей этих самых женщин.

И уж не веришь, что мое горячее детское желание, чтоб всем было хорошо, имело бы какое-нибудь значение, и руки опускаются. Конечно, это не мешает духу стремиться все к тому же, к любви, к богу.

Вечер. Весь день почти Л. Н. спал, вечером подозревал Машу и меня и велел написать Лсве, который очень мучился, что огорчил отца своим романом и рекламой, сделанной редактором журнала, что роман написан против толстовцев, следующие слова: «Жалею, что сказал слово, которое огорчило тебя. Человек не может быть чужд другому, особенно когда так близко связан, как я с тобой. О прощении речи не может быть... конечно».

Взволновали мою маленькую душу раэные объявления о концертах, об исполнении вещей сочинения С. И., и я, как голодный хочет пищи, вдруг страстно захотела музыки, и музыки Танеева, которая своей глубиной так сильно на меня действовала.

12 февраля.

Эти дни Л. Н. очень сонлив, слаб и мало говорит. Вчера спросил у доктора Волкова, как лечат в простонародьи таких стариков, как он, впрыскивают ли им камфару, кто их поднимает, чем питают? Волков ему все рассказывал, говорил, что лечат так же, но что поднимают и помогают домашние, а часто соседи.

Вернулся Щуровский, привез свою дочку.

Саша больна кишечным катарром с кровью. Стало теплей.

Измучилась я и физически и душевно, но бог дает силы, и то благодарю его.

13 февраля.

Опять плохо проведенная ночь. Вчера весь день температура держалась около 37; сегодня держится на 36 и 5. Но сегодня большая слабость и сонливость весь день, даже не умывался и сонный едва проглотил две маленькие чашечки кофе, два яйца и один стаканчик молока. Утро я спала, весь день сижу с Левочкой и шью разные подушечки, подстилочки и т. п.

Кончила сегодня перечитывать Левочкино «Христианское учение». Очень хорошо о молитве и будущей жизни.

14 февраля.

Ночь тревожная. газы душили Л. Н. Ставили два шарика клистира с глицерином. и газы отходили. Давно я не была так слаба и утомлена, как сегодня. Опять сердце мое слабеет, и я задыхаюсь.

Читала вчера детям, Вале Нагорновой и барышням свой детский рассказед, еще не конченный, «Скелетцы», и, кажется, понравилось.

Относительно Левочки не знаю, что думать: он все меньше и меньше ест, все хуже и хуже проводит ночи, все тише и тише разговаривает. Ослабление это временное ли или уже окончательное — не пойму, все надеюсь, но сегодня опять напало уныние.

Как бы мне хотелось до конца с нежностью и терпением ходить за ним, не считаясь с старыми сердечными страданиями, которые он мне причинял в жизни. А вместе с тем сегодня я горько плакала от уязвленной вечно любви моей и заботе о Льве Николаевиче: спросил он овсянки протертой, я сбегала в кухню, заказала и села около него; он заснул. Овсянка поспела, и когда Л. Н. проснулся, я тихо положила на блюдечко и предложила ему. Он рассердился и сказал, что сам спросит, и во всю болезнь пишу, лекарства, питье принимает от других, а не от меня. Когда же надо его поднимать, не спать, оказывать интимные услуги, перевязывать компрессы — он все меня заставляет делать без жалости. И вот с овсянкой я употребила хитрость: позвала к нему Лизу, сама села рядом в комнате, и как только я ушла — он спросил овсянку и стал есть, а я стала плакать.

Этот маленький эпизод характеризует всю мою трудную с ним жизнь. Труд этот состоял в вечной борьбе от его духа противоречия. Самые разумные, нежные мои заботы о нем и советы — всегда встречались протестом.

15 февраля.

Третий день Левочка слабеет и отказывается принимать пишу. Сегодня осложнилось сильной болью в желчном пузыре. Я надела ему с Машей компресс из масла с хлороформом и вместе согревающий; сейчас полегче. Ноги и руки холодеют... Доктора все дают надежду, но сердце болит невыносимо, и плохо надеется. Сегодня ночь спал довольно много и хорошо, я дежурила до пяти часов утра, потом меня сменила Лиза. Когда Левочка страдал от колючей боли в правом боку, я нагнулась, поцеловала его в лоб и руки, говорю, что мне так жаль его, что он опять страдает. Он слабо взглянул на меня, полные слез глаза и тихо сказал: «Ничего, душенька, это хорошо».

И я рада, что сегодня в первый раз увидела в нем не мрачное желание ожить, а покорное смирение. Помоги ему бог, так легче и страдать и умирать.

Больна Саша, все кишечное расстройство с кровью и слизью. Уж и за нее стало страшно. Боже мой, какую мы переживаем мрачную зиму! Два мертворожденных внука. Болезнь

гяжкая Льва Николаевича — и что еще впереди! Сегодня у Л. Н. температура 36 и 2, а пульс 100. Впрыскивали опять камфару.

Вечером. Получила письмо от петербургского митрополита Антония, увещающего меня убедить Льва Николаевича вернуться к церкви, примириться с церковью и помочь ему умереть христианином. Я сказала Левочке об этом письме, и он мне сказал, было, написать Антонию, что его дело теперь с богом, напиши ему, что моя последняя молитва такова: «От тебя изшел, к тебе иду. Да будет воля твоя». А когда я сказала, что если бог пошлет смерть, то надо умирать примирившись со всем земным, и с церковью тоже, на это Л. Н. мне сказал: «О примирении речи быть не может. Я умираю без всякой вражды или зла, а что такое церковь? Какое может быть примирение с таким неопределенным предметом?» Потом Л. Н. прислал мне Таю сказать, чтоб я ничего не писала Антонию.

Сейчас у него усилились боли в правом боку, воспаление держится, и завтра поставят мушку.

Туман, свежо; перед Гаспррой стоит в море пароход, и sireны жалобно кричат. Видно, пароходы стоят на якоре и боятся пускаться в туман.

16 февраля.

Сегодня Льву Николаевичу немного лучше: он не страдает ничем, лежит тихо, спал и ночью и днем лучше. Боюсь радоваться. Уехал Щуровский, приезжает Сливицкий, бывший земским врачом у Сухотиных, человек немолодой, хороший. С утра погода была ясная, теплая, теперь опять заволокло.

Читала, сидя при спальном Льве Николаевиче, о последних годах жизни Байрона. Много незнакомых имен, эпизодов, много специального, но очень интересно. Какой был сильный, значительный человек и поэт. Как правильно относился ко многим вопросам, и теперь еще не дозревшим в обществе. Трогательная кончина и друга его Шелли, утонувшего в море, и его самого, преследующего в Греции цель общего умиротворения.

Удивительно, как бескорыстны доктора: ни Щуровский, ни Альтшулер, ни бедный, но лучший по доброте из трех — земский врач Волков, никто не берет денег, а все отдают и время, и труд, и убытки, и бессонные ночи. Сегодня поставили мушку к правому боку.

Вечером разломило мой затылок, голова совсем не держится, я прилегла на диване в комнате, где лежит Лев Николаевич. Он меня кликнул. Я встала, подошла. «Зачем ты лежишь, я тебя так не позову», — сказал он. — «У меня затылок болит, отчего же ты не позовешь, ведь ночью ты же зовешь меня?» — И я села

на стул. Он опять кликнул. «Поди в ту комнату, ляг, зачем ты сидишь?» — «Да ведь нет никого, как же я уйду?» — Пришел в золнение, а у меня чуть не истерика, так я устала. Пришла Маша, я ушла, но захватила дела со всех сторон: бумаги деловые от артельщика из Москвы, повестки, переводы. Все надо было вписать в книгу, подписать и отправить. Потом Саше компресс, клистир, потом прачке и повару деньги, записки в Ялту...

19 февраля.

Несколько дней не записывала, очень труден уход, времени остается мало, едва на хозяйство и нужные дела и письма.

Бедный мой Левочка все лежит слабенький, все томится продолжительной болезнью. Приехал 17-го вечером Сливицкий, доктор, жить пока постоянно. Приезжают всякий день Волков и Альтшулер; впрыскивают ежедневно камфару, дают Nux vomica. Пьет Л. Н. очень охотно, до четырех сегодня полубутылочек кефира. Находят доктора, что очень туго разрешается воспаление правого легкого. Но меня больше всего смущает ежедневная лихорадка. Утром температура 36 и 1, к шести часам вечера — уже 37 и 5. Так было вчера и сегодня.

Татарин пришел на поклон с желанием здоровья, принес феску и чадру в подарок; и Л. Н. даже померил феску. А третьего дня ночью опять позвал Буланже и диктовал ему свои мысли. Какая потребность умственной работы!

20 февраля.

Вчера было лучше, температура дошла только до 37 и 1, сам Л. Н. бодрее. Вчера говорит доктору Волкову: «Видно, опять жить надо». Я спрашиваю: «А что, скучно?» — Он оживленно вдруг сказал: «Как скучно? Совсем нет, очень хорошо». Вечером очень заботился о том, что я устала, жал мне руку, нежно на меня смотрел и говорил: «Спасибо, душенька, очень хорошо».

22 февраля.

Льву Николаевичу лучше, температура утром 36 и 1, вечером — 36 и 6. Впрыскивают камфару, а мышьяк второе утро. Уехал сегодня Буланже, с неохотой возвращаясь к семье. Какое это несчастье иметь и не любить семью. Остаются одни трудности.

Продолжаю сидеть ежедневно всю ночь до пятого часа утра, а потом от утомления и спать не могу. Весь день сижу, пишу в комнате больного, которого всякий малейший шорох

раздражает, Хозяйство здесь трудно и скучно по дороговизне. Написала несколько слов в ответ на письмо митрополита Антония. Больна все Саша, острый перепончатый колит; кроме того ухо и зубы болят. Холодно, снег шел.

Получила от Бутенева письмо с предложением отказаться от звания попечительницы приюта, так как я отсутствую и не могу быть полезна приюту. Посмотрим, кого выберут и как поведут свои дела.

23 февраля.

Опять плохая ночь, в кишках задержки, а вследствие задержек гнилостное разложение содержимого, отравляющего кровь и, следовательно, сердце. К вечеру поднялась температура до 37 и 4, а пульс доходил до 107, но скоро перешел на 88, 89.

Ночью позвал меня: «Соня?» Я подошла. — «Сейчас видел во сне, что мы с тобой едем в санках в Никольское».

Утром он мне сказал, что я очень хорошо за ним ночью ходила.

25 февраля.

Первый день великого поста. Так и хочется этого настроения спокойствия, молитвы, лишений, ожидания весны и детских воспоминаний, которые возникали в Москве и Ясной с наступлением великого поста.

А здесь все чуждо, все безразлично.

Лев Николаевич приблизительно все в том же положении. Утром читал газеты и интересовался полученными письмами, но неинтересными. Двое ущевают вернуться к церкви и причаститься, — и раньше были такие письма, — двое просят сочинения даром; два иностранных выражают чувства восторга и уважения. Получила и я письмо от княжны Марии Дондуковой-Корсаковой, чтоб я обратила Л. Н. к церкви и причастила.

Вывели, — помогли выйти Л. Н. из церкви эти владыки духовные, а теперь ко мне подсылают, чтобы я его вернула. Какое недомыслие!

Серо, холодно, ветер. Отвратительный весь февраль, да и вообще климат очень нездоровый и дурной. — Саше лучше.

27 февраля.

Вчера ничего не писала, с утра уже я заметила ухудшение в состоянии Льва Николаевича. Он плохо накануне спал, вчера день весь мало ел, посреди дня поднялась температура до 37 и 5.

а к ночи стала 38 и 3. И опять ужас напал на меня: когда я считала этот ужасный, быстрый, до 108 ударов в минуту, с перебоями пульс, со мной чуть дурно не сделалось от этой сердечной *angoisse*, которую я уже столько раз переживала за эту зиму.

Но ночь спал Л. Н. недурно.

Сережа удивительно бодро, кротко и старательно ходил за отцом всю ночь. Лев Николаевич мне говорил: «Вот удивительно, никак не ожидал, что Сережа будет так чутко, так внимателен», и голос задрожал от слез.

Сегодня он мне говорит: «Теперь я решил ничего больше не ждать, я все ждал выздоровления, а теперь, что есть сейчас, то и есть, а вперед не заглядывать». Сам Л. Н. напоминает дать ему дигиталис или спросит градусник померить температуру. Пьет опять шампанское, позволяет себе впрыскивать камфару.

Саша встала, сошла вниз и сидела утро у отца. Да, воспитанные мною дочери понимают хорошо, в чем долг.

28 февраля.

Сейчас десять с половиной часов вечера, у Льва Николаевича опять жар, 38, и пульс плох, с перебоями, и опять страшно. Сегодня он Тане говорил: «Хороша продолжительная болезнь, есть время к смерти приготовиться».

Еще он сегодня же ей сказал: «Я на все готов: и жить готов и умирать готов».

Вечером гладил мои руки и благодарил меня. Когда а ему меняла одеяло, он вдруг рассердился, ему холодно показалось. И, верно, после он пожалел меня.

С утра он ел, просмотрел газету, к вечеру же очень ослабел.

Страшная буря, 1 градус мороза, ветер стучит, воеет, трясет рамы.

Пролила чернила и все испачкала.

4 марта.

Льву Николаевичу день ото дня лучше. Слушали доктора, нашли еще крупные хрипы. Диктовал мне вчера вечером ответное письмо Бертенсону, и ежедневно диктует кому-нибудь письма открытые Буланже. Прекрасный человек этот Буланже, ходил за Л. Н. как сын, а какое-то у меня к нему брезгливое чувство, прямо почти физическое, отталкивающее. Вообще редко мужчины бывают симпатичны,

5 марта.

Льву Николаевичу лучше; температура утром 35 и 7, вечером — 36 и 7. Доктора находят все еще какие-то хрипы, а так, если не знать о них, то все нормально. Аппетит такой огромный, что Лев Николаевич никак не дожидается, когда ему время обеда, завтрака и пр. Кефиру он выпил за сутки три бутылочки. Сегодня просил повернуть кровать к окну и смотрел на море. Очень он худ и слаб еще. Ночи плохо спит и требователен: раз пять в час позовет, то подушку поправить, то ногу прикрыть, то часы не так стоят, то кефиру дай, то спину освежи, посидеть, за руки подержать... Только приляжешь на кушетку, опять зовет.

Ясный день, лунные ночи, а я мертвая, как мертвая здешняя каменная природа и скучное море. Птички все пели у окна, и почему-то ни птицы, ни жужжащая у окна муха, ни луна не принадлежат Крыму, а все же напоминают ясно-полянскую или московскую весну, а муха — жаркое лето в рабочую пору, а луна — наш хамовнический сад и мои возвращения с концертов...

6 марта.

Ужасно проведенная прошлая ночь. Тоска в теле, в ногах, в душе, и все не по нем, а главное, что меня огорчило в Льве Николаевиче, это то, что он — оговариваясь, что это дурно, — роптал на то, что выздоровел. — «Я все думаю, зачем я выздоровел, лучше бы уж умер».

День он провел в апатии, я все так же сижу при нем весь день, только ушла во флигель в первый раз поиграть немного свои любимые вещи.. Но нет, и этого уж не могу.

7 марта.

Испугались сегодня ужасно, пульс вдруг среди дня забил 108 ударов в минуту, а сам Лев Николаевич в апатии с утра, не сидел, не умывался и почти не обедал, только утром поел с аппетитом. Температура выше 36 и 8 не поднималась, к вечеру было даже меньше. Заболела печень, положили компресс и на живот и на легкие.

Погода эти три дня ясная, но *fond de l'air* холодный. С утра было 4—5 градусов тепла и ветер. Но солнце жжет, почки надулись, птицы поют.

8 марта.

С утра встала совсем больная: болит под ложечкой, спит, хотя Л. Н. сегодня ночь провел очень хорошую, спал больше других ночей.

Тяжелая сцена с Сережей. Ужасный у него характер: вздорный, крикливый, так и лезет, чтоб *chercher querelle*¹. Я сегодня взяла кофе и ушла в гостиную, а то опять со мной сделалась бы истерика, как было на-днях, потому что Сережа кричит до тех пор на человека, пока тот не выдержит. Все вышло из-за кресла Льву Николаевичу: Сережа говорит, что надо в Одессу телеграфировать, но куда и кому — он не знает. Я говорила, что надо прежде знать, какое кресло, и подробно написать об этом в Москву. И он на это разозлился и стал кричать.

10 марта.

В первый раз я вышла погулять, и сразу меня поразила совершенная весна. Трава — как у нас в России в мае. Примулы цветут пестрые, одуванчики и глухая крапивка кое-где. На деревьях готовится цвет и почки. Яркое солнце, синее небо и море, и птицы, эти милые создания, везде поют.

Льву Николаевичу с хорошей погодой стало значительно лучше. Температура сегодня 35 и 9, пульс 88. Аппетит огромный, и кефир пьет все с наслаждением день и ночь. Читает газеты и письма, но что-то не весел.

Вчера уехали Лиза Оболенская и доктор Сливичкий. Ночевал у Л. Н. армянин доктор, сосланный, и я опять до четырех с половиной часов, потом Тania.

11 марта.

Лев Николаевич поправляется. Была в Ялте, ясно, небо и море голубые, птицы поют, трава лезет всюду; деревья еще голы, только кое-где миндаль цветет. Вечером сидела с Л. Н., он говорит: «Я все стихи сочинял, перефразировал:

Все мое, сказала злато,

а я говорил:

Все сломлю, сказала сила.

Все вражду, сказала мысль.

Обтерли все его тело спиртом с теплой водой, уложили спать в десять часов.

12 марта.

Льву Николаевичу медленно, но лучше. Сегодня он читал «Вестник Европы», газеты, интересовался московскими новостями от приехавшего из Москвы Левы Сухотина. Был доктор Альшулер и думает еще мушку поставить.

¹ Поссориться.

Сидела упорно весь день дома и шила, вставая только для услуг Льву Николаевичу. С утра я его всегда сама уываю, кормлю завтраком, причесываю. Сегодня к вечеру температура 36 и 8, но он хорошо ел и скоро заснул. Поправляется он несомненно, но пульс все от 89—88 до 92.

13 марта.

Стало тепло, 13 градусов тепла в тени, и шел теплый дождь. Льву Николаевичу все лучше и лучше.

Прочла вчера вечером поздно перевод статьи Эмерсона: «Высшая душа». Мало нового я нашла в этом сочинении, все давно сказано и лучше у древних философов. Между прочим, рассуждение, что всякий гений гораздо ближе в общении с умершими философами, чем с живущими близкими семейного очага. Довольно наивное заключение. Разумеется, когда отпадает земная матерьяльная жизнь, то остаются после умерших философов только их записанные мысли. Так не только гении, но мы все, простые смертные, читая эти мысли, приходим в общение с умершими мыслителями гораздо ближе, чем даже с гениями, но живущими. Живые гении, пока они не сбросили с себя матерьяльную оболочку и не перешли своими произведениями в историю,— созданы для того, чтоб поглощать все существование этих, якобы не понимающих их близких домашнего очага.

Гению надо создать мирную, веселую, удобную обстановку, гения надо накормить, умыть, одеть, надо переписать его произведения бесчисленное число раз, надо его любить, не дать поводов к ревности, чтоб он был спокоен, надо вскормить и воспитать бесчисленных детей, которых гений родит, но с которыми ему возиться и скучно и нет времени, так как ему надо общаться с Эпиктетами, Сократами. Буддами и т. п. и надо самому стремиться быть ими.

И когда близкие домашнего очага, отдав молодость, силы, красоту — все на служение этих гениев, тогда им упрекают, что они не довольно понимали гениев, а сами гении и спасибо никогда не скажут, что им принесли в жертву не только свою молодую, чистую жизнь матерьяльную, но атрофировали и все душевные и умственные способности, которые не могли ни развиваться, ни питаться за неимением досуга, спокойствия и сил.

Служила я я, сорок лет скоро, гению, и знаю, как сотни раз поднималась во мне умственная жизнь, всякие желанья, энергия, стремление к развитию, любовь к искусствам, к музыке... И все эти порывы я подавляла и глушила и опять, и

опять, и теперь, и так до конца жизни буду так или иначе служить своему гению.

Всякий спросит: «Но для чего тебе, ничтожной женщине, нужна была эта умственная или художественная жизнь?»

И на этот вопрос я могу одно ответить: «Я не знаю, но вечно подавлять ее, чтоб материально служить гению,— большое страдание». Как бы ни любить этого человека, которого люди признали гением, но вечно родить, кормить, шить, заказывать обед, ставить компрессы и клистиры, туго сидеть молча и ждать требований материальных услуг — это мучительно, а за это ровно ничего, даже простой благодарности не будет, а еще найдется многое, за что будут упрекать. Несла и несу я этот непосильный труд — и устала.

Вся эта тирада на непонимание гениев своими домашними у меня вылилась с досады на Эмерсона и на всех тех, которые со времен Сократа и Ксантиппы писали и говорили об этом.

Когда между женой гения и им существует настоящая любовь, как было между нами с Львом Николаевичем, то не нужно жене большого ума для понимания, нужен инстинкт сердца, чутье любви — и все будет понятно, и оба будут счастливы, как были мы. Я не замечала всю жизнь своего труда — служения гениальному мужу, и я почувствовала больше этот труд, когда после чтения дневников моего мужа я увидела, что для большей своей славы он всюду бранил меня; ему нужно было оправдать как-нибудь свою жизнь в роскоши (относительно) со мной... Это было в год смерти моего Ваночки, когда я огорченной душой больше примкнула к мужу — и жестоко разбилась сердцем и разочаровалась в нем.

15 марта.

Прошлую ночь провел Л. Н. без сна, тоска в ногах, в животе нитье.

19 марта.

Жизнь так однообразна, что нечего записывать. Болезнь Л. Н. почти прошла. осталась слабость и иногда маленькое повышение до 37 градусов температуры. Пульс утром 80, после еды 92—96. Аппетит большой, но ночи тревожные.

Отношения его расположения духа одно очевидно, что он мрачно молчалив. Беспреданно застаю его сосредоточенно считающим удары пульса. Сегодня, бедненький, смотрел в окно на солнце и все просил меня хоть на минутку отворить дверь террасы. но я не решилась, боюсь.

Еще прошло много времени с малыми событиями. Уехали 30 марта Тая и ее семья; 24-го приехал Андрияша. Здоровье Л. Н. почти в том же положении, только пульс очень учащен эти последние три дня. Лечения всякого — без конца: впрыскивают мышьяк со 2 апреля; сегодня электричеством живот лечили. Принимал Nux vomica, теперь магнезию, а на ночь висмут с кодеином и эфирно-валериановые капли. Ночи — вначале все тревожные, болит живот и ноги. И вот приходится растирать ноги, и это мне очень тяжело: спина болит, кровь к лицу приливает и делается истерическое состояние. Вообще все отрицалось, когда здоровье было хорошо, а при первой серьезной болезни — все пушено в ход. По три доктора в день собираются почти через день; уход трудный, и много нас, и все утомлены и заняты, и жизнь личная всех нас поглощена болезнью Л. Н. Лев Николаевич прежде всего писатель, излагатель мыслей, но на деле и в жизни он слабый человек, много слабее нас, простых смертных. Меня бы мучило то, что я писала и говорила одно, а живу и поступаю совершенно по-другому; а его это, кажется, не очень тревожит. Лишь бы не страдать, лишь бы жить, выздороветь... Какое внимание ко времени приемов лекарств, перемены компресса; какое старание питаться, спать, утолять боль.

Убийство министра внутренних дел Сипягина очень изволновало Л. Н. Зло родит зло, и это действительно ужасно. Сегодня Л. Н. долго писал письмо великому князю Николаю Михайловичу и опять излагал ему, как и в письме государю, свои мысли о земельной собственности по системе Henry George'a. Писал ему и о том, что убийство Сипягина может повлечь дальнейшее зло и надо прекратить его, переменяя систему управления Россией.

Вчера и сегодня играла во флигеле, одна, очень приятно, часа два с лишком.

Погода отвратительная: буря, холодный ветер, все эти дни 4 градуса тепла днем. Сегодня 7 градусов. Из дома не выхожу, шью, читаю, глаза плохи.

13 апреля.

Суббота, вечер накануне Светло-Христово воскресения, и, боже мой! какая невыносимая тоска. Сажу одинокая наверху, в своей спальне, рядом внучка Сонюшка спит. А внизу, в столовой, идет языческая, несимпатичная мне суетолока. Играют в винт, выкатили туда в кресле Льва Николаевича, и он с азартом следит за Сашкиной игрой.

Я очень одинока. Дети мои еще деспотичнее и грубо настоятельнее, чем их отец. А отец так умеет неотразимо убеждать в парадоксах и лживых идеях, что я, не имея ни его ума, ни его prestige'a — совершенно бессильна во всех своих требованиях. Он меня крайне огорчает своим настроением. С утра, весь день и всю ночь, он внимательно, час за часом выхаживает и заботится о своем теле. Духовного же настроения я не усматриваю никакого решительно. Бывало, он говорил о смерти, о молитве, об отношении своем к богу, к вечной жизни. Теперь же я с ужасом присматриваюсь к нему и вижу, что следа не осталось религиозности. Со мной он требователен и неласков. Если я от усталости что неловко сделаю, он сердито и брюзгливо на меня крикнет.

11 мая.

Мне совестно, что я как бы с недобрим чувством к Левочке и своим семейным писала свой последний дневник. Мне было досадно за отношение к страстной неделе всех моих, и я, вместо того чтоб помнить только себя в смысле греховности, переискала досаду на близких. «Даждь мне зрети прегрешения мои и не осуждати брата моего»...

Сколько прошло уже с тех пор времени, и как тяжело, ужасно опять то, что мы переживаем!

После своей последней болезни, воспаления в легких, Л. Н. начал поправляться, ходил с палочкой по комнатам, отлично питался и варил желудок.

Маша мне предложила поехать по делам в Ясную и Москву, так как очень нужно это было. Подумав, я решила ехать на возможно короткий срок и выехала 22 апреля утром.

Поездка моя вполне была успешна и приятна. Пробыла я день в Ясной Поляне, куда приезжал и Андриуша. Погода была прелестная, я так люблю раннюю весну с нежной зеленью, с надеждой на что-то хорошее, свежее, новое... Усердно занялась счетами, записями, прошла с инструктором по всем яблочным садам, посмотрела скотину и на заходе солнца пошла в Чепыж. Медунчики, фиалки цвели, птицы пели, солнце за срубленный лес садилось, и природа, чистая, независимая от людских жизней и тревог природа доставила мне огромное наслаждение.

В Москве порадовало меня отношение ко мне людей. Такое дружеское, радостное, точно все мне друзья. Даже в магазинах, банках и везде — меня приветствовали так хорошо после долгого отсутствия.

Устроила успешно дела, побывала на передвижной выставке и на выставке петербургских художников; побывала на экзаменационном спектакле и слушала Моцарта, веселую музыку опе-

ретки «Cosi fan tutti». Повидала много друзей, собрала в воскресенье свой маленький любимый кружок: Масловы, Маруся, дядя Костя, Миша Сухотин, Сергей Иванович, который мне играл Аренского мелкие вещи, сонату Шумана и свою прелестную симфонию, которая больше всего мне доставила удовольствия.

Удовлетворенная, успокоенная, я поехала обратно в Гаспру, надеясь и судя по ежедневным телеграммам, что все там благополучно. Мне казалось таким удовольствием прожить еще месяц май в Крыму, радуясь за поправление Льва Николаевича. И вдруг, возвратившись 1 мая вечером в Гаспру, я узнаю, что у Л. Н. жар второй или третий день по вечерам. И вот пошло ухудшение со дня на день. Открылся сильный понос, жар ежедневно повышался, и, наконец, обнаружился брюшной тиф. Все эти дни и ночи — сплошное для всех страдание, страх, беспокойство. До сих пор сердце выдерживало хорошо болезнь; но прошлую ночь, с 10-го на 11-е, при температуре, доходившей раньше до 39 градусов, а сегодня 38 и 6, пульс вдруг стал путаться, ударов шесть невозможно, что-то ползучее, беспрестанно останавливающееся было в слабом, едва слышном пульсе. Я сидела у постели Левочки всю ночь, Количка Ге приходил и уходил, отказываясь неуменем следить за пульсом. В два часа ночи я позвала живущего у нас доктора Никитина. Он дал строфант, побыл и ушел спать. В четыре часа ночи я ощупала опять пульс, и улучшения не было. Тогда дали кофе с двумя чайными ложками коньяку и впрыснули камфару. К утру пульс стал лучше, сделала обтирание, температура упала до 36 и 7.

Теперь Лев Николаевич тихо лежит тут же, в этой большой мрачной гаспринской гостиной, а я пишу за столом. В доме мрачно, тихо, зловеще.

Состояние духа Л. Н. слезливое, угнетенное; но умирать ему страшно не хочется. Вчера он все-таки сказал на мой вопрос, каково его внутреннее настроение: «Устал, устал ужасно, и желаю смерти». Но он усиленно лечится, и сам следит за пульсом и лечением. По утрам, когда легче, он следит за газетами, просматривает письма и присылаемые книги.

Сегодня приезжает из Москвы доктор Щуровский, из Кочетов — дочь Таня, Сережа, Ге, Игумнова и Наташа Оболенская и Саша — все ухаживают за больным. Сережа недобр ко мне и тяжел.

13 мая

Льву Николаевичу, слава богу, лучше. Температура равномерно падает, пульс стал лучше, понос прекратился. Щуровский уехал вчера. Приехал сегодня сын Илья, приехал П. А. Буланже. Количка Ге уезжает завтра. В доме света довольно

тяжлая. Сережа невыносим; он выдумывает, на что бы сердиться на меня, и придумал вперед упрекать, что я будто бы хочу везти отца будущей зимой в Москву. Как неразумно, зло и бесцельно! Еще Л. Н. не встал от тяжелой болезни, а Сережа уже задумывает, что будет осенью. А какие мои желанья? Я совсем не знаю. Впечатлительность, яркое освещение и понимание жизни, желание покоя и счастья — все это повышенно живет во мне. А жизнь дает одни страдания — и под ними скло- няешься.

Живешь сегодняшним только днем, и если все хорошо, ну и довольно. Играла сегодня часа два одна во флигеле, пока Л. Н. спал.

15 мая.

Неприятность с Сережей не прошла даром. Вчера у меня сделались такие страшные боли во всем животе, что я думала, что я умираю. Сегодня лучше. У Л. Н. тиф проходит, температура вечером после обтирания была 36 и 5, пульс 80. Maximum температуры было сегодня 37 и 3. Но слаб он и жалок ужасно. Мне запретили ходить по лестнице, но я не вытерпела и пошла его навестить. Холодно, 11 градусов.

16 мая.

Льву Николаевичу все лучше, температура доходит только до 37 и то неполных. Скучает он, бедный, очень. Еще бы! Пять месяцев болезни.

Получил сегодня письмо от великого князя Николая Михайловича в ответ на свое. Диктовал все о том же, что его теперь больше всего занимает: о неравном распределении земельной собственности и несправедливости владения землей.

Нездорова животом, слаба, пульс у меня 52. Юлия Ивановна тоже нездорова. После того как я съездила в Москву, еще тяжелей стала жизнь здесь, еще напряженнее, и просто я чувствую, что сломясь совсем. Только бы уехать!

22 мая.

Лев Николаевич постепенно поправляется: температура нормальная, не выше 36 и 5, пульс 80 и меньше. Он теперь наверху; внизу все чистили и проветривали. Погода дождливая и свежая. Все в доме вдруг затосковали, даже Л. Н. мрачен, несмотря на выздоровление. Всем страшно хочется в Ясную Поляну, а Тане к мужу, Илюше к своей семье. Теперь, когда миновала всякая опасность, если быть искренним до конца,—всем

захотелось опять личной жизни. Бедная Саша, ей так закононо в ее года этого желать.

Играла и вчера и сегодня одна во флигеле, очень это приятно. Учю усердно трудный scherzo (второй, с пятью бемолями) Шопена. Как хорош, и как он гармонирует с моим настроением! Потом разбирала Rondo Моцарта (второе, la mineur), грациозное и легонькое.

Сегодня лежу и думаю: отчего к концу супружеской жизни часто наступает постепенно некоторое отчуждение между мужем и женой. И общение с посторонними часто приятнее, чем друг с другом. И я поняла: — отчего. Супруги знают друг друга со всех сторон, как хорошее, так и дурное. Именно к концу жизни умнеешь и яснее все видишь. Мы не любим, чтоб видели наши дурные стороны и черты характера, мы тщательно скрываем их от других, показываем только выгодные для нас, и чем умнее, ловчее человек, тем он лучше умеет выставлять все свое лучшее. Перед женою же и мужем — это невозможно, ибо видно все до дна. Видна ложь, видна личина — и это неприятно.

Видела вчера во сне моего Ваничку; он так ласков и старательно меня крестил своей бледной ручкой. Проснулась и плакала. А семь лет прошло с его смерти. Лучшее счастье в моей жизни была его любовь и вообще любовь маленьких детей ко мне.

Читаю Фильдинга «Душа одного народа», перевод «The soul of a people». Прелестно. Чудесная глава «О счастье». Насколько буддизм лучше нашего православия, и какой чудесный народ бирманцы!

29 мая.

Целую неделю не писала. 25-го, в субботу, уехала к себе в Кочеты Таня. Льва Николаевича снесли вниз и выпустили на воздух, на террасу, в кресле 26-го числа. После этого он ежедневно на воздухе, и силы его быстро возвращаются. Вчера он даже прокатился с Ильей в коляске. Был вчера Ламанский, профессор, и еще какой-то странный человек, говоривший о некультурности крестьян и о необходимости этим заняться. Он прибавлял поминутно: «ragdon», и нарочно не выговаривал «р». Лев Николаевич на него досадовал, но когда я его удалила и стала считать пульс, который был 94 удара в минуту, Л. Н. с досадой на меня крикнул при Ламанском: «ах, как ты мне надоела!» Так и резуло по сердцу.

Сегодня уехал Илюша, счастливый тем, что был полезен и приятен отцу это время.

5 июня.

Все еще в Крыму. Время идет быстро, все мы заняты и перестали уже так безумно стремиться домой. Здесь теперь очень хорошо: жаркие, ясные дни, лунные, прелестные ночи. Сажу сейчас наверху и любуюсь отражением луны в море. Лев Николаевич похаживает с палочкой, как будто здоров, но худ и слаб еще очень. Мне больно, больно на него часто смотреть, особенно когда он покорно кроток, как все это последнее время. Вчера только раздражался на меня, когда я его стригла и чистила ему голову. По утрам он пишет, кажется, воззвание к рабочим и еще о земельной собственности и иногда переутомляется.

3 июня был доктор Бертенсон, нашел Льва Николаевича в хорошем состоянии, кроме кишечника.

11 июня.

Сегодня Л. Н. ездил с доктором Волковым кататься в Ай-Тодор, в юсуповский парк и очень любовался. Были: жена Альтшулера, Соня Татарнинова, семья Волкова, Елпатьевский с слугою. Пришла целая толпа чужих и смотрела в окно на Льва Николаевича.

Живем это время хорошо, погода теплая, здоровье Л. Н. довольно успешно идет к лучшему. Ездил два раза верхом, раз в Орианду с Классеном, раз в Алупку с ним же и Сашей. Очень приятно. Играю, шью, фотографирую. Лев Николаевич пишет обращение к рабочим людям, все то же, что и царю, «О земельной собственности». Собираемся ехать 15-го, рокою, но рада. Укладываюсь понемногу.

13 июня.

Мы, кажется, опять не уезжаем из Гаспры: в России сырость, дожди, холод, 12 градусов только. Потом у Льва Николаевича расстройство желудка. Он так ослабел вообще, что произвольно ночью мочу выпускает, и мне пришлось все белье ему менять. И как он жалок, худ, как ему часто совестно!

Бедный, я видеть его не могу, его знаменитость всемирную,— а в быдешней жизни худенький, жалкий старичок. И все работает, пишет свое обращение к рабочим. Я сегодня его все переписала, и так много нелогичного, непрактического и неясного. Или это будет плохо, или еще много придется работать над этой статьей. Несправедливость владения землей богатыми в ущерб полный крестьянам — действительно вопиющая несправедливость. И вопрос этот разрешить быстро — нельзя.

15 июня.

Вчера приехали Сережа и Буланже.

17 июня.

Кончается тетрадь, надеюсь, и наша жизнь в Крыму. Мы опять не уехали, заболела Саша инфлуэнзой; сегодня ей лучше. Лев Николаевич ездил на резиновых шинах в коляске Юсуповых кататься в Орианду с Буланже. Вечером играл в винт с Сережей, Буланже и Классеном. У него болит коленка и нехорош желудок.

Дурные вести о Маше, опять в ней мертвый ребенок! И это седьмой, просто ужасно. Неприятно с башкирами. — Весь день толклись разные посетители.

26 июня.

Вчера мы наконец выехали из Гаспры. Результат жизни в Крыму — везем совершенно больную Сашу, у которой две недели жар и совершенно больные кишки, и не поправившегося Льва Николаевича.

Вчера на пароходе (в первый раз в жизни) красиво и хорошо. Сегодня едем в роскошном вагоне с салоном. Саша и Л. Н. лежат утомленные путешествием. Слава богу, завтра будем дома. У Л. Н. болит живот и ноги. Положили компрессы. Писать трудно, трясет.

27 июня. Ясная Поляна.

Сегодня приехали из Крыма. Ехали до Ялты на лошадях, больные — Лев Николаевич и Саша — в коляске Юсуповых на резиновых шинах. Ехали: Лев Николаевич, Саша, я, Сережа сын, Буланже, Ю. И. Игумнова, доктор Никитин. В Ялте сели на пароход «Алексей». Дамы, букеты, проводы... На пароходе Л. Н. сидел в кресле на палубе, завтракал в общей зале и чувствовал себя хорошо. В Севастополе пересели на ялик, доехали до вокзала опять по заливу моря, солнце ярко светило, было очень красиво. Вагон стоял отдельный для Л. Н. с салоном, большой и удобный. Саша была плоха и жалка, у нее все кишечная болезнь. В Харькове овации, больше все дам. Вошел к нам Плевако, интересно рассказывал свои разные дела. В Курске с выставки народного образования — пропасть чарода на вокзале. Жандармы толкали публику, входили в вагон депутаты от учителей, учительниц и студентов. Пришел Миша Стахович, Долгорукий, Горбунов, Ладыженский и пр. Хорошие разговоры Плеваки и Стаховича.

Радостно было приехать в Ясную, но опять омрачилось. Маша начала мучаться и вечером родила мертвого мальчика.

1 июля.

Разбирала письма. Дождь льет. Приехали Оболенский Д. Д. и Соломон. Интересные разговоры, Л. Н. участвовал в них охотно. Сегодня ему лучше, температура 37 вечером. Дали 5 гран хинина.

2 июля.

Лев Николаевич пьет много кумыса, ходит по комнатам бодро, много пишет по утрам, но еще не выходит, все сыро и свежо. Саше лучше.

3 июля.

Приехали и уже уехали Вася Маклаков и Мария Александровна. Сережа и Соломон уехали сегодня утром. Лев Николаевич ходил во флигель навестить Машу, а вечером играл в чепуху с Васей Маклаковым вторую симфонию Гайдна. Саша принесла рыжиков, их много.

4 июля.

Лев Николаевич здоров, дошел до флигеля и обратно. Вечером много разговаривал с своим доктором Никитиным о психиатрах и не одобрял их.

23 июля.

С страшной быстротой летит время. 5 июля поехала к Илюше в Калужскую губернию, провела в их Мансурове с внуками, Идлей и Сошей прекрасные два дня. Гуляли, катались по красивой местности и лесам, разговаривали по душе о многом.

7 июля поехала к Мише в Бегичево. Прелестный симпатичный маленький внук Ванчикка. Лина деликатная, серьезная и любящая женщина. Миша слишком молод и заносчив, но не долго. Пока за них спокойно и радостно, благодарю бога. 8-го ночью вернулась с Мишей в Ясную. Лев Николаевич здоров, но слаб. 10-го у Саши нервный припадок.

11 июля ездили с Сашей на именины Ольги в Таптыково. Провели хороший день, вернулись ночью после ливня.

Заболел серьезно Михаил Сергеевич Сухотин: гнойное воспаление левого легкого. Очень я беспокоилась и жалела Таню, и наконец поехала туда в Кочеты 16 июля вечером. Там грустно, чуждо. Очень жалкий, исхудавший Михаил Сергеевич, и Таня, измученная, напряженная, ночи все с ним не спит. Пробыла четыре дня, вернулась 21-го утром.

Все свежо, вчера лил дождь, рожь в снопах не созрела. Овес еще не косили. Сейчас вечер, 10 градусов тепла только! — Ездил вчера до дождя по всей Ясной Поляне, по посадкам и очень наслаждалась. Как красиво и хорошо везде!

Здоровье Саши поправляется, а Л. Н. все жалуется на плохое состояние желудка. Кумыс его не поправляет, а только расстраивает. Если б было тепло, то пищеварение было бы лучше.

Уход за ним делается все труднее от его отношения к ухаживающим. Когда войдешь к нему помочь или услужить, у него такой вид, что ему помешали или что он ждет, когда уйдут. И точно мы все виноваты, что он стал слаб и хил. И как бы я усердно, терпеливо и внимательно ни ходила за ним, никогда я не слышу слова ласки или благодарности, а только брюзжание. С чужими — Юлией Ивановной, доктором и пр., он учтив и благодарен, а со мной только раздражителен.

26 июля.

Хорошо и весело проведенный день. Приехала вся семья Ильи, внуки, Анючка. Гуляли с Зосей Стахович, Сашей; вечером играл Гольденвейзер сонату Шумана и балладу Шопена — прекрасно. Говорили о поэтах, Лев Николаевич упомянул о стихотворении Баратынского «На смерть», и тотчас же принесли книгу и Зоя прочла это прекрасное, высокого слога стихотворение. Потом она же продекламировала стихи Фета на смерть. Лев Николаевич говорил, что у Баратынского отношение к смерти правильное и христианское, а у Фета, Тургенева, Василия Боткина и тому подобных — отношение к смерти эпикурейское.

Лев Николаевич здоров, несмотря на 12 градусов тепла, дождь, сырость. Играл весь вечер в винт, слушал с удовольствием музыку. Пишет по утрам свой роман «Хаджи-Мурат», и я радуюсь этому.

27 июля.

Музыка продолжает благотворно на меня действовать. Сегодня вечером Гольденвейзер отлично играл сонату Шопена с маршем похоронным. Близко от меня сидел Л. Н., вся зала полна была близкими мне людьми: Илюша, Андрияша, Соня, Ольга. Анючка, Зоя Стахович, Мария Александровна. И растроганная музыкой, я почувствовала, как тихая радость вошла в мое сердце, и как оно наполнилось благодарностью к богу, что еще раз мы все собрались любящие друг друга, счастливые, и среди нас Лев Николаевич живой. сравнительно здо-

ровый... И совестно стало за свои слабости, недовольство, за все то дуриное, что портит хорошую жизнь...

С Ильей, Соней и внуками очень приятно. Зося Стахович уехала. Умная, содержательная и сердечная она девушка. Приезжал Андрюша с Ольгой и Ал. Дьяковым.

Ходили сегодня гулять с Л. Н., Зосей, внуками и Юл. Ив. до конца деревни, откуда Л. Н. с Мишей поехали в Ясенки и обратно. Весь день был приятный и притом теплый и ясный.

9 августа.

Вот как давно опять не писала я дневника! Все время полна заботы о состоящих болезни Сухотина, которому опять хуже. Бедная моя, любимая Тани! Она его слишком любит и трудно ей: просто уход за ним и то тяжелый. Ездил я в Москву 2-го числа, энергично занималась делами, счетами, заказом нового издания. Обедала у Дунаева, гостеприимного и доброго, но всегда мне чуждого человека. Вернулась 3-го домой; приехала из монастыря сестра Машенька. Четвертого я уехала к Масловым. Добрые, ласковые люди. Ужасное впечатление идиотамальчика в их доме. Сергей Иванович погружен в работу музыкального учебника, хочет его кончить до отъезда в Москву. Просила его поиграть, он отказал, остался упорен, строг, непроницаем и даже неприятен. Что-то в нем грустно-серьезное, постаревшее и чуждое, и мне это было тяжело. — Домой вернулась с удовольствием, веселого у Масловых было только катанье по лесам. — Вчера приехала Лина с младенцем Ванничкой, а сегодня утром Миша. Вся семья милая, предельная во всех отношениях. Приезжала вчера и Глебова с дочерью Любовью. Здесь племянник Саша Берс, Анночка и Мод. Приехала и Лиза Оболенская. Суетно, но приятно. Сегодня прекрасно прокатились все в катках на Груммонт, много шли пешком. У Льва Николаевича с утра болел живот, и он был очень мрачен. Я входила к нему несколько раз, и он безучастно и даже недовольно принимал меня. К вечеру играл в винт, оживился и даже попросил поесть. Он пишет повесть «Хаджи-Мурат», и сегодня, видно, плохо работалось: он долго раскладывал пасьянс, признак, что усиленно работает мысль и не уясняется то, что нужно. Священники мне посылают все книги духовного содержания с бранью на Льва Николаевича. Не прав и он, не правы и они: у всех крайности и нет мудрого и доброго спокойствия. Лев Николаевич вообще необыкновенно безучастен ко всем и всему, и как это тяжело! Зачем люди ставят перед собой эту стену, как Л. Н. и как Сергей Иванович? Неужели их труды — умственный и художественный, музыкальный — требуют этой

преграды от людей и их участия? А мы, простые смертные, больно бьемся об эти стены и изнашиваем в нашем одиночестве, любя тех, кто от нас ограждается. Роль тяжелая, незаслуженная...

День серенький, но теплый и тихий. Яркий закат. лунные ночи.

11 августа.

Вчера уехала семья Миши, и вчера же приехала Ольга с Сонюшкой. Что за милая, ласковая и умная девочка! Я очень ее люблю. Уехала Лиза Оболенская, Саша Берс. Приехали Стасов и Гинсбург, который лепил bas-relief с Сашей — и плохо, непохоже. Я училась, как это делается, и хочу попробовать лепить медальон с Л. Н. и меня.

Стасов громогласен, огромен, ему 78¹/₂ лет, и он выработал манеру говорить всем приятное. Но многое он знает и старик интересный и значительный.

Ходили вчера все за рыжиками, и я ушла; одиночество в лесу мне было приятно. Вообще же огонек во мне потух, и я откровенно начинаю стареть. Болезнь и дряхлость Льва Николаевича затормозили во мне все порывы, всю живость и энергию жизни; и я так страшно устала! — Сегодня у Л. Н. опять болит живот, но он был оживлен и много говорил. Рассказал, как он попросился в Севастополе в дело, и его поставили с артиллерией на четвертый бастион, а по распоряжению государя сняли; Николай I прислал Горчакову приказ: «Снять Толстого с четвертого бастиона, пожалеть его жизнь, она стоит того».

Потом рассказывал, что Лесков взял его сюжет рассказа, искал его и напечатал. Рассказ же Льва Николаевича был следующий: «У одной девушки спросили, какой самый главный человек, какое самое главное время и какое самое нужное дело? И она ответила, подумав, что самый главный человек тот, с кем ты в данную минуту общаешься, самое главное время то, в которое ты сейчас живешь, и самое нужное дело — сделать добро тому человеку, с которым в каждую данную минуту имеешь дело».

Весь день дождь. овес еще в поле, 13 градусов тепла.

28 августа.

Рождение Льва Николаевича, ему 71 года. Ходили его встречать на прогулку, он гулял много, но беспрестанно отдыхал. Приехали все четыре сына, пятый — Лева — в Швеции; и Таничка, моя бедная и любимая, тоже не была. Ее муж все

болен. Пошло праздновали рождение моего великого супруга: обед на двадцать четыре человека самых разнообразных людей; шампанское, фрукты; после обеда игра в винт, как и все бесконечные предыдущие дни. Лев Николаевич ждет не дожидается вечера, чтоб сесть играть в винт. Сашу втянули в игру, и это составляет мое страдание. Из посетителей самый приятный, кроме моих детей, был Мянша Стахович и еще Маруся Маклакова.

Прекрасно прожили мы недели две с сестрой Льва Николаевича, Марией Николаевной. Вели религиозные разговоры, играли в четыре руки с увлечением симфонии Гайдна, Моцарта и Бетховена. Я ее очень люблю и огорчилась, что она уехала. Лев Николаевич все жалуется на живот, и живущий у нас доктор Никитин делает ему по вечерам массаж живота, что Л. Н. очень любит. Пишет он усердно «Хаджи-Мурата».

2 сентября.

31 августа приезжали для консилиума два доктора из Москвы: умница и способный, бодрый, живой Щуровский и милый, осторожный и прежде лечивший Льва Николаевича — П. С. Усов. Решили нам зимовать в Ясной, и мне это гораздо более по душе, чем ехать куда бы то ни было. Жизнь здесь, дома, настоящая. В Крыму жизни нет, и если нет веселья, то невыносимо. В Москве мне лично жить легче; там много людей, которых я люблю, и много музыки и серьезных, чистых развлечений: выставки, концерты, лекции, общение с интересными людьми, общественная жизнь. Мне с испорченным зрением трудно занимать себя по длинным вечерам, и в деревне будет просто скучно. Но я сознаю, что Льву Николаевичу в Москве невыносимо от посетителей и шума, и потому я с удовольствием и счастьем буду жить в любимой Ясной и буду ездить в Москву, когда жизнь здесь будет меня утомлять.

Жизнь идет тревожно, быстро; занята весь день, даже отдыха в музыке нет. Посетители очень подчас тяжелы, как, например, Гальтерины вся семья. Начала лепить медальон профиля Л. Н. и моего. Страшно боюсь, трудно, не училась, не пробовала и очень отчаиваюсь, что не удастся сделать, а хочется добиться, иногда сижу всю ночь, до пятого часа, и безумно утомляю глаза.

10 октября.

Давно не писала — и жизнь пролетела. 18 сентября с болью сердца проводила мою Таню с ее семьей в Швейцарию, в Montreux.

Такая она была жалкая, бледная, худая, когда хлопотала на Смоленском вокзале с вещами и сопровождала больного мужа. Теперь от нее известия хорошие — слава богу.

День именин провела тоже в Москве. Было много гостей, среди них и Сухотинными, и С. И., которого я случайно увидела на улице и позвала. Он строго серьезен, что-то в нем очень изменилось, и еще он стал более непроницаем.

С 10 сентября на 11-е у нас на чердаке был пожар. Сгорели четыре балки, и если бы я не усмотрела этого пожара, по какой-то счастливой случайности заглянув на чердак, сгорел бы дом, а, главное, потолок мог бы завалиться на голову Льва Николаевича, который спит как раз в той комнате, над которой горело на чердаке. Мной руководила божья рука, и благодарю за это бога.

Жили все это время спокойно, дружно и хорошо. После ремонта и починок в доме я все почистила, убрала, и жизнь наладилась правильная и хорошая. Лев Николаевич был все это время здоров, ездил много верхом, писал «Хаджи-Мурата», которого кончил, и начал писать обращение к духовенству. Вчера он говорил: «Как трудно, надо обличать, а не хочу писать недоброе, чтоб не вызвать дурных чувств».

Но мирная жизнь наша и хорошие отношения с дочерью Машей и ее тенью, т.-е. мужем ее Колей — порвались. История эта длинная.

Когда произошел раздел имущества в семье нашей по желанию и распределению Льва Николаевича, дочь Маша, тогда уже совершеннолетняя, отказалась от участия в наследстве родителей как в настоящее, так и в будущее время. Я ей не поверила, взяла ее часть на свое имя и написала на этот капитал завещание в ее пользу. Но смерти моей не произошло, а Маша вышла замуж за Оболенского и взяла свою часть, чтоб содержать его и себя.

Не имея никаких прав на будущее время, она почему-то тайно от меня переписала из дневника своего отца 1895 года целый ряд его желаний после его смерти. Там, между прочим, написано, что он страдал от продажи своих сочинений и желал бы, чтоб семья не продавала их и после его смерти. Когда Л. Н. был опасно болен в июле прошлого, 1901, года, Маша тихонько от всех дала отцу эту бумагу, переписанную ею из дневника, подписать его именем, что он, больной, и сделал.

Мне это было крайне неприятно, когда я случайно это узнала. Отдать сочинения Л. Н. в общую собственность я считаю дурным и бессмысленным. Я люблю свою семью и желаю ей лучшего благосостояния, а передав сочинения в общественное достояние, мы наградим богатые фирмы издательские, в

роде Маркса, Цетлина и другие. Я сказала Л. Н., что если он умрет раньше меня, я не исполню его желания и не откажусь от прав на его сочинения; и если б я считала это хорошим и справедливым, я при жизни его доставила бы ему эту радость отказа от прав, а после смерти это не имеет уже смысла для него.

И вот теперь, предприняв издание сочинений Льва Николаевича, по его же желанию оставив право издания за собой и не продав никому, несмотря на предложения крупных сумм за право издания, мне стало неприятно, да и всегда было, что в руках Маши бумага, подписанная Львом Николаевичем, что он не желал бы продажи его сочинений после его смерти. Я не знала содержания точного и просила Льва Николаевича мне дать эту бумагу, взяв ее у Маши.

Он очень охотно это сделал и вручил мне ее. Случилось то, чего я никак не ожидала: Маша пришла в ярость, муж ее кричал вчера бог знает что, говоря, что они с Машей собирались эту бумагу обнародовать после смерти Льва Николаевича, сделать известной наибольшему числу людей, чтоб все знали, что Л. Н. не хотел продавать свои сочинения, а жена его продавала.

И вот результат всей этой истории тот, что Оболенские, т. е. Маша с Колей, уезжают из Ясной.

23 октября.

С Машей помирились, она осталась жить во флигеле Ясной Поляны, и я очень этому рада. Все опять мирно и хорошо. Пережила тяжелое время болезни Л. Н. У него от 11 до 22 октября болела сильно печень, и мы все жили под угрозой, что делается желчная колика очень сильная; но, слава богу, этого не случилось. Его доктор Никитин очень разумно лечил, делал ванну, клистиры, горячее на живот, и со вчерашнего дня гораздо лучше.

Еще больше я испугалась, что у Доры в Петербурге сделается нефрит. Но и ей лучше.

Осень невыносимо грязная, холодная и сырая. Сегодня шет снег.

Лев Николаевич кончил «Хаджи-Мурата». сегодня мы его читали: строго-эпический характер выдержан очень хорошо. много художественного, но мало трогает. Впрочем, прочли только половину, завтра дочитаем.

Убирала я вписывала с Абрикосовым книги в каталог. Очень устала.

Все бы хорошо, если бы не нездоровье Льва Николаевича. Сегодня такой у него слабый голос, и весь он особенно угнетен пылче. Болезнь печени, начавшаяся с 11 октября, и то ухудшаясь, то улучшаясь, продолжается и не проходит. Сегодня мне особенно тревожно и грустно. Такой он старенький, дряхлый и жалкий — этот великий и столь любимый мною человек.

Очень морозно, ночью было 15 градусов мороза, почти без снега. Девочки — Саша и Наташа Оболенская и их маленькие ученицы расчищали каток, катались на коньках. Тут же были два молодых врача: наш Никитин и приезжий Аршеневский. Яркое солнце, голубое небо... Не хотелось ни кататься, ни что-либо делать, все мучаюсь болезнью Льва Николаевича.

Шла домой вверх по проспекту, и вдруг ясно представилось мне далекое прошлое, когда по этой же самой аллее, возвращаясь с катка, на одной руке на гору несла ребенка, отвращая его от ветра и прикрывая ротик, другой вела салазки с другим ребенком, и впереди и сзади шли веселые, румяные, оживленные дети, и так полна была жизнь, и как я их страстно любила... А навстречу нам шел Лев Николаевич, тоже веселый, бодрый, опоздавший на каток.

Где теперь эти маленькие, с любовью выхоженные дети? Где этот силач — веселый, бодрый Левочка? Где я, такая, какой я была тогда? Грустно на старом пепелище отжитой счастливой жизни! И если бы я чувствовала себя старой, мне было бы легче. Но та же энергия, та же здоровье, та же мучительная впечатлительность, которая глубокими бороздами врезывает в мои воспоминания все периоды пережитой и переживаемой жизни. — Только бы получше жить, поменьше накапливать вину и в а т о с т и перед всеми людьми, тем более перед близкими.

Живем изо дня однообразно, тихо. Не жизнь забирает и составляет быть деятельной, а нужно ее чем-нибудь заимать, заполнять. Прежде ее на непосредственное, нужное дело не доставало. Как все переменилось! Деревенской жизнью и настроением руководит значительно погода. Вчера светило солнце, и мы все были оживлены, катались на коньках, и я с девочками — Сашей, Наташей Оболенской и их ученицами бодро каталась на коньках. Еще с азартом катался П. А. Буланже, и его преувеличенный восторг и движения слабо физически, но энергического человека, и его спина — все это возбуждало во мне какую-то брезгливость. Я вообще не люблю мужчин,

они все мне всегда были физически чужды и противны. и долго надо мне любить в человеке его душу и талант, чтоб он стал мне дорог и чтоб я всячески полюбила его. Таких во всей моей пятидесятилосьмилетней жизни было три, из коих, конечно, главным был мой муж.

Но и он!.. Сегодня по поводу романа Paul Marguerite зашла речь о разводе. Лев Николаевич говорит, что «зачем французам развод, они и так не стесняются в брачной жизни». Я говорю, что развод иногда необходим, и привожу пример Л. А. Голицыной, которую муж бросил для танцовщицы через три недели после свадьбы и с цинизмом сказал ей, что он женился на ней, чтоб ее иметь, как любовницу, так как иначе он не мог бы ее получить.

Лев Николаевич на это сказал, что, стало быть, брак есть церковная печать на предлюбодеяние. — Я возразила, что только у дурных людей. Он неприятно начал спорить, что у всех. А что же настоящее? — На это Л. Н. сказал: «Как взял женщину в первый раз и сошелся с ней — то и брак».

И мне так вдруг тяжело уяснился и наш брак с точки зрения Льва Николаевича. Это голое, ничем не скрашенное, ни к чему не обязывающее половое соединение мужчины и женщины — это Л. Н. называет браком, и для него безразлично, помимо этого общения — кто та, с которой он сошелся.

И когда Лев Николаевич начал говорить, что брак должен быть один, с первой женщиной, с которой пал,—мне стало досадно.

Идет снег, кажется, установится путь. Просматривала корректуру «Казаков». Как хорошо написана эта повесть, какое уменье, какой талант. Насколько теньальный человек лучше в своих творениях, чем в жизни!

Теперь Лев Николаевич пишет статью «К духовенству». Я еще ее не читала, но сегодня он ее кончил и посылает в Англию Черткову. Сейчас он играет в винт с докторами и Оболенскими: Машей и Колей.

25 ноября.

Чувствую все большее и большее одиночество среди своей, оставшейся около меня, семьи. Сегодня вернулась из Москвы. и вечером Л. Н. читал приехавшему из Крыма доктору Елпатьевскому свою легенду о дьяволах, только что сочиненную и написанную им.

Это сочинение пропитано истинно дьявольским духом отрицания, злобы, глумления над всем на свете, начиная с церкви. Те же якобы христианские мысли, которые Л. Н. вкладывает в эти отрицательные разговоры чертей, облечены в такие гру-

бые, циничные формы. что во мне от этого чтения поднялось болезненное негодование; меня всю бросило в жар, мне хотелось кричать, плакать, хотелось протянуть перед собой руки, защищаясь от дьявольского навождения.

И я горячо, с волнением высказала свое негодование. Если мысли, вложенные в эту легенду, справедливы, то к чему нужно было наряжаться в дьяволов, с ушами, хвостами и черными телами? Не лучше ли семидесятипятилетнему старцу, к которому прислушивается весь мир, говорить словами апостола Иоанна, который в дряхлом состоянии, не будучи в силах говорить, твердил одно: «Дети, любите друг друга!» Сократу, Марку Аврелию, Платону, Эпиктету — не нужно было привязывать уши и хвосты чертей, чтоб изрекать свои истины. А, может быть, современному человечеству, которому так умеет пографлять Л. Н., этого и нужно.

А дети — Саша, еще неразумная, и Маша, мне чуждая — вторили адским смехом злорадствующему смеху их отца, когда он кончил читать свою чертовскую легенду, а мне хотелось рыдать. Стоило оставаться жить для такой работы! Дай бог, чтобы не она была последняя; дай бог смягчиться его сердцу!

7 декабря.

Опять отчаяние в душе, страх, ужас потерять любимого человека! Помогите, господи!.. У Льва Николаевича жар, с утра сегодня 39, пульс стал плох, силы слабеют... Что с ним, единственный доктор, который при нем, не понимает.

Выписали тульского Дрейера и из Москвы Щуровского, ждем сегодня. Телеграфировали сыновьям, но никого еще нет.

Пока еще есть надежда, и я не потеряла силы, опишу все, как было.

4 декабря с утра было 19 градусов мороза и был северный ветер, потом стало 13 градусов. Лев Николаевич встал как обычно, занимался, пил кофе. Я хотела послать телеграмму имениннице Варваре Ивановне Масловой и взошла спросить Л. Н., не нужно ли ему что в Козловке. Он сказал: «Я сам пойду». «Нет, это невозможно, сегодня страшно холодно, надо считаться с тем, что у тебя было воспаление в легких», — уговаривала я его. — «Нет, я пойду», — настаивал он. — «А я все-таки пошлю с кучером телеграмму, чтоб ты не счел нужным ради телеграммы идти, если ты устанешь», — сказала я ему и вышла. Он мне вслед еще закричал, что пойдет на Козловку, но я кучера услала.

К завтраку Льва Николаевича я пришла с ним посидеть. Подали овсянку и манную молочную кашку, а он спросил сыр-

ники от нашего завтрака и съел их вместо манной каши. Я заметила, что при питье Карлсбада, который он пьет уже недели четыре, сырники тяжело, но он не послушался.

И после завтрака он ушел один гулять, прося выехать на шоссе. Я и думала, что он сделает свою обычную прогулку на шоссе. Но он молча пошел на Козловку, оттуда своротил в Засеку — всего верст 6 — и вышел на шоссе, надел ледяную шубу сверх своего полушубка и поехал, разгоряченный и усталый, домой, при северном ветре и 15 градусах мороза.

К вечеру он имел вид усталый, говорил, что у него сегодня понос и что он на прогулке перетерпел. Приезжал Миролюбов, редактор «Журнала для всех», просил своей подписью участвовать в Комитете в память двухсотлетия печати. Лев Николаевич отказал, но много с ним беседовал. — Ночь он спал.

На другое утро, 5 декабря, часов в 12 и раньше, его стало знобить, он укутался в халат, но все сидел за своими бумагами и ничего с утра не ел. К вечеру он слег, температура дошла уже до 38 и 8. К ночи появились сильные боли под ложечкой; я всю ночь была при нем, клала горячее на живот, ставили мы с доктором несколько клизм, плохо действующих, с вечера дали ремень, две облатки по 5 гран, кажется. Но действия желудка не было до другого дня, когда стало слабеть много, потом жидкой болтушкой темной и с тнилостным запахом и слизью. К вечеру температура была 39 и 4. Но вдруг Маша прибежала вне себя, говорит: «температура 40 и 9». Мы все посмотрели градусник, так и было. Но я до сих пор не уверена, что с ртутью что-нибудь было, мы все растерялись. Сделали обтирание спиртом с водой, померили градусник, через час опять 39 и 3.

Но сегодня всю ночь он горел, метался, стонал, не спал. При нем был доктор Никитин и я. Клади на живот компресс с камфарным спиртом из воды, ставили клизмы — ничто не облегчало. К утру опять температура 39, мучительная тоска, слабые, жалкие глаза. Эти милые, любимые, умные глаза, которые смотрят на меня страдальчески, а я ничем не могу помочь.

Мучительно преследует меня мысль, что бог не захотел продлить его жизнь за ту легенду о дьяволах, которую он написал.

8 декабря.

Температура стала низкая, обильный пот разрешил болезнь, но осталась слабость сердца, и еще страх у всех докторов — воспаления в легких, которое может произойти от бактерий инфлюэнды, определенной докторами.

Приехали сегодня утром милые и бескорыстные доктора: всегда веселые, бодрые, ласковые: сердечный Пав. Серг. Усов

и бодрый Влад. Андр. Щуровский. Ночевал тульский доктор Чекап, и очень старался и умно действовал наш домашний врач — Никитин.

Вчера приехали сыновья: Сережа и Андрюша с женой, сегодня Илья. Еще приехала Лиза Оболенская, а сегодня Пав. Алекс. Буланже.

До пяти часов утра за Львом Николаевичем ходила я, потом Сережа. Доктора тоже сменялись: сначала Никитин, потом Чекап.

Сегодня у меня нехорошее чувство сожаления о даром тратившихся силах на уход за Львом Николаевичем. Сколько внимания, любви, сердца, времени кладешь, чтоб всякую минуту жизни следить за тем, чтоб сохранить ее Льву Николаевичу. И вот, как 4-го, на мои ласковые заботы я встретила суровый протест, точно на зло, — какой-то страх, что лишают его свободы, — и вот опять даром потраченные силы и еще шаг к смерти. Зачем? Если б он ее желал, а то нет, он ее не приветствует и не хочет. И нехорошо его настроение, мне грустно — оно не духовно.

12 декабря.

Сейчас шесть часов утра 12 декабря. Опять я просидела всю ночь у постели Левички, и я вижу, что он уходит из жизни. Пульс частый, 120 ударов в минуту и больше, неровный... Странная болезнь: боль преимущественно в правом боку, а главное газы, отрывки, отрывки без конца. Только ляжет, задремлет — точно его что снизу в желудок подтолкнет, он проснется, и начинается отрывка, мучительная, непрерывная. Ляжет, полежит, опять то же; сядет и мучается, рыгает, стонет... Ах, какой он жалкий, когда он сидит, понуря свою седую, похудевшую голову, и думаешь — все равны перед страданием, смертью. А весь мир поклоняется этой жалкой голове, которую я держу в своих руках и целую, прощаясь с тем, кто для меня был гораздо больше, чем я сама.

И вот наступит безотрадная жизнь, не к кому будет, как теперь, спешить утром, когда проснешься, наденешь халат и бежишь узнать, что и как? Хорошо ли спал, прошелся ли, в каком настроении? И всегда как-будто он рад, что я вошла, и спросит обо мне, и продолжает что-то писать.

Успокоишься и идешь к своим занятиям...

Сегодня сказал в первый раз с такой искренней тоской: «Вот уж искренно могу сказать, что желал бы умереть». — Я говорю: «Отчего? устал и надоело страдать?» — «Да, все надоело!»

Не спится... Не живется... Длинные ночи без сна, с мучительной болью в сердце, с страхом перед жизнью и с неохотой

оставаться жить без Левочки. Сорок лет жили вместе! Почти вся моя жизнь сознательная. Не позволяю себе ни раскаиваться, ни сожалеть о чем бы то ни было, а то с ума можно сойти!..

Когда я сейчас уходила, он мне так отчетливо и значительно сказал: «Прощай, Соня». Я поцеловала его и его руку и тоже ему сказала: «Прощай». Он думает, что можно спать, когда он умирает... Нет, он ничего не думает, он все понимает, и ему тяжело...

Дай бог ему просветлеть душой... Сегодня он лучше, спокойнее и, видно, думает больше о смерти, чем о жизни...

13 декабря, вечер.

Но к жизни опять вернулся Левочка. Ему лучше; и пульс, и температура, и аппетит, все понемногу устанавливается. Надо долго ли? Буланже читал ему вслух «Записки» Кропоткина.

Сегодня в «Русских Ведомостях» следующее заявление Льва Николаевича:

«Мы получили от графа Льва Николаевича Толстого следующее письмо:

Милостивый государь,
г. редактор.

По моим годам и перенесенным, оставившим следы, болезням я, очевидно, не могу быть вполне здоров и, естественно, будут повторяться ухудшения моего положения. Думаю, что подробные сведения об этих ухудшениях хотя и могут быть интересны для некоторых,—и то в двух самых противоположных смыслах,—печатание этих сведений мне неприятно. И потому я бы просил редакции газет не печатать сведений о моих болезнях.

Лев Толстой.

Ясная Поляна. 9 декабря 1902 г.»

Я вполне понимаю это чувство Льва Николаевича, и сама бы не стала о нем извещать, если б не скука и труд отвечать на бесчисленные запросы, письма, телеграммы желающих знать о состоянии здоровья Льва Николаевича.

Сегодня мне нездоровится и постыдно жаль себя. Сколько силы, энергии, здоровья тратится на уход за Л. Н., который из какого-то протеста, задорного упрямства пойдет шесть верст зимой по снегу или объестся сырниками и потом страдает и мучает всех нас!..

Сегодня в Москве второй концерт Никиша,—это была моя самая счастливая мечта быть на этих двух концертах,—и, как всегда, я лишена этого невинного удовольствия, и мне грустно и досадно на судьбу.

Еще меня мучает и мне больно вспоминать мой последний разговор, ровно месяц тому назад, с С. И. Нужно бы разъяснить многое, и нет случая...

18 декабря.

Лев Николаевич все еще в постели. Он сидит, читает, записывает, но слаб еще очень...

Читала сначала «Ткачей» Гауптмана и думала: все мы, богатые люди, и фабриканты, и помещики, живем в этой исключительной роскоши, и часто я не иду в деревню, чтобы не испытывать той неловкости, даже стыда от своего исключительного, богатого положения и их бедности. И, право, удивляешься еще их кротости и незлобивости относительно нас.

Потом прочла стихотворения А. Хомякова. Много в них все-таки настоящего поэтического, и много чувства. Как хороши: «Заря», «Звезды», «Вдохновение», «К детям», «На сон грядущий»... «К детям» — это прямо вылилось из сердца правдиво и горячо. У кого не было детей, тот не знает этого чувства родителей, особенно матерей.

Войдешь ночью в детскую, стоят три, четыре кровати, оглянешь их, чувствуешь какую-то полноту, гордость, богатство... Нагнешься над каждой из них, взглядишься в эти невинные, прелестные личики, повеет от них какой-то чистотой, святостью, надеждой. Перекрестишь их рукой или сердцем, помолитесь над ними о них же и отойдешь с умиленной душой, и ничего от бога не просишь — жизнь полна.

И вот все выросли и ушли... И не пустые кровати наводят грусть, а те разочарованья в судьбе и в свойствах любимых детей, и так долго не хочется их видеть и им верить. И не детей просишь молиться о себе, а опять молишься за них, за просветленье их душ, за внутреннее их счастье.

Сегодня концерт Гофмана, последний. Как мне хотелось его слышать, — и опять не судьба. Собираюсь по делам уж теперь — в Москву. Уеду ли нынче?

Все эти дни срисовывала акварелью портреты отца Льва Николаевича. Я не училась никогда акварели, и очень трудилась; вышло посредственно, но было очень весело и интересно рисовать и самой добиваться, как рисуют акварелью.

27 декабря.

Опять давно не писала. Была три дня в Москве: 19, 20, 21; принимала отчет продажи книг у артельщика, делала покупки и доставила радость теми подарками, которые успела приобрести для детей, прислуги и пр.

Один вечер провела у Муромцевой, приехавшей из Парижа, с Марусей Маклаковой, с двумя старшими сыновьями и еще с Ф. И. Масловым, Цуриковым и С. И. Танеевым. С ним холодно, сухо и чуждо.

Без меня Льву Николаевичу стало еще лучше, он вставал, выходил в соседнюю комнату, занимался. В день Рождества ему вдруг стало хуже. Боли под ложечкой и в печени с шести часов утра: желудок раздуло, сердце стало слабеть, перебоем, удары 130 в минуту. Он ничего не ел, давали строфант, кофеин, доктор, видимо, смутился. — Вчера стало опять гораздо лучше.

Когда в день Рождества Льву Николаевичу было плохо, он полуслутом сказал Маше: «Ангел смерти приходил за мной, но бог его отозвал к другим делам. Теперь он отделался и опять пришел за мной».

Всякое ухудшение здоровья Льва Николаевича вызывает во мне страдание все сильнейшее, и все более и более страшно и жаль мне потерять его. В Гаспре я не чувствовала такого глубокого горя и такой нежности к Лечке, как теперь здесь. Так мучительно мне видеть его страдающим, слабым, гаснущим и угнетенным духом и телом!

Возьмешь его голову в обе руки, или его исхудавшие руки, поцелуешь с нежной, бережной лаской, а он посмотрит безучастно.

Что в нем происходит? Что он думает?

Приезжал Андриуша и его семья. Маленькая, миленькая Сонюшка, прощаясь с Львом Николаевичем, сама взяла его руку, поцеловала и сказала: «Прощай, деденька!» Я рада была им, особенно на праздниках, и особенно когда грустно.

29 декабря.

Льву Николаевичу то лучше, то хуже. Сегодня днем он мне говорит: «Боюсь, что я долго вас промучаю». Вероятно он думает, что уже не выздоровеет от своей болезни печени, но что теперь хронически и постепенно она будет вести его к концу. И я это все чаще и чаще, с болью в сердце, думаю. Позвал он Павла Александровича Буланже к себе и хвалил ему книгу барона Таубе, находил в ней христианские идеи, хвалил конец, заключение, в котором Таубе говорит, что люди бурской и китайской войной доказали, что пришли к новому варварству. А свое мнение Л. Н. высказывал, что только религия, и именно христианская, может вывести людей из их теперешнего дикого, варварского состояния.

Еще говорили об англичанах. Два англичанина из спиритической общины в одних пиджаках и открытых башмаках пошли в Лондон, а оттуда без копейки денег приехали в Россию с целью увидеть Толстого и спросить у него разъяснение в многих сомнениях религиозных. Они жили у Дунаева, а мы им послали Л. Н. шубы и шапки, чтоб они не замерзли.

30 декабря.

Сиюю дни и ночи у больного Л. Н. и вспоминаю всю свою жизнь. И вдруг ясно поняла я, что прожила ее почти бессознательно. Все ли так? Мне никогда не было времени вперед, разумно обдумать свои поступки, и не было времени после их обсудить. Я жила по течению жизни, подчиняясь обстоятельствам, поступала не по своей воле и выбору, а в силу необходимости (*par la force des choses*).

Ийти против чего — не умела и не имела сил. Да разве и возможно это было с моим мужем и в моей жизни? И по уму, и по возрасту, и по имущественному положению — по всему муж мой был властен надо мной... И вот прожито сорок лет... Много недочетов в нашей жизни; ну, да теперь не о них горевать... Слава богу и за то, что было.

1903

1 января.

Печально встреченный Новый год. Вчера было от Тани письмо, что младенец опять перестал в ней жить, и она в страшном отчаянии... Л. Н. первый прочел ее письмо, и когда я вошла к нему утром, он сказал мне: «Ты знаешь, у Тани все кончено», и губа его затряслась, и он всхлипнул, и исхудавшее, больное лицо его выразило такую глубокую печаль.

Безумно жаль Таню, и мучительно больно смотреть на уходящего из жизни Левочку. Эти два существа в моей семье самые любимые и самые лучшие.

А сегодня Домна, бедная баба с деревни, приходила просить бутылку молока в день, чтоб прикармливать своих двоек-девочек.

Встречали вчера Новый год. Тут мои две невестки: Ольга и Соня с детьми. Илюша и Андриуша приехали ночью. Народу очень много: с домашними всех 19 человек. Приехали еще два

молодых англичанина, какие-то шальные спириты из среднеинтеллигентно-рабочего класса. Предлагают, взяв Льва Николаевича за руку, молиться об его исцелении, и уверены, что это его спасет.

Всю ночь до четырех с половиной часов провела с Л. Н. Он совсем не спал, все ныло, все болело. Я терла ему ноги, успокаивала, бодрила его, но все напрасно. Утихнет на минуту, благодарит меня, потом опять мечется. К утру пульс стал плох, с переборами, и ему впрыснули морфий, и теперь весь день он спит.

В пять часов утра я вошла в свою спальню, подняла стору, открыла форточку. Лунный белый свет так и разлился по всей природе, в липовых аллеях сада и проникал в мою комнату. На деревне стали петь петухи, такое странное впечатление! Сегодня ходила далеко гулять, лесом, на купальную дорогу и назад. Тишина, одиночество, природа — хорошо! — Вечером играл Гольденвейзер, хорошо.

2 января.

Известие от Тани, она родила вчера двух мертвых мальчиков! Мы все поражены, но слава богу, хоть роды прошли благополучно; что-то будет дальше.

Л. Н. спал хорошо, пульс хорош, но он очень сегодня слаб и вял. Пасмурно, 12 градусов мороза.

19 января.

Вернулась сегодня из Москвы, где заказала еще в другой типографии работу. В продаже нет сейчас ни одного экземпляра «Полного собрания» и ни одного «Войны и Мира».

В Москве слышала много музыки: Аренский играл свою сюиту с Зилоти, дирижировал свою музыкальную поэму на слова «Кубок», и все это было прелестно.

Вчера было потрясающее объяснение с С. И., после которого я поняла, за что я его так ценила и любила. Это удивительно добрый и благородный человек.

Гольденвейзер противен своим вторжением в нашу интимную жизнь. Л. Н. совсем лучше, слава богу. Он занят подбором философских выражений для составления календаря; это началось в его болезнь, так как ничего серьезного он не мог писать.

Тепло, тихо. 1 градус мороза. Хороша тишина и природа, и в ней бог, и хочется скорее слиться с природой и уйти к богу. Вместо того, чтоб читать корректуру, сижу и весь день плачу. Помоги, господи!

На-днях Сережа сын был груб со мной за то, что я заговорила с Сашей во время игры в винт и помешала им. Я заплакала, ушла в свою комнату и легла. Через несколько времени, когда я уже успокоилась тем, что легче быть обиженной, чем обижать других,—вошел Л. Н. с палочкой, еще слабый и худой, и ласково и сочувственно отнесся ко мне, сказав, что он сделал Сереже выговор.

Меня это так тронуло, такое я почувствовала к нему благоговение и нежность, что опять разрыдалась, целуя его руки, чувствуя и ту виноватость свою невольную перед ним, которая последнее время роковым путем ведет меня куда-то.

Вечером.

Л. Н. сегодня в первый раз выходил два раза на воздух и, разумеется, переутомился; пульс слабый и с перебойми. Дали вечером Strophant.

На точке замерзания, ветер, и, может быть, погода влияет на нервы, а нервы на сердце.

24 января.

Л. Н. после прогулки совсем расхворался: температура поднялась до 38 и 2, боли в желудке, грипп небольшой.

28 января.

Моя Дуняша говорит часто: «Господь милосерд, знает, что делает». И вот со мной он был милосерд. Душевный разлад мой дошел до последней степени мучения и совести, и желанья опять увидиться и поговорить с любимым человеком.—И я заболела, со мной сделалось дурно, я упала и весь вечер не могла стать на ноги. Мне прикладывали к голове лед, и всю ночь я лежала со льдом на голове, и все стало напряженно, тяжело, и физически я совсем перестала жить. И вот сегодня (третий день) мне легче душевно, болезнь перебила тоску и душевный разлад. И опять прошу бога, чтоб в тот момент, когда я ослабею, помочь мне или без греха и стыда взять меня в ту область, где «мертвые срама не имут».

Сегодня думала о пословице: «Без пятна платья и без стыда лица не износить». И вот когда для меня наступил «стыд» перед собой, перед богом и совестью.

Только бы пережить всю бурю в душе и ничем, как до сих пор, не ослабеть в поступках...

9 февраля.

Была опять в Москве. Был квартетный концерт, играли квартет Танеева. — его видела мельком; квинтет Моцарта с кларнетом, прелестно, наслаждение получила большое, и секстет Чайковского (воспоминание о Флоренции). Спокойно и счастливо я чувствовала себя после этого вечера. На другой день собрались у меня старушки, дядя Костя и С. И. Читали Льва Николаевича «Разрушение и восстановление ада» (о дьяволах), и опять и на меня, и на слушателей эта вещь произвела нехорошее впечатление. Задорно спорила с С. И. Ек. Ив. Баратынская, защищая статью против логически умных доводов С. И. Он был оживлен, и я радовалась на него. Была в концерте Гофмана, чудесный концерт с оркестром — Шопена. Очень много было дела с исканием корректора, с печатаньем, переплетом и прочим. Многое не кончила. Занялась и Сашиними денежными делами... Но какое душевное усилие и сколько траты! Напечатано в «Новом Времени» мое письмо против Андреева по поводу статьи Буренина: в № 7 февраля 1903 г.

20 февраля.

У Льва Николаевича сидит старичок, николаевских времен солдат, сражавшийся на Кавказе, и рассказывает ему, что помнит. Л. Н. сегодня и вчера катался по лесу, а утром сидел на верхнем балконе. Он здоров и спокоен. — Занялась немного его корреспонденцией: все больше просительские письма и просящие автографа.

Что было за это время? 1) Родился у Андрюши сын Илья в ночь с 3 на 4 февраля. Ездил я на него взглянуть и поздравить Ольгу. 2) Уехали за границу Маша с Колей, и без них очень опустело, но мне стало легче. Это были почти единственные наши гости. Был на масленице Н. В. Давыдов, прочел отрывок из своей повести. Были Буланже, Дунаев и гостила Зося Стахович. Умная, живая девушка, но я испугалась как-то последние дни за мою откровенность с ней.

Саша была в Петербурге и огорчила меня известием о продолжающейся болезни Доры и о нервности Левы.

Теперь нас осталось здесь мало: Саша, Юлия Ивановна, доктор Гедгоф и Наташа Оболенская.

Теплая, сырая зима; все 2 градуса тепла, вода в лощинах, солнце на небе и снегу почти нигде нет. Сегодня посвежей, 2 градуса мороза и пасмурно.

Очень уж уединенно живем, и я рада опять съездить в Москву. — Неестественна наша жизнь помещицы — единцы среди сельского населения. У нас нет общения ни с народом. —

оно было бы фальшиво, ни с равным себе образованным классом.

Получаю много писем по поводу моего письма. Многие обвиняют Льва Николаевича, как начинателя грязной литературы в «Власти тьмы», в «Крейцеровой сонате» и «Воскресении».

Но это недомыслие, непонимание. Многие восхищаются и благодарят меня за письмо, особенно от лица матерей. Но есть и заступники Андреева. А на меня все это производит такое впечатление, что я посыпала персидским порошком на клопов, и они расплозились во все стороны.—Я написала письмо в газету — и поднялись письма, статьи, статейки, заметки, карикатуры и пр. Обрадовалась бездарная наша пресса скандалу и пошла чесать всякую чепуху.

Надоело, и тоска у меня эти дни...

Одно утешенье — музыка, и другое — исполнение долга ухода и облегчения жизни Льву Николаевичу.

22 февраля.

У Миши родилась дочь Таня.

6 марта.

Была в Москве — тяжелая болезнь Андриуши, дела проверки продажи книг, пломбирование зубов, покупки, заказы; концерты: филармонический — кантата Танеева и пр., симфонический — Манфред, увертюра Фрейшюца и пр., квартеты Бетховена и Моцарта, пианист Буюкли As-dur'ный полонез Шопена.

Ездил в Петербург. Трогательные Лева и Дора и миленькие мальчишки; сестра Таня жалкая безденежьем, брат Вячеслав с некрасивой женой, чуткий и милый.—Пробыла один день, две ночи в вагоне. В Москве опять беготня, гости, больной Андриуша, и бессилие тоски и неудовлетворенности среди нервной, безумной траты сил физических и духовных.

В Ясной Поляне лучше. Красота ясных дней, блеск солнца в ледяных, зеркальных, гладких пространствах замерзшей воды, синее небо, неподвижность в природе и щебетанье птиц — предчувствие весны.

Ездили кататься по лесам с Л. Н. Его нежная забота обо мне, хорошо ли, весело ли мне кататься. Ездили в трех санках все. И среди катанья Л. Н. вышел из своих саней, подошел ко мне и спросил с лаской: «ну что, хорошо тебе?» И когда я сказала, что «очень», он выразил радость.— Вечером, когда я его покрывала и прощалась с ним на ночь, он нежно гладил меня

по щекам, как ребенка, и я радовалась его отеческой любви...

Были скучные, некрасивые Розановы.

Кончила корректуру «Анны Карениной». Проследив шаг за шагом за состоянием ее души, я поняла себя, и мне стало страшно... Но не оттого лишают себя жизни, чтоб кому-то отомстить; нет, лишают себя жизни оттого, что нет больше сил жить... Сначала борьба, потом молитва, потом смирение, потом отчаяние и — последнее, бессилие и смерть.

И я вдруг ясно себе представила Льва Николаевича плачущего старческими слезами и говорящего, что никто не видел, что во мне происходило, и никто не помог мне...

А как помочь? Пустить, пригласить опять к нам С. И. и помочь мне перейти с ним к дружеским, спокойным, старческим отношениям. Чтоб не осталось на мне виноватости моего чувства, чтоб мне простили его.

10 марта.

Лев Николаевич здоров. Прекрасно катались сегодня по Засеке, все лесными дорожками, но уже все тает. Л. Н. ехал с Сашей, я севой, и доктор с Наташей и Юлией Ивановной. Потом я пересела к Льву Николаевичу. Сердце мое прыгало от радости, что он здоров, едет и правит: сколько раз я считала его жизнь конченной, и вот опять он к ней возвращен! — И эта радость его здоровья не излечивает моего сердечного недуга; как войду в свою комнату, опять охватывает меня какая-то злая таинственность моего внутреннего состояния, хочется плакать, хочется видеть того человека, который составляет теперь ту центральную точку моего безумия, постыдного, несвоевременного, — но, да не поднимется шичья рука на меня, потому что я мучительно исстрадалась и боюсь за себя. А надо жить, надо беречь мужа, детей, надо не выдавать, не показывать своего безумия, и не видеть того, кого болезненно любишь.

И вот молишься об исцелении этого недуга, и только.

18 марта.

Мне часто кажется, что в жизни моей я была мало виновата перед моими детьми — я слишком их любила, и осуждение их, иногда грубость невыносимо больно действуют на мою душу.

Сегодня пошла в библиотеку за книгой. Лева спал; и у меня такое нежное до слез умиление было, когда я посмотрела на его плешивенькую, с черными редкими волосами маленькую голову, на его немного оттопыренные губы и всю худую фигуру его. И так жалко мне стало его, что он храбрится перед жизнью,

которая разлучила его теперь с семьей — больной, милой женой и двумя мальчиками. И чем-то кончится болезнь Доры! — И так же умиленно я смотрю и на часто мрачно озабоченного Сережу, и на спутавшегося старого ребенка — Илюшу, и на закрывающего на все разумное глаза легкомысленного, но ласкового Андриюшу, и на любимую Таню, и больную Машу, и пока счастливого, но еще бессознательного Мишу, и на такую же Сашу.

Так всегда одного хочется: чтоб все были счастливы и хороши морально.

Еду сегодня в Москву, и тяжело, и что-то страшно!

Стоит месяц уже солнечная погода, Л. Н. здоров, все у нас хорошо. Работа во мне идет внутренняя с страшной силой, все молось, особенно по ночам, на коленях перед старинным образом, и так и хочется, чтоб поднятая рука спасителя наконец поднялась бы надо мной и благословила бы мою душу на мирное, спокойное настроение.

17 8

1 июля.

Не писала всю весну и лето; жила чисто с природой, пользуясь прелестной солнечной погодой. Такого жаркого, красивого во всех отношениях лета и такой блестящей весны — не запомню. Не хотелось ни думать, ни писать, ни углубляться в себя. Да и зачем? «Взрывая, возмутишь ключи»... Жили мирно, спокойно, даже радостно.

Сегодня отвратительный разговор за обедом. Л. Н. с навивной усмешкой, при большом обществе, начал обычно бранить медицину и докторов. Мне было противно (теперь он здоров), но после Крыма и девяти докторов, которые так самоотверженно, умно, внимательно, бескорыстно восстановили его жизнь, нельзя порядочному и честному человеку относиться так к тому, что его спасло. Я бы молчала, но тут Л. Н. прибавил, что Rousseau сказал, что доктора в заговоре с женщинами; итак, и я была в заговоре с докторами. Тут меня взорвало. Мне надоело играть вечно роль ширма, за которые прячется мой муж. Если он не верил в лечение, зачем он звал, ждал, покорялся докторам?

Наш тяжелый разговор 1 июля 1903 года не есть случайность, а есть следствие той лжи и одиночества, в которых я жила.

Я обвиняюсь своим мужем во всем: сочинения его продаются против его воли; Ясная Поляна держится и управляется против его воли; прислуга служит против его воли; доктора призываются против его воли... Всего не пересчитать... А между тем я непосильно работаю на всех и вся моя жизнь же по мне.

Так вот я отстраняюсь от всего, я измучена вечными упреками и трудом. Пусть Л. Н. хоть остальную свою жизнь живет по своим убеждениям и по своей воле. А я устала служить ширмами, и выйду из этой навязанной мне роли.

5 июля.

Есть что-то в моем муже, что недоступно моему жалкому, может быть, пониманию. Я должна помнить и понять, что назначение его учить людей, писать, проповедывать. Жизнь его, наша, всех, близких, должна служить этой цели, и потому его жизнь должна быть обставлена наилучшим образом. Надо закрывать глаза на всякие компромиссы, несоответствия, противоречия, и видеть только в Льве Николаевиче великого писателя, проповедника и учителя.

9 июля.

Вернулись из-за границы все дети: Оболенские — Маша с Колей 6-го, Андрюша 7-го, Лева 8-го. Андрюша очень худ, слаб и жалок, но очень приятен. Лева бедный измучен душевно, очень мно жалок и дорог. Маша поправилась, и попрежнему чужда.

Сегодня Л. Н. почувствовал стеснение в груди и перед завтраком пульс был правильный, 78, а когда он поел картофель и хлеб с медом, удушья усилились, пульс стал частый и путанный; вчера еще, и все последние дни, он жаловался на слабость, и ночь провел плохую. Очень я испугалась, и опять ужас перед пустотой в жизни, если не станет Льва Николаевича раньше меня.

10 июля.

К вечеру Л. Н. вчера уже стало лучше. Он последние дни слишком много тратился, и верхом, и пешком, а кроме того поел тяжело. — Приезжали вечером молодой кавалергард Адлерберг с огромной, полной женой. Л. Н. его позвал к себе и много спрашивал о военных действиях: «Что такое развод? Когда на смотрю государь садится на лошадь? Кто подводит лошадь?» и пр. и пр. Л. Н. очень занят историей Николая I и собирает и читает много материалов. Это включится в «Хаджи-Мурата».

12 июля.

Много сижу одна, в своей комнате, Буланже говорит, что моя комната похожа на комнату молодой девушки. Странно, что теперь, когда я живу одна и никогда мужской глаз или мужское

приисповение не касается больше меня, — у меня часто девичье чувство чистоты, способности долго, на коленях молиться перед большим образом спасителя, или перед маленьким — божьей матери, благословенье тетеньки Татьяны Александровны Льву Николаевичу, когда он уезжал на войну. И мечты иногда не женские, а девичьи, чистые...

13 июля.

Большая суета с самого утра. Приехали к Л. Н. два итальянца: один аббат, которого больше интересовала русская жизнь и наша, чем разговоры; другой — профессор теологии, человек мысли, энергичный, отстаивал перед Л. Н. свои убеждения, которые, главное, состояли в том, что надо проповедывать те истины, которые познал в религии и нравственности, не сразу разрушая существующие формы. Л. Н. говорил, что формы все не нужны, что «la religion, c'est la verité»¹, а что церковь и формы есть ложь, путающая людей и затемняющая христианские истины.

Очень интересно было слушать эти разговоры. Потом приехали сыновья Лева и Андрюша. Еще позднее Стахович с дочерью и сын Миша.

Разговоры, крики детей, суета еды и питья — ужасно утомительны. Приезжали отец старик и жена приговоренного за богохульство Афанасия, очень были жалки, но помочь им уж, кажется, нельзя. Л. Н. просил об этом Афанасии государя, которому писал письмо, переданное графом Александром Васильевичем Олсуфьевым.

Мама с Колей уехали, и как приезд их, так и отъезд остались незаметны у нас в доме.

10 августа.

Обыкновенно говорят, что мужа с женой никто, кроме бога, рассудить не может. Так пусть же письмо, которое я перепису здесь, не даст никогда повода к осуждению кого бы то ни было. Но оно во многом перевернуло мою жизнь и поколебало мое отношение, доверчивое и любовное, к моему мужу. Т. е. не письмо, а повод, по которому я его написала своему мужу.

Это было в год смерти моего любимого маленького сына Ваночки, умершего 23 февраля 1895 года. Ему было семь лет, и смерть его была самым большим горем в моей жизни. Всею душой я прильнула к Льву Николаевичу, в нем искала утешения, смысла жизни. Я служила, писала ему, и раз, когда он

¹ Религия — это истина.

уехал в Тулу и я нашла его комнату плохо убранной, я стала наводить в ней чистоту и порядок.

Дальнейшее объяснит все...

Сколько слез я пролила, когда я писала это письмо.

Вот мое письмо; я нашла его сегодня. 10 августа, в моих бумагах. Это черновое.

«12 октября 1895 г.

Все эти дни ходила с камнем на сердце, но не решалась говорить с тобой, боюсь и тебя расстроить, и себя довести до того состояния, в котором была в Москве до смерти Ванюшки.

Но я не могу (в последний раз... постараюсь, чтоб это было в последний) не сказать тебе того, что так меня заставляет сильно страдать.

Зачем ты в дневниках своих всегда, упоминая мое имя, относишься ко мне так злобно? Зачем ты хочешь, чтоб все будущие поколения поносили имя мое, как легкомысленной и злой, делающей тебя несчастным — женой? Если бы ты меня просто бранил или бил за то, что ты находишь дурным во мне, ведь это было бы несравненно добрей (то проходяще), чем делать то, что ты делаешь.

После смерти Ванюшки...—вспомни его слова: «папа, никогда не обижай мою маму»,— ты обещал мне вычеркнуть эти злые слова из дневников своих. Но ты этого не сделал; напротив.

Или ты боишься, что слава твоя посмертная будет меньше, если ты не выступишь меня мучительницей, а себя мучеником?

Прости меня; если я сделала эту подлость и прочла твои дневники, то меня на это натолкнула случайность. Я убирала твою комнату, обметала паутину из-под твоего письменного стола, откуда и упал ключ. Соблазн заглянуть в твою душу был так велик, что я это и сделала.

И вот я натолкнулась на слова (приблизительно; я слишком была взволнована, чтоб помнить подробно):

«Приехала С. из Москвы. Вторглась в разговор с Боль. Выставила себя. Она стала еще легкомысленнее после смерти Ванюшки. Надо нести крест до конца. Помоги мне, господи»... и т. д.

Когда нас не будет, то это легкомыслие можно толковать как кто захочет, и всякий бросит в жену твою грязью, потому что ты этого хотел и вызываешь сам на это своими словами.

И все это за то, что я всю жизнь жила только для тебя и твоих детей, что любила тебя одного больше всех на свете (кроме Ванюшки), что легкомысленно (как ты это расказываешь будущим поколениям в своих дневниках) я себя не вела, и что умру и душой и телом только твоей женой...

Стараюсь стать выше того страдания, которое мучает меня теперь; стараюсь стать лицом перед богом, своей совестью, и смириться перед злобой любимого человека, и помимо всего, оставаться всегда в общении с богом: «любить ненавидящих нас», и «яко же и мы оставляем должникам нашим», и «видеть свои прегрешения и не осуждать брата своего»,— и, бог даст, я достигну этого высокого настроения.

Но, если тебе не очень трудно это сделать, выкинь из всех дневников своих все злобное против меня,—ведь это будет только по-христиански. Любить меня я не могу тебя просить, но пощади мое имя; если тебе не трудно, сделай это. Если же нет, то бог с тобой. Еще одна попытка обратиться к твоему сердцу.

Пишу это с болью и слезами; говорить никогда не буду в состоянии. Прощай; всякий раз, как уезжаю, невольно думаю: увидимся ли? Прости, если можешь.

С. Толстая.

Мы тогда как-будто объяснились; кое-что Л. Н. зачеркнул в своих дневниках. Но никогда уже искавшее тогда утешения и любви сердце мое не обращалось к мужу моему с той непри-
нужденной, любовной доверчивостью, которая была раньше. Оно навсегда замкнулось болезненно и бесповоротно.

17 ноября.

Вхожу вечером в комнату Льва Николаевича. Он ложится спать и перед сном, подняв южную сорочку, стоит и кругообразно растирает свой живот. Худые, старческие ноги имеют жалкий вид.— «Вот массирую живот, сначала так, потом столько-то таких»,— столько-то еще каких-то движений, не помню. Вижу, что ни слова утешенья или участия я от него теперь никогда не услышу.

Свершилось то, что я предвидела: страстный муж умер, друга-мужа не было никогда, и откуда же он будет теперь?

Счастливые жены, до конца дружно и участливо живущие с мужьями! И несчастные, одинокие жены эгоистов, великих людей, из жен которых потомство делает будущих Ксантипп!!

Не по мне вся жизнь. Некуда приложить кипучую жизненную энергию, нет общения с людьми, нет искусства, нет дела—ничего нет, кроме полного одиночества весь день, когда пишет Л. Н., и игры в винт по вечерам, для отдыха Л. Н. О, ненавистные возгласы: «малый шлем в пиках!.. без трех... зачем же сбросили пику, нужно сделать ренонс... каково, как чисто взяли большой шлем...»

Точно бред безумных, к которому не могу привыкнуть. Пробовала я, чтоб не сидеть одной, участвовать в этом бреде.

Доктор Беркенгейм участливо и молча смотрит на меня, видя всю мою тоску, и читает мне по вечерам вслух. Читали Чехова, и это приятно.

1904

18 января.

Жизнь летит с страшной быстротой. С 6 декабря по 27 жила моя Таня со всей семьей в Ясной. Выборы, елка, праздники, суета так утомительны были, что и радоваться не было времени. Инфлуэнца очень меня ослабила. Под Новый год Л. Н. заболел рвотой и изжогой, и грустно встретили Новый год с Сережей, Андрюшей, Анночкой, Сашей и мальчиками Сухотинными.—Потом еще гостила сестра моя Таня, веселая, легкомысленная, но надломленная жизнью, которая научила ее особенному обращению с людьми. Неприятность с винтом, моя болезнь от огорчения. 8 января приезжали три студента из Петербургского Горного Института с адресом. Много с ними беседовала, умные люди, но, как и все современные молодые люди, не знают, куда приложить свои силы. Вечером мы все уехали в Москву, где я и прожила до 15 числа вечера. Была два раза в опере Аренского «Наль и Дамаянти»; мелодично, трагично, но не сильно. А какой прелестный идеал настоящей женщины в этой опере!

Ездил всюду с Сашей. Были и на концерте симфоническом с Шаляпиным. Это самый талантливый и умный певец из всех, кого я слыхала в жизни. Еще был концерт Гольденвейзера, игравшего оживленнее, чем обыкновенно; потом репетиция «Вишневого сада» Чехова доставила мне большое удовольствие. Тонко, умно, с юмором, в перебивку с настоящим трагизмом положений,—все это хорошо.

Но главное дело мое в Москве было: перевозка девяти ящиков с рукописями и сочинениями Льва Николаевича из Румянцевского в Исторический музей. Меня просили взять ящики из Румянцевского музея по случаю ремонта. Но мне странно показалось, что в таком большом здании нельзя спрятать девять ящиков в один аршин длины. Я обратилась к директору музея, бывшему профессору Цветаеву. Он заставил меня ждать полчаса, потом даже не извинился и довольно грубо начал со мной разговор.

— Поймите, что мы на то место, где стоят ящики, ставим новые шкафы, нам нужно место для более ценных рукописей,— между прочим говорил Цветаев.

Я рассердилась, говорю:

— Какой такой хлам ценнее дневников всей жизни и рукописей Толстого? Вы верно взглядов «Московских Ведомостей?»

Мой гнев смягчил невоспитанного, противного Цветаева, а когда я сказала, что я надеялась получить помещение лучшее для всяких предметов, бюстов, портретов и всего, что касалось жизни Льва Николаевича, Цветаев даже взволновался, начал извиняться, говорить льстивые речи, и что он меня раньше не знал, что он все сделает, и так я уехала, прибавив, что если я сержусь, то потому что слишком высоко ценю все то, что касается Льва Николаевича, что я тоже львица, как жена Льва, и сумею показать свои когти при случае.

Отправилась я после этого в Исторический музей к старичку восьмидесяти лет — Забелину. Едва передвигая ноги, вышел ко мне совсем белый старичок с добрыми глазами и румяным лицом. Когда я спросила его, можно ли принять и поместить рукописи Льва Николаевича в Исторический музей, он взял мои руки и стал целовать, приговаривая умиленным голосом:

— Можно ли? Разумеется, везите их скорей. Какая радость! Голубушка моя, ведь это история!

На другой день я отправилась к князю Щербатову, который тоже выразил удовольствие, что я намерена отдать на хранение в Исторический музей и рукописи и вещи Толстого. Милая его жена, княгиня Софья Александровна, рожденная графиня Апраксина, и очень миленькая дочь Маруся. На следующий день мы осматривали помещение для рукописей, и мне дают две комнаты прямо против комнаты Достоевского.

Весь персонал Исторического музея, и библиотекарь Станкевич и его помощник Кузминский, и князь Щербатов с женой, все отнеслись с должным уважением и почетом ко мне, предстательнице от Льва Николаевича.

В Румянцевском музее был только Георгиевский в отделении рукописей. Мы приехали четверо: помощник библиотекаря Исторического музея Кузминский, солдат, мой артельщик Румянцев и я. Забрав ящики, мы благополучно свезли их в Исторический музей и поставили в башне. Теперь я вся поглощена заботой о перевозке вещей и еще рукописей Льва Николаевича туда же. Надо спасти все, что можно, от бестолкового расхищения вещей детьми и внуками.

[С Л. Н.] мы очень . . . дружны это время, да и всегда, когда мы одни, у нас устанавливаются прежние отношения доверчивой ласковости, которая не нарушается присутствием че-

тырех старших детей, но нарушается присутствием дочери Маши, моей сестры Тани и некоторых друзей и знакомых.

Все это время Л. Н. очень был бодр, усиленно работал, увлекаясь новым составлением книги мыслей мудрых людей и мечтая о том, чтоб были даже рассказы и целый ряд чтений в одном направлении — на каждый день. «И, разумеется, я ничего не успею в жизни сделать», — с грустью говорит он.

Один день Л. Н. ездит верхом верст от десяти до шестнадцати, а другой день он ходит пешком тоже далеко. Сегодня ему нездоровится, он вечером чихал и не стал пить чай.

В Москве я узнала, что в «Журнале для всех» в марте печатают мою поэзию в прозе «Стоны», с псевдонимом Устала я.

3 февраля.

Вчера был тут странный офицер — казак Белецкий. Он бывший военный, отрицает войну и кончил курс в университете юристом. В разговоре с ним я еще раз уяснила себе ясно мое отношение к мыслям моего мужа. Если б у нас был полный разлад, то мы не любили бы друг друга. Я поняла, что я любила в Льве Николаевиче всю положительную сторону его верований и всю жизнь не терпела его отрицательной стороны, возникшей из той черты характера, которая всегда всему составляла протест.

Л. Н. здоров; один день он гуляет, другой день ездит верхом. Дня три тому назад он долго не возвращался. Является в шестом часу, и мы узнаем, что он съездил в Тулу взад и вперед, чтоб купить последнюю телеграмму и иметь свежие вести о войне с японцами. Война эта и в нашей деревенской тишине всех волнует и интересует. Общий подъем духа и сочувствие государю — изумительные. Объясняется это тем, что нападение японцев было дерзко-неожиданное, а со стороны России не было ни у государя, ни у кого-либо желания войны. Война вынужденная.

Опять теплая зима: сегодня и вчера 2 градуса то тепла, то мороза и ветер.

Л. Н. занят художественной работой: он пишет рассказ «Фальшивый купон».

А я задалась дерзкой мыслью попробовать писать копии масляными красками, не взяв ни разу в руки до сих пор кисти и масляных красок.

Мой сон на 3 февраля.

Иду я к Масловым; в руках моих букет цветов, лиловых и желтых, уже поблекших. Мне томительно хочется украсить свой букет какими-нибудь красными или розовыми цветами и зе-

ленью. Ищу по окнам, тоскливо перебираю увядшие цветы и выхожу из дома. У притолоки входной двери стоит, заложив назад руки, моя покойная мать. Я вскрикиваю от радости, но не удивляюсь, а спрашиваю ее, что она здесь делает.—«Я за тобой пришла»,—отвечает она мне.—«Так зайдемте прежде к Масловым, я вас познакомлю, это мои лучшие друзья»,—говорю я. Моя мать соглашается, и мы идем наверх. Я радостно и торжественно говорю каждому из Масловых: «это моя мать»,—и все ее приветствуют. Идем в огромную залу, где длинный чайный стол и за самоваром сидит Варвара Ивановна. Потом мы уходим, и моя мать говорит, что она спешит на корабль, который должен уплыть. Мы идем вместе, входим на корабль, и там все мои дети.—Отплываем, в море видны еще корабли, лодки с парусами, пароходы. Вдруг мы останавливаемся. В корабле что-то сломалось. Я хочу пройти к моим детям, и вдруг вижу перед собой глубокое углубление деревянное, досчатое. Перейти невозможно. Я спрашиваю: «Как же перешли мои дети?»—«Они молодые, перепрыгнули».—Я вижу вдали свою Таню; она веселая, покупает мармелад в каком-то буфете, где за стеклянными витринами продаются разные сладости, и улыбается мне. Лева—маленький, худой и черноволосый, суетится, чтоб ему дали гривенник на покупку сластей.

В это время на дне углубления вдруг кто-то катит большую пустую бочку. И на мой вопрос, зачем она, мне отвечают, что ею починят корабль.—И мы опять поплыли...

И с т о л к о в а н и е. Поблекшие цветы — поблекшие радости жизни. Искание красных цветов — искание новых радостей; искание зелени — надежды. Мать моя пришла за мной, чтоб взять меня. Корабль и плавание — переход к смерти. Досчатое углубление — гроб и могила. Невозможность перехода через досчатое углубление за детьми — это невозможность продолжения с ними жизни. Поплыли дальше — началась новая, загробная жизнь в вечность...

26 мая.

Рассказ Льва Николаевича, как он поступил на военную службу.

Сегодня я с Сашей разбирала вещи, которые графиня Александра Андреевна Толстая оставила своей крестнице Саше после своей недавно постигшей ее кончины. Там и мне, и Тане, и Сереже, и Льву Николаевичу по вещице. В числе вещей были и три портрета: один ее отца, графа Андрея Андреевича Толстого, и двух братьев: рано умершего Константина и уже в старости умершего Ильи Андреевича.

Вот по поводу последнего Л. Н. сейчас рассказал мне, Мише и Лине следующее.

Когда Л. Н., проигравшись в Москве в карты и прокутив много денег, решил ехать на Кавказ к служившему там брату своему, Николаю Николаевичу, он в мыслях не имел поступить в военную службу. Ходил он на Кавказе в штатском платье, и когда ходил в первый раз в набег, то надел фуражку с большим козырьком и простое свое платье. Жили они с Николаем Николаевичем в Старом Юрте, по названию Горячие Воды (там и были серные ключи), а в набег ходили оттуда в Грозную. Набег этот описан Львом Николаевичем.

Раз Л. Н. поехал верхом с старым казаком к знакомым в Хасав-Юрт. У старого казака был на руке ястреб ручной. По дороге, которая считалась опасной, встретили они ехавшего с оказией графа Илью Андреевича Толстого в коляске, окруженного казаками.

Граф Илья Андреевич пригласил Л. Н. ехать с ним к Барятинскому. Барятинский стал уговаривать Льва Николаевича поступить в военную службу. Он хвалил Льва Николаевича за спокойствие и храбрость, которые он выказывал во время набегов. Граф Илья Андреевич тоже присоединился к Барятинскому и уговаривал Л. Н. подать прошение. Л. Н. так и сделал: подал прошение бригадному командиру и поступил в артиллерию юнкером. Два года он оставался юнкером без производства, хотя и был в разных опасных делах. Покойная тетенька его, Пелагея Ильинична, говорила мне, что производство задержано было потерей бумаг, документов Льва Николаевича, которые пришлось восстанавливать. А Барятинский, обещав многое, просто забыл про Толстого.

Только через два года произвели его в прапорщики. Потом, в турецкую войну Лев Николаевич попросился в дунайскую армию, к Горчакову, а впоследствии он сам же попросился в Севастополь, где открылись военные действия.

8 августа.

5 августа, т. е. три дня тому назад, я проводила на войну моего милого, хотя и плохо жившего, ласкового и любящего сына моего Андриюшу. Мне хочется описать его отъезд с штабом его пехотного 6-го Кромского полка из Тамбова. В полк этот приняли его унтер-офицером, старшим, конным ординарцем. Пошел он на войну добровольно. Жену и детей он покинул, полюбив Анну Леонидовну Толмачеву, дочь генерала Соболева, женщину пустую, слабую, но умеющую быть нежной в любви.

Не сужу ни сына, ни мою добродетельную, умную и хорошенькую невестку. Мужа с женой рассудит только бог. Но пережила я много тяжелого, боролась, прежде чем решилась хлопотать о поступлении Андриюши в военную службу. Он убедил меня тем, что все равно его возьмут или он и без меня пойдет, и тогда ему будет хуже и труднее. И действительно, насколько может быть хорошо, ему хорошо в полку. Его сердечный и внешний такт заставляет всех любить его. Полковой командир сказал мне, что «пока от Андрея Львовича одно удовольствие». — Но я отвлеклась своими материнскими чувствами от рассказа.

Сделав в Москве все нужные покупки для Андриюши и кончив денежные дела, я поехала с сыном Левою в Тамбов, куда собрались и мои сыновья: Илья с женой Соней, Лева, Миша. Остановились в великолепной для Тамбова Европейской гостинице. Чувствовала я себя совсем больной, ночь не спала и встала рано; мы отправились с Андриюшей в лагерь; он привел меня к конюшням, где стояли его ординарцы. Как и все мои дети, Андриюша любит очень лошадей и показал мне свою кобылу, купленную им у Болдыревой (Мэри Черкасская), лучшую лошадь в их полку. Ординарцы, двенадцать человек, хлопотали у конюшен, и везде мелькали их красивые фуфайки, которые я им привезла, как товарищам Андриюши, и которые они тотчас же надели с восторгом. — Андриюша познакомил меня с адъютантом их полка, очень порядочным человеком, Николаем Ивановичем Руженцовым. Мы ходили по площади, разговаривая и поджидая лошадей в подводы военные. К нам еще подошел ротный, неприятный, коренастый человечек с старушкой матерью, похожей на мещаночку. Она горько жаловалась на судьбу, что последний, единственный сын ее уходит на войну и она остается совсем одна на свете. Не переставая, плакала эта несчастная мать, я старалась ее утешать и пригласила в свою пролетку сопровождать выходявших из лагеря солдат и офицеров. Она очень этому обрадовалась, говорила, что меня ей бог послал, чтоб бодрее перенести разлуку. А все-таки эта несчастная мать осталась теперь на свете совсем одна!

Когда мы сели с ней в пролетку, мы увидали издали идущую толпу. Это были солдаты, сопровождаемые толпой родных и просто любопытных. Что-то было такое мрачное в грянувшей музыке и барабанном бое. Военная старушка моя (ее муж был ополченцем в Севастополе), услышав музыку, тотчас же начала рыдать. Выехали и ординарцы верхами, и мой Андриюша впереди всех в светло-несочной рубашке, такой же фуражке, на своей прелестной кобыле. Так все запечатлелось в моей памяти: завязанные чем-то белым ноги кобылы, прекрасная посадка на лошади Андриюши, и слова старушки: «На лошади-то как сидит ваш сынок — картина, точно у себя в кабинете».

У колودца солдаты остановились, и разные женщины принялись качать воду, черпать кружками и подносить солдатам пить. С утра было жарко, ветер крутил пыль и разносил ее повсюду. — Офицеры что-то крикнули, и все опять двинулись к вагонам. Толпа все увеличивалась и проводила солдат до стоявшего наготове поезда, недалеко от вокзала.

Жены, матери, отцы, маленькие дети — все это шло с узелками, вязанками баранок и пр. Недалеко от меня шел молодой солдатик с женой и матерью. Старуха вдруг остановилась и с отчаянием проговорила: «Не могу больше итти». Солдатик обнял ее, поцеловал и побежал догонять полк. Жена последовала за ним, а мать долго стояла на месте как окаменелая.

У вагонов скомандовали: «вольно», солдаты снимали мундиры и стали грузить лошадей. Андрюша помогал и распоряжался. Возле вагонов расположилась толпа. Солдаты кляли вещи свои около родных, которые сели, кто на чем попало, а то и на землю; кто ел, кто унимал детей, кто плакал. Пьяных не было почти никого. Работа на грузки лошадей и повозок шла быстро и споро. Только долго бились с одной гнедой лошадью и уже силой втащили ее в вагон. К четвертому часу нагрузили всё, оставалось только прессованное сено и огромная гора ковриг печеного хлеба. Мы уехали с Андрюшей в гостиницу обедать. Он очень устал, но бодрился, и мы беретли друг друга, стараясь не растрогаться. К нам вскоре подошли и все провожающие Андрюшу: сыновья Илья с женой, Лева и Миша, Николай Макаков и два тамбовских помещика: Шульгин и Ртищев. После обеда мы снова отправились к вагонам с Андрюшей, и все остальные поехали с нами.

У поезда толпа собралась еще гуще. Солдаты уже сидели в вагонах, жены и родные подавали им их вещи и гостинцы. Один из солдат высунулся и закричал четырехлетнему сыну: «Не плачь, Ленька, шоколадных конфеток привезу». Другой, уже с проседью солдат лежал, опрокинув голову, фуражка упала, ноги подняты кверху, глаза закрыты, и он рыдал так отчаянно, что сердце надрывалось его слушать. Молодой, бледный прапорщик стоял на площадке и смотрел тупыми глазами из желто-бледного лица. Он ничего не говорил, точно восковая кукла. Некоторые солдаты прилично плакали. Я подошла к полковому командиру и поблагодарила его за хорошее отношение к Андрюше. Он мне сказал, что «пока одно удовольствие его иметь в полку». Тут же мне представили начальника дивизии, кажется, генерал-лейтенанта Клавера. Он поцеловал мне руку и сказал: «Какие мы иногда минуты переживаем в жизни».

Андрюша ввел нас в вагон I класса, в который его взяли по особенной протекции. Место его было у двери на раскидном

кресле. Трудно ему будет, болезненному и избалованному, переносить все неудобства дороги и военной жизни,—и мне больно.

Наконец, последний, третий свисток, грянула музыка, все заплакали, я крестила и целовала Андрюшу и уже ни на кого не смотрела. Красное, растроганное и все в слезах лицо Андрюши кивало нам из окна. Что-то он в это время чувствовал и переживал?.. Дальше, дальше, все исчезло, и я на минуту потеряла всякое сознание жизни и ее смысла. Что-то похожее, но гораздо более сильное я испытала, когда шла с похорон Ваночки. Только матери поймут меня и друг друга...

Если бы кто захотел искать усиленно подъем патриотических и воинственных чувств во всех этих солдатах, офицерах, генералах и тем более в провожающих, никто бы его не нашел и тени. Всем было тяжело, все шло поневоле, с недоумением и тоской. Генерал Клавер попробовал, было, крикнуть солдатам, прощавшимся с ним из вагонов: «Задайте им там п е р ц у!» Но слова эти вышли пошлы, некстати, смешны. Он, видно, вдруг вспомнил, что надо подбодрить уезжающих,—и сам понял, как ничего не вышло из этого.

Что-то еще раз оборвалось в моем сердце. Еще новая полоса отделила значительный период моей жизни от прежней к последующей — проводы сына на войну, и ужасное впечатление проводов солдат вообще. Что такое война? Неужели один глупый человек, Николай II, неалой, сам плачущий, мог наделать столько зла?

Мне вдруг представилось, что война, как буря — явление стихийное, и мы только не видим той злой силы, которая так беспощадно и несомненно крушит на смерть столько человеческих жизней. Когда человек палкой раскапывает муравейник, и муравьи погибают, таскают яйца свои и разный сор, они не видят ни палки, ни руки, ни человека, разоряющих их; так и мы не видим той силы, которая произвела убийство войны.

17 августа.

Когда переживешь что-нибудь тяжелое, то дальнейшая жизнь идет по инерции, и ни во что не вкладываешь душевную энергию. Проводив Андрюшу на войну, я вдруг почувствовала свою связь со всеми скорбящими о судьбах своих детей, мужей, братьев и пр. и вся радость жизни исчезла, стало страшно за сына — и ужас войны, который был где-то на дне души, вдруг всплыл с страшной силой и ясностью на поверхность души и захватил меня всю.

От Андрюши было бодрое, веселое письмо из Уфы, с дороги. Но он не смотрит вперед... Живет у меня его бедная же-

на Ольга с детьми, и мне больно на них смотреть. Сонюшка с своими ямочками на щеках, и с чуткой, болезненной уже теперь душой, меня трогает и часто мучает.

Радостна семья сына Миши. Что за прелестные дети, до того симпатичны, веселы, сердечны эти крошки, что одна радость от них. И жена Миши, какая прекрасная, сердечная, умная женщина. Мне хочется иногда обнять ее и сказать, как я ее люблю и как бесконечно мне было бы жаль ее, если б она когда-нибудь стала несчастна. Здесь еще Варя Нагорнова, мой сердечный друг. Ходила сегодня купаться, холодно и ветрено, в воде 14 градусов. Бодрю свое тело и свою душу.

Л. Н. живет уже неделю в Пирогове у Маши. Он поехал собственнo для брата, Сергея Николаевича, который умирает от рака в лице, глазу, челюсти. Он, бедный, очень страдает, но хуже всего его душевное состояние: ни терпенья, ни веры, ни любви к людям... Спаси всякого от такого умиранья!

Лева сын и Варя Нагорнова играют в четыре руки квинтеты Моцарта, и мне тоже хочется играть, и писать трудно под музыку.

1905

14 января.

Хочу отдать и этот дневник на хранение в Исторический музей, но мне захотелось написать еще, как начали мы этот Новый год.

Вхожу я утром 1 января к Льву Николаевичу, целую его, поздравляю с Новым годом. Он писал свой дневник, но перестал и пристально посмотрел на меня. — «Мне жаль тебя, Соня, — сказал он, — тебе так хотелось играть со скрипкой сонаты, и тебе не удалось». (А не удалось потому, что и он, и дети отклонили это, и я огорчилась накануне). — «Отчего жаль?» — спрашиваю я. — «Да вот вчера скрипача отклонили, да и вообще ты несчастлива, и мне ужасно тебя жаль». — И вдруг Л. Н. расплакался, стал меня ласкать и говорить, как он меня любит, как счастлив был всю жизнь со мной. Я тоже заплакала и сказала ему, что если я иногда не умею быть счастлива, то я сама виновата и прошу его простить меня в моем неустойчивом настроении.

Л. Н. с Новым годом всегда как-будто подводит итоги жизни; а на этот раз перед самым Новым годом Павел Иванович Бирюков, которого вернули только-что из ссылки — из Швеица-

рии, все время читал дневники Л. Н. и его письма ко мне, и Л. Н. часто заглядывал и прочитывал кое-что. Перед ним промелькнула вся его жизнь, и вот он говорил Павлу Ивановичу, составляющему его биографию, что лучшего счастья семейного он не мог мечтать, что я во всем дополняла его, что он шикого не мог так любить... И я радовалась, когда Павел Иванович мне это рассказывал.

10 января, в ночь на 11-е вернулся, слава богу, наш Андриша с войны; его отпустили на год. Он болен головой и нервами. Все так же ребячлив, но война оставила свои следы, и, кажется, он переменялся к лучшему. Война ужасающая по своей жестокости. Не говоря о простой стрельбе, людей мученически казнят: бьют пашками и штыками, не добывая, отбрасывают умирать в жестоких мучениях; жгут, связав предварительно, людей на кострах; устраивают волчьи ямы, куда, провалившись, человек попадает на кол... и т. д. И это люди!.. Я совершенно не понимаю и страдаю ужасно, когда слышу об озверении людей и бесконечной войне.

Лев Николаевич пишет статью о том, как должно правительству действовать, и о требованиях конституции, и о земском съезде. Вчера он ездил до Тулы верхом, а вернулся в санях, и ничего — молодцом.

Ужасные события в Петербурге. Там стачка 160 тысяч рабочих. Призывали войска, убили, говорят, до 3000 людей.

Было два покушения на царя. Вообще времена смутные и тяжелые.

1908

7 сентября.

Очень давно не писала своего дневника. Пришла к той поро старости, где предстоят два пути: или подняться выше духовно и идти к самосовершенствованию, или находить удовольствие в еде, покое, всякого рода наслаждениях от музыки, книг, общества людей. Боюсь последнего. Жизнь поставлена в тесные рамки: постоянное усиленное напряжение в уходе за Львом Николаевичем, здоровье которого стало видимо слабеть. Когда ему хуже, то на меня находит какой-то ужас бессельности и пустоты жизни без него. Когда ему лучше, я как-будто готовлюсь к этому и убеждаю себя, что буду свободна для той же цели — служения Льву Николаевичу — тем, что собираю его рукописи в порядке, переписываю их: переписываю все его дневники, записные книжки, все то, что касалось его творчества.

В настоящее время он опять в катающемся кресле с неподвижно положенной ногой, которая слегка припухла. Воспаления нет, и боли нет. Сам он что-то слаб.

Постоянно живущих нас в Ясной Поляне теперь: Лев Николаевич, я, дочь Саша, доктор чех Д. П. Маковицкий, Варв. Мих. Феокритова, как помощница и подруга Саши, и секретарь Льва Николаевича Н. Н. Гусев, которому ежедневно утром Лев Николаевич диктует поправки и новые мысли и вновь составляемый «Круг чтения».

Пережили так называемый юбилей восьмидесятилетия Льва Николаевича. В общем — сколько любви и восхищения перед ним человечества. Чувствуется это и в статьях, и в письмах, и, главное, в телеграммах, которых около 2 000. Все я собираю и намереваюсь отдать на хранение в Исторический музей в Москву. Так и будет: «Юбилейный архив».

Были и трогательные подарки: первый был от официантов петербургского театра «Буфф» с прекрасным адресом. Подарок этот — никелированный самовар с вырезанными на нем надписями: «Не в силе бог, а в правде», «Царство божье внутри вас есть», и 72 подписи. Потом прислали художники прекрасный альбом с акварельными рисунками. Много портретов Льва Николаевича, и шелком вышитый, и весь из мелкого писанья рассказа Льва Николаевича; от торжковских кустарей прекрасная кожаная подушка вышитая; от кондитера Борман 4½ пуда шоколада, из которого 100 коробок для раздачи ясно-полянским детям. Еще от кого-то 100 кос нашим крестьянам; 20 бутылок вина St. Raphaël для желудка Льву Николаевичу. Еще ящик большой папирос от фабрики Оттоман, который Лев Николаевич с благодарным письмом отправил назад, так как он против табаку и куренья.

Были и злые подарки, письма и телеграммы. Например, с письмом, в котором подпись «Мать», прислана в ящике веревка и написано, что «нечего Толстому ждать и желать, чтоб его повесило правительство, он и сам это может исполнить шад собой».

Вероятно у этой матери погибло ее детище от революции или пропаганды, которые она приписывает Толстому.

В день рождения Льва Николаевича собрались следующие лица за столом: он сам, я, четыре сына: Сережа, Илья, Андрияша и Миша. Лева в Швеции, ждет родов жены. Из дочерей одна Саша, а Таня была незадолго до 28-го, а именно приезжала к моему рождению, 22-го. и теперь не решилась оставить дочку свою вторично. Потом были: Михаил Сергеевич Сухотин, Михаил Александрович Стахович, супруги Гольденвейзеры, отец и сын Чертковы, Мария Александровна Шмидт, Иван Иванович Горбунов, англичанин m-r Write, привезший адрес от англий-

ских писателей, Митя Кузминский, жены сыновей Маша (Зубова) и Соня (Философова), а вечером приехала и вторая жена Андриуши Катя. Потом приехала Гали Черткова и пришли супруги Николаевы. Настроение было тихое, спокойное и умиленное у всех, начиная с Льва Николаевича, который только-что выздоровел и выехал в кресле к обеду. Чувствовалось что-то любовное и извне — от всего мира, и в душе каждого из присутствовавших в этот день. Когда вечером Лев Николаевич ложился спать, и я, по обыкновению, затыкала ему за спину теплое, мною вязанное одеяло, он мне сказал: «Как хорошо! как все хорошо! Только за все это не было бы какое-нибудь горе»... Пока бог милывал.

Сегодня Лев Николаевич чувствует себя недурно, хотя опять сидит в кресле с вытянутой ногой, которая слегка припухла. Обедал с нами, ел охотно и рассказывал, что получил сегодня письмо от какого-то незнакомого полковника, спрашивающего его, на какой лошади он ускакал от чеченцев на Кавказе.

Дело было так: собралась ехать так называемая на Кавказе в то время «оказия». Ехали в экипажах и верхами, а сопровождали солдаты. Желая погарцовать и похрабриться, трое отделились от «оказии» и поскакали вперед, а именно: Лев Николаевич, его кунак (приятель) Садо и Полторацкий. Под Львом Николаевичем была высокая серая лошадь, дорого заплаченная, красивая, но тяжелая, с прекрасным проездом, то-есть иноходец. Дорогой Садо предложил поменяться лошадьми, чтоб Лев Николаевич испробовал резвость ногайской породы лошади Садо. Только-что они поменялись, вдруг им навстречу из-под горы показались вооруженные чеченцы. Ни у Льва Николаевича, ни у Полторацкого не было оружия. Полторацкий был на плохой артиллерийской лошадке, он отстал, в него выстрелили, попали в лошадь, а его изрубили на месте пашками, но он остался жив. В то время как Садо, махая ружьем, что-то почеченски кричал своим землякам, Лев Николаевич успел ускакать на быстреной маленькой ногайской лошадке своего кунака Садо. — И так опять-таки случай спас жизнь Толстого.

После обеда Лев Николаевич играл в шахматы с Гольденвейзером, а потом слушал его же игру на фортепьяно. Третий Scherzo, эскиз Аренского и две баллады Шопена, из коих вторую он сыграл превосходно, с вдохновением, сообщившимся всем.

Моя жизнь все сводится к материальным заботам. Приезжал подрядчик, делали сметы на перестройку пола у Саши, на починку бани, кучерской, постройки птичника и т. п. — Даже просто погулять нет возможности; то сидела с Львом Николаевичем, а то дела. А как я люблю природу: смотрю на покраснев-

шие клены, и хочется их написать. Люблю искусство; иду по полю, а мысленно твержу стихи Тютчева: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора»... и т. д. Слушаю, как играет Гольденвейзер, и все мое существо стремится опять заняться музыкой...

И так всю жизнь, неудовлетворенные порывы и строгое исполнение долга. Теперь порывы затихают: передо мной спустилась та стена, предел жизни человеческой, которая оставливает эти жизненные порывы, эту художественную тревогу. «Не стоит, скоро всему конец!» Останется молитва; но и та холодеет перед тяжелой, житейской, материальной жизнью. Бросить ее, бросить все... Но на кого?

8 сентября.

Встала поздно, пошла узнать о Льве Николаевиче; у него вчера в ночь сделалась сильная изжога. Подошла к сетке балконной двери из кабинета Льва Николаевича, а он, увидав меня, радостно вскрикнул: «А, Соня!», что мне было очень приятно.

Сегодня он составил с Гусевым благодарственное письмо всем, почтившим его день восьмидесятилетнего рожденья. Гусев мне прочел его вечером, и я сделала кое-какие поправки и замечания, с которыми согласились и Гусев и сам Лев Николаевич.

Саша уехала в Тулу с Варварой Михайловной на концерт. Приезжал Н. В. Давыдов, и как хорошо с ним провели день. Много беседовали о литературе, при чем все ужасались перед порнографией, бездарностью и грубой смелостью современных писателей. Говорили о смертной казни, бессмысленность и бесполезность которой высказывал Давыдов. Да и о многом другом беседовали с ним, Львом Николаевичем, Хириаковым и Николаевым. Дни летят и как-то бесплодно, что мне грустно; точно что-то теряешь драгоценное; и это драгоценное — время, последние годы своей жизни и жизни близких.

10 сентября.

Хозяйство меня затягивает. Сегодня распорядилась копать картофель. Прихожу в поле — никого. Все ушли обедать. Мальчик лет четырнадцати, заморыш, караулит картофель, все поле от расхищения. Я ему говорю: «Что же ты сидишь, не собираешь картофель?» Взяли мы с ним кошолки, пошли работать; копали вдвоем картофель и собрали в кошолки, пока пришли поденные. Много веселей работать, чем быть хозяйкой и погонять работающих. Мое вмешательство как бы всех подобра-

ло, и убрали в один день очень много. Сортировали, носили в подвал, я и тут наблюдала и даже помогала. Стражники удивленно смотрели на мою работу.

Льву Николаевичу нынче лучше; нога совсем прошла, он сегодня ходил один; да и весь он бодрее. Много работал над своим «Кругом чтения», потом слушал музыку и играл вечером в винт с племянницей Лизой Оболенской, приехавшей сегодня, с дочерью Сашей и Варварой Михайловной. Лег рано. Тихо на воздухе, 10 градусов тепла, все еще зелено; флоксы предельны перед моими окнами, да и везде.

13 сентября.

Чтение газет и отыскивание в них имени Льва Николаевича берет много времени и тяжело на мне отзывается. Передо мной проходит тяжелая русская жизнь; читая их, точно что-то делаешь и узнаешь,—а в сущности ни к чему. Делаю вырезки и наклеиваю их в книгу. Собрала семьдесят пять газет 28 августа; есть и журналы. Любви к Льву Николаевичу много, понимания настоящего мало. Сегодня я окончательно редактировала и переписала письмо Л. Н. в газету с обращением благодарности всем, почтившим его 28 августа. Ясный, свежий, блестящий день; к вечеру 3 градуса тепла. Много ходила по разным хозяйственным делам, вспоминала стихи Фета, присланные мне когда-то со словами: «Посылаю вам (к именинам) свой последний осенний цветок, боюсь вашей пронизательности и тонкого вкуса». Стихи начинаются словами: «Опять осенний блеск денницы...» Особенно хорошо вышло:

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь запыть...

Это настоящее осеянное чувство.

Приходил ко Льву Николаевичу какой-то рыжий босой крестьянин, и долго они беседовали о религии. Привел его Чертков и все хвалил его за то, что он имеет хорошее влияние на окружающих, хотя очень беден. Я хотела было прислушаться к разговорам, но когда я остаюсь в комнате, где Л. Н. с посетителями, он молча, вопросительно так на меня посмотрит, что я, поняв его желание, чтоб я не мешала, принуждена уйти.

У Сережи подожгли хлеб, и его сторело на 4000 рублей. Л. Н. сидел на балконе, завтракал, а вечером играл в шахматы с Чертковым и беседовал с Николаевым. Здоровье его лучше и в нем чувствуется какая-то удовлетворенность от юбилейных, к нему любовных отношений людей, и даже умиленность.

С утра я решила, что сегодня разочту всех своих ясно-полянских поденных. К конторе собрались молодые девушки и подростки-мальчики. Взяла я на подмогу себе Варвару Михайловну, потом пришла и моя Саша с Надей Ивановой. Принялись все учить билеты, записывать, платить. Девушки сначала пели, потом шуточки разные пускали, ребята весело возились. Раздала я 400 рублей. Дома все еще занималась этим делом, ставила штампа «уплачено» в книги ярлыков. День сегодня тихий, серенький, к вечеру 8 градусов. Саша набрала крупных опенок и рыжиков немножко.

Л. Н. с утра был одолеваем посетителями. Приезжий из Америки русский (Бианко, кажется), женатый на внучатной племяннице Диккенса, просил портрет Льва Николаевича в Америку, где живут три тысячи молокан, назвавших именем Толстого свою школу.

Потом пришло восемь молодых революционеров, недавно выпустивших прокламацию, что надо бунтовать и убивать помещиков. Л. Н. сам их вызвал, когда узнал от некоторых из них о их существовании. Старался он их образумить, внушить добрые и христианские чувства. К чему это поведет — бог их знает.

Потом я застала у Л. Н. юношу. Он сидел такой жалкий и плакал. Оказывается, что ему надо идти отбывать воинскую повинность, а это ему противно; он хочет отказаться, слабеет, плачет и остается в нерешительности. Еще приходил старичок из простых побеседовать. Приходили два солдата с штатским, но их уже не пустили, а дали им книги.

Днем Л. Н. сидел наверху на балконе.

16 сентября.

Сегодня Л. Н. в первый раз после двух месяцев сиденья дома выехал в пролетке с Гусевым; сам правил и съездил к Чертковым в Телятинки. У него прекрасный аппетит, и он, видимо, поправляется.

Идет какая-то хозяйственная суета, которая тяжела и загромождает и жизнь, и мысли о скоро предстоящей смерти.

Точно все к чему-то готовится — точно готовится к жизни, а ее-то и нет, т. е. нет настоящей, спокойной, досужной жизни, для тех занятий, которыми занимаешься любя. В этом был всю жизнь и мудр, и счастлив Л. Н. Он всегда работал по своему выбору, а не по необходимости. Хотел — писал, хотел — пахал. Вздумал шить сапоги — упорно их шил. Задумал детей учить — учил. Надоело — бросил.

Мои именины. Ходила с Варей Нагорновой гулять и восхищалась особенно горячо, по-молодому, красотой осенней природы. Яркое освещение бесконечно разнообразной окраски леса беспрестанно давало такие чудесные картины, что мне безумно хотелось все воспроизвести, написать масляными красками. Перед домом на клумбе цветет еще одна роза, и опять стих: «Одна лишь ты, царица роз, благоуханна и пышна», как сказал Фет в своих стихах об осени, мне приходит часто на ум.

Гуляла я еще с Андрюшей и его женой. Приехала и Мария Александровна Шмидт, и точно праздновала именины. Я не люблю празднества, хотя сегодня мне было очень приятно. Вечером играли в винт: Л. Н., Саша, Андрюша и Варвара Михайловна, а я делала вырезки из газет. Днем Л. Н. катался в пролетке на резиновых шинах с Сашей, и Чертков на козлах. Вчера он тоже катался. Поздно вечером разговорился он о своей работе над «Кругом чтения» и начал нам читать различные изречения свои и других мыслителей. Повидимому, он очень занят и любит свою работу. Говорил о внутреннем благе человека, состоящем в его любви ко всем, в постоянном общении с богом, в стремлении жить, чувствуя и исполняя волю божью. Никогда Л. Н. еще не определил ясно, в чем он видит волю божью и как приложить ее в жизни. «В любви»,—отвечает он, когда его спрашивают. Но и это не ясно. Всякий чувствует и понимает бога по-своему; и чем глубже это понимание, тем меньше о нем говорится, тем оно тверже и лучше.

Очень постарел Л. Н. в этом году. Он перешел еще следующую ступень. Но он хорошо постарел. Видно, что духовная жизнь преобладает, и хотя он любит и кататься, любит вкусную пищу и рюмочку вина, которое ему прислало Общ. вина St. Raphaël к юбилею; любит и в винт, и в шахматы поиграть, но точно тело его живет отдельной жизнью, а дух остается безучастен к земной жизни, а где-то уж выше, независимее от тела. Что-то совершилось после его болезни; что-то новое, более чудное, далекое чувствуется в Лье Николаевиче, и мне иногда невыносимо грустно и жаль утерянного и в нем, и в его жизни, и в его отношении ко мне и ко всему окружающему. Видят ли это другие?

30 сентября.

Всецело отдалась хозяйству. Но это для меня возможно только потому, что сопряжено с постоянным общением с природой и любованием ею. В природу включаю работающий народ. Сегодня ходила в яблочные сады; там сорок человек счи-

щают мох, обрезают сушь, а главное, мажут стволы составом из глины, известки и коровьего навоза. Какая красота эти быстрые фигуры девушек на зеленом фоне еще свежей травы, это голубое небо, желтые и красные и бурые деревья! Я долго любовалась одной яблоней — опортовых яблок. Таких переливов красок нежно-желтого, розового и светло-зеленого цвета трудно было бы воспроизвести, и вся фигура яблони прелестна.

Потом ходила смотреть, как делают плотину и спуск на нижнем пруду.

В саду нарвала еще букет Льву Николаевичу, но ему ничего и никого не стало нужно. Болезнь ли, усадившая его дома и сильно повлиявшая на него, старость ли, или эта стена его толстовцев, а главное Черткова, почти поселившегося в нашем доме и не оставляющего Льва Николаевича почти никогда одного, — не знаю что, но он стал не только чужд, но даже недобр со мною, да и со всеми. Вчера получено было письмо от его сестры, Марии Николаевны, прекрасное, полное чувства письмо, — Л. Н. его и не прочел.

«Круг чтения» опять весь перечеркнут, переделан, все переправлено, и бедная Саша все должна опять переписывать на машинке. Хорошо, что я ей взяла на помощь Варвару Михайловну, а то она совсем надорвала бы и нервы и глаза.

Переписываю каталоги библиотеки, а то они все разорвались. Работа и скучная, и трудная, но необходимая. Перешиваю зимние платья. Очень скучаю, но не пишу свою «Жизнь» и не занимаюсь никаким искусством. Как часто хочется поиграть; но два рояля стоят в зале, а там никогда нельзя играть... Или едят там, или Лев Николаевич занимается, или спит...

Все это время читала на всех языках статьи о Л. Н., о нас. Никто его не знает и не понимает; самую суть его характера и ума знаю лучше других я. Но что ни пиши, мне не поверят. Л. Н. человек огромного ума и таланта, человек с воображением и чувствительностью, чуткостью необычайными, но он человек без сердца и доброты настоящей. Доброта его принципиальная, но не непосредственная.

Дивная погода. Яркое солнце, 11 градусов тепла в тени, лист не облетел, и ярко-желтые березы на голубом небе, прямо перед нашими окнами, поражают своей окраской.

На душе уныло, одиноко, никто меня не любит. Видно, недостойна. Во мне много страстности, непосредственной жалости к людям. — но тоже мало доброты. Лучшее, что во мне есть — это чувство долга и материнства.

Был у нас третьего дня бывший революционер Н. А. Морозов, просидевший сначала в Шлиссельбургской, потом Петропавловской крепости двадцать восемь лет. Все хотелось послушать от него о его психологическом состоянии во время си-

дня. А он больше рассказывал, как нарочно морили плохой едой, от которой делалась цынга. Цынгу лечили, потом опять морили голодом и дурной пищей, так что из одиннадцати посаженных одновременно в крепость остались живы и отбыли срок трое, а восемь человек умерло.

Морозов еще свежий на вид, женился в прошлом году. Говорит какой-то глухой. Сам жизнерадостный и весь поглощенный интересом к астрономии. Уже он написал и напечатал книгу об Апокалипсисе, и все его работы состоят в том, чтобы найти связь старых священных писаний с астрономией.

Приезжал Морозов с старушкой, своей старой приятельницей Лебедевой, и пробыли они один вечер.

8 декабря.

Хочется мне записать то, что я случайно слышала. Чертков, который бывает у нас каждый день, вчера вечером пошел в комнату Льва Николаевича и говорил с ним о крестном знаменении. Я невольно из залы слышала их разговор. Л. Н. говорил, что он по привычке иногда делает крестное знамение, точно, если не молится в ту минуту душа, то тело проявляет знак молитвы. Чертков ему на это сказал, что легко может быть, что, умирая или сильно страдая, Лев Николаевич будет креститься рукой, и окружающие подумают, что он перешел или желает перейти в православие; и чтоб этого не подумали, Чертков запишет в свою записную книжку то, что сказал теперь Лев Николаевич.

Какое ограниченное создание — Чертков, и какая у него на все узкая точка зрения! Ему даже не интересна психология души Льва Николаевича в то время, как он один, сам перед собой и перед богом, осеняет себя крестным знаменением, которым крестила его мать, и бабушка, и отец, и тетьки, и его же маленькая дочь Таня, когда она вечером прощалась с отцом и быстро двигая маленькой ручкой, крестила отца, приговаривая: «пикисить папу». Черткову надо все записать, сфотографировать — и только.

Интересен его рассказ, как к нему пришли два мужика и просили принять их в какую угодно партию, что они подо что угодно подпишутся и чем угодно: чернилами, кровью — на все согласны, лишь бы им платили деньги.

Произошло это оттого, что у Черткова живут и едят тридцать два человека. Дом большой и весь полон. В числе других живут четыре парня, товарищи сына Димы, просто молодые ясенковские мужики, кушают вместе с господами и получают по 15 рублей в месяц. Им завидуют. Там же живут с матерью

мои бедные, брошенные моим сыном Андриюшей, внуки — Со-
нюшка и Илюшок.

У нас поломали во флигеле все замки, побили стекла; укра-
ли мед из улья. Я ненавижу народ, под угрозой разбоя которого
мы теперь живем. Ненавижу и казни, и несостоятельность пра-
вительства.

1909

13 апреля.

Сегодня я вступила в прежнюю должность — переписывала
новое художественное произведение Льва Николаевича, только-
что написанное.

Тема — революционеры, казни и происхождение всего это-
го. Могло бы быть интересно. Но те же приемы — описания му-
жичьей жизни. Смакование сильного женского стага с заго-
релыми ногами девки, то, что когда-то так сильно соблазняло
его; та же Аксинья с блестящими глазами, почти бессозна-
тельно теперь, в восемьдесят лет, снова поднимающаяся из глуби-
ны воспоминаний и ощущений прежних лет. Аксинья была баба
яснопольская, последняя до женитьбы любовница Льва Нико-
лаевича и ныне живущая в деревне. — Все это как-то тягостно
отозвалось во мне. И, вероятно, дальше будет опозтизирована
революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н.
несомненно сочувствует, ненавидит все, что высоко поста-
влено судьбой и что — власть.

Буду переписывать дальше, посмотрим, что будет в даль-
нейшем рассказе. Ему не хотелось давать мне переписывать,
точно ему было стыдно за его рассказ. Да если бы в нем было
немножко больше деликатности, он не называл бы своих бабьих
героинь Аксиньями. И опять из мужиков герой, который должен
быть симпатичен с своей улыбкой и гармонией, а потом спутав-
шийся и сделавшийся революционером. — Может быть, я пере-
мню свое мнение, но пока мне все не нравится.

Приехала сегодня Ванда Ландовская и много играла. Ма-
зурка Шопена и соната Моцарта были исполнены в совершен-
стве. Близко нагнувшись над клавишами, она точно заставляет
каждо-то себе рассказывать содержание сочинения. Изыщество
игры и выразительность доведены до последней степени красо-
ты. Старинные вещи: кукушка, старички, молодые, пляска при-
слуги, Bougrée — все интересно, и все удивительно исполнено. —
Слушали, кроме нашей семьи, отец и сын Чертковы и невестка
Ольга. — Уехала Маруся Маклакова.

ЗАПИСКА С. А. ТОЛСТОЙ

Что я люблю.

В душе покой.
В толпе мечту
Любовь к себе людей.
Детей.
Всякие цветы.
Солнце и много света.
Люблю сажать, стричь, выжигать деревья.
Лес.
Люблю изображать, т. е. рисовать, фотографировать, играть роль; люблю что-нибудь творить, хотя бы шить.
Люблю музыку, но с ограничением.
Люблю ясность, простоту и талантливость в людях.
Наряды, украшения.
Люблю веселье, празднества, блеск, красоту.
Люблю стихи.
Сантиментальность.
Ласку.
Люблю работать производительно.

Что я не люблю.

Вражду и недовольство людей.
Пустоту в душе и мысли, хотя бы временную.
Осень.
Мужчин (за редкими исключениями).
Темноту и ночь.
Карточную игру за деньги.
Затемненных вином и пороками людей.
Секреты, неискренность и скрытность.
Степь.
Разгульные шумные песни.
Процесс еды.
Бездарность и хитрость, притворство и ложь.
Не люблю хозяйства никакого.
Не люблю одиночества.
Не люблю насмешек, шуток, пародий, критик и каррикатур.
Не люблю праздность и лень.
Трудно переносу всякое безобразие.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рукописи печатаемой третьей части «Дневников Софьи Андреевны Толстой» хранятся в кабинете им. Л. Н. Толстого рукописного сектора Публичной библиотеки Союза ССР им. Ленина, папка 57-58. Рукописи в трех тетрадах.

Первая тетрадь, размером в $\frac{3}{4}$ листа меллированной плотной бумаги в переплете темнозеленого цвета, 142 листа. На первой странице первого листа надпись: «Дневник гр. Софии Андреевны Толстой. 23 ноября 1897 г. Книга 4-я». оборот первого листа чистый. Начинается тетрадь записью 23 ноября 1897 года, кончается записью 6 ноября 1898 г. После записи 9 марта 1898 г. внизу на первой странице 62-го листа приклеена фотография, изображающая Л. Н. Толстого верхом на серой лошади во дворе Хамовнического дома Толстых перед отправлением на прогулку. Над снимком надпись Софьи Андреевны: «Мною снято 6 марта 1898 г. Москва, Хамовнический пер., 21». оборот 67-го листа и первая страница 68-го, и оборот листа 126-го, и первая страница 127-го — чистые, но заполнены по ошибке. Последний, 142-й лист чистый.

Вторая тетрадь размером в $\frac{3}{4}$ листа меллированной плотной бумаги в переплете темнокоричневого цвета, 192 листа. На первой странице первого листа надпись: «Дневник графини Софии Андреевны Толстой. Книга 5-я. 1898 г., ноябрь». оборот первого листа чистый. Начинается тетрадь записью 8 ноября 1898 г., кончается записью 14 января 1905 г. оборот листа 26-го и первая страница листа 27-го чистые, не заполнены по ошибке. Первая страница 27-го листа чистая. На обороте листа 87-го наклеена вырезка из «Петербургской Газеты» от 24 февраля 1901 г. с текстом отлучения Синодом Толстого от церкви. На обороте листа 90-го и на первой странице листа 91-го наклеена вырезка из газеты «Утро России» [?] с текстом письма С. А. Толстой к митрополиту Антонию и его ответ ей. Листы 92—93 представляют собою вшитую в тетрадь программу концерта в пользу приюта Общества поечения ч. бедных и бесприютных детей в Москве, состоявшего под попечительством С. А. Толстой. Первая страница листа 94-го чистая. На первой странице листа 108 записи: «Уехали в Крым 4 сентября 1901 г. Вернулся в Ясную Поляну 27 июня 1902 г. Дневник в Крыму в особой тетрадке. Возвращаюсь к старой книге, как к старой жизни...», оборот чистый. Лист 109-й начинается записью 27 июня 1902 г. Ясная Поляна. На первой странице 129-го листа приклеена вырезка из газеты «Русские Ведомости» от 13 декабря 1902 г. с текстом письма Толстого от 9 декабря 1902 г. в газеты с просьбой не печатать сведений о его здоровье. Лист 145-й представляет собою вклеенный в тетрадь полулист почтовой бумаги, первая страница которого чистая, а на обороте которого запись: «Наш тяжелый разговор 1 июля». Листы с 166-го по 192-й чистые. На первой странице 191-го листа наклеен лист почтовой бумаги с текстом предложения Л. Н. Толстого Софье Андреевне с ее надписью: «Предложение Льва Николаевича мне (переписано) 16—17 сентября 1862 г. Оригинал в Румянцевском музее в Москве». оборот листа чистый. На первой странице листа 192-го наклеен второй лист почтовой бумаги в тем-

стом второго, не переработанного предложения Толстого Софье Андреевне с ее надписью: «Неотдавшее предложение Л. Н. Сентябрь 1862 г.». Оборот листа чистый.

Третья тетрадь дневников Софьи Андреевны, так называемый «Крымский дневник», размером в $\frac{1}{4}$ листа бумаги, в одну линейку, в черной клеенчатой обложке, 62 листа. На первой странице первого листа надпись: «Дневник графини С. А. Толстой. Декабрь 1901 г. Крым. По 26 июня 1902 г.». Оборот листа чистый. Начинается тетрадь записью 2 декабря 1901 г. Крым. Газпра, кончается записью в вагоне 26 июня 1902 г. Последний (62-й) лист чистый. Естественно, что дневниковые записи этой тетради помещены нами хронологически, т. е. после записи 26 августа 1901 г. второй тетради.

При составлении примечаний к третьей части дневников С. А. Толстой мы придерживаемся следующего принципа: события и собственные имена, встречающиеся в комментированные в первой и второй частях «Дневников», нами в этой, третьей, части не комментируются.

1897

23 ноября.

— Осенью этого года С. А. Толстая жила в Москве с двумя младшими сыновьями, Андреем и Михаилом, и дочерью Александрой (Сашей). Позднее приехала дочь Татьяна. Сергей Львович в продолжение зимы также поодолгу жил в Москве.

— Дом Анны Михайловны Хилковой на Арбате (ныне дом № 14) был необитаем много лет, двери в него были заперты наглухо. Однако в окнах иногда был виден свет; говорили, что там являются привидения. Впоследствии оказалось, что там какие-то люди устроили себе притон.

— Лев Львович Толстой (р. 1869 г.) в то время вместе со своей семьей жил во флигеле яснополянского дома, занимаясь хозяйством в имении. По поводу своего спора с Толстым Лев Львович писал С. А. Толстой в письме от 21 ноября 1897 г.: «Милая мама, мне все хотелось написать вам эти дни и не то, чтобы пожаловаться, но просто высказать еще кому-нибудь близкому все, что настоялось во мне после бывшего спора с папой третьего дня. Слава богу, все кончилось миром, и мы не поссорились, как тогда. Но удивительно, как он до сих пор нетерпим, недобр и несправедлив. И непременно, во что бы то ни стало нужно ему, чтобы люди смотрели на вещи именно так, как смотрит и хочет этого он. Я говорил спокойно, а он до того порывался, что просто страшно было на него смотреть». В дневнике Толстого под 20 ноября 1897 г. по спору о Л. Л. Толстым записано: «Вчера был раздраженный разговор с Левой. Я много сказал ему неприятного. Он больше молчал, под конец я мне стало совестно и жалко его, и я полюбил его. В нем много хорошего. Я забываю, как он молод».

— По поводу чтения биографии Бетховена С. А. Толстая в «Моей жизни», описывая 1897 год, пишет: «Слушая много музыки, я впервые тогда прочла биографию Бетховена, сильно заинтересовавшую меня. Многие мне открылось и навело на разные мысли. Видно, все души не удовлетворяются обывательской жизнью и много страдают. Бетховен был несчастлив, и даже творчество его гения не утешало его. После этого чтения я еще большим интересом слушала его музыку». С. А. Толстая читала биографию Бетховена Поля.

24 ноября.

— Лицей имени цесаревича Николая в Москве (Катковский лицей). В нем учился, перейдя из Подьявовской гимназии, Михаил Львович Толстой. Директором лицея был Л. А. Георгиевский, предлагавший Михаилу

Львовичу поступить в интернат лицей. В 1898 г. Михаил Львович, бросив лицей, поступил на военную службу вольноопределяющимся.

— Статья Л. Л. Толстого — один из его очерков о Швеции, вошедший потом в его книгу «Современная Швеция». М., 1900.

— Екатерина Адольфовна Дунаева (1851—1923), жена А. Н. Дунаева.

— Екатерина Михайловна Давыдова, жена Н. В. Давыдова.

— Екатерина Петровна Ермолова, фрейлина, знакомая Толстых.

Л. Н. Толстой был знаком с Ермоловой с молодых лет. Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» записал о Ермоловой разговор Толстых, происходивший в Ясной Поляне 24 ноября 1909 года: «Утром вернулась из Москвы Софья Андреевна... рассказала про свою встречу с Е. П. Ермоловой, больше чем восьмидесятилетней старушкой-фрейлиной, которая давала ей наставления, как сохранить здоровье Л. Н.: не допускать к нему посетителей, не допускать, чтобы он волновался. Ему нужно молиться и довольно дела. Л. Н. вспомнил, что он с ней танцевал, что она не возбуждала влюбленности, хотя более красивой жепщины ему не приходилось видеть. — С. А. описала ее облик, сказала, как она и теперь красива и что она тип целомудренной красавицы. Л. Н. согласился...»

— Владимир Константинович Истомин, учившийся канцелярией в сл. кн. Сергея Александровича, московского генерал-губернатора.

— Сергей Иванович Танеев (1856—1915), известный музыкант композитор и теоретик. Историю знакомства с Танеевым, свое увлечение его музыкой, а через нее и самим Танеевым С. А. Толстая описала в своих записках «Моя жизнь» (часть III — с 1876 г. по осень 1881 г., рукопись 1906 года). В виду того, что в дальнейших записках «Дневника С. А. Толстой» ее увлечению Танеевым уделяется много места, и в виду того, что запись из «Моей жизни» в полной мере определяет характер этого увлечения, мы позволим себе привести пространную выдержку из названных записок Софьи Андреевны. «В моей жизни, — пишет С. А. Толстая, — было три эпохи, имевшие на меня большое влияние. Первая была чтение «Детства и юрочества» Льва Николаевича, открывшая мне красоту слова... Вторая эпоха моей духовной жизни — это было время повзвания одной красот философского мышления гудрецов, которые так много дали мне духовного развития и даже просто своею гудростью помогли мне жить. На этот путь поставил меня и потом вел в дальше князь Л. Д. Урусов... О третьей эпохе в моей жизни, имевшей на меня большое влияние..., напишу подробнее, когда дойду до 1895 г. Теперь же скажу коротко: это было после смерти маленького сына Ванюшки. Я была в том крайнем отчаянии, в котором бываешь только раз в жизни; обыкновенно подобное горе убивает людей, а если они остаются живы, то уже не в состоянии так ужасно страдать сердцем и горячо. Но я осталась жива и обязана этим случаю и странному средству — музыке. Сначала и после смерти своего любимого мальчика все молилась, ходила по монастырям и церквям и вся жила в бже. В церкви я простудилась и сильно заболела и чуть не умерла. Весной и немного опомнилась, стала поправляться и ездил к сестре в Киев, опять в том же молитвенном настроении. Вернувшись в Москву, сижу я раз в мае после болезни на балконе; в саду уже зеленело, было тепло. Приходит Сергей Иванович Танеев, человек мне мало знакомый и довольно чуждый. Чтоб что-нибудь разговорить, я спросила его, где он заводит дитя. «Не знаю еще», сказал он, «вижу где-нибудь дачу в помещицкой усадьбе». И вдруг мне шрило в голову, что наш флигель в Ясной Поляне пустой, и я ему его предложила, оговорившись тем, что буду еще советовать с моей семьей. Сама я хваталась за все морально, что было бы совсем другим, не упоминающее мне ждзвизн с Ванюшкой, и присутствие человека, совершенно неучастного моему горю, да еще так хорошо играющего на фортепиано, мне показалось желательным... Танеев перешел

к нам в Яспую и поселился во флигеле с своей милой старой нянюшкой Пелагеей Васильевной... Танеев много общался с молодежью, часто слышался его странный веселый смех, когда пулялы все вместе или играли в теннис. Учился он с Таней и Машей по-итальянски, играл в шахматы с Львом Николаевичем, и у них был уговор: кто проиграет, тот должен исполнить предписание противника, т. е. проигравший партию Танеев должен сыграть то, что заказжет Лев Николаевич, а проигравший Лев Николаевич должен прочесть что-нибудь свое, что попросит Сергей Иванович. Помню я какое странное внутреннее пробуждение чувствовала я, когда слушала прекрасную глубокую игру Танеева. Горе, сердечная тоска куда-то уходили и спокойная радость наполняла мое сердце. Игра прекращалась — и опять, и опять сердце заливалось горем, отчаянием, нежеланием жить. И вот проигранная партия, и Сергей Иванович играет сонату Бетховена, S-dur-ный полонез Шопена, увертюру Фрейшюца, песни без слов Мендельсона, варьянши Бетховена и Моцарта и много, много других прекрасных вещей, и я прислушиваюсь, что-то внутри меня радуется все чаще и чаще, и боль сердца легче, и я жду к болезненным нетерпением веселяющей меня музыки. А то Танеев приглашал нас и себе во флигель слушать его оперу «Орестею», которую он играл и без голоса как-то странно и некрасиво напевал. И я и к этой музыке, в которой много красот, прислушивалась охотно, сидя в покойном кресле и давая насыпать своему горю. Иногда Танеев и не знает, что я слушаю, как он проигрывает по несколько раз какую-нибудь пьесу, а я сижу на крыльце флигеля и слушаю его игру с восторженными глазами, и мне хорошо. Так было два лета, отчасти и зимой. Отравившись музыкой и выучившись ее слушать, я уже не могла без нее жить: абонировалась в концерты, слушала ее, где только могла, и сама начала брать уроки. Но сильнее, лучше всех на меня действовало музыка Танеева, который первый научил меня своим прекрасным исполнением слушать и любить музыку. Я всеми силами старалась, где-нибудь и как-нибудь услышать его игру, встретить его для той же цели, т. е. чтобы попросить его поиграть. Иногда я этого долго не добивалась, тосковала, томилась жаждой послушать опять его игру, или просто даже увидеть его. Присутствие его имело на меня благотворное влияние, когда я машинально опять тосковать по Ванюшке, плакать и терять энергию жизни. Иногда мне только стоило встретить Сергея Ивановича, послушать его бесстрастный, спокойный голос — и я успокаивалась. Я уже привыкла, что присутствие его и особенно его игра меня успокаивала. Это было гипноз, невольное, и неизвестное совершенно ему, воздействие на мою больную душу. Состояние было ненормальное. Совпало оно и с моим критическим периодом. Личность Танеева во всем моем настроении была почти не при чем. Он внешне был мало интересен, всегда ровный, крайне скрытный, и так до конца непонятный совершенно для меня человек. Часто воображала себе за личной скрытностью что-то особенное, глубокое, значительное, и таким мне иногда казался Танеев. Казалось мне, что он подавлял в себе в обидной явности всякие порывы и страсти, которые в его музыке так страшно, несдержанно и захватывающе действовали на слушателей и обличали внутренний мир исполнителя... За исцеление моей скорбной души своей музыкой, хотя это было помимо его воли и он даже этого не знал, я обратилась ему навсегда благодарна и никогда его не забывала. Он открыл мне впервые двери и понимание музыки». Продолжая свои воспоминания, С. А. Толстая, описывая 1895 г. (дружбиськи написана после 1908 г.), в первой части гласит: «Сергей Иванович Танеев» в основном поддерживает иррациональную выдержку и пребывание Танеева летами 1895 и 1896 гг. в Ясной Поляне. В конце гласит она пишет о влиянии на нее музыки Танеева, игру которого она слушала, сидя на крыльце флигеля покойничьего дома: «В эти минуты я не думала о своем горе, а уносила куда-то в другую

область, отдыхала душой и болезненно ждала вновь и вновь повторения этого блаженного состояния. По правде сказать, и только тогда хорошенько поняла, что такое музыка. В концерты я почти не ездила, музыкантов хороших, особенно пианистов, я не знала. Итра Танеева была особенная. Он был и философ в музыке, он же иногда проявлял в своем исполнении такую страстность, что жутко делалось, тем более, что в жизни он был скорее флегматичен, повидимому, совершенно бесстрастен, любил шуточки, был насмешлив, любил посеть и был по внешности своей прозаичен до крайности. Надо было хорошо его узнать близко, чтобы понять его внутреннее содержание и самую суть его характера и душевной жизни. Одно, что было лавренное, — это то, что он любил больше всего на свете — музыку и свою старую пиано Целягею Васильевну». Об отношении С. А. Толстой к Танееву см. также предисловие к настоящей книге и в книге В. А. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого», изд. М. и С. Сабашниковых, книга вторая, М., 1928.

— Татьяна Львовна по дороге из Ялты заезжала в Ясную Поляну.

— Начиная с 1882 года по 1902 год Толстые по зимам жили в Москве. К концу этого периода Толстой все более и более тяготился городской жизнью, которая нарушала привычный ход его жизни и работы, и стремился жить в Ясной Поляне. Софья Андреевна, наоборот, для воспитания детей по зимам жила в Москве. Это обстоятельство время от времени являлось причиной несогласия между Софьей Андреевной и Толстым. Большой интерес по этому вопросу представляет переписка С. А. со Львом Николаевичем, относящаяся к ноябрю комментируемого года. В письме от 19 ноября 1897 г. Софья Андреевна писала Толстому: «Милый Левочка... ты пишешь о браке. Этот вопрос: сержуся ли я, что ты не едешь, мне разрешить всегда трудно. Ты совершенно прав, говоря, что тебе важно уединение для твоей работы, что тебе недолго может быть осталось жить и ты выдержишь в течение и досугом своим; весь мир, все человечество, которому ты служишь своим писательством, найдут, что ты совершенно прав. Но мне, как отдельной личности, как жене твоей, надо делать большие усилия, чтоб признать, что то, что немного лучше, чем хуже, меньше или больше написано статей — важнее моей личной жизни, моей любви к тебе, моего желания жить с тобой и находить в этом счастье, а не вне этого. Это я тебе пишу, как рассуждение, а не как вызов. Теперь и приспособилась и не скучать, и жить хорошо и без тебя. Мне даже часто кажется, что когда мы врозь твоем, мы больше вместе душою, а как сойдемся материально, так как-будто больше разойдемся душевно. Твой аргумент, что может быть недолго осталось жить — и я могла бы в свою пользу сказать, что тем более надо доживать последнее время вместе. Но последнее время, особенно после чтения биографии Бетховена, я прозрела уже окончательно, что люди, служащие человечеству и получающие за это высший дар — славу, уже не могут отказаться от этого соблазна и откидывают все, что стоит на дороге к этой славе и мешает этому служению. У Бетховена, к счастью, не было семьи — и потому он был прав. Все это я передумываю и переживаю. Ты хотел меня почувствовать, и я боюсь, что тебе несприятно то, что я пишу. Но как-нибудь надо относиться ко всем обстоятельствам жизни, и не останавливать ни работы мысли, ни борьбы разных чувств. Живу я внимательно к себе и к другим. До настоящей минуты с тех пор, как мы расстались, не было у меня ни злости, ни досады на кого бы то ни было и я никогда не сердилась и не сержуся, что ты не едешь. Живя, сколько тебе покажется нужным и приятным; здесь тебе будет все досадно, и это тяжелей разлуки... Странно, сегодня и тогда на картах себе, и мне выпала два раза смерть. Увидим! А пока я жива, шлею тебе и часто думаю о тебе и чувствую, как мимо меня проходят все твои дни и мысли, и интересы, и уходят в статьи, новости, в Антонию, в Чертовские

письма и т. д. Прежде твои письма «сливались со мной и я везде себя чувствовала». На это письмо Толстой отвечал письмом от 26 ноября 1897 г. приведенным в предисловии почти полностью. После приезда в Москву Татьяна Львовна С. А. Толстая 25 ноября 1897 г. писала Толстому вторично: «Я думала, Левочка, что ты приедешь с Таней, но ты, evidently, этого до такой степени не желаешь, что оттягиваешь свой приезд, насколько можешь. Таня говорила даже, что ты говорил, будто жизнь твоя в Москве — самоубийство. Так как ты ставишь вопрос, что ты приезжаешь для меня, то это не самоубийство, а я тебя убиваю. И вот я спешу тебе написать, что ради бога не приезжай. Твой мучительный приезд лишает нас обоих спокойствия и свободы. Ты будешь считать себя постепенно убиваемым, я буду считать себя убитой. Хороша жизнь во имя любви! Если уедут Лева и Дора, то и могу опять поехать в Ясную к тебе на несколько дней, только не сейчас, потому что после последней истории с мальчиками я очень нервна и могу тебя расстроить. История была тяжелая, привела меня в еще худшее состояние истерического удущья, чем то, которое у меня было в Ясной, когда ты меня там огорчил. Коротко сказать, что они пропадали всю ночь до 8½ часов утра, что я просидела в страшном беспокойстве и негодновании всю ночь, не ложась даже, а потом после сцены с ними пролежала большая часть дня. Это так подкосило мои силы и нервы, что не скоро успокоюсь. Чем я больше теперь буду в одиночестве, тем мне легче; чем больше людей и шуму, тем мне хуже. А уж слышать еще тяжелее невзлюбленные шуточки — тогда уже я куда-нибудь убегу. Мне же так жизнь очень тяжела, трудна и сложна. Все члены моей семьи страшные эгоисты, все пребывают всего ют меня, а у меня сил нет и последние надорвутся скоро. Так вот не будем друг друга убивать упреками и требованиями и будем дружелюбно переписываться, и посещать и тебя буду, когда успокоюсь нервами... теперь я тебя скдать больше не буду. Всякое напряжение душевное мне стало невыносимо. Буду проводить вечера в концертах, сколько возможно. Это одиночество в толпе с слушанием музыки и стала очень любить».

О приезде в Москву в дневнике Толстого в связи с разговором с Гитыной Львовной и в связи с последним письмом Софьи Андреевны имеются две записи. 25 ноября 1897 года: «Таня уехала... Я дурно сделал, что говорил с ней про свое положение». 28 ноября 1897 г.: «От Сони оторченное письмо. Я дурно сделал, что сказал, а Таня дурно сделала, что передала».

26 ноября.

— Евгения Петровна Берс, племянница С. А. Толстой, дочь ее брата Петра Андреевича Берс.

— Театр Корша в Москве, в Богословском переулке, назывался по имени его основателя и владельца Федора Адамовича Корша (р. 1852 г.).

— «Адриена Лекуверр» — драма Скриба и Легюве.

— Леопольд Антонович Суллержидский (1872 — 1916), знакомый семьи Толстых. Учился в училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. В 1898—99 гг. сопровождал в Америку дубоборов. Впоследствии артист, а затем режиссер Московского Художественного театра. См. его книгу «В Америку с дубоборами». М., 1905, изд. «Посредник» и воспоминаниях о нем Т. Л. Сухотиной, написанные в 1917 г. «Друзья и гости Ясной Поляны». М., 1923 г.

27 ноября.

— Анна Луканитшна Вельш, англичанка, держала в Москве небольшую музыкальную школу. По летам жила в Ясной Поляне в качестве гувернантки, занимаемая музыкай с Алексавдрой Львовной, а затем с С. А. Гитыной. А. Л. Толстая в своих воспоминаниях пишет о ней: «... много

Вельш — маленькая кроткая женщина средних лет с добрыми карими глазами. Сначала я пробовала ее изводить так же, как других гувернанток, но из этого ничего не вышло: я привязалась к ней». А. Л. Толстая. «Из воспоминаний». «Совр. Зап.» ХLI, стр. 26.

— А. Л. Толстая пишет о музыкальных способностях Михаила Львовича: «Миша был самым музыкальным в нашей семье. Какой бы мотив ни услышал, сядет, бывало, за фортепьяно, возьмет гитару, басалайку и сейчас же подберет. Одно время он учился на скрипке и делал большие успехи, мама радовалась, гордилась им, но юн скоро бросил. Помню, впервые пел у нас в Москве Шалигин. Отцу не понравилось то, что он исполнил: «Песня о блохе», «Два гренадера». Шалигин предложил спеть песню «Ноченька», но аккомпанировавший ему молодой пианист Гольденвейзер без нот сыграть песню не мог. Миша застенчиво подошел в фортепьяно, подобрал мелодию и через несколько минут Шалигин уже пел под его довольно примитивный, но совершенно верный аккомпанимент». А. Л. Толстая. «Из воспоминаний». «Современные Записки», ХIV, стр. 11. Париж. 1931 г.

29 ноября.

— Письмо Толстого приведено в предисловии.

30 ноября.

— Варвара Сафонова и ее дочери, Надя и Сапа, — семья музыканта, директора московской консерватории Василия Ильича Сафонова.

— Душан Петрович Маковицкий (1866—1921), врач, чехо-словак, последователь учения Толстого. В 1904—1910 гг. был домашним врачом Толстого, выполнял в свободное время обязанности его секретаря. Во время пребывания в Ясной Поляне вел подробный дневник, записывая главным образом высказывания Толстого. Незначительная часть этого дневника опубликована: Д. П. Маковицкий. «Яснополяanske записки», изд. «Задруга», вып. I. М., 1922, вып. II. М., 1923. Маковицкий впервые посетил Толстого осенью 1894 г. В 1897 г. Маковицкий приехал к Толстому вторично, вероятно, в связи с деятельностью словенского издательства «Посредник», во главе которого он стоял. 28 ноября 1897 года Толстой записал в дневнике: «Нынче утром приехал Маковицкий, малый, кроткий, чистый. Много радостного рассказал про друзей».

— Статья Карпентера «Современная наука» с предисловием Л. Н. Толстого была напечатана в третьем номере «Северного Вестника» за 1898 год. По поводу его помещения в дневнике Толстого под 2 декабря 1897 года записано: «Нынче было письмо от Тани о том, что Соня огорчена отсылкой предисловия в «Северный Вестник». Я ужасно боюсь этого. За эти дни было нелепое письмо от Грота. До сих пор ничего не решено».

10 декабря.

— Леопольд Семенович Ауэр (1845—1930), знаменитый скрипач и дирижер. Издательством М. и С. Славяниновых изданы записки Ауэра под названием «Среди музыкантов». М., 1927.

— Евгений Дальбер (р. 1864 г.), скрипач и композитор.

— Приводим две записки из дневника Толстого, относящиеся к дневниковой записке Софьи Андреевны 10 декабря: «От Софии самые тяжелые письма. 5-го приехал, ее нет. Она в страшном возбуждении уехала к Троице. Все сделала моя статья в «Северном Вестнике». Я печально ошибся... Вечером приехала Соня успокоенная. Поговорили и стало короче». 7 декабря: «Вчера еще и еще договаривали, и я слышал от Софии то, чего никогда не слышал: сознание своей вины. Это была большая радость. Благодаря тебе, отец, что бы ни было дальше. Уже это было, и это большое добро».

— Кн. Александр Иванович Сумбатов, по сцене Южин (1837—1927), актер, писатель. Комедия его «Джентльмены», в которой осмеивались новые формации московского купечества, впервые шла в Малом театре в Москве 29 октября 1897 года.

— André Beaunier, редактор парижской газеты «Temps», основанной в 1861 г. «Journal de Debats» — одна из крупнейших французских газет, основанная в Париже в 1789 г.

16 декабря.

— Алексей Александрович Стахович, служивший в то время адъютантом в. в. к. Сергея Александровича.

— Ф. И. Маслов приносил виды Кавказа Л. Н. для его повести «Хаджи Мурат». Повесть писалась с 1896 г. по 1904 г. с перерывами. Первое упоминание о ней в дневнике Толстого 16 июля 1896 года. Впервые напечатана в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого» изд. А. Л. Толстой. Т. III. М., 1912.

18 декабря.

— «брошюрка «Жизнь» — Лев Бух «Жизнь». Спб., 1898 г.

— «Разбор новых французских пьес»... вероятно в связи с работой над статьей «Что такое искусство?». См. гл. X и первое приложение к этой статье.

20 декабря.

— Переводчиком статьи Толстого «Что такое искусство?» на английский язык был англичанин Эйльмер Моод (р. 1858 г.), знакомый Толстому с 1887 г. Находился в переписке с Толстым. В 1897—1899 гг. деятельно помогал Толстому в деле переселения духоборов в Канаду. Автор биографии Толстого на английском языке и переводчик на английский язык многих сочинений Толстого. В настоящее время (1932 г.) работает над переводом на английский язык собрания сочинений Толстого.

25 декабря.

— Павел Сергеевич Усов, доктор, лечивший Толстого. С. А. навывает его «милодым», потому что Толстые были знакомы еще с его отцом, профессором зоологии Сергеем Александровичем Усовым (1827—1886).

— По поводу получения анонимного письма Толстой записал в дневнике под 21 декабря 1897 г.: «Вчера получил анонимное письмо с угрозой: убийства, если к 1898 году не исправлюсь; дается срок только до 1898 года. И жуток, и корошо!»

26 декабря.

— Тавшев уезжал работать в Черниговский скит близ Троице-Сергиевой лавры.

27 декабря.

— Цезирь Фрэнк (1822 — 1890), композитор.

— Лео Дельвэ (1836 — 1891); французский композитор. Музыка на драму «Le roi s'amuse» написана им в 1882 г.

— Александр Константинович Глазунов (р. 1865 г.), композитор. Симфоническая поэма «Стенька Разин» написана им в 1885 г.

— О вегетарианском питании Толстого Александра Львовна Толстая пишет в своих воспоминаниях: «Мама всегда заботилась, чтобы пища для отца была легкая и вопрос питания возвелся чуть ли не в культ. Ежедневно вечером приходил к ней повар Семен Николаевич, и она долго обсуждала меню. К юбеду полагалось четыре блюда: суп мясной для всех, для Л. Н. и для сестер — вегетарианский. Если на третье зелень, на второе что-нибудь более питательное — рисовые котлеты или макаронны с сыром».

Сладкое также в зависимости от состояния желудка Льва Николаевича и маленьких: кисель с миндальным молоком, компот, трубочки со сливками или блинчики с вареньем. Если Л. Н. чувствовал себя почему-либо слабым, мама и Семен Николаевич, как заговорщики, решали тайком подлить в грибной суп немного бульона. Когда мама была занята, Семен Николаевич клал ей на письменный стол меню, написанное в спитой им самим длинной тетрадке. Здесь, кроме ежедневных записей обедов и завтраков, встречались целые рассуждения: «У Ванюшки болит животик, сделал ему куринные котлеты и бульон». — «Свари яхдонской смоленской кашки из грибным бульоне к завтраку Льву Николаевичу, он что-то жаловался на боли в желудке». — «К обеду гости. Куши в Охотном ряду рябчиков, да пощи хорошей цветной или брюссельской капусты». (А. Л. Толстая. «Из воспоминаний». «Современные Записки». Т. XLV, стр. 8—9. Париж, 1931.).

— Кн. Софья Николаевна Голицына, рожд. Деянова, жена бывш. московского губернатора, затем городского головы — кн. Владимира Михайловича Голицына.

— Софья Дмитриевна Самарина.

29 декабря.

— Осип Соломонович Габрилович (р. 1878 г.), пианист.

— Аркадий Дмитриевич Столыпин (1812 — 1899), приятель молодости Толстого, сослуживец его по Севастопольской кампании, отцу премьер-министра П. А. Столыпина.

— «Норма» — опера Беллини.

1898

1 января.

— Вера Александровна Шидловская (ум. 85 лет в 1900-х гг.), тетка С. А. Толстой по матери. Кузины ее — О. В. Северцова, Наталья Вячеславовна Шостак, Марья Вячеславовна Свербева (ум. в 1912 г.), Вера Вячеславовна Мецеринова и Надежда Вячеславовна Литвинова, дочери В. А. Шидловской.

— В дневнике под 1 января 1898 г. Толстой записал: «Очень грустно, уныло, нездорово встречаю Новый год. Не могу работать, все болит живот».

3 января.

— Александр Васильевич Верещагин (1850 — 1909), брат художника Верещагина, писатель.

— «Садко» — опера Н. А. Римского-Корсакова, писавшая им в 1895 — 1896 гг. и оконченная в 1897 году.

— Василий Васильевич Матэ (р. 1856 г.), гравер по дереву и офортист, профессор Академии художств, с 1899 г. академик.

— Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844 — 1908), композитор, и жена его Надежда Николаевна приехали из Петербурга в Москву на одно из первых представлений оперы «Садко». После спектакля Стасов и Римские-Корсаковы приглашены были обедать к Толстым.

— О спорах об искусстве у Толстого в дневнике под 4 января 1898 г. записано: «Вчера Стасов и Редин и кофе. Глухие разговоры об искусстве. Когда я буду помнить то, что много баять не подobaть».

— Владимир Федорович Лугинин (1834—1912), термохимик, с 1890 г. — почетный доктор химии Московского университета. В молодости участник осады Силистрии и Севастопольской кампании.

5 января.

— Александр Алексеевич Щербатов, московский предводитель дворянства, московский городской голова.

6 января.

— Владимир Иванович Пель, пианист и композитор.

8 января.

— «Реши все просил Льва Николаевича задать ему тему для «артиста». 21 января 1898 г. Толстой писал Черткову: «Одно из приятных впечатлений последнего времени было свидание с Репиным. Мы, кажется, оставили друг другу хорошее впечатление... Посылаю вам письмо Стасова, чтобы дать понять его (Репина) настроение. Он очень и серьезно просит меня дать ему сюжет и он исполнит его. И я вижу, что это серьезно, и все не нашел еще достойного сюжета и чувствую большую ответственность». Об этом же 4 февраля 1898 г. писала в своем дневнике Т. Л. Сухотина: «Решился просит папа дать ему сюжет. Он приезжал к этим в Москву, потом писал мне об этом и еще несколько раз напоминал мне об этом, пока я была в Петербурге. Вчера папа говорил, что ему пришел в голову один сюжет, который, впрочем, его не вполне удовлетворяет. Это момент, когда ведут декабристов на виселицы. Молодой Бестужев-Рюмин увлекся Муравьевым-Апостолом, скорее личностью его, чем идеями, и все время шел с ним заодно, и только перед казнью ослабел, заплакал, и Муравьев обнял его, и они пошли так вдвоем к виселице». («Толстой. Памятники творчества и жизни». III, М., 1923., стр. 66—67).

13 января.

— Об именинах Татьяны Львовны 13 января 1898 г. Толстой записал в дневнике: «Вчера праздновали Танины именины. Тяжело».

16 января.

— Артельщик — Матвей Никитич Румянцев, несколько лет заведывавший складом книг соч. Л. Н. Толстого, издаваемых С. А. Толстой. Артель состояла из лиц, занимаемых на ответственные должности (кассир, управляющий, копторщик и пр.), рекомендовала своих членов, отвечала за их корректность и улачивала занимаателям деньги в случае расплаты.

17 января.

— О жизни в Москве Толстой 19 января 1898 г. записал в дневнике: «Тяжело, праздно. Не могу работать. Несколько раз на деле вспомнил, что неприятно есть только Егмашинг (побуждение) к тому, чтобы поддаться вперед к совершенству».

— Альфред Дрейфус (1859—1927), еврей, служивший офицером французской армии. Обвинился в государственной измене, в шпионаже в пользу Германии, был судом военным судом и в декабре 1894 года приговорен к пожизненному заключению. В 1897 году брат Дрейфуса возбудил дело против офицера Эстергази, бывшего, как выяснилось впоследствии, виновником того преступления, в котором обвиняли Дрейфуса. Суд Эстергази оправдал. Через два дня после этого, 13 января 1898 г., Э. Золя (1840—1902), знаменитый французский писатель, поместил в газете Клемансо письмо «L'Accuse...» президенту республики, в котором обвинял военного министра, обвинителя Дрейфуса, военный суд и др. в пристрастном и заведомо несправедливом отношении к Дрейфусу. Письмо Золя дало толчок к конфликту, расколовшему страну на два лагеря, сторонников и противников Дрейфуса. Дело Дрейфуса получило широкую известность во всем мире. Окончательно оправдан Дрейфус был только в 1906 году.

Толстой о деле Дрейфуса высказывался несколько раз; так, например, в письме к брату С. Н. Толстому 25 февраля 1898 г. он писал: «События в мире в Дрейфусом..., всей литературой и музыкой и живописью только показывают, как мы все больше и больше расходимся с дарствующим миром. Для меня это не неприятно и не тяжело, потому что это как старая трава, которая сохнет и гадка, засела щеткой, а из-под нее идут молодые ростки».

20 января.

— О жорсете А. Л. Толстая пишет в своих воспоминаниях: «Помню, какое было для меня мучение, когда мама заставляла меня носить жорсет, «чтобы была хорошая фигура, а не такой обрубок как у тебя», — говорила она. Когда только можно было, я стаскивала жорсет и прятала подальше в шкаф, но гувернантка снова вытаскивала его и заставляла надевать. Планытки и юбки ломались и вшивались в тело, причина страшных мучения». («Современные Записки». Париж, 1931, т. XIV, стр. 46).

22 января.

— Дама, писавшая Толстому, — З. Соколова. Письмо Толстого к редактору «Русских Ведомостей» от 4 февраля 1898 г. напечатано было в № 39 «Русских Ведомостей» от 8 февраля 1898 г. В начале 1898 г. в четырнадцать губерниях России крестьяне испытывали острую нужду вследствие неурожая. Помощь голодающим запаздала и плохо была организована. Толстой откликнулся на народное бедствие одним из первых. «...Всякий человек нашего круга, — писал он в вышеупомянутом письме, — если он постарается... пожертвовать хоть малейшей долей своих удовольствий..., несомненно поможет самому себе в самом важном на свете деле — в разумном понимании смысла жизни и в исполнении в ней своего человеческого назначения».

— Цедилля Владимировна Винер (1860—1922), жена Д. А. Хилкова. С. А. Толстая называет ее «воспитательницей» Хилкова, потому что они венчались, не признавая церковных обрядов, и не крестили своих детей.

26 января.

— Евгений Николаевич Малыгин, privat-доцент Московского университета.

— Молокане-крестьяне — сектанты Бузулукского уезда Самарской губернии, у которых в 1897 г. за сектантство были отобраны дети и помещены для воспитания в православной вере в монастыри. У крестьянина дер. Автоновки, Самошкина, был отобран единственный сын, у крестьянина Болотина отобраны две девочки, у крестьянина села Бобровки Всеволода Шенелова были взяты трое детей. Толстой, к которому обратились молокане за помощью, принял в их деле большое участие: дважды писал царю (10 мая и 19 сентября 1897 г.), которому оба письма лично были вручены знакомым Толстых, гр. Адамом Васильевичем Олсуфьевым; просил Кони хлопотать о деле в Сенате, просил барона Федора Егоровича Мейендорфа, начальника канцелярии императорской главной квартиры, дать ход решению молокан; обращался с письмами в печать: в «Русские Ведомости» и к кн. Ухтомскому в «С.-Петербургские Ведомости». По просьбе Толстого, по поводу отнятия у молокан детей хлопотала бышпан по своим делам в январе 1898 г. в Петербурге Т. Л. Сухотина, обратившаяся по этому делу непосредственно к обер-прокурору св. Синода Победоносцеву. В результате этих хлопот дети молоканам были возвращены. (См. письма Толстого к царю в книге «Лев Толстой и русские цари», М., 1918, и интересный дневник Т. Л. Сухотиной (Толстой) с записью ее посещения по делу молокан Победоносцева: «Толстой. Памятники творчества и жизни», III, М., 1923).

— Граф Сергей Юльевич Витте (1849—1915), в 1898 г. — министр финансов, позднее премьер-министр. Статья Елизаветы Андреевны Берс о дифференциальном железнодорожном тарифе печаталась в «Новом Времени».

27 января.

— Константин Николаевич Боборыгин (1829—1904), севастопольский товарищ Толстого. В 1866—1876 гг. был оренбургским военным губернатором и казачьим атаманом оренбургского казачьего войска. В 1876—1888 гг.

орловском губернатором. Впоследствии генерал-лейтенант. См. его отрывки воспоминаний о Толстом, относящиеся к севастопольскому времени. Н. Н. Кашкин. «Родословные разведки», 11, стр. 557—558.

28 января.

— Поль Маргерит (р. 1860 г.), французский романист, с 1896 г. постоянно писал вместе со своим братом Виктором (р. 1867 г.). Роман «Le désastre» из времен франко-прусской войны 1870—1871 гг. написан ими в 1898 г.

29 января.

— «Вернулась Тая из Петербурга». Т. Л. Сухотина пишет в своем дневнике под 4 февраля 1898 г. о своей поездке: «Другое мое дело в Петербурге было пропагандирование моего альбома французских картин в искомое в Публичной библиотеке образцов современного немецкого искусства. Для этого я несколько часов в день сидела в Публичной библиотеке с милейшим Стасовым, который мне искал то, что мне могло понадобиться. Немедкая новая живопись поразила меня своей грубостью... Все-таки я кое-что отобрала. Альбомы мои пошли очень быстро. Только второй месяц, как они изданы, и почти все уже разошлись. Буренин написал о них очень лестную рецензию, которая очень их подвинула. (См. «Толстой. Памятники творчества и жизни». III, М., 1923, стр. 64—74). Издание альбома немецкой живописи, про который пишет Т. Л. Сухотина, не осуществилось. Альбом французских картин — это «Картинная галерея «Посредняка». Издание Т. Л. Толстой. I. «Последний луч» картина Ж. Бретона и другие картины французских художников. Москва, 1898.

1 февраля.

— О рисунке Крамского Толстой пишет в XVI главе статьи «Что такое искусство?»: «Есть много картин, изображающих личные чувства различных людей, но картин, передающих подвиги самоотвержения, любви христианской очень мало и то преимущественно среди малоизвестных живописцев и не в оконченных картинах, а чаще всего в рисунках. Таков рисунок Крамского, стоящий многих его картин, изображающий гостиную с балконом, мимо которого торжественно проходят возвращающиеся войска. На балконе стоит кормилица с ребенком и мальчик. Они любуются шествием войска. А мать, закрывши лицо платком, рыдая, кричала я слыше дивана».

— Виктор Гюго (1802—1885), французский романист. Рассказ Гюго «Les pauvres» под заглавием «Бедные люди» в прозаическом изложении В. Миклутич помещен Толстым, как недельное чтение в «Журне чтения» между 7 и 8 января.

2 февраля.

— Марья Аркадьевна Офросимова, урожд. Столыпина, сестра премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина.

— Мария Леонидовна Урусова, рано умершая талантливая музыкантша, дочь приятеля Толстого, вн. Леонида Дмитриевича Урусова, переводчика Марка Аврелия, бывшего тульским вице-губернатором.

12 февраля.

— Толстой записал в своем дневнике под 19 февраля 1898 года: «За это время все исправлял и дополнял и портил последние главы об искусстве». В XII главе «Что такое искусство?» он пишет: «Лучшею иллюстрацией вредного влияния критики может служить отношение ее к Бетховену. Среди по заказу, второпях написанных, бесчисленных произведений его есть, несмотря на искусственность формы, художественные произведения, но он становится глух, не может слышать и начинает писать уже

совсем выдуманные, недоделанные и потому часто бессмысленные, непонятные в музыкальном смысле произведения... Критика же, раз признав его великим композитором, с особой радостью ухватывается именно за эти уродливые произведения, отыскивая в них необъяснимые красоты. Для оправдания же своих восхвалений, извращая самое понятие музыкального искусства, она приписывает музыкальному искусству свойство изображать то, чего оно не может изображать, и являются подражатели... тех уродливых попыток художественных произведений, которые пишет глухой Бетховен».

Вторично Толстой упоминает о Бетховене в XIV главе статьи. Здесь он сравнивает пенье деревенских баб с 101 сонатой Бетховена, и отдает предпочтение первому.

14 февраля.

— Иван Петрович Брашнин (1826—8 апреля 1898). 30 марта 1898 г. Толстой писал А. К. Чертковой: «Вы знаете, есть старик, богатый купец Брашнин, близкий нам по духу. Я уже лет 15 знаю его. У него рак печени, как определяют врачи. Я был у него раз вмяю. Он был очень алоч, худ, желт, но на ногах еще. С неделю тому назад Александр Никифорович (Дунаев) зашел ко мне утром с известием, что Брашнин умирает и приехал мальчика звать проститься с ним. Мы пошли и застали его умирающим. Первое мое слово было — спокоен ли он. Совершенно. Он в полной памяти и ясности ума поблагодарил меня, простился со мной, и я с ним, как прощаются и вперед уезжающим путешественником. С грустью поговорили о том, что его жена и дети — все язычники, но без упрека им. Я сказал, что увидамся еще. Он спокойно ответил: «Нет уже». Простился, поблагодарил за наше общение. Все так просто, спокойно, серьезно... Я думаю, что это так происходит главное от того, что нет в их сознании лжи, которая теперь при близости смерти ясно бы обнаружилась и сделала бы смерть мучительной. Нет ни причастия, ни Иверской, ни дорогих врачей, ни заведений, ни робований. Правда, и в том, и в другом случае нет особенно мучительных страданий, являющихся сознание».

15 февраля.

— Вера Федоровна Сологуб, дочь Федора Львовича Сологуба, музыканта, актера и художника, о котором говорит в своих воспоминаниях Н. В. Давыдов.

17 февраля.

— Книга, про которую говорил П. А. Сергеенко, была им вскоре издана под заглавием «Как живет и работает Лев Толстой». Первое издание — М., 1898, второе — М., 1908.

19 февраля.

— П. А. Сергеенко и Т. Л. Сухотина писали вместе драму из светской жизни, называвшуюся «Сандра». Драма написана не была.

— Дом, в котором родился и рос Толстой, продан им в 1854 году помещику Горохову в село Долгое, в 19 верстах от Ясной Поляны. 4 декабря 1897 года Толстой ездил в село Долгое, чтобы взглянуть на тот дом, с которым у него было так много связано воспоминаний. В дневнике под 6 декабря 1897 г. он записывает: «4-го ездил в Долгое. Очень умиленное впечатление от развалившегося дома. Рой воспоминаний». В 1911 году усадьба в Долгом, несколько раз переходившая из рук в руки, вместе с домом куплена местными крестьянами. В 1913 году дом, по постановлению сельского схода, был разобран на дрова и на кирпич и разделен по дворам. Сергеенко ездил в Долгое в феврале 1898 г. «Гнетущее чувство овладело нами, — пишет он, — когда мы, балансируя по перекладчикам, вошли в полуразрушенный дом с торчащими балками, развалившимися стенами и горами мусора... В угловой комнате, где родился великий писатель, лежали

в беспорядке какие-то обломки и был навален разный хлам». (П. Сергеев-К. «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой». М., 1908, стр. 109—110). Три фотографии дома, где родился Толстой, снятые тогда же фотографом-любителем, профессором Московского университета Петром Васильевичем Преображенским, помещены на стр. 109—110 вышеупомянутой книги. Собственноручно начерченный Толстым план дома находится в Государственном Толстовском музее в Москве.

22 февраля.

— Стихотворение «Восход солнца» написано Тютчевым в 1865 году.

23 февраля.

— Мапа, жена повара. Марья Васильевна Руминцева, дочь Василия Васильевича Суворова, медника, бывшего дворового Толстых. Замужем за Сергеем Николаевичем Руминцевым, бывшим много лет поваром у Толстых. Не раз служила в доме Толстых горничной.

— Николай Сергеевич Жилнев, ученик Танеева, музыкант-теоретик. После революции работал в Музгизе. В настоящее время (1932 г.) состоит членом Ассоциации композиторов.

24 февраля.

— Вера Сергеевна Толстая (1865—1923), племянница Толстого. О ее болезни Толстой 25 февраля 1898 г. писал С. Н. Толстому: «...получил твое письмо, которому очень был рад, только не известию о Верочке. Это, наверно, этот ужасно воняющий фонарь. Я помню, что не мог просто оставаться в комнате от жара, надышенного воздуха и копоти, а каково же в этом воздухе еще говорить. Она шипит, что ей гораздо лучше, а ты пишешь, что дурно. Дай бог, чтобы ее была правда».

— Синджон ездил на Кавказ узнать о положении духоборов и передать им деньги, пожертвованные квакерами. В письме П. И. Бирюкову от 25 февраля 1898 г. Толстой писал: «Вчера получил известие о том, что Синджон выслан из России. Он едет в Будапешт к Шмиту, так что вы увидите его».

1 марта.

— В связи со смертью Олсуфьевой Толстой 1 марта 1898 г. написал ее родителям следующее письмо: «Дорогие друзья Анна Михайловна и Адам Васильевич. Как ни близок сам к себе, ни как ты убежден всей душой, что жизнь мапа здесь есть только крошечная частица всей жизни и что раньше или позже переменить эту жизнь на другую не важно, и как не приучил я себя к этой мысли, не могу сейчас без слез писать и думать о милой, милой, удивительно милой и незаметно нежно любимой мной вашей Лизе, которая ушла от нас. Я плачу сейчас, но без горечи, а с умилением, с тем чувством любви, которую она возбуждала во всех. Я уверен, что и у вас, несмотря на всю ужасность вашей потери, в глубине души есть это чувство религиозного умиления, которое она возбуждала во всех своей самоотверженной простотой. Ужасно хотелось бы приехать посмотреть на вас и поплакать вместе с вами. Но боюсь стеснить. Приеду позже, когда позволите».

Всех умерших мы ценим во всю их цену только тогда, когда они уйдут от нас, но она особенно поразительна в этом отношении: и по удивительной, какой-то особенной, настоящей, не напущенной, а природной скромности, низкой оценкой себя, которой она заражала и других, и по удивительной самоотверженной, открытой на все стороны, любви, которая составляла сущность ее чистого, милого существа. Не на словах, а всей душой с вами, милье, дорогие друзья». О том же Толстой 8 марта 1898 г. писал Черткову: «Это прелестное было существо — веселое, скромное, простое, доброе. Заболела скарлатиной и в четыре дня умерла. Умирала в па-

мгнута и, зная, что умирает, распоряжалась делами, заплатила долг за народ в банк и т. п. Потом прощалась со всеми, прощалась явочно, вспоминала нас и особенно меня. Мне радостно было это. Мы с ней часто спорили о православии, от которого она не хотела отказаться. Умирая, однако, она не позвала священника. И перед смертью так же, как многие, остановила глаза на чем-то и с удивлением проговорила: «А, так это вот что!»

— Василий Васильевич Докучаев (1846—1903), известный геолог, профессор Петербургского университета по кафедре минералогии.

4 марта.

— Лев Львович Левшан, заслуженный ординарный профессор Московского университета.

8 марта.

— Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905), философ, профессор Московского университета. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

9 марта.

— Мария Яковлевна Шанкс (р. 1866 г.), свояченица Эйльмера Моода, дочь английского торговца в Москве. После знакомства по Школе живописи с Т. Л. Сухотиной и через нее со взглядами Толстого стала последовательницей Толстого, проводя в жизнь принцип опрощения.

— Михаил Ильич Толстой, сын Ильи Львовича Толстого.

18 марта.

— Александра Николаевна Толиверова-Пешкова (р. 1867 г.), писательница. С 1887 г. издавала и редактировала детский иллюстрированный журнал «Игрушечка». С 1899 г. по 1900 г. издавала и редактировала ежемесячный литературный журнал «Женское дело».

2 апреля.

— О приезде духоборов Толстой 4 апреля 1898 г. писал Черткову: «... утром говорят мне, что приехали два человека с Кавказа. Это были духоборы: Планадьян, Павел Васильевич, ваш знакомый, и Чернов. Они приехали, разумеется, без паспортов, чтобы сообщить сведения и узнать все, касающееся их дела. Переговорив с этими дорогими друзьями и узнав все, я решил послать их в Петербург к Ухтомскому...»

И ему же 6 апреля 1898 г.: «Главная цель приезда Планадяна и Чернова состояла в том, чтобы просить кого-нибудь из наших друзей съездить в Обдорск к Веригину. Они привезли на этот предмет 300 р. из пожертвованных им, прибавив еще 100 р. Главное же им хочется сообщить ему все, что у них делается, об его (Веригина) родителях и о положении всей большой партии. Поехать к Веригину вызвался Петр Алексеевич Булахов, молодой крестьянин Гжатского уезда Смоленской губернии, сектант-старовер. Был сперва рабочим, потом заведывал небольшим заводом. Впоследствии управляющий именем С. Л. Толстого. В 1908 г. вернулся на родину, стал заниматься сельским хозяйством.

А. Н. Дунаев, у которого служил в данный момент Булахов, устроил ему поручения по рыбным делам в Обдорск, чтобы замаскировать цель его поездки. Однако за Булаховым, повидимому, следили. 8 апреля он выехал из Москвы, но приезде в Тобольск был задержан, арестован, обыскан и допрошен. От заключения в тюрьму его спасло только то обстоятельство, что при нем не было найдено никаких документов, так как прошение духоборов царю Булахов выучил наизусть с тем, чтобы передать Веригину.

— Сергей Леонидович Урусов, сын Леонида Дмитриевича Урусова.

— Екатерина Николаевна Фрейдман, рожд. Капшевская, жила у Толстых в качестве учительницы музыки и французского языка.

3 апреля.

— Иван Иванович Горбунов-Посадов и его брат, Николай Иванович Горбунов, артист (пламвист и чтец).

7 апреля.

— В № 93 «Русских Ведомостей» была помещена следующая заметка: «В контору «Русских Ведомостей» поступило в распоряжение гр. Л. Н. Толстого для оказания помощи больным и нуждающимся духоворам: от иногороднего подписчика 300 рублей, от г. М. 400 р., от неизвестного 300 р.» Деньги эти, пожертвованные Моодом, Сергеем и неизвестным, были своевременно вручены Толстому редакцией газеты. Между тем от московского обер-полицеймейстера поступило распоряжение: немедленно передать в распоряжение администрации деньги, пожертвованные духоворам. Редакция ответила, что деньги уже переданы ею по назначению, и представила от Толстого расписку. Тем не менее «Русские Ведомости» были министром внутренних дел приостановлены на два месяца.

9 апреля.

— Георгий Эдуардович Ковнос, композитор, профессор Московской филармонии.

15 апреля.

— Кн. Владимир Федорович Одоевский (1803—1869), писатель и общественный деятель.

— Генрих Ипполитович Семирадский (1843—1902), исторический живописец. Его картина «Дирcea на римском дирже» впервые выставлена была в 1898 г. в Петербурге.

— «Был Сергей Иванович... Сережа его расспрашивал кое о чем», Танеев предложил С. Л. Толстому перевести с английского книгу Э. Пратта «Музыкальная форма», что им впоследствии и было исполнено. Книга была издана в 1900 г. П. Юргенсоном.

16 апреля.

— Кн. Павел Петрович (Paolo) Трубецкой, известный скульптор. Толстовские скульптуры его работы считаются одними из лучших. Бюст, о котором пишет С. А., в натуральную величину, Трубецким был окончен. Находится в Люксембургском музее в Париже. Кроме этого бюста Трубецкой вылеплен небольшой бюст Толстого со сложенными на груди руками. Гипсовые и бронзовые копии с него находятся в Государственном Толстовском музее в Москве. В 1900 г. сделал маленькую статуэтку-бюст Толстого из воска — находится в Толстовском музее. Позднее, в 1904 г., Трубецкой вылепил статуэтку «Толстой верхом на лошади». Находится там же. Скульптуры Трубецкого, изображающие Толстого, воспроизводились в печати неоднократно.

18 апреля.

— «Лев вдруг продал дом». По разделу между детьми Толстых в 1891 году Лев Львович в своей части получил дом в Москве, который и продал. Так как жизнь семьи Толстых в Москве, начиная с 1882 г., была связана с этим домом, семье Толстых жалко было лишиться дома, и Софья Андреевна перекупила его себе. В вальсе 20 апреля она пишет, что у нее в этом доме умерло двое детей; это Алеша (1882—1886) и Ванюшка (1888—1895). После смерти Толстого С. А. дом продала городу. В настоящее время этот дом (№ 21 по ул. Льва Толстого) — бытовой музей-усадьба Льва Толстого в Москве (отделение Государственного Толстовского музея).

19 апреля.

— «...взяли другую гувернантку Саше» — m-lle Kothing.

В своих воспоминаниях А. Л. Толстая пишет про свои взаимоотношения с гувернантками: «От няни мое воспитание перешло в англичанкам-боннам, изучившим меня говорить по-английски и обливаться холодной водой, а затем к гувернанткам. Они постоянно менялись, я их не любила, старалась делать им наперекор. И они находили какое-то удовольствие в том, чтобы меня мучить. Мама меня шлепала, нянядавала, таскала за косу, но это не помогло. В конторе по приисканию гувернанток у меня была уже определенная репутация: «Ah! la petite Saacha Tolstoy! Non, merci». («Совр. Зап», XIV, стр. 11 — 12).

20 апреля.

— Письмо Толстого итальянцу редакции неизвестно.

21 апреля.

— Петр Иванович Бартевев (1829—1912), редактор и издатель «Русского Архива». В 1859—1873 г. он, заведая Публичной Чертковской библиотекой в Москве, давал Толстому материалы для работы над «Войной и Миром». Во время первого издания «Войны и Мира» Толстой привлек Бартевева в качестве помощника по изданию романа, поручив ему держать в Москве корректуру, на исправление которой дал ему широкие полномочия. Переписка Толстого с Бартевевым, относящаяся к эпохе создания «Войны и Мира» (1863 — 1869 г.), опубликована в «Русском Архиве» 1913 г., № 12; 1914 г., № 1; «Печать и революция», 1924, кн. 4; четвертый сборник «Толстой и о Толстом», изд. Толстовского музея, М, 1928. Бартевев был большим знатоком русской истории, литературы, генеалогии дворянства и быта.

— Гр. Петр Васильевич Завадовский (1739—1812), государственный деятель, один из фаворитов Екатерины II, приходился С. А. Толстой прадедом. Он был отцом гр. Софьи Петровны Козловской, жены Александра Михайловича Исленьева, бабушки Софьи Андреевны по матери. Биография Завадовского была написана П. С. Листовским и напечатана Бартевевым в кн. 2 «Русского Архива» за 1883 г.

29 апреля.

— Об отъезде С. А. Толстой из Гриневки Толстой записал в дневнике: «Гриневка. Сони нынче утром уехала грустная и расстроенная. И очень ее жалко и не могу еще помочь». Из Ясной Поляны Софья Андреевна в письме от 28 апреля 1898 г. писала Толстому: «Жду с нетерпением известий от тебя и вообще из Гриневки от всех. Здесь еще ничего не узнали интересного. Был один из сотрудников «Русских Ведомостей», спрашивал твой адрес, чтобы послать, кажется, деньги. Коля (Оболенский) его спрашивает: «Деньги были посланы в редакцию?» — Да, в редакцию несчастных «Русских Ведомостей». Их запретили на два месяца с тем, чтоб потом сделать их подцензурными, на что они не согласятся, а значит им конец. И все говорят, что это за духоборов, т. е. за эти деньги. Это жалко».

Из Ясной Поляны Софья Андреевна в письме от 28 апреля 1898 г. писала Толстому: «Милый Левочка, давно мне не было так жалко и грустно расставаться с тобой, как этот раз, помимо того беспокойства оставить тебя, которое меня не оставляет все время. Но в Ясной так упоительно хорошо, такая красота, такое величественно-спокойное, хотя и медленное пробуждение настоящей весны, что я все время в восторге и удивлении... Ты можешь сюда переехать, когда хочешь, а сегодня выставила окно и убрала твою комнату, в которой будет совсем тепло и сухо дня через два, три. Очень надеюсь, что ты мне написал в Моекву. Ты все время был уныл и точно чего-то недоговаривал, а у меня все время потому был какой-то камень на

суде. Если б я только могла, как я хотела бы тебя сделать веселее, оживлей, помочь тебе заниматься, быть веселым, здоровым, спокойным. Видно, я теперь уж не умею и не могу этого сделать, и это для меня большое страдание. Если б ты знал, как я всегда всей душой стараюсь.»

1 мая.

— Марья Григорьевна Брашнина, вдова И. П. Брашнина.

3 мая.

— «Получаю часто письма от Л. Н.» См. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1913.

9 мая.

— «Написала письмо Льву Николаевичу...» Приводим из этого письма выдержку: «Мне кажется, что и так давно не писала тебе, милый Левочка; эти дни я совсем размадилась, бессонница мучила и боль в левой стороне шеи, спины, лопатки и руки. Сегодня же до 6½ часов, несмотря на все мои старания, даже глаз не сомкнула, а когда заснула, разбудили судороги внутренние (у меня столько раз это бывало). Я вскочила, приняла все меры, какие могла, а когда опять заснула, разбудил этот нервный запах. Он так наполнил всю меня, и комнату, и весь воздух, что я схватила апельсин, приложила к носу и убежала из своей комнаты. Это было так ужасно, что я плакала. Чем я лучше тех сумасшедших, которых видала третьего дня на Кантачичиковой даче...»

10 мая.

— Федор Алексеевич Страхов (1861—1923), юрист по образованию, писатель и религиозный мыслитель, единомышленник Толстого. Редактор незаданного многотомного «Свода мыслей Толстого». Автор книг «Дух и материя» (изд. «Посредник», М., 1899), «По ту сторону политических интересов» и др.

— «Greischütz» («Волшебный стрелок») — опера немецкого композитора Вебера, написанная им в 1821 году.

19 мая.

— «С начальством идет... глупая шутанина». В письме к Софье Андреевне от 20 мая 1898 г. Толстой писал: «Илюша вчера ездил в Бастыево и привез замечательно глупое письмо от губернатора, который пишет ему, что он разрешает одну или две столовые и потому просит больше не открывать». («Письма Л. Н. Толстого к жене», М., 1913, стр. 550).

— Александр Николаевич Трубинов (1852—1914) образование получил в Шажеском корпусе, откуда в 1870 г. вступил на военную службу в.-т.в. хористом в Уланский полк. Участник Турецкой войны 1877—78 гг. В 1880 г. уволился с военной службы. Поступил чиновником особых поручений. С 1894 г. — орловский губернатор.

— Земским начальником Мценского уезда был Проташинский.

— «Иск Бибикова...» — В свое время Толстые у своего соседа, помещика Александра Николаевича Бибикова (жившего в своем имении Телятинки в 3 верстах от Ясной Поляны, купили участок земли. Сын этого соседа, Владимир Александрович Бибиков после смерти отца возбудил против Толстых дело о неправильном владении Бибиковской землей. В результате долгих хлопот Софье Андреевне удалось отстаивать свои права.

20 мая.

— Вестерlundy — отец и мать невестки Толстых, Доры Федоровны, жены Льва Львовича, — известный шведский врач Эрнст Вестерlund (1839—1924) и Нина Вестерlund, рожд. Олудерус (1839—1922), артезьян-

шие в Ясную Поляну, чтобы присутствовать при первых родах Доры Федоровны.

Об их приезде и о здоровье Льва Николаевича Софья Андреевна писала Толстому в письме от 20 мая 1898 г.: «Милый Левочка, все думаю о твоём нездоровьи и мучаюсь, что ничего о тебе не знаю. Надеюсь, что по приезде в Москву послезавтра утром найду письмо от тебя... Вчера в ночь прислали Вестерлунды, очень они приятные, душевные люди, но отсутствие языка у нее очень тяжело. Сам доктор говорит очень дурно по-французски и плохо по-немецки. Радость Доры трогательна. Она сияет от восторга, не переставая улыбаться и глаз не спускает с родителей... Спрашивала я у Вестерлунда, что значит твоя боль в позвоночнике верхних спиных. Он сказал очень решительно, что с мозгом и нервами это не имеет положительной никакой связи и что это просто ревматизм. А то, что ты потел, подтверждает, что это ревматизм. Я думаю, что ты простудился, и надеюсь, что от пластыря тебе теперь лучше. Как ваши дела со столовыми? Поедешь ли ты в Юрел? Побывав у вас, я опять втянулась в ваши интересы».

25 мая.

— Софья Андреевна в письме к Толстому от 28 мая 1898 г. писала: «Милый Левочка. Я так рада была сегодня получить опять письмо от тебя, да еще с известием, что ты здоров. Слава богу. Сама я дурно себя чувствую, так, как бывает, когда у меня горлом кровь идет. (А второй день по утрам это происходит. Неправильное обращение крови. Очень и занята тоже, хотя делами, не дающими, увы, никакого нравственного удовлетворения. Я думаю, что лошадь, которой не хочется везти на гору воз, а которая видит и чувствует, что иначе нельзя, а то воз этот потянет назад и юла будет увлечена и разбита им, — лошадь эта должна испытывать то самое, что испытываю я, занимаюсь делами, корректурами и даже Мишинскими экзаменами. Здесь этих корректур к 15-й части и книг для чтения накопилось без меня 8 больших листов. До 2 часов вечера я читала, даже глаза болят. Ни одной души не видела знакомых, да никого тут и нет. Иногда так тоскливо, что просто по-детски плакать хочется. Теперь скоро съедемся, надеюсь, в Ясной все. Урешный человек, не радуюсь, что тебе столько денег голодными посылают; это тебя затянет в дело, а я же так мало тобой и с тобой живу эти последние годы».

— «Гедике — ученик», Александр Федорович Гедике, композитор и музыкант, преподаватель Московской консерватории.

— Николай Сергеевич Жилаев, музыкант-теоретик, ученик Танеева. Впоследствии работал в Музгизе.

31 мая.

— По поводу своей поездки по Ефремовскому уезду Толстой писала жене 27 мая 1898 г.: «Я писал тебе... не совсем определенно о своей поездке в Ефремовский уезд, потому что не окончательно решил. Но нынче, 27-го решил, что необходимо это сделать и распределить поступающие ко мне деньги наилучшим образом, а мы сейчас с Софией выезжаем к Пуриковым, оттуда к Афремовым, оттуда к Левицким уже завтра». («Письма Л. Н. Толстого к жене», стр. 552). С. А. Толстая снабдила это письмо примечанием: «Проехав по сямар в коляске около 90 верст, Л. Н. заболел очень сильной дизентерией с жаром и проболел у Левицких десять дней».

— Павел Иванович Левицкий (1842—1920), давнишний знакомый Толстых, помещик, владелец имения Алексеевское Чернского уезда Тульской губернии. Автор «Писем из села Алексеевского», печатавшихся в течение ряда лет в различных сельскохозяйственных журналах. Хозяйство в своем имении вел образцово (породистый скот, виноградарство, крахмальный завод, лесные посадки). Семья Левицкого состояла из его жены, Варвары Алексеевны, и детей — Ивана, Федора, Александра, Сергея и Лидии.

По соседству жила свояченица Левитского, Софья Александровна Ильинская и ее дети — Игорь, Мария, Александра, Екатерина и Илина. О пребывании Толстого у Левитских см. воспоминания И. В. Ильинского — «Толстой. Памятники творчества и жизни», IV, М., 1923, стр. 89 — 92.

По поводу своей поездки и болезни у Левитских Толстой записал в дневнике под 12 июня 1898 г.: «Поехал с Соней (известкой) к Цуриковым, Афремовым, Левитским. Очень приятное впечатление, полюбил многих. Но заболел и не сделал дела, а наделал много хлопот и Левитским и домашним. Соня приехала сама больная и страшно возбужденная страхом за меня».

— Александр Александрович Цуриков, помещик Черяского уезда, член Московской судебной палаты; жена его, Екатерина Николаевна, рожд. Капкина, дочь петрашевца Н. С. Капкина, и дети их — Лев, Николай, Юрий, Сергей, Елизавета, Варвара.

— Семейство Афремовых состояло из Падехды Тимофеевны Афремовой, вдовы Бориса Матвеевича Афремова, и двоих ее взрослых сыновей — Александра (р. 1862 г.) и Сергея (р. 1866 г.).

6 июня.

— Самоубийством покончила Мария Дмитриевна Тулубьева, рожд. Ершова.

12 июня.

— Семейный склеп Толстых находится в трех верстах от Ясной Поляны в селе Кочаки. Здесь похоронены родители Л. Н. Толстого, его брат Дмитрий, тетки — Т. А. Ергольская и Пелагея Ильинична Юшкова, воспитавшие Толстого, и дети — Петр и Николай Львовичи и Мария Львовна. Здесь же похоронены Левушка Толстой, сын Льва Львовича. Позднее в Кочаках были похоронены С. А. Толстая и Т. А. Кузминская.

— Мать Толстого, Мария Николаевна Толстая (1790—1830), вышла замуж в 1822 г. «Она была богатая, уже не первой молодости, сирота», — писал про нее в своих воспоминаниях Толстой.

— Толстой записал в своем дневнике под 12 июня 1898 г.: «Для чести, как приехал в Ясную и хорошо поправляюсь... Здесь Мама с мужем и Илюша. Были Вестерлууды. Дора родила».

13 июня.

— «С Илюшей тихо и хорошо разговаривали о его делах... Очень оп, бедный, запутался в делах хозяйственных и денежных». Возможно, что год впечатлением разговоров о хозяйствовании Ильи Львовича Толстой записал в своем дневнике под 12 июня 1898 г.: «Как странно и тяжело на меня действует вид детей моих, владеющих землей и заставляющих работать народ. Как упрямство совести. И это не рассуждение, а чувство очень сильное. Виноват я был, не отдав землю мужикам. Не виню».

14 июня.

— Повесть Льва Львовича «Прелюдия Шопена» вышла отдельной книгой в Москве в 1900 г. Она была направлена против «Крейцеровой сонаты» Толстого. В предисловии к ней Лев Львович пишет: «Прелюдия Шопена» была написана мною несколько лет назад и, должен сказать, была написана вовсе не как возражение «Крейцеровой сонате», а просто как выражение горячо занимавших меня в ту пору мыслей. Форму антитезы «Крейцеровой сонаты» расказ я принял уже при последнем его редактировании. Выпускная его теперь в отдельной книжке вместе с другими моими рассказами, и не отказываюсь от основных мыслей, выраженных в нем, но отказываюсь и от мысли, что ранний брак — великое благо, что стремление к полному целомудрию не имеет смысла, раз полное целомудрие человечества невозможно и ведет к прекращению его рода... Признаюсь, что тон,

в каком написан рассказ «Прелюдии Шопена», мог бы быть спокойнее, что это было бы лучше, и мне жаль, что и отдался некоторому чувству раздражения. Но что сделано, то сделано. При другом тоне я, может быть, не сумел бы быть вполне искренним, когда писал рассказ». В главе VII «Прелюдии Шопена» между героем, студентом Крюковым, и его товарищем, студентом Комковым, происходит разговор о браке, целомудрии и пр. Комков, вшедший счастье в раннем браке, говорит: «... к несчастью, люди не могут самобытно и здраво мыслить и действовать и в большинстве случаев идут чужой помощи и совета; к несчастью, правда, что на свете никого нет, кроме тряпок и глупцов. И вот гибнут, гибнут эти слабые, простодушные люди, увлекаясь высокими учениями». — Почему же гибнут? — спросил Крюков. — Я думаю, напротив, повесть, о которой ты говоришь, принесла много пользы людям. — «Может быть, но она принесла еще больше вреда, страданий, зла», — опять почти вскрикнул Комков. «Я знаю это по многим примерам. Я намерен встретиться с одним толстовцем... и, боже мой, как он раскиснулся, когда я стал говорить ему то, что говорю вам теперь. Они, бедные, так верят в свои кумиры, что просто жаль орождать их».

Вероятно, о «Прелюдии Шопена» записано у Толстого в дневнике под 22 июня 1898 г.: «Лева заговорил о своей повести. Я сказал ему больно, что как раз некультурно (его любимое слово) то, что он сделал, не говоря о том, что глупо и бездарно».

Следует отметить, что отношения между Толстым и Львом Львовичем вообще были неравными. Причину этого был неуравновешенный характер Льва Львовича и его нервность и раздражительность, бывшие следствием его болезненности, а также быстрая перемена его взглядов и увлечений. Одно время, например, Лев Львович увлекался идеями Толстого и разделял его мировоззрение. Потом отошел от него и стал писать против учения отца и его последователей статьи и книги, которые помещал в реакционной печати. То он проповедывал безбрачие и полное целомудрие, то ранний брак. В 1904 г. после статьи Толстого «Одумайтесь» против русско-японской войны написал статью в защиту войны. Деятельность Льва Львовича Толстому была тяжела и неприятна, и он не всегда сдерживался от порицания ее. В дневнике под 14 июня 1898 г. Толстой записал: «Все не могу быть вполне добр к Лева. Трудно, но не унываю».

17 июня.

— О своей болезни Толстой записал в дневнике под 22 июня 1898 г. «16-го заболел и очень сильно. Никогда не чувствовал себя столь слабым и столь близким к смерти. Совестно пользоваться тем уходом, который дают мне. Ничего не мог делать. Только читал, записал кое-что. Нынче мне гораздо лучше».

18 июня.

— «Вернувшись, застала Л. Н. диктующего статью газетную Тяге... Возмущенный запрещением местных властей раздавать муку нищему крестьянам, Толстой написал «Письмо к издателю», которое предполагал напечатать, как прибавление к статье своей «Голод или не голод». Письмо датировано им 20 июня 1898 г. Письмо напечатано не было. Привожу его полностью. «На днях приехали к нам молодые люди из Харькова и привезли о собой 100 рублей с намерением распределить их между нуждающимися. Они хотели открыть столовую в нашей местности. Но сумма эта так невелика, что нехватит на содержание большой столовой до нового урожая. Кроме того, со стороны администрации встречаются препятствия для открытия столовых. И потому и посоветовал распределить помощь по разным деревням между крайне нуждающимися. С этой целью я направил их к священнику нашего большого прихода и председателю попечительства. Священник указал на семьи наиболее нуждающиеся, и молодые люди обшли

эти семьи, прибавивши еще некоторых, и вновь просили священника проверить их списки.

Когда все это было сделано, я попросил муку по более дешевой цене для благотворительной доли. Купец согласился взять 80 копеек вместо существующей цены 85 копеек. Молодые люди, заплатив за муку, передали записки на получение муки нуждающимся, и началась раздача. Часть муки была разобрана, когда вдруг становой и урядник воспретили выдачу муки нуждающимся и на замечания купца о том, что деньги уже заплачены и что поэтому ему надо выдать муку по назначению, они сказали, что это не их дело, а что выдача муки запрещается, и взяли подписку с купца о том, что он муку выдавать больше не будет. Распоряжение это подтвердило мне то, что я говорю становому Чернского уезда, предлагавшему мне просить разрешения у губернатора на открытие столовых. Я сказал именно, что если просить разрешения на открытие столовых, то надо просить разрешения и на подачу милостыни, т. е. на бесплатную раздачу муки или хлеба, или даже и денег. Лев Толстой». В дневнике под 22 июня 1898 г. Толстой записывает: «Юношей прогнали. Запретили продавать купленную муку».

20 июня.

— Хрисанф Николаевич Абрикосов (р. 1877 г.) познакомился с Толстым в феврале 1898 г. В этом же году ездил в Англию с целью присоединиться к толстовской колонии в Перлей (Эссекс). Прожив там некоторое время, повез больного А. Шкарвана в Швейцарию и жил там. В 1899 г. вернулся в Россию. Зимой 1899 г. жил под Москвой, часто бывал у Толстых в Хамовниках. С 1900 г. жил у М. А. Шмидт, помогая ей в работах на огороде. Осенью 1901 г. уехал за границу, сопровождая переселенцев-павловцев. Сотрудничал в изданиях «Свободного Слова». В 1902 г. возвратился в Россию и до 1905 года периодически жил в Ясной Поляне, помогая Толстому в качестве секретаря, и в Овсянникове у М. А. Шмидт. Абрикосов в 1905 г. женился на Наталье Леонидовне Оболенской, родственнице Толстого. В настоящее время Абрикосов работает в Наркомземе в качестве пчеловода.

21 июня.

— Иосиф Константинович Дитерихс (1868—1931), знакомый Толстого с 1876 г., брат О. К. Толстой и А. К. Чертковой. Воспитывался в Пажеском корпусе, служил офицером в кубанской казачьей артиллерии. Затем занимал административную должность в одном из уездов Кавказа. В 1897 г. принимал участие в помощи духоборам, за что был административно выслан из пределов Кавказского края. В 1901 г. в связи с отлучением от церкви Толстого написал обличительное письмо обер-прокурору Синода Победоносцеву, в котором отрекся от церкви. (Письмо было напечатано за границей В. Г. Чертковым в № 9 «Свободного Слова» за 1901 г.). В 1902 г. ездил в Канаду к духоборам, с которыми прожил около года. С 1906 г. жил в Закавказьи, занимаясь земледельческим трудом и изучая шелководство и пчеловодство. В годы революции работал в Туркестане, заведя шелководственную станцию.

4 июля.

— Повесть «Песня без слов» написана С. А. Толстой в 1895—1900 гг. Рукопись повести находится в кабинете Л. Н. Толстого, рукописный сектор Всесоюзной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Напечатана она не была. Передаем кратко содержание повести: после смерти любимой матери Саши, героини повести, почувствовала себя одинокой и несчастной, утратила смысл жизни. «Муж любил ее, это несомненно; несомненно и то, что он был добрый, прекрасный человек. Но все было в нем что-то не то, чего-то не хватало, какое-то вечное духовное неудовлетворение чувствовала Саша в общении с ним. Он не умел вникать в ее внутреннюю жизнь...» Для здоровья

ного с шим ющения. Нет надобности быть последователем Льва Николаевича для того, чтобы испытывать на себе влияние его ясных, простых и янучих мыслей, которые, раз запав в зам в душу, очень упорно в ней пребывают, иногда причиняя человеку большое беспокойство тем, что ставят ему требования, превышающие его силы...

4 сентября.

— Нина Осиповна Накашидзе (р. 1872 г.), жена Ильи Петровича Накашидзе, работавшая в области грузинской детской литературы.

11 сентября.

— Дядя Юшков — Владимир Иванович Юшков, муж тетки Толстого, бывшей опекуной и воспитательницей Толстых, Пелагеи Ильиничны. В 1844—1847 гг. во время ученья в Казанском университете Толстой со своими старшими братьями жил у Юшковых в их имении Паново, находившемся близ Казани. В «Воскресении» Толстой одно из имений Нехлюдова назвал Пановым, вероятно, в память о Панове Юшковых.

— «Священник тюремный из Тулы» был, повидимому, посылаем Синомом для увещания Толстого. Он не раз приезжал в Ясную Поляну без приглашения и настойчиво требовал свидания с Толстым, который им тяготея. (См. об этом заметку С. Л. Толстого в «Толстовском ежегоднике», 1913, стр. 74 — 77).

12 сентября.

— Верочка — Вера Сергеевна Арбузова, дочь Сергея Петровича Арбузова, слуги Толстого, и внучка няни старших детей Толстых, Марьи Афанасьевны. Она вышла замуж за Вячеслава Дмитриевича Ляпунова, бывшего в то время управляющим имением Толстых. Ляпунов был крестьянином Тульской губернии. Гольденвейзер пишет о нем в своей книге «Вблизи Толстого» (ч. I, стр. 13, запись от 7 августа 1898 г.): «Приехал в Ясную третьего дня. Я встретил здесь интересный тип крестьянина, обладающего художественным дарованием: он рисует, говорят, поет и подбирает песни на фортепиано, шплет стихи. Это — Вячеслав Ляпунов, еще молодой, но уже, к сожаленью, чахоточный человек. Его стихотворение «Пахарь» было напечатано в «Русской Мысли». См. также «В. Д. Ляпунов молодой поэт». «Библиотека Л. Н. Толстого, под ред. П. И. Бирюкова». М., 1912. В дневнике под 3 февраля 1898 г. Толстой записал: «Читал «Пахаря» Ляпунова и очень тронут».

— «Л. Н. читал вечером ту повесть, над которой он теперь работает. «Воскресение». Толстой задумал писать «Воскресение» в 1889 г. в виде повести. Писал он его с перерывами около десяти лет, окончив в 1899 г. В процессе работы замысел Толстого разросся и повесть превратилась в роман. Как и прежние свои произведения, он много раз ее переделывал. В архиве Государственного Толстовского музея в Москве хранится большое количество рукописей «Воскресения», по которым можно судить о взыскательности Толстого к своему творчеству. Если бы напечатать «Воскресение» со всеми имеющимися к нему вариантами, то вместо печатаемого одного тома роман составил бы 3 — 4 тома.

13 сентября.

— «Приезжал англичанин» — Чарльз Теодор Хэгберг Райт (р. 1862 г.), доктор прав, с 1893 г. по настоящее время библиотекарь и секретарь Национальной библиотеки в Лондоне. Переводчик произведений Толстого на английский язык и автор ряда статей о Толстом в английских газетах и журналах. Находился в переписке с Толстым. В Ясной Поляне был четыре или пять раз, впервые в 1890 г.

6 октября.

— Леонид Осипович Пастернак (р. 1862 г.), художник, с 1908 г. академик живописи, знакомый Толстого с 1893 г. Написал ряд портретов с Толстого и его семьи. Иллюстрировал «Войну и Мир» и «Чем люди живы». В 1898—1899 г. по заказу издателя А. Ф. Маркса написал иллюстрации и печатавшемуся в «Ниве» за 1899 г. роману Толстого «Воскресение». Рисунки были просмотрены и одобрены Толстым и пользуются большой известностью. Воспроизведены в «Ниве» за 1899 г., изданы альбомом В. Г. Чертковых (изд. «Свободное Слово», Chrichurch, Hants) в 1899 г. в Париже и Нью-Йорке. Оригиналы рисунков находятся в Государственном Толстовском музее в Москве.

20 октября.

— Кн. Елизавета Андреевна Цертелева (Лавровская), певица, преподавательница пения в Московской консерватории.

22 октября.

— «Написала письмо Льву Николаевичу...» 21 октября 1898 г. С. А. писала Толстому: «Наконец ты мне написал письмо, милый Левочка. А я уже склалась сердцем в своем одиночестве и перестала ждать какого бы то ни было участия от вас, яснополянских жителей. Никак не могу отучить себя перестать много ждать от любви людей и разочаровываться от того, что получаешь. Пишу, кажется, бессмыслицу, которая и будет выражением моего состояния духа. Вот три дня, как у меня болит голова (опять боюсь нервного удара), вероятно, от оттепели и проливного дождя... После концерта я все сижу дома, работаю, пишу (переписываю кое-что), играю мало, сплю мало, и уж надо признаться — тоска такая нашла старая, знакомая осенняя тоска, ничем шутолимая, безвыходная, с запахом трупа, все как следует ей быть. Это дня три только. Знаю я ее, и терплю, как-нибудь пройдет. Оттого я и не писала эти дни, да боюсь, что ты подумаешь что-нибудь дурное обо мне, а дурного ничего, кроме осени и истекающего из нее настроения. Как мне жаль моей жизни и моего настроения последних проведенных мною дней в Ясной. Хотела приехать к вам на денек, да же могу, воли нет, желанья нет, а большой страх очутиться одной на железной дороге. Приеду, вероятно, к 5 ноября...»

28 октября.

— «Косая гора» — доменные печи Бельгийского акционерного общества в восьми километрах от Тулы, по Киевскому шоссе, ныне государственной чугуноплавильный и железоделательный завод, с доменными печами и рабочим поселком.

31 октября.

— «Сергей Собирается на Кавказ». С. Л. Толстой выехал на Кавказ 8 ноября. Заручившись в Тифлисе у главноначальствующего гражданской частью кн. Гр. С. Голицына разрешением помогать переселению духоборов, Л. И. Суллержидский и С. Л. Толстой подготовили приезд духоборов в Батум, выработали условия переезда их в Канаду, организовали постройку нар на пароходах, закупку провизии и т. п., отправились с ними в качестве проводников и агентов переселения.

Первый пароход с партией духоборов в 2,140 человек и проводником Суллержидским отплыл из Батума 10 декабря, прибыл в Гауифакс (Канада) 12 января 1899 г. Второй пароход с партией в 1,996 человек и проводником С. Л. Толстым отплыл из Батума 23 декабря 1898 г., причалил к Гауифаксу 15 января 1899 г., где вследствие одного случая ослы выдержала трехнедельный карантин.

ного с шим ющения. Нет надобности быть последователем Льва Николаевича для того, чтобы испытывать на себе влияние его ясных, простых и янучих мыслей, которые, раз запав в зам в душу, очень упорно в ней пребывают, иногда шричная человеку большое беспокойство тем, что ставит ему требования, превышающие его силы...

4 сентября.

— Нина Осиповна Накашидзе (р. 1872 г.), жена Ильи Петровича Накашидзе, работавшая в области грузинской детской литературы.

11 сентября.

— Дядя Юшков — Владимир Иванович Юшков, муж тетки Толстого, бывшей опекуней и воспитательницей Толстых, Пелагеи Ильинишны. В 1844—1847 гг. во время ученья в Казанском университете Толстой со своими старшими братьями жил у Юшковых в их имении Паново, находившемся близ Казани. В «Воскресении» Толстой одно из имений Нехлюдова назвал Пановым, вероятно, в память о Панове Юшковых.

— «Священник тюремный из Тулы» был, повидимому, посылаем Синомом для увещания Толстого. Он не раз приезжал в Ясную Поляну без приглашения и настойчиво требовал свидания с Толстым, который им тяготея. (См. об этом заметку С. Л. Толстого в «Толстовском ежегоднике», 1913, стр. 74 — 77).

12 сентября.

— Верочка — Вера Сергеевна Арбузова, дочь Сергея Петровича Арбузова, слуги Толстого, и внучка няни старших детей Толстых, Марьи Афанасьевны. Она вышла замуж за Вячеслава Дмитриевича Ляпунова, бывшего в то время управляющим имением Толстых. Ляпунов был крестьянином Тульской губернии. Гольденвейзер пишет о нем в своей книге «Вблизи Толстого» (ч. I, стр. 13, запись от 7 августа 1898 г.): «Приехал в Ясную третьего дня. Я встретил здесь интересный тип крестьянина, обладающего художественным дарованием: он рисует, говорят, поет и подбирает песни на фортепиано, шипет стихи. Это — Вячеслав Ляпунов, еще молодой, но уже, к сожалению, чахоточный человек. Его стихотворение «Пахарь» было напечатано в «Русской Мысли». См. также «В. Д. Ляпунов молодой поэт». «Библиотека Л. Н. Толстого, под ред. П. И. Бирюкова». М., 1912. В дневнике под 3 февраля 1898 г. Толстой записал: «Читал «Пахаря» Ляпунова и очень тронут».

— «Л. Н. читал вечером ту повесть, над которой он теперь работает. «Воскресение». Толстой задумал писать «Воскресение» в 1889 г. в виде повести. Писал он его с перерывами около десяти лет, окончив в 1899 г. В процессе работы замысел Толстого разросся и повесть превратилась в роман. Как и прежние свои произведения, он много раз ее переделывал. В архиве Государственного Толстовского музея в Москве хранится большое количество рукописей «Воскресения», по которым можно судить о взыскательности Толстого к своему творчеству. Если бы напечатать «Воскресение» со всеми имеющимися к нему вариантами, то вместо печатаемого одного тома роман составил бы 3 — 4 тома.

13 сентября.

— «Приезжал англичанин» — Чарльз Теодор Хэгберт Райт (р. 1862 г.), доктор прав, с 1893 г. по настоящее время библиотекарь и секретарь Национальной библиотеки в Лондоне. Переводчик произведений Толстого на английский язык и автор ряда статей о Толстом в английских газетах и журналах. Находился в переписке с Толстым. В Ясной Поляне был четыре или пять раз, впервые в 1890 г.

6 октября.

— Леонид Осипович Пастернак (р. 1862 г.), художник, с 1908 г. академик живописи, знакомый Толстого с 1893 г. Написал ряд портретов с Толстого и его семьи. Иллюстрировал «Войну и Мир» и «Чем люди живы». В 1898—1899 г. по заказу издателя А. Ф. Маркса написал иллюстрации и печатавшемуся в «Ниве» за 1899 г. роману Толстого «Воскресение». Рисунки были просмотрены и одобрены Толстым и пользуются большой известностью. Воспроизведены в «Ниве» за 1899 г., изданы альбомом В. Г. Чертковых (изд. «Свободное Слово», Chrichurch, Hants) в 1899 г. в Париже и Нью-Йорке. Оригиналы рисунков находятся в Государственном Толстовском музее в Москве.

20 октября.

— Кн. Елизавета Андреевна Цертелева (Лавровская), певица, преподавательница пения в Московской консерватории.

22 октября.

— «Написала письмо Льву Николаевичу...» 21 октября 1898 г. С. А. писала Толстому: «Наконец ты мне написал письмо, милый Левочка. А я уже склалась сердцем в своем одиночестве и перестала ждать какого бы то ни было участия от вас, яснополянских жителей. Никак не могу отучить себя перестать многого ждать от любви людей и разочаровываться от того, что получаешь. Пишу, кажется, бессмыслицу, которая и будет выражением моего состояния духа. Вот три дня, как у меня болит голова (опять боюсь нервного удара), вероятно, от оттепели и проливного дождя... После концерта я все сижу дома, работаю, пишу (переписываю кое-что), играю мало, сплю мало, и уж надо признаться — тоска такая нашла старая, знакомая осенняя тоска, яичем шутолимая, безвыходная, с запахом трупа, все как следует ей быть. Это дня три только. Знаю я ее, и терплю, как-нибудь пройдет. Оттого я и не писала эти дни, да боюсь, что ты подумаешь что-нибудь дурное обо мне, а дурного ничего, кроме осени и истекающего из нее настроения. Как мне жаль моей жизни и моего настроения последних проведенных мною дней в Ясной. Хотела приехать к вам на денек, да же могу, воли нет, желанья нет, а большой страх очутиться одной на железной дороге. Приеду, вероятно, к 5 ноября...»

28 октября.

— «Косая гора» — доменные печи Бельгийского акционерного общества в восьми километрах от Тулы, по Киевскому шоссе, ныне государственной чугуноплавильной и железодельательный завод, с доменными печами и рабочим поселком.

31 октября.

— «Сереза собиравается на Кавказ». С. Л. Толстой выехал на Кавказ 8 ноября. Заручившись в Тифлисе у главноначальствующего гражданской частью кн. Гр. С. Голицына разрешением помогать переселению духоборов, Л. И. Суллержидский и С. Л. Толстой подготовили приезд духоборов в Батум, выработали условия переезда их в Канаду, организовали постройку нар на пароходах, закупку провизии и т. п., отправились с ними в качестве проводников и агентов переселения.

Первый пароход с партией духоборов в 2.140 человек и проводником Суллержидским отплыл из Батума 10 декабря, прибыл в Гауифакс (Канада) 12 января 1899 г. Второй пароход с партией в 1.996 человек и проводником С. Л. Толстым отплыл из Батума 23 декабря 1898 г., причалил к Гауифаксу 15 января 1899 г., где вследствие одного случая оспы выдержал трехнедельный карантин.

Ивановича. Климентова пела плохо. Живые картины отвратительные, прямо стыдные по бедности, безвкусию; растрепанные волосы у Наташа, завятыге. и коленикоровая сборчатая амазонка. Рожа же то актрисы, не то горничной. А то все солдатские картины, стреляют в Каратаева (это еще лучше), стреляют абреки. Делали страшные овадии Михайловскому. Почему? Потом «похватились кричать Толстого. Вышел господин и сказал, что тебя нет в Москве. Кричали: «Телеграмму». Потом кричали: «Прочсть». Прочти. и ты ее получишь... Приехали к вечеру Илья и Андриуша, были с вами все время, но Илюша прямо из театра куда-то уехал с актуящей компанашей, в которой верно участвует Климентова, а, впрочем, наверное не знаю. Андриуша очень мрачен, ему пишут с Кавказа письма, грозящие чуть ли не дуэлью. Лег спать рано и убитый. Мы с Количкой Ге его утешали даже. Не переставая думаю о тебе, как ты доехал, здоров ли, радуюсь скоро быть с тобой. Очень мне хотелось тебя просить мне телеграфировать о том, как ты себя чувствуешь и как доехал, да побоялась почему-то тебя».

— Николай Константинович Михайловский (1842—1904), известный критик, публицист и социолог, представитель революционного народничества в легальной печати, пользовавшийся в то время огромной популярностью, особенно среди молодежи.

— По поводу предложения А. Л. Толстого кн. Гуриели, его отказа от него и ее попытки самоубийства друг детства Гуриели, кн. Николай Александрович Чолокаев писал Толстому, спрашивая об этом его мнения. Толстой ответил, осуждая поступок сына. Вероятно, только поэтому, что Гуриели была двоюродной сестрой кн. Ильи Петровича Накашидзе, единомышленника Толстого, и благодаря преклонению и Накашидзе и Чолокаева перед Толстым, это дело для Андрея Львовича окончилось ничем — не было ни дуэли, ни «убийства», как пишет С. А.

30 декабря.

— Михаил Васильевич Булыгин (р. 1863 г.), с 1889 г. был женат гражданским браком на Анне Максимовне Славновской, бывшей замужем за учителем математики А. А. Славновским, с которым она разошлась. В виду трудности бракоразводных процессов официально считалась с мужем не разведенной. У них было от брака с М. В. Булыгиным четверо детей.

1899

1 января.

— Кн. Владимир Михайлович Волконский, камер-юнкер, штабный уездный предводитель дворянства, женатый с 1892 г. на Анне Николаевне урожд. Звегиндовой (р. 1870 г.).

— Толстой записал в дневнике под 2 января 1899 г.: «В семье не радостно: Маша болела (вчера кончилось, выкинула), Таня тревожна и мертва, Миша ошалел, Андриуша сомнителен. С Соней живу хорошо».

3 января.

— Александр Владимирович Кун, генерал, управляющий тульским оружейным заводом, и его жена Любовь Ксавьерьевна Кун, двоюродная тетка О. К. Толстой по матери. Куны жили в Туле в большой казенной квартире и у них после бракосочетания Андрея Львовича и Ольги Константиновны Дитерихе был свадебный обед.

— Константин Александрович Дитерихе (1825 — 1899), генерал, отец О. К. Толстой и его жена.

10 января.

— Герман Зудерман (1857—1928), немецкий писатель. Комедия «Das Glück im Winkel» («Тихий уголок»), из жизни и быта помещанства, написана им в 1895 г.

12 января.

— «Ждала весь день С. И...» Танеев пробыл в Клину у Чайковских 9, 10 и 11 января.

— Модест Ильич Чайковский, брат и биограф знаменитого русского композитора Петра Ильича Чайковского (1840—1893). Балет «Спящая красавица» был написан Чайковским в 1890 г., поставлен в Большом театре в Москве 17 января 1899 г.

14 января.

— Рассказ Чехова «Душечка» написан им в декабре 1898 г. Впервые напечатан в журнале «Семья», 1899, I. «Душечка» — один из любимых рассказов Толстого, который он много раз перечитывал и читал вслух другим. Д. П. Маковицкий в «Яснополянских записках» под 6 февраля 1905 г. записал: «После обеда Л. Н. прочел вслух «Душечку» Чехова. Два раза прерывал чтение от смеха и передавал книгу Ивану Ивановичу [Горбунову], а конец с трудом мог дочитать от подступивших к горлу слез умиления. Потом прочел свое послесловие к «Душечке». Читая о том, в чем он видит призывные и высшее достоинство женщины — в самопожертвовании, любви, — Л. Н. зарыдал и кончил чтение со слезами на глазах и в голосе. Потом спросил, не будет ли обидно почитателям Чехова, что он шипит про него, что он хотел в «Душечке» осмеять женщину, но бог поэзии не позволял ему этого, и он изобразил ее высокое самопожертвование». Позднее Толстой с своим послесловием поместил «Душечку» в недельных чтениях «Круга чтения».

15 января.

— «Он [Танеев] долго о чем-то говорил с Л. Н.». Танеев записал о посещении дома Толстых в своем дневнике под 15 января 1899 г.: «Модест Ильич, бывший в Москве, за мной зашел. Лев Николаевич читал рассказ «Душечка» Чехова. Мы говорили с ним о моем пребывании в скиту».

— «Две англичанки» — Марья Яковлевна Шанкс и Наталья Александровна Иенкен (1863—1927), голландка, русская подданная, подруга М. Я. Шанкс. Также училась в Школе живописи и была последовательницей учения Толстого, проводившей его в жизнь. Уехав в Англию, вела трудовую жизнь, работая на огороде и воспитывая взятую ею вместе с Шанкс в России на воспитание девочку.

17 января.

— Мясоедов — вероятно, Николай Николаевич Мясоедов (1839—1908), юрист и судебный деятель. Толстой в связи с работой над «Воскресением» мог пригласить его для расспросов о судебных процедурах в Сенате.

— «Смотритель тюремного замка в Бутырках» — Иван Михайлович Виноградов. По просьбе Толстого он три вечера под ряд приходил к нему, чтобы исправлять в корректурах «Воскресения» неточности и ошибки Толстого, касающиеся тюремного быта, одежды арестантов, надзирателей, тюремного распорядка, режима и пр. См. его статью «Из записок надзирателя Бутырской тюрьмы» (сборник «Толстой и о Толстом», 3, М., 1927, стр. 48—53).

Толстой всегда стремился по возможности точно и подробно изучить обстановку, в которой приходилось действовать героям его романов. Интересные подробности о работе Толстого над «Воскресением» отметил в своем дневнике Танеев. 5 марта 1899 г. он записал: «Пошел к Толстым... Лев Николаевич возмущен картиной Сурикова, на которой он изобразил Суворова,

Ивановича. Климентова пела плохо. Живые картины отвратительные, прямо стыдные по бедности, безвкусию; растрепанные волосы у Наташа, завятыге. и коленикоровая сборчатая амазонка. Рожа же то актрисы, же то горничной. А то все солдатские картины, стреляют в Каратаева (это еще лучше), стреляют абреки. Делали страшные овадии Михайловскому. Почему? Потом «похватились кричать Толстого. Вышел господин и сказал, что тебя нет в Москве. Кричали: «Телеграмму». Потом кричали: «Прочсть». Прочли. и ты ее получишь... Приехали к вечеру Илья и Андриуша, были с иами все время, шо Илюша прямо из театра куда-то уехал с актуящей компанией, в которой верно участвует Климентова, а, впрочем, наверное не знаю. Андриуша очень мрачен, ему пишут с Кавказа письма, грозящие чуть ли не дуэлью. Лег спать рано и убитый. Мы с Количкой Ге его утешали даже. Не переставая думаю о тебе, как ты доехал, здоров ли, радуюсь скоро быть с тобой. Очень мне хотелось тебя просить мне телеграфировать о том, как ты себя чувствуешь и как доехал, да побоялась почему-то тебя».

— Николай Константинович Михайловский (1842—1904), известный критик, публицист и социолог, представитель революционного народничества в легальной печати, пользовавшийся в то время огромной популярностью, особенно среди молодежи.

— По поводу предложения А. Л. Толстого кн. Гуриели, его отказа от него и ее попытки самоубийства друг детства Гуриели, кн. Николай Александрович Чолокаев писал Толстому, спрашивая об этом его мнения. Толстой ответил, осуждая поступок сына. Вероятно, только поэтому, что Гуриели была двоюродной сестрой кн. Ильи Петровича Накашидзе, единомышленника Толстого, и благодаря преклонению и Накашидзе и Чолокаева перед Толстым, это дело для Андрея Львовича окончилось ничем — не было ни дуэли, ни «убийства», как пишет С. А.

30 декабря.

— Михаил Васильевич Булыгин (р. 1863 г.), с 1889 г. был женат гражданским браком на Анне Максимовне Славновской, бывшей замужем за учителем математики А. А. Славновским, с которым она разошлась. В виду трудности бракоразводных процессов официально считалась с мужем не разведенной. У них было от брака с М. В. Булыгиным четверо детей.

1899

1 января.

— Кн. Владимир Михайлович Волконский, камер-юнкер, штабный усадный предводитель дворянства, женатый с 1892 г. на Анне Николаевне урожд. Звегиндовой (р. 1870 г.).

— Толстой записал в дневнике под 2 января 1899 г.: «В семье не радостно: Маша болела (вчера кончилось, выкинула), Таня тревожна и мертва, Миша ошалел, Андриуша сомнителен. С Соней живу хорошо».

3 января.

— Александр Владимирович Кун, генерал, управляющий тульским оружейным заводом, и его жена Любовь Ксаверьевна Кун, двоюродная тетка О. К. Толстой по матери. Куны жили в Туле в большой казенной квартире и у них после бракосочетания Андрея Львовича и Ольги Константиновны Дитерихе был свадебный обед.

— Константин Александрович Дитерихе (1825 — 1899), генерал, отец О. К. Толстой. и его жена.

10 января.

— Герман Зудерман (1857—1928), немецкий писатель. Комедия «Das Glück im Winkel» («Тихий уголок»), из жизни и быта мещанства, написана им в 1895 г.

12 января.

— «Ждала весь день С. И...» Танеев пробыл в Клину у Чайковских 9, 10 и 11 января.

— Модест Ильич Чайковский, брат и биограф знаменитого русского композитора Петра Ильича Чайковского (1840—1893). Балет «Спящая красавица» был написан Чайковским в 1890 г., поставлен в Большом театре в Москве 17 января 1899 г.

14 января.

— Рассказ Чехова «Душечка» написан им в декабре 1898 г. Впервые напечатан в журнале «Семья», 1899, I. «Душечка» — один из любимых рассказов Толстого, который он много раз перечитывал и читал вслух другим. Д. П. Маковицкий в «Яснополянских записках» под 6 февраля 1905 г. записал: «После обеда Л. Н. прочел вслух «Душечку» Чехова. Два раза прерывал чтение от смеха и передавал книгу Ивану Ивановичу [Горбунову], а концу с трудом мог дочитать от подступивших к горлу слез умиления. Потом прочел свое послесловие к «Душечке». Читая о том, в чем он видит призывные и высшие достоинства женщины — в самопожертвовании, любви, — Л. Н. зарыдал и кончил чтение со слезами на глазах и в голосе. Потом спросил, не будет ли обидно почитателям Чехова, что он шипит про него, что он хотел в «Душечке» осмеять женщину, но бог поэзии не позволял ему этого, и он изобразил ее высокое самопожертвование». Позднее Толстой с своим послесловием поместил «Душечку» в недельных чтениях «Круга чтения».

15 января.

— «Он [Танеев] долго о чем-то говорил с Л. Н.». Танеев записал о посещении дома Толстых в своем дневнике под 15 января 1899 г.: «Модест Ильич, бывший в Москве, за мной зашел. Лев Николаевич читал рассказ «Душечка» Чехова. Мы говорили с ним о моем пребывании в скиту».

— «Две англичанки» — Марья Яковлевна Шанкс и Наталья Александровна Иенкен (1863—1927), голландка, русская подданная, подруга М. Я. Шанкс. Также училась в Школе живописи и была последовательницей учения Толстого, проводившей его в жизнь. Уехав в Англию, вела трудовую жизнь, работая на огороде и воспитывая взятую ею вместе с Шанкс в России на воспитание девочку.

17 января.

— Мясоедов — вероятно, Николай Николаевич Мясоедов (1839—1908), юрист и судебный деятель. Толстой в связи с работой над «Воскресением» мог пригласить его для расспросов о судебных процедурах в Сенате.

— «Смотритель тюремного замка в Бутырках» — Иван Михайлович Виноградов. По просьбе Толстого он три вечера под ряд приходил к нему, чтобы исправлять в корректурах «Воскресения» неточности и ошибки Толстого, касающиеся тюремного быта, одежды арестантов, надзирателей, тюремного распорядка, режима и пр. См. его статью «Из записок надзирателя Бутырской тюрьмы» (сборник «Толстой и о Толстом», 3, М., 1927, стр. 48—53).

Толстой всегда стремился по возможности точно и подробно изучить обстановку, в которой приходилось действовать героям его романов. Интересные подробности о работе Толстого над «Воскресением» отметил в своем дневнике Танеев. 5 марта 1899 г. он записал: «Пошел к Толстым... Лев Николаевич возмущен картиной Сурикова, на которой он изобразил Суворова,

делающим переход через Альпы. Лошадь над обрывом горячится, тогда как этого не бывает: лошадь в таких случаях идет очень осторожно. Около Суворова поставлены несколько солдат в красных мундирах. Л. Н. говорил Сурикову, что этого быть не может: солдаты на войне идут, как волны, каждый в своей отдельной группе. На это Суриков ответил, что «так красивее». «У меня в романе была сцена, где уголовная преступница встречается в тюрьме с политическими. Их разговор имел важные последствия для романа. От знакомого человека узнал, что такой встречи в московской тюрьме произойти не могло. Я переделал все эти главы, потому что не могу писать, не имея под собой почвы, а этому Сурикову (Л. Н. при этом выругался) все равно». 8 апреля 1899 г. Танеев записал: «Лев Николаевич в десятом часу поехал в пересыльную тюрьму смотреть, как поведут арестантов в кандалах. Он с ними сделает путь до Николаевского вокзала. Это нужно для его романа».

20 января.

— Елена Прохоровна Кутелева, акушерка, последовательница учения Толстого, работавшая с ним в 1891—1892 гг. на голоде в Бегичевке Рязанской губернии. Умерла в 1913 г. О ней см. некролог К. Шохор-Троцкого «Памяти отошедших друзей»—«Ежемесячный журнал», 1915 г., № 1.

— Алексей Сергеевич Зонов (1870—1919), последователь учения Толстого, один из сотрудников «Посредника». В начале 1900 г. был арестован за распространение гектографированных запрещенных произведений Толстого.

— Федор Андреевич Ушаков, последователь учения Толстого. В 1900 г. дважды был арестован за распространение запрещенных произведений Толстого, после второго ареста лишен права жительства в столицах. Толстой много хлопотал за него во время его арестов.

23 января.

— Михаил Мамонов, племянник и воспитанник Софьи Эммануиловны Мамоновой.

24 января.

— Семья Александра Алексеевича Нарышкина (р. 1839 г.), бывшего с 1894 г. товарищем министра земледелия и государственных имуществ, и его жены Елизаветы Александровны, урожд. Пуриковой, вероятно, их дети Юрий и Ольга.

25 января.

— Софья Петровна Трепова, жена Дмитрия Федоровича Трепова, с 1896 г. московского обер-полицеймейстера, с 1905 г.—петербургского генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел.

29 января.

— Романс С. Л. Толстого «Мы встретились вновь» на слова Фета был напечатан П. Юргенсоном. Впоследствии Сергей Львович его переработал.

30 января.

— Кузьма Терентьевич Создатенков (1818—1901), богатый московский купец, покровитель искусств, владелец издательства Создатенкова.

— «...Письмо Л. Н. к П. И. Чайковскому...». Толстой познакомится с Чайковским в 1876 г., писал ему в декабре 1876 года, посылая сборник русских песен (повидимому — Кириши Данилова). Приводим отрывок из этого письма (полностью опубликованного П. И. Бирюковым в его «Биографии Толстого», т. II, стр. 118—119). «Посылаю вам... песни. Я их еще просмотрел. Это удивительное сокровище в наших руках. Но, ради бога, обработайте их и пользуйтесь в моцартовско-гайдинском роде, а не в бетховено-

шумано-берлиозо-искусственным, ищущем неожиданного, роде. Сколько я не договорил с вами! Даже ничего не сказал из того, что котел. И некогда было. Я наслаждался. И это мое последнее пребывание в Москве останется для меня одним из лучших воспоминаний. Я никогда не получал такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, как этот чудный вечер», Речь идет о музыкальном вечере, устроенном специально для Толстого Н. Рубинштейном и Чайковским. Фразы, о которой пишет в дневнике Софья Андреевна, в письме Толстого нет.

31 января.

— Савва Тимофеевич Морозов (р. 1862 г.), сын крупного фабриканта Тимофея Саввича Морозова, владелица и директор Никольской мануфактуры в Орехово-Зуеве Нижегородской губ. Был товарищем С. Л. Толстого по Московскому университету. Покончил самоубийством.

1 февраля.

— «Обедала Юнге»—Екатерина Федоровна Юнге.

3 февраля.

— Игнатий Падеревский (р. 1860 г.), польский пианист и композитор.
— Воспоминания В. Микулич «Встреча со знаменитостью» вышли отдельной книгой в изд. «Посредник», М., 1903.

4 февраля.

— Кн. Григорий Григорьевич Гагарин (1810—1893), любитель и знаток искусства. В 1859—1872 гг. был вице-президентом Академии художеств. Занимаясь рисованием и живописью, усвоил византийский стиль иконописания. Его рисунки, о которых упоминает С. А.,—это «Изображения из св. Евангелия и Псалтыря в свободных подражаниях древнейшим источникам». СПб., 1884.

5 февраля.

— Александр Николаевич Скрябин (1871—1915), известный композитор.

2—27 февраля.

— Илья Александрович Сац (1875—1912), музыкант и композитор, работавший по музыкальной части в Московском Художественном театре. Для постановок в этом театре написал музыку к «Синей птице» и к «Жизни человека». О нем см.: Анна Сац, «Илья Сац». Гиз, 1923 г.

— Болезнь Т. А. Кузминской Софья Андреевна описывала в письме к Толстому от 9 февраля 1899 г.: «Ну вот я и приехала и совсем не знаю, что сказать о положении Тани; я не знаю, что в подобных болезнях опасно, и так всем нам страшно ясно представить себе, что действительно опасно и что может быть близок конец, что мы бодрим друг друга и сами себе не позволяем делать никаких заключений. Дурно то, что воспаление оказалось сегодня ползучим, т. е. после вчерашнего кризиса, развившегося сильнейшим шотом, температура к ночи поднялась опять выше 39. Но сегодня утром было 37 и 6, а сейчас 38 и 1. Процесс воспаления значит не кончился, и никто не может знать, какой будет исход. Молодой доктор при Тани неотлучно, профессор бывает три раза в день. Мне Таня очень обрадовалась, несколько раз повторила: «Я рада, как я рада тебе». И вчера, и сегодня утром она все говорила обо мне и просила меня вызвать. Я ужасно довольна, что я приехала. Саша зарыдал, когда увидел меня. Вчера, говоря, во время кризиса Таня созвала всех детей, мужа и стала со всеми прощаться. Третьего дня ее причастили и исповедывали. Она мне сегодня говорит: «Если я умираю, скажите мне, я так и буду знать и готовиться. Я смерти боюсь, но хочу знать». Маме же она говорит, что «я не боюсь смерти».

но не хотела бы умереть». Вообще сил у нее относительно еще много, она пишет, например, свои желания на бумажке, чтобы не говорить, ей трудно говорить и дышать. Вид у нее, как у всякой больной, глаза только очень потухшие, жалкие. Ох, как больно мне на нее смотреть. Знаю я все ее мысли, ее чувства, знаю ее отношение ко мне, к детям, к мужу, к жизни — и вдруг почувствовать эту стену, которая всегда возникает между важностью, серьезностью умирания и легкомыслием нашей обыденной жизни. Если бы поднялась Тania от этой болезни, то все же теперь, в настоящую минуту она в состоянии, ближайшем к нежизни, чем к жизни, так она слаба, так вся сосредоточена на своей болезни, прислушивается к тому, что в ней происходит. Маша тут. Она распорядительна, хорошо ухаживает за матерью и очень мила. Саша в напряженном состоянии, то рыдает, то бежит покупать ей мыла, то разговаривает и даже смеется. Мальчики вовсе не угнетены и все четверо продолжают жить своими интересами. Вера расстроена больше всех...»

В письмах от 12 и 14 февраля 1899 г. Толстой писал Софье Андреевне: «С замиранием сердца ждем известий о милой, дорогой Тане». «Очень жутко писать тебе, милая Соня, пишешь — не знаешь, куда, в какое положение... Все наши новости так бледны в сравнении с тем, что происходит у вас».

15 февраля 1899 г., отвечая на первое письмо, С. А. Толстая сообщает мужу: «...вчера вечером я получила от тебя письмо и ужасно ему обрадовалась. Прочла его и Тана, она умилилась и очень хотелось ей, чтоб я ей это письмо оставила, а сегодня она просила написать тебе, чтобы ты ей разок написал, что это ей будет и радость и утешение».

— «Лев Николаевич... до слез огорчил меня, сказав: «...я теперь поеду к Олсуфьевым». Танеев, бывший в доме Толстых 13 февраля 1899 г., написал в своем дневнике: «Л. Н., которому массировали спину, выпел к чаю, сгорбившись, и, отойдя со мной к стороне, стал говорить, как ему тяжело эта суетня, что ему хочется уехать, что каждый отдельно человек очень ему приятен, но все вместе — это тяжело. «Вам бы уехать, например, к Олсуфьевым». — Да, я об этом думаю. В это время пришел человек. «Ваше сиятельство, две американки из Филадельфии желают вас видеть, спрашивают, когда, прислали письмо». — Скажите, завтра в семь часов. Очень трудно сказать, что кого-нибудь не принимаешь. — Тем временем набралось много народу: Н. А. Касаткин (художник), кн. Трубецкой (скульптор), И. И. Горбунов (писатель), француз, поселившийся у Толстых, сестры Шанкс (одна художница), студент, приехавший из Петербурга советоваться о студенческих беспорядках».

— «Таня... все спринцует свой нос». Татьяна Львовна болела гайморитом.

— Эдуард Синет (Sinet), француз, художник. Во Франции по религиозным убеждениям отказался от военной службы, был судим и, приговоренный к дисциплинарному батальону, направлен в Алжир, откуда через несколько лет бежал в Россию. Недолго жил у Толстых. Затем уехал с четвертой партией духоборов в Америку, где прожил среди духоборов 2 года. Получив амнистию, возвратился на родину.

10 марта.

— «Приходили сегодня три барышни...» — одна из них Юлия Михайловна Комарова, две другие редакции неизвестны.

11 марта — 21 июня.

— По поводу болезни Софьи Андреевны Танеев записал в своем дневнике под 25 марта 1899 г.: «В пятом часу поехал к Толстым. Болезнь Софьи Андреевны. Л. Н. очень был встревожен, когда ей стало хуже. Она ему стала припоминать его слова о том, что умереть очень легко и т. п. Она сказала: «Это все рассуждения, а чувство?».

— «Сергея благополучно вернулся...» С. Л. Толстой вернулся из Камады 4 апреля 1899 г.

— Андрей Дмитриевич Архангельский (р. 1879 г.), студент Московского университета, репетитор Михаила Львовича Толстого. Университет окончил в 1904 г. В 1906—1913 гг. состоял ассистентом геологии Московского университета впоследствии известный профессор геологии—с 1919 г. Моск. университета, с 1923 г.—Горной академии. Автор ряда работ по своей специальности.

— «Заезжали из Москвы С. И. и Лавровская». О своей поездке в Ясную Поляну Танеев записал в дневнике под 9 июня 1899 г.: «Выехала на встречу Александра Львовна, которая ехала в тележке и сама правила. Я ехал на пролетке. Недалеко от церкви встретили верхом Льва Николаевича. У него очень бодрый, веселый вид. Он ехал в Ясенки отправлять письма и корректуру «Воскресения»... У Толстых очень пустынно. Голосов людских, как это бывало прежде, не слышно. В саду полная тишина. Сергей Львович перевел три главы из Проула. Ему и Софье Андреевне я читал четвертое заявление и рассказывал о консерваторских делах. Л. Н., вернувшись с поездки, заболел (камень в печени). Очень страдал и вышел в халате, имел очень нездоровый вид». Танеев уехал из Ясной Поляны 11 июня 1899 г.

26 июня.

— «Собираюсь сегодня к старшим сыновьям и к внукам». В дневнике Толстого под 26 июня 1899 г. в связи с отъездом С. А. записано: «Соня уехала сегодня к сыновьям. Она была тяжело больна и теперь еще слаба. Все продолжается критическое время. Часто очень нежно жалко ее. Так было раньше, когда она прощалась».

4 октября.

— «Была два раза в Москве...» С. А. Толстая уехала в Москву 14 сентября 1899 г., вернулась в Ясную 22 сентября. 20 сентября 1899 г. она писала из Москвы Татьяне Львовне: «Два дня сидела дома и усиленно считала и считалась с артельщиком; и Маруся помогала, и Ник. Ник. [Ге] у себя считал, и все больше и больше недочету. Такая это все скука. Вызвала сегодня артельного старосту, и он очень решительно сказал, что заплатит все к 3 октября, а до тех пор даст расписку в обязательствах выложить всю сумму расграты». А. Л. Толстая в своих воспоминаниях пишет: «В первом от утраты сарае помещалась корова, затем лошади, каретный сарай, последний же сарай был занят книжками. Здесь были свалены в большом количестве сочинения отца, которые издавала и продавала мама. На это жила вся семья, так как книги приносили около 20.000 дохода ежегодно. В одном из флигелей жил артельщик Матвей Никитич Румянцев, он вел книжные дела. Это был толстый человек с окладистой бородой, большим животом и сильной одышкой. Матвей Никитич одевался солидно в черную пару с лоснящимся жилетом, по которому была пушена массивная серебряная цепочка, ходил животом вперед и казался нам очень важным. Жену его, толстую, выплывшую салом женщину, я иначе не представляю себе, как сидящей перед домом на стуле и с тупым видом шелкающей подсолнухи. («Совр. Зап.», стр. 13).

— «...хлопотала об определении Мяши в Сумской полк». С. А. Толстая вышла из Ясной Поляны в Москву 25 сентября 1899 г., 26 сентября была у вел. кн. Сергея Александровича и в тот же день писала Толстому: «Нашла телеграмму, что великий князь меня просит в 10½ часов, в 11 у него обедня. Одеюсь, выпила приготовленный работой мяши кофе, наняла себе проездом карету и поехала. Великий князь тотчас же меня принял. Он был удивительно любезен, спросил о здоровье Тани, Льва Николаевича и моем, гово-

рил о бюсте Трубецкого, о Мише, что видал его и на все согласился, и все обещал, прибавив, что если еще мне что нужно, то «я всегда готов к вашим услугам, графиня, и рад исполнить вашу просьбу». Не знаю, радоваться ли мне этому «согласию, хорошо ли я сделала. Мне скорее стало грустно, и мои мечты в сторону жизни в Ясной разлетелись, и мне это было жалко. От великого князя я поехала к полковому командиру, застала его, он очень любезен, научил, как дальше действовать, и прислал старшего писаря, который написал все прошения, но еще подавать их нельзя, пока не выйдет приказ великого князя».

Сумской драгунский полк в то время считался в Москве по составу своих офицеров аристократическим. Михаил Львович поступил в полк вольноопределяющимся и 2 октября этого года был в первый раз на учении.

— 31 декабря, а не 31 октября, как ошибочно напечатано в тексте дневников.

— Замужество Т. Л. Толстой, Татьяна Львовна «была любимицей всей семьи,— пишет А. Л. Толстой в воспоминаниях.— Мама несравненно более любила Таню, чем Машу. Они всегда вместе выскрали и всегда оживленно вспоминали это время. Но любовь к матери не помешала Тане быть близкой к отцу и разделять его взгляды. Она никогда резко не становилась на чью либо сторону и всю жизнь свою старалась быть связующим звеном между родителями. Таню любили малыши, потому что она часто возилась с ними». Выход Татьяны Львовны замуж за Сухотина тяжело переживался Софьей Андреевной и Толстым. Вот что последний записывает в своем дневнике под 20 ноября 1899 г.: «Таня уехала зачем-то с Сухотиным. Жалко и оскорбительно. Я семьдесят лет все спускаю и спускаю свое мнение о женщинах, и все еще и еще надо спускать. Женский вопрос! Как же не женский вопрос? Только не в том, чтобы женщины стали руководить жизнью, а в том, чтобы они перестали губить ее». Приводим также очень интересную выдержку по поводу замужества Татьяны Львовны из воспоминаний А. Л. Толстой: «В этом же году вышла замуж Таня. Ей было уже тридцать пять лет. М. С. Сухотин, ее будущий муж, был много старше ее... Не было человека в доме, который бы сочувствовал Таниному замужеству. Все были против. Мама всегда мечтала о блестящей партии для своей любимицы... У Тани не было недостатка в женихах. И вдруг она выходит замуж за вдовца с шестью детьми... С течением времени все полюбили Михаила Сергеевича. Веселый, остроумный, с прекрасным характером, он всегда вносил оживление. Отец любил говорить с ним, играть в шахматы. Мы подружились с его семьей» («Совр. Зап.», стр. 139).

— «Скопировала...» с рисунков Сверчкова две лошади». Николай Егорович Сверчков (1817—1898), художник, известный главным образом как рисовальщик лошадей. После выхода в свет рассказа Толстого «Холстомер» (история лошади) написал две акварели — «Холстомер в молодости» и «Холстомер в старости». Находятся в Государственном Толстовском музее в Москве.

1900

5 ноября.

— Александр Александрович Брюков, профессор, товарищ председателя Общества глазных врачей в Москве. Лечил глаза С. А. Толстой.

— Драма «Живой труп» писалась Толстым с января по ноябрь 1900 г. 27 января этого года Толстой записал в дневнике: «Ездил смотреть «Дядю Ваню» и возмущился. Захотел написать драму «Труп», набросал конспект». «Живой труп» впервые напечатан в газете «Русское Слово» (1911,

№ 218 от 23 сентября), затем в «Посмертных произведениях Толстого (М., 1911, т. I).

— «Была у Миши в новом его имени» — Бегичево Крапивинского уезда Тульской губ. Михаил Львович купил это имение на деньги, вырученные от продажи камарского имения, доставшегося ему по разделу между детьми Толстого в 1891 г. Софья Андреевна выехала 28-го, возвратилась 30 октября. Из Бегичева в письме от 29 октября 1900 г. она писала Толстому: «О Мише трудно что рассказать, потому что он очень всегда, а теперь более чем когда-либо сдержан. Живет он в прекрасном флигеле с высокими комнатами и большими окнами. У него лакей старик и одесняя кухарка. Большой порядок. Комнат пять, одна очень большая. Хозяйство он совсем не понимает, но внимательно и осторожно относится. Большой дом чудесный, но пустой. Парк огромный, с старыми аллеями, много елок и осен. Чудесный прочный пруд с речной рыбой. Постройки все каменные, все основательно выстроены рукой, не знающей границ траты. Но как Миша извлечет дождь и как он поведет дела — трудно понять».

— Арсений Николаевич Борецко (р. 1870 г.), композитор и либретт. Опера «Ледяной дом» написана им в 1900 г., ставилась в Большом театре в Москве. Либретто написано М. И. Чайковским.

15 ноября.

— Николай Сергеевич Воейков, помещик, офицер-кавалерист. К старости спился, опустился и был чем-то в роде шута-прижимавальщика в Ясной Поляне. См. воспоминания о нем Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. II, гл. 14.

15 ноября.

— Нарышкин — Юрий Александрович и его сестра Ольга Александровна, по мужу Арсеньева.

— Бутенев, граф Хребтович, Константин Аполлонович с дочерью Марией.

20 ноября.

— Гость с острова Явы — малаец Энгеленберг, который от голландского правительства занимал большие административные должности. По повелению его приезда Толстой писал Е. М. Попову в письме от 5 декабря 1900 г.: «Ко мне пришел шротиться живший здесь малаец с острова Явы — Энгеленберг. Он был чиновником администратором голландского правительства, но, прочитав, как он говорит, «Царство божие внутри вас», решил, что не будет служить правительству, правительству, действующему насильем, и приехал в Европу узнать людей, живущих христианской жизнью. Он жил у Поня [у Бирюкова] и потом в голландской христианской земледельческой колонии, прожил в Москве три недели и едет теперь опять в Голландию, Англию и домой. Он — метис, мать — малайка, отец — голландец».

24 ноября.

— Виктор Петрович Буренин (1841—1926), критик, поэт и драматург. сотрудник «Нового Времени».

27 ноября.

— Ки. Ширинский-Шихматов — вероятно, брат обер-прокурора св. Синода, путешественник, известный охотник, знаток собак, подаривший Толстому собаку-лайку «Пушок».

30 ноября.

— Ки. Дмитрий Николаевич Цертелев (1852—1911), поэт, писатель, философ и публицист, друг Вл. Соловьева. Редактор с 1887 г. «Русского

Вестника» и основатель-редактор в 1890—1892 г. журнала «Русское Обозрение». Автор книги «Правдивая философия гр. Л. Н. Толстого». М., 1869. Знакомый Готых.

— «Студент Русанов» — Андрей Гаврилович Русанов (р. 1874 г.), врач позднее главный врач земской больницы под Воронежем. В настоящее время профессор Воронежского университета.

— Константин Анемподистович Михайлов, художник, учитель рисования в одной из московских гимназий. Был близок по взглядам к Толстому.

— Михаил Петрович Новиков (р. 1871 г.), крестьянин деревни Боровково Богородицкого уезда Тульской губернии. Будучи военным писарем в одном из полков, стоявших в Москве, познакомился в 1890-х годах с Толстым и бывал у него в Хамовниках. Подвергся гонению за свои взгляды, близкие к взглядам Толстого. В 1904 г. Новиков, призванный на военную службу, написал Толстому два письма, которые Толстой поместил в своей статье «Одумайтесь», написанной по поводу русско-японской войны и направленной против войны вообще. Свое знакомство с Толстым Новиков описал в статье «Письма крестьянина» («Международный Толстовский альманах» М., 1909, стр. 201—235).

3 декабря.

— Александр Ильич Зялоти (р. 1863 г.), певец и дирижер.

— Александра Николаевна Стрекалова, богатая московская благотворительница.

5 и 6 декабря.

— «Лев Николаевич ищет письмо государю...» 1 декабря 1900 г. Толстой писал Николаю II по следующему поводу: все духоворы, покидая Россию, не имели права возвращения. Между тем в Якутской области осталось несколько духоворов, семьи которых выехали в Канаду, надеясь на то, что их родные тоже в скором времени присоединятся к общей массе духоворов. Между тем освобождение якутских духоворов все не приходило. Тогда одиннадцать духоворов, девять жен и две матери якутских духоворов, обратились к Толстому с просьбой хлопотать им разрешение вернуться в Россию с тем, чтобы разделить судьбу оставшихся в ссылке. Письмо царю взялся передать Н. В. Давыдов. Письмо достигло своей прямой цели: духоворки получили разрешение присоединиться к якутским ссыльным. Все они были освобождены и переселились в Канаду только в 1904—1905 гг.

7 декабря.

— Василий Васильевич Андреев (р. 1862 г.), известный виртуоз — балалаечник и композитор для своего оркестра и балалайки. В 1881 г. организовал так называвшийся «великорусский струнный оркестр», состоявший из четырех разной величины домр, шести разной величины балалаек, гуслей, жалейки, пастушеского рожка и чакры. Совершил с оркестром поездку по России и Европе, сопровождавшиеся большим успехом. Несколько раз посетил Толстого и играл ему на балалайке.

— «У Илюши, близко от Москвы». Имение Ильи Львовича Толстого Мансурово находилось в Калужской уезде (Калужской губ.).

— Сергей Николаевич Толстой страдал от неудачно сложившейся семейной жизни его дочерей.

15 декабря 1900 г. Толстой писал М. Л. Оболенской: «Я с робостью ваянул слово, чтобы ехать в Пирогово к тебе и Сереже на праздники. Мама очень огорчилась, но, кажется, привыкла к мысли, и если ее это не очень огорчит и я буду здоров, то вполне это и буду очень рад повидать Сережу, Веру, тебя, Колю, Наташу... Мама в Ясной и, кажется, завтра 16 придет. Тыя в деревне... Михаил Сергеевич завтра предлагает проездом в Рязь.

Маша постоянно является сюда и невесте и исчезает на охоту. Очень уж и по годам и взглядам далеко от них от всех. С вами же, особенно с тобой, близок, несмотря на года».

8 декабря.

— Кн. Мария Александровна Гагарина, урожд. Голицына-Прозоровская, — ее сестра Анна Александровна Гаяринова (ум. в 1919 г.).

— Сергей Геренштейн Семенов (1868—1922), крестьянин Волоколамского уезда Московской губернии. Писатель и драматург. С Толстым познакомился в 1886 г. См. его «Воспоминания о Толстом». СПб. 1912. Толстой написал предисловие к первому тому «Крестьянских рассказов» Семенова.

10 декабря.

— Николай Александрович Цветков, богатый московский купец, директор Московского купеческого банка, дававший деньги на содержание приюта, попечительницей которого была Софья Андреевна. Жена его — Лидия Александровна Цветкова.

— Александр Александрович Литвинов, музыкант, дирижер оркестра, артист императорских театров.

— Леонид Витальевич Собинов, известный певец, тенор.

— Владимир Федорович Лазурский (р. 1871 г.), речетитор Михаила и Андрея Львовичей Толстых. В 1894—1900 гг. часто бывал в доме Толстых. Одно лето провед в Ясной Поляне. См. его «Воспоминания о Толстом». М., 1911.

1901

6 января.

— О смерти Левушки С. А. Толстая писала Толстому 26 декабря 1900 г.: «Очень трудно писать, милый друг, о том, что у нас тут происходит. Это — непрерывное страдание или разговоры, разговоры без конца о том, кто виноват, как простудили, как неправильно воспитывали, куда ехать, где жить и пр. и пр. Ребенка не хоронили, ждут Вестерлунда завтра в ночь и похороны 28-го в 12 часов дня. Состояние обоих родителей ужасно. Дора выбегает с криком или врывается в комнату, где лежит Левушка, кричит, бросается на него, зовет его, говорит бессмысленные слова. А в комнате не топтали при дня и окно настежь открыто. Дора очень похудела, молока почти нет, кашляет. Лева на нее страдает, усаживает ее возле себя, а сам точно полоумный. Ушел сегодня гулять... напомнило ему и весну, когда они вернулись из-за границы, и Левушку, как бы он теперь гулял на солнышке, прибежал домой, бросился на постель, где сидела и кормила Дора; она мне бросила на руки Павлика, и сама кинулась с воплями на Леву, и начали они оба, обнявшись, рыдать — ужас».

— Николай Николаевич Черногубов, любитель и собиратель старинных и редких вещей, мебели, картин, икон, печатных и рукописных материалов. Собирал материалы, относящиеся к биографии Фета. Известны две его печатные работы о Фете: «Происхождение Фета» («Русский Архив», 1900, № 8, стр. 523—536) и «К хронологии стихов Фета» (сборник «Серебряные цветы». 1902, стр. 215—225).

8 января.

— Мария Васильевна Сяськова одно время жила в Ясной Поляне в качестве учительницы Александры Львовны. Позднее работала в издательстве «Посредник».

— Письмо С. А. Толстой В. В. Стасову от 8 января 1901 г. см. «Толстой и Стасов. Переписка», Л., 1929, стр. 256.

10 января.

— «Нигилист» и «Зараженное семейство» — разные комедии. Комедия «Зараженное семейство» писалась Толстым в 1863—1864 гг. Толстой намеревался поставить ее на сцене, но по целому ряду причин комедия не увидела света рампы. Впервые напечатана издательством «Федерация», М., 1928.

Комедия «Нигилист» писалась Толстым в 1866 году. Тогда же ее играли на домашнем спектакле в Ясной Поляне.

19 января.

— О своем нездоровьи Толстой писал Мооду 18 января 1901 г.: «Нездоровье мое состоит в скрытой лихорадке, производящей большую слабость и временно усиливающей мою обычную болезнь печени».

— Отрывок из неоконченной повести «Кто прав» писался Толстым в 1891 г. Впервые напечатан издательством «Посредник» в 1911 году. («Кто прав», изд. «Посредник», М., 1911).

28 января.

— По поводу неблагоприятной беременности Марьи Львовны Толстой писал ей 28 января 1901 г.: «Очень, очень больно за тебя, милая голубушка Маша. Хотя я знал, что тебе один шанс на 50 родить благополучно, я все-таки надеялся, потому что невольно за тебя и с тобою сильно желал этого. Ныпиши, Коля, что и как, поскорее».

31 января.

— По поводу свадьбы Михаила Львовича Толстой писал С. Н. Толстому 24 января 1901 г.: «Свадьба Мишина будет 31-го. Смотрю на них, на всю их глупость молодую и стараюсь вспоминать свою глупую молодость, чтобы не осуждать их». Об этом же юн писал 30 января Черткову: «Завтра Мишина свадьба, глухая, грешная, пышная свадьба. Но девушка (Глебова) интересная. Теперь ничего нет, кроме молодой, половой любви. Но что будет, когда устроится?»

12 февраля.

— Иван Иванович Янжул (р. 1845 г.), известный экономист. Свое знакомство с Толстым описал в статье «Мое знакомство с Толстым» (сборник «О Толстом», М., 1909, стр. 407—425).

— Елена Нестеровна Хренникова, певица оперной труппы московских императорских театров.

16 февраля.

— Врач, лечивший Александру Львовну.—Петр Владимирович Ильин.

— «Л. Н... пошел духоборам закупать 500 грамм хинина». По поручению сосланных в Якутскую область духоборов И. Е. Конкин писал Толстому в начале февраля 1901 г., прося у него книг и хины. «Прошлую весну мы в апреле месяце заболели тифозной лихорадкой. — писал Конкин, — и без всякой медицинской помощи почти все повально пролежали в постели до прибытия Громовского парохода, на котором мы могли достать немного хины и других лекарств». Толстой послал духоборам фунт с четвертью хины, лекарственные весы и разновески для развески хины, и письмо от 24 февраля 1901 г.

6 марта.

— Определение Синода об отлучении Толстого от церкви состоялось 20—22 февраля 1901 года. Инициатором его был обер-прокурор Синода Пободоносцев. В течение двадцати лет, с 1880 г. по 1901 г., Толстой написал несколько десятков художественных и теоретических произведений, направленных против государства, правительства и официальной церкви. Эти со-

чинения Толстого в печатном виде и в рукописных копиях быстро расходился в публике. Большое число читателей противозерковных и противоправительственных произведений Толстого под влиянием этого чтения разделяли религиозные взгляды Толстого. Другая значительная часть читателей делала из этого чтения революционные выводы. Имя Толстого часто являлось организирующим началом, а иногда лишь поводом для выражения протеста против существующего строя. Отлучение Толстого явилось этапом борьбы правительства и церкви с влиянием на русское общество Толстого. Дату отлучения можно считать случайной. Толстого можно было отлучить с таким же основанием и раньше 1901 г. и позднее. Непосредственным поводом для этого акта послужило напечатанное Толстым в 1899 г. «Воскресение». В первой части романа (гл. 39 и 40) он, описывая богослужение в тюремной церкви, «подверг глумлению величайшее из таинств, святую ехаристию», т. е. таинство причащения. Хотя главы эти целиком были вымараны цензурой в русском издании романа, они стали известны по заграничным лондонским изданиям «Воскресения». Но, кроме этого, безусловно была неприемлема и общественная сторона романа — критика Толстым суда, правительственных учреждений, тюрем, ссылки, сочувствие Толстого революционерам и т. д. 31 марта 1900 г. во время болезни Толстого Синодом был издан циркуляр о запрещении молении о нем в случае его смерти. Это распоряжение было как бы предисловием к отлучению, последовавшему без малого через год.

В начале 1901 г. в Киевском университете произошли студенческие беспорядки. К 176 студентам за участие в беспорядках были применены «временные правила» от 29 июня 1899 г. — они были отданы в солдаты. Это послужило толчком для большого общественного возбуждения и революционных выступлений. В защиту киевских студентов выступили студенты Москвы, Петербурга, Харькова, Одессы. Толстой в письме к Черткову от 7 марта 1901 г. писал по этому поводу: «Самое замечательное в этом движении то, что шарод на стороне студентов или скорее на стороне выражения неудовольствия».

Опубликование в ту пору отлучения не только не отвлекло общественного внимания от революции и студентов, а, наоборот, усилило его. Синод, вместо посярения Толстого и подтверждения авторитета и значения церкви, своим определением сделал имя Толстого еще более популярным, а авторитет церкви еще более поколебленным. Общественное мнение было на стороне Толстого. Несмотря на то, что Главное управление по делам печати одновременно с опубликованием отлучения разослало циркуляр, запрещающий «обсуждение определения св. Синода», определение это обсуждалось, результатом чего явились посылавшиеся приветствия с выражением сочувствия Толстому и возмущения по адресу Синода. Толстой получал приветствия от отдельных лиц, групп людей и различных организаций — как Россия, так и из-за границы в течение нескольких месяцев. За один лишь март он получал более 100 писем и телеграмм с подписями около 4.000 лиц. Приведем одно из таких приветствий Толстому из Женевы группы политических эмигрантов: «Дорогой Лев Николаевич. Мы вполне уверены, что неслепое распоряжение Синода от 22 февраля с. г. не могло нарушить спокойствия Вашего духа. Но, присутствуя при факте этого наглого лицемерия, мы не можем удержаться, чтобы не выразить Вам нашего горячего сочувствия и солидарности с Вами во многих «преступлениях», вводимых на Вас Синодом. Мы искренне желали бы удостоиться той чести, которую оказал Вам Синод, отделив такой резкой чертой свое позорное существование от Вашей честной жизни. По своей близорукости Синод просмотрел самое главное Ваше «преступление» перед ним — то, что Вы своими писаниями рассеиваете тьму, которой он служит, и даете сильный нравственный толчок истинному прогрессу человечества. За это приносим Вам нашу глубокую благодарность и от души желаем продления Вашей жизни еще на многие годы». Следует око-

ло 20 подписей. В числе подписавшихся В. Д. Бонч-Бруевич, М. В. Вельяминов, П. И. Бирюков.

В ответ на приветствия Толстой написал в середине марта 1901 г. письмо «В редакции газет»: «Г. Редактор. Не имея возможности лично поблагодарить всех тех лиц, от сановников до простых рабочих, выразивших мне как лично, так и по почте и по телеграфу, свое сочувствие по поводу установления св. Синода от 20 — 22 февраля, шокорнейше прошу вашу уважамую газету поблагодарить всех этих лиц, причем сочувствие, высказанное мне, я приписываю не столько значению своей деятельности, сколько остроумию и благовременности постановления св. Синода». Письмо Толстого в Россию появилось не могло в силу цензурных условий. Опубликовано за границей в «Листках Свободного слова» № 23, 1901, стр. 24.

26 марта.

— Толстой написал свое «обращение» «Царю и его помощникам» 15 марта 1901 года. Впервые напечатано за границей («Листки Свободного слова», 1901, № 20, стр. 1—8).

В этом обращении, разосланном Толстым царю, великим князьям и министрам, он предлагает для успокоения страны след. меры: 1) уравнивать крестьян в их правах с другими гражданами; 2) перестать применять так называемые правила об усиленной охране; 3) уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию; 4) уничтожить все стеснения религиозной свободы. В конце «Обращения» он говорит: «Писал это Лев Толстой и, писавши, старался изложить не одно свое мнение, а мнение многих лучших бескорыстных и добрых людей, желающих того же».

30 марта 1901 г. Толстой писал Черткову: «О судьбе его [обращении] ничего не знаю».

— В своих воспоминаниях А. Л. Толстая пишет о том, как впервые в жизни она отошла от матери и стала на сторону влюбленного отца: «В вербную субботу, когда мать крикнула, чтобы я собиралась с ней в церковь, и сказала, что не пойду. Она не сразу меня поняла. — Почему? Ты нездорова? — «Нет, я здорова, а в церковь больше не пойду». — Да почему же? — «Не хочу, не нужно, фальшиво все». Мама была так потрясена, что сразу не нашла, что мне ответить. Мое заявление было для нее страшным ударом. Две старшие дочери уже давно отошли от церкви, проившись учением отца. Меня мать старалась воспитать в православии, часто водила в церковь, она надеялась, что хоть одна из ее дочерей не сбьется с истинного пути и останется православной... Повидимому, взгляды отца в какой-то примитивной форме уже коснулись моего детского сознания, но мама не подозревала этого. Теперь, когда я откасалась идти в церковь, она решила, что отец говорил со мной и повлиял на меня. Мама тотчас же пошла к нему в кабинет объясниться. Они говорили долго. Когда она, шурша шелковой юбкой, спустилась вниз, щеки ее горели, а глаза были красны от слез. «Тебя отец совет», — сказала она». Александра Львовна пошла к отцу. «Он спросил ее: «... почему же ты мать огорчаешь, не идешь с ней в церковь?» — Ложь, фальшь там одна, не могу, — выкрикнула я сквозь душившие меня рыдания. Лидо отца еще больше смягчилось, глаза стали ласковыми, добрыми. «Вот так. Да ты не плачь, толбушка...» Отец казался взволнованным. Он уже не сидел, а ходил по комнате, засунув руки за пояс, а я следила за ним, ловя выражение его лица. «А все-таки пойдешь с матерью в церковь сегодня. Можешь?» — спросил он ласково, и вместе с тем многозначительно, как на взрослую взглянув на меня. Я поняла его взгляд. — Хорошо. — Он нагнулся и поцеловал меня в лоб. Глаза его весело сияли. Я быстро сбегала вниз, оделась и, к удивлению и радости моей матери, сказала ей, что иду ко всемошней».

С этого дня отец уже никогда не был для меня недоступным, чужим». («Совр. Зап.», XIV, стр. 157—159).

— Петр Семенович Вайновский (1822 — 1904) был военным министром при Александре III и министром просвещения с 25 марта 1901 г. по 11 апреля 1902 г. Вайновский возвратил студентов, отпущенных в солдаты при Богослове, и пытался наладить отношения со студенчеством путем разрешения курсовых сходок, кружков, столовых, касс взаимопомощи и пр. Однако все это было отбавлено такими стеснительными условиями, что студенты не захотели воспользоваться его разрешением.

30 марта.

— «Портрет Льва Николаевича» — известная большая картина работы Решина, изображающая Толстого босиком в лесу («Толстой на молитве»); написан художником в 1901 г. Картина была выставлена на XXIX выставке передвижников. Находится в Русском музее в Ленинграде.

— 25 марта 1901 г. группа посетителей выставки устроила перед картиной демонстрацию сочувствия Толстому, послав ему телеграмму, а затем, вследствие запрещения подачи Толстому сочувственных телеграмм, письмом. Приводим это письмо: «С.-Петербург. 4 апреля 1901 года. Лев Николаевич. 25 марта собравшиеся на передвижной выставке поручили нам отправить следующую телеграмму: «Москва. Графу Льву Николаевичу Толстому. Присутствующая публика на передвижной выставке при виде Вашего портрета слыхала в едином порыве благожелания и горячей признательности великому учителю жизни. Подписали немедленно 397 лиц». До сих пор мы не знаем достоверно, вручена ли Вам эта телеграмма, поэтому считаем долгом попытаться передать ее другим путем — в настоящем письме, а вместе с тем прислать подлинные подписи и сообщить вкратце, что произошло перед Вашим портретом. Появление портрета на выставке дало обществу повод высказать свое осуждение Синоду и выразить свои симпатии к Вам за Вашу постоянную отзывчивость на все явления русской жизни, за Ваш неутомимый, смелый призыв к исканию правды и к борьбе за нее. Собравшаяся а этой целью публика уже в 12 часов стала тесниться перед Вашим портретом и ожидала с нетерпением почина в устройстве овалции. Часу во втором студенты стали украшать портрет гирляндами из живых цветов. Раздались громкие аплодисменты. Затем в течение 3—4 часов портрет несколько раз осыпали массой зелени и цветам. Слышались возгласы: «Долой Победоносцева», «Ура Льву Николаевичу», дружно подхватываемые всеми. Все единодушно приняли предложение послать приведенную телеграмму, и скоро люди всякого звания и положения покрыли ее своими подписями. Расходясь, каждый уносил на память по цветку от портрета. Всех объединило чувство сердечной признательности к борцу за свободу совести и проповеднику истинной любви к ближнему».

В результате этой демонстрации портрет Толстого с выставки был снят. Новая группа посетителей, не найдя на выставке портрета, послала Толстому цветы и приветственную телеграмму.

6 июня.

«Пастернак хочет написать группу из Л. Н., меня и Тани». Л. О. Пастернаком эта группа написана. Это — известная его картина «Толстой в семье», изображающая Толстого, Софью Андреевну и Татьяну Львовну за круглым столом у лампы в зале исполотинского дома. Картина написана художником в нескольких вариантах: один находится в Русском музее в Ленинграде (пастель), два в Государственном Толстовском музее в Москве (пастель и масло).

14 июня.

— Наум Львович Аронсон (р. 1872 г.), скульптор, учился в Виленской рисовальной школе. В 1891 г. поступил в «Ecole des arts décoratifs» в Париже. Аронсон делал Толстому неоднократно. Известен бюст Толстого его

работы, и в таком же виде статуетка, несколько плакеток с изображением Толстого и три больших рисунка углем. Бюст Софьи Андреевны, сделанный Аронсоном, считается наиболее удачным изображением С. А. Толстой. Все перечисленные вещи, а также барельеф Татьяны Львовны находятся в Государственном Толстовском музее в Москве.

20 июня.

— «Была в Москве по делам продажи Сашиной земли». А. Л. Толстая пишет в своих воспоминаниях о разделе между детьми Толстого в 1891 г., когда Толстой отказался от всего своего состояния и передал его жене и детям: «Нам, младшим, по разделу досталось самарское имение... Женившись, братья решили продать землю... Имение было продано гораздо дороже, чем ожидали, — по 35 р. за десятину. Мама положила мои деньги в банк и с тех пор я сделалась самостоятельной. Я платила матери за содержание по сто рублей в месяц, платила за учителей, тувернанток, одежду, за все». («Совр. Зап.», XIV, стр. 42).

— «Сказала ему..., чтоб он написал Андриюше...» Недоброе отношение А. Л. Толстого к О. К. Толстой очень заботило всю семью Толстых. Толстой писал по этому поводу О. К. Толстой 20 июля 1901 г. и А. Л. Толстому 22 — 23 августа 1901 г. См. это письмо в сборнике «Л. Н. Толстой», Гиз, 1928, стр. 72 — 74.

3 июля.

— Р. А. Дрейер (р. 1856 г.), тульский врач.

— «...переписанная Н. П. Ге статья Льва Николаевича последняя. Это статья Толстого «Единственное средство», напечатанная с датой 12 июля 1901 г. в «Листках Свободного слова», 1901, № 24, стр. 1 — 22.

14 июля.

— Владимир Андреевич Щуровский, известный московский врач.

22 июля.

— Кармен Сильва — литературный псевдоним румынской королевы Елизаветы-Полины-Оттилии Луизы (1843 — 1916), жены румынского короля Карла I. Писала повести, рассказы, стихотворения и сказки для детей. Собрание ее сочинений (8 томов) издано в Лейпциге. В письме своем от 16/29 июля 1901 г., полным самых восторженных слов любви и уважения, К. Сильва писала: «...напишите еще несколько рассказов, столь же возвышенно прекрасных, проникнутых дыханием и светом потусторонней жизни, как «Два старика» и «Много ли человеку земли нужно». Толстой ответил ей письмом от 28 июля, благодаря ее за письмо и книжку, которую она ему послала. Письмо Толстого к К. Сильве опубликовано в IV томе его «Биографии», написанной П. И. Бирюковым.

30 июля.

— «Получила от графини Папиной письмо...» Гр. Софья Владимировна Папина — владелица имения «Гаспра» на южном берегу Крыма. Толстой так описывал Гаспру в письме к брату С. Н. Толстому от октября 1901 года: «Гаспра, имение Папиной, и дом, в котором мы живем, есть верх удобства и роскоши, в которых я никогда не жил в жизни. Вот те и простота, в которой я хотел жить! Ну, как тебе сказать: въезд через парк по аллеям, окаймленным цветами — розы и другие, все в цвету — и бордюрами к дому с двумя башнями и домовою церковью. Перед домом круглая площадка с гирляндами из розанов и самых странных красивых растений. В середине мраморный фонтан с рыбками и статуей, из которой течет вода. В доме высокие комнаты и две террасы: нижняя вся в цветах и растениях с стеклянными раздвижными дверями и в ней фонтан. И сквозь деревья вид на море. Наварху терраса с колоннами, шагов 40 в длину, с изразцовым полом, и

внизу овраги, деревья, дорожки, дома, дворды и огромный вид на море. В доме все первосортное: задвижки, аужники, кровати, проведенная вода, двери, мебель. Такой же флигель, такая же кухня, такой же парк с дорожками, удивительными растениями, такой же виноградник со всеми самыми вкуоными съедобными сортами».

3 августа.

— «... сегодня ему получше». О состоянии своего здоровья Толстой писал 10 августа 1901 года Льву Львовичу Толстому: «Здоровье мое понемногу поправляется, все-таки не переставая идти куда должно, к уничтожению этого тела. И всегда болезнь оставляет во мне хорошее впечатление, а особенно эта. Так хорошо, спокойно и телом и душой я подходил к смерти, что не могу не желать, чтобы так же совершилась настоящая... У нас теперь в семье все планы о крымской поездке. Панина предлагает свою прекрасную дачу. И Таня и Маша с мужьями хотят ехать, и Андрюша с женой».

— Николай Фальцфейн (р. 1873 г.), из семьи богатых помещиков Таврической губ. После окончания одесской гимназии продолжал свое образование за границей, где в 1896 г. женился. 23 сентября 1900 г. жена его умерла во время родов третьего ребенка, оставив двоих детей. Фальцфейн 7 января 1901 г. из Петербурга писал Толстому, прося разрешения приехать к нему поговорить о вопросах жизни и, вероятно, получив приглашение, посетил Ясную Поляну.

26 августа.

— «Л. Н. опять почувствовал себя совсем хорошо...» О своем здоровье Толстой писал брату С. Н. Толстому 20—21 августа 1901 года: «Я чувствую себя и не дурно, и не хорошо. Сердце стучит неровно и слабо временами, и ревматические боли в членах. Скучно, что очень много у меня нянек, и мне нельзя жить, пока жив — поехать к тебе, например, чего бы мне так хотелось».

3 декабря.

— Карл Христианович Классен, управляющий имением «Гаспра».

13 декабря.

— Сергей Михайлович Сухотин (1887—1926), третий сын Михаила Сергеевича Сухотина от первого брака. Насчет поступления его в Морской корпус Толстой писал Льву Львовичу Толстому 10 августа 1901 года: «Михаил Сергеевич вчера проехал в Петербург отвозить в Морской корпус своего сына Сережу. Таня очень жалеет мальчика, да и мне жаль, что его отдадут в военную карьеру».

— «... когда у моей сестры [Т. А. Кузминской] падали дети и ушибались...» Илья Львович Толстой пишет про нее в XI главе своей книги «Мои воспоминания»: «Тетя Таня, когда малыши ушибаются, начинает с озлоблением тереть ушибленное место, говоря: «Чтоб вас совсем, и кто вас только родил! И где вы няньки, чорт их возьми совсем! Дайте мне хопь холодной воды! Что все рот разинули?»

15 декабря.

— Исаак Наумович Альтшуллер (р. 1870 г.), ялтинский врач, лечащий Толстого. В настоящее время живет в Германия.

16 декабря.

— Максим Горький — Алексей Максимович Пешков (р. 1869 г.), писатель. Познакомился с Толстым в середине января 1900 года в Москве. По поводу посещения Горького Толстой под 16 января 1900 г. записал в дневнике: «Был Горький. Очень хорошо говорили, и он мне понравился. Настоя-

ший человек из народа». Горький бывал у Толстых в их доме в Москве и в Ясной Поляне. Во время пребывания Толстого в Гаспре Горький, живший в Олемеде, часто виделся с Толстым.

27 декабря.

— Дмитрий Иванович Четвериков, богатый фабрикант и помещик. Был одно время предводителем дворянства Богородского уезда Московской губ.

— Эпельман — музыкант, живший в Ялте.

— Константин Васильевич Волков (р. 1871 г.), врач. С 1900 г. по 1907 г. — земский врач в Мисхоре, вблизи от Гаспры. Лечил Толстого во время его пребывания в Гаспре. О своем знакомстве с Толстым оставил воспоминания: «Наброски и воспоминания о Л. Н. Толстом». («Толстой. Памятники творчества и жизни», М., 1920, стр. 80—95).

Жена Волкова — фельдшерица Клавдия Владимировна Волкова, рожд. Назарова.

— «О религии» — это статья Толстого «Что такое религия и в чем сущность ее», напечатанная с датой февраль 1902 за границей в издании «Свободного Слова» («Что такое религия», изд. «Свободного Слова», № 75).

1902

1 января.

— Жена Максима Горького — Екатерина Павловна Пешкова.

4 января.

— Книга, которую читала Софья Андреевна, — Иосиф Мадзини «Об обязанностях человека», перевод Л. П. Никифорова, изд. «Посредник», М., 1902.

5 января.

— О состоянии своего здоровья Толстой записал в своей записной книжке 5 января 1902 года: «Должно быть конец этой жизни, и отлично».

11 января.

— Пьеса Островского «Не все коту масленица» написана в 1871 году.

— «Вышел у Ясинского роман Левы...» «Иероним Иеронимович Ясинский (1850 — 1931), писатель. С 1900 г. издавал журнал «Ежемесячные сочинения», в котором с января 1902 г. начал печататься большой роман Л. Л. Толстого «Поиски и примирение». Перед публикацией романа в «Биржевых Ведомостях» (за 1901 г. №№ 343 и 346 от 16 и 19 декабря) были помещены объявления, в которых сообщалось, что в произведении Льва Толстого сына изображено волостовство. Действительно, Л. Л. Толстой, введя в свой рассказ автобиографические эпизоды, отнесся отрицательно к некоторым единомышленникам Толстого и к его учению. В письме к С. Н. Толстому от 6 ноября 1901 года Толстой писал: «Лева сын приучает меня к доброте, несмотря на причиняемую боль своими глупыми, бездарными и безтактными писаниями».

14 января.

— Письмо к Николаю II писалось Толстым в конце декабря 1901 г. и первой половине января 1902 г. Опубликовано за границей в «Свободном Слове», 1904 г., № 14, в России — в журнале «Былое» 1907, № 1 (23). В своем письме Толстой писал об общем положении дел в России, считая, что идеи самодержавия и православия — идеи отжившие, что народ требует равноправия и возможности высказываться о своих потребностях и что очередная реформа состоит в отмене частной собственности на землю.

— Великий князь Николай Михайлович Романов (1859 — 1918), двоюродный дядя Николаю II, историк. Познакомился с Толстым 26 октября 1901 года. Воспоминания о его встречах с Толстым в Крыму напечатаны в «Красном Архиве», 1927, т. 2 (21), стр. 232 — 235. Во время своего пребывания в Крыму вел. кн. Николай Михайлович посетил в Гаспре Толстого, который сообщил ему о своем намерении написать письмо Николаю II по поводу общего положения дел в России. В письме от 5 января 1902 г. Толстой просил Николая Михайловича лично передать письмо царю и, получив по телеграфу его согласие, в письме от 16 января 1902 года писал: «Прилагаю письмо государю, к сожалению, написанное не моей рукой. Я начал было это делать, но почувствовал себя настолько слабым, что не мог закончить». Письмо Николаю II было передано. Николай Михайлович от себя просил царя не показывать это письмо министрам. Николай II, прочитав письмо, просил передать Толстому, «чтобы он не беспокоился, что он ему никому не покажет».

20 января.

— К. В. Волков в своих воспоминаниях пишет о спектаклях для народа, ставившихся местными интеллигентами: «В Корсизе на средства С. В. Пачинной был построен народный дом, в котором помещались чайная, библиотека и читальня. Читальный зал был приспособлен для спектаклей. Здесь я, моя жена и несколько местных интеллигентов ставили общедоступные народные спектакли с исключительно просветительной целью. Поэтому наш репертуар состоял главным образом из пьес Островского, Гоголя, Чехова и др. классиков. В труппу входили в значительном числе и местные жители из народа: каменщики, столяры, их жены, сестры и пр.» («Наброски к воспоминаниям о Толстом», сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни». И. М., 1920, стр. 6).

21 января.

— Сергей Яковлевич Елшатыевский (р. 1854 г.), врач и писатель. О знакомстве его с Толстым см. его «Литературные воспоминания». М., 1916 в «Воспоминания о Л. Н. Толстом».

23 января.

— Лев Бернгардович Бертенсон (1850 — 1929), петербургский врач, лихенист, затем лейб-медик. С 1898 г. состоял членом Медицинского совета. Принимал участие в проведении ряда санитарных законов по охране рабочих. По его инициативе была организована Всероссийская лига по борьбе с туберкулезом. С Толстым познакомился в Гаспре в Крыму. Лечил Толстого и позднее. Находился в Астапове во время болезни и смерти Толстого. См. его воспоминания «Страничка к воспоминаниям о Толстом». («Сборник воспоминаний о Толстом», изд. «Златоцвет», М., 1911, стр. 81 — 92). В Гаспру Бертенсон приехал по просьбе П. А. Буланже, переславшего ему письмо С. А. Толстой, в котором она выражала желание, чтобы Бертенсон приехал.

— Александр Валентинович Амфитеатров (1862 — 1923), беллетрист, драматург и публицист. В начале 1902 г. Амфитеатров в основанной им в 1899 г. и имевшей большой успех газете «Россия» поместил свой нашумевший фельетон «Господа Обмановы», в котором под видом жизни помещиков Обмановых сатирически описал последних Романовых. За этот фельетон «Россия» была закрыта, а Амфитеатров выслан в Минусинск. Через год он был переведен в Володу.

Амфитеатров был знаком с Толстым с 1881 г., встретился с Толстым в 1894 г., позднее несколько раз бывал в Ясной Поляне. Находился в переписке с Толстым и написал о нем ряд статей.

— Дмитрий Сергеевич Сиятин (1853 — 1902), с 1889 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. Крайний реакционер. 2 апреля 1902 г. убит студентом С. В. Балмашевым.

— Мария Алексеевна д'Альгейм, рожд. Оленина, замужем за бароном Пьером д'Альгейм, французским журналистом и автором книги о Мусоргском. Они вместе в 1908 г. основали в Москве «Дом песни», пропагандировавший художественную песню. Оленина-д'Альгейм выступала в концертах по всей Европе.

30 января.

— «Старческая мудрость» и т. д. По поводу этого изречения Толстого Сергей Львович Толстой вспоминает: «Мне помнится, смысл слов Толстого следующий: подобно тому, как ценность бриллиантов увеличивается пропорционально квадрату числа заратов, так старческая мудрость увеличивается не просто пропорционально возрасту, а пропорционально квадрату прожитого времени».

31 января.

— Граф Адам Васильевич Олсуфьев (1833 — 1901), отставной свитский генерал, близкий знакомый Толстого. О его смерти Лев Николаевич писал брату С. Н. Толстому в письме от 6 ноября 1901 г.: «Умер А. В. Олсуфьев, дагром ходил, за 10 минут говорил, знал, что умирает, прощаясь со всеми, давал советы детям и часто повторял: «Я никак не думал, что так легко умирать». У него была сахарная болезнь, которая понемногу изводила его».

— «Диктовал.. в записную книгу». В записной книжке Толстого изд. 31 января 1902 г. записано: «Ах, как благодетельна болезнь. Она хоть временно указывает нам, что мы такое и в чем наше дело жизни».

— «Продиктовал телеграмму брату Сергею». В ответ на телеграмму С. Н. Толстого: «Хочу ехать, боюсь — не доеду. Ради бога телеграфируйте». Толстой послал ему следующую телеграмму: «Радостно быть на высоте готовности к смерти, с которой легко и спокойно переменить форму жизни. И мне не хочется расставаться с этим чувством, хотя доктор говорит, что болезнь повернула к лучшему. Чувствую твою любовь и радуюсь ей. Ле, вочка».

22 февраля.

— Семья П. А. Буланже состояла из его жены Марии Викторовны (р. 1863 г.), урожд. Клоковской, бывшей за ним замужем с 1885 г., и четырех детей. Неуравновешенный и увлекающийся П. А. Буланже в 1907 г. развелся с М. В., вторично женился, со второй женой тоже развелся и уже в немолодых годах женился в третий раз.

4 марта.

— Письмо Толстого Бертенсону от 3 марта 1902 года опубликовано в его воспоминаниях в «Сборнике воспоминаний о Толстом», изд. «Златоцвет», М., 1911, стр. 90. Толстой в письме от 3 марта 1902 г. благодарил Бертенсона за выраженную им готовность приехать к нему из Петербурга в Гаспру и писал, что теперь этого не нужно.

10 марта.

— Иван Моисеевич Сивицкий, врач. Приехал в Гаспру 17 февраля 1902 г., уехал 7 марта 1902 г.

— «Армянин доктор» — Амазасп Иванович Органджянян, впоследствии был осужден за принадлежность к партии «дашнакцутюн». В 1902 г. окончил курс в Лозанне и вернулся в Россию сдавать экзамен. Жил в Мисхоре в больнице, так как был женат на одной из фельдшерниц К. В. Волков в своих воспоминаниях пишет: «Он не лечил собственно Л. Н., а приходил

на ночные дежурства. Л. Н-чу он очень нравился, как и всем, впрочем, знавшим его, и нравилось его имя: он со вкусом шпроизносил его: «Амазасп» («Наброски к восп. о Толстом»). — «Толстой. Памятники жизни и творчества». II, М., 1920, стр. 94).

13 марта.

— Статья Р. В. Эмерсона («Высшая душа». Пер. с английского И. Навашидзе. Изд. «Посредник». М., 1902.

5 апреля

— Об убийстве Сипягина Толстой в письме от 5 апреля писал вел. кн. Николаю Михайловичу: «Вчера пришло известие об убийстве Сипягина. Событие это ужасно, главное той злобой, ненавистью, мстительностью, которые оно неизбежно вызовет в людях, но оно было неизбежно и обещает только еще худшие бедствия, если правительство не изменит свой курс. Добрый порядок может быть основан только на разумном согласии и любви». Далее Толстой излагал свои мысли о земельном вопросе. Это письмо Толстого опубликовано в «Красном Архиве», 1927, № 2 (21), стр. 235 — 236.

11 мая.

— Дмитрий Васильевич Никитин (р. 1874 г.), врач, друг семьи Толстого. С 1902 г. лечил Толстого. Позднее жил в Ясной Поляне в качестве домашнего врача Толстых. В 1910 году во время болезни Толстого был в Астапове и присутствовал при его кончине.

16 мая.

— «Получил сегодня письмо от великого князя...» Письмо Николаю Михайловичу от 11 мая 1902 г. опубликовано в «Красном Архиве», 1927, № 2 (21), стр. 238 — 239. Оно является ответом на письмо Толстого от 25 апреля 1902 г., в котором он возражал на обвинение его в идеализме и доказывал, что применение теории Генри Джорджа в земельном вопросе вполне возможно.

22 мая.

— «Фильдинг. Душа одного народа». Рассказ английского офицера о жизни его в Бирме. Перевод с английского П. А. Булаяке. Изд. «Посредник». 3-е изд., М., 1905.

29 мая.

— Владимир Иванович Ливанский (1833—1914), выдающийся славист, академик, историк.

11 июня.

— Мария Абрамовна Альтшулер (1868—1928), жена ялтинского врача И. Н. Альтшулера.

— Софья Владимировна Татаринова, рожденная Всеволожская, тверская помещица, знакомая Толстых.

— Волковы — семья земского врача в Корензе К. В. Волкова; его жена Клавдия Владимировна (р. 1865 г.) и дети Глеб (р. 1897 г.) и Татьяна (р. 1899 г.).

— Сергей Яковлевич Елпатьевский и его сын Владимир Сергеевич.

— Статья Толстого «О земельной собственности» и «К рабочему народу».

— Ездил на дачу верхом... В первый раз Софья Андреевна ездила с Классеном в Орянду в 8 часов вечера 6 июня. Толстой писал в этот день М. Л. Оболенской: «Сяжу в столовой с открытыми окнами и жду возвращения мама с прогулки верхом, на которую она уехала с Классеном».

— «Заболела Саша инфлюэндой». С. А. ошибается, говоря, что Александра Львовна болела инфлюэнцей. Она так же, как и Л. Н., болела брюшным тифом.

— «Неприятно с башкирами.» Доктора прописали Толстому пять кумыс, ва что он согласился, но просил выписать кумысников из более отдаленных мест Башкирии, а не из Николаевского (Пугачевского) уезда, так как с кумысниками этого уезда, жившими для приготовления кумыса в Пирогове, были связаны различные семейные неприятности С. Н. Толстого. Насчет кумысников Толстой писал Буланже и Меньшикову, имевшим в Башкирии знакомства.

С. А. Толстая написала А. А. Бибикову, бывшему управляющему самарским имением Толстых, жившему в Николаевском уезде, прося его туда прислать кумысников. Между ней и Л. Н. произошло по этому поводу разногласие. В письме к М. Л. Оболенской от 11 июня 1902 года Толстой писал: «Вчера был неприятный эпизод. Мама решила выписать кумысников от Бибикова. Это было во всех отношениях хорошо для Пирогова. Она не послушала меня, но написала, чтобы Бибиков известил ее. Я же написал Буланже, нет ли у него знакомых в Башкирии, вдали. И вышло так, что он как раз нашел знакомого в Уфе и выписал оттуда кумысника. Мама телеграфировала туда, чтобы выслали из Уфы, так как не получала ответа от Бибикова. Вдруг вчера телеграмма от Бибикова: кумысники отправлены. Хотя мама и телеграфировала, чтобы Бибиков не высылал, если еще не выслал. Но едва ли не поздно уже. И потому, если они приедут, немедленно отправь их обратно». Приехавшие от Бибикова кумысники поехали в Ясную Поляну и жили там некоторое время, делая для Толстого кумыс.

27 июня

— О переезде из Гаспры в Ясную Поляну Толстой под 1 июля 1902 г. написал в дневнике: «Переезд был физически тяжел».

— Павел Дмитриевич Долгоруков.

26 июня

— Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844), поэт пушкинской поры. Его стихотворение, понравившееся Толстому, «Смерть» — начинается словами: «Смерть дочерью тьмы не назову я...» Позднее Толстой поместил его в «Круге чтения» под 7 сентября.

— Стихотворений Фета о смерти несколько; «Смерть»: — «Я жить хочу! — кричит он дерзновенный»; «Смерть»: — «Я в жизни юбмирал и чувство это знаю»; «Смерти»: — «Когда, измучен жаждой счастья...» Какое из них читала С. А. Стахович Толстому — неизвестно.

— Василий Петрович Богкин (1810—1869), писатель, искусствовед, шурин А. А. Фета, знакомый Толстого с 1850 г.

9 августа.

— «Занималась... заказом нового издания». Это—одиннадцатое издание «Сочинений графа Л. Н. Толстого», ч. I—XIII; ч. XIV отдельн. М. 1903.

— Сергей Иванович погружен в работу музыкального учебника. С. И. Танеев писал в то время не учебник, а исследование по теории музыки — «Подвижной контрапункт строгого письма».

— Софья Николаевна Глебова, теща Михаила Львовича Толстого, дочерью Любовью Владимировной Глебоной, вышедшей замуж за врача Александра Владимировича Голицына.

— Во время осады Севастополя союзниками 4-й бастион был самым опасным местом обороны. Толстой пробыл на 4-м бастионе около полутора месяца. Снят он был по распоряжению не Николая I, а Александра II, который отдал соответствующее распоряжение главнокомандующему Горчакову после прочтения «Севастопольских рассказов», появившихся в «Современнике» в 1855 г.

— В 1904 году Толстым на эту же тему написан рассказ — сказка «Три вопроса». Вместо девушки главным действующим лицом в ней является отшельник, а задающим вопросы — царь. Лесков написал на эту тему рассказ «Час воли божьей»

2 сентября.

— «Начала лепить медальон профиля Л. Н. и моего». Этот медальон Софьей Андреевной вылеплен, экземпляры его имеются в Толстовском музее в Москве.

— Семья Гальпериных состояла из Ильи Даниловича Гальперина-Каминского (р. 1858 г. — жив 1930 г.), его жены Нины Гальпериной, урожд. Глядбург, и их дочери Евгении (р. 1887 г.). Гальперин - Каминский — переводчик произведений Толстого на французский язык, жил с 1880 г. во Франции. С Толстым познакомился в 1894 г. В 1902 г. 20 августа приехал в Ясную Поляну с целью показать Толстому французскую переделку для сцены «Воскресения» Толстого, сделанную им совместно с Жюлем Лермина. Толстой, чувствовавший себя недостаточно сильным после болезни, читал только отдельные места пьесы, а всю пьесу в целом поручил прочесть Н. Л. Оболенскому. Позднее, в 1904 году, Толстой прочел присланную ему по почте эту же пьесу и одобрил ее. Семья Гальперина - Каминского приехала в Ясную 23 августа. Вероятно они остановились где-нибудь недалеко от усадьбы, а не в самой усадьбе; С. А. Толстая отмечает в своем «Ежедневнике» под 25 августа 1902 г.: «Были Гальперины с дочерью» и под 27 августа: «Опять Гальперины, декламировала их дочь».

10 октября.

— «... у нас на чердаке был пожар». Толстой писал Стасову 11 сентября 1902 г.: «Вчера у нас было развлечение, очень неприятное: загорелось на чердаке... Скучно то, что надо все ломать, чинить, а на дворе холод. С. А. очень озабочена, но все прекрасно устроится».

— «Обращение к духовенству» написано в 1902 году. Впервые напечатано за границей в книге: Л. Н. Толстой. 1. «Восстановление ада». Легенда. 2. «Обращение к духовенству». Изд. «Свободного слова», № 81, с датой — Ясная Поляна, 1 ноября 1902 г.

— «История... с дочерью Машей». Копии записи дневника Л. Н. от 27 марта 1895 г хранились у М. Л. Оболенской, В. Г. Черткова и С. Л. Толстого. Последний передал свою копию в «Толстовский Ежегодник» за 1912 г. где она была впервые опубликована. В этой записи написано:

«... 3. Бумаги все мои дать пересмотреть и разобрать моей жене, Черткову Вл. Гр., Страхову — тем из этих лиц, которые будут живы. Сыновей своих я исключаю из этого поручения не потому, что я не любил их (я, слава богу, в последнее время все больше и больше любил их), и знаю, что они любят меня, но они не вполне знают мои мысли, не следили за их ходом и могут иметь свои особенные взгляды на вещи, вследствие которых они могут сохранить то, что не нужно сохранять, и отбросить то, что нужно сохранить...»

4. Право издания моих сочинений прежних десяти томов и азбуки прошу моих наследников передать обществу, то есть отказать от автор-

ского права. Но только прошу об этом, но никак не завещаю. Сделаете это — хорошо. Хорошо это будет и для вас. Не сделаете — это ваше дело. Значит, вы не готовы это сделать. То, что сочинения мои продавались эти последние десять лет, было самым тяжелым для меня делом в жизни».

С. А. пишет, что Л. Н. охотно вручил ей эту бумагу. Мы сомневаемся в этом. Вряд ли Л. Н. охотно дал С. А. подписанную им выписку из своего дневника, являющуюся его завещательным распоряжением.

25 ноября.

«...легенду о дьяволах...» — Разрушение ада и восстановление его» писалось Толстым в ноябре 1902 г. 11 ноября 1902 г. Толстой писал Бирюкову: «Теперь я, окончив «К духовенству», пишу иллюстрацию к этому: легенду о сошествии Христа во ад и о восстановлении ада. Пишу уже недели две, но все нехорошо». Елизаветский пишет об этом чтении в своих воспоминаниях: «Тут же на пароходе он [Толстой] взял с меня слово навещать его в Ясной Поляне. В ту же осень я приехал к нему... В этот раз он был весел и очень оживлен и тотчас же после ужина предложил мне прочитать два рассказа, только что им написанные. Тут вышла сцена, которую мне неприятно вспоминать. Л. Н. прочитал мне «Восстановление ада». Нанечатанный рассказ значительно разнится от того, что Толстой тогда читал мне; очевидно он после работал над ним. Мне не понравился рассказ, и осторожно со всей деликатностью, но и с полной искренностью я высказал свое мнение. Быстро открылась дверь. Вошла С. А., очевидно, слышавшая за дверью, что и высказывал, и начала сердито говорить: — «А я что говорила ему!» Слова «шались не деликатные, бесцеремонные, даже вульгарные, которые я не хочу повторить. Было упоминание, что скажет Европа. Я готов был швырнуться сквозь землю. Л. Н. был сконфужен и не стал читать второй рассказ».

7 декабря.

— Виктор Сергеевич Миролюбов, журналист. С 1898 г. издавал и редактировал «Журнал для всех», издававшийся в Петербурге с 1895 г.

8 декабря.

— Чекал, главный врач Тульской губернской земской больницы, специалист по женским болезням.

13 декабря.

«Записки революционера» П. А. Кривооткина написаны в 1899 г.

18 декабря.

Драма Г. Гаузмана «Ткачи» написана в 1892 году.

29 декабря.

— Барон Михаил Александрович Таубе (р. 1869 г.), профессор Петербургского университета по кафедре международного права. Книга Таубе «Христианство и международный мир» издана «Посредником», М., 1905. В январе 1904 года Таубе послал ее Толстому для замечаний и отрыва, которые Толстой и сделал.

1903

19 января.

— «Он являл подбором философских высказаний...» для сборника «Мысли мудрых людей», изд. «Посредника», М., 1903, поднесенного Толстому издательством «Посредник» в день его семидесятилетнего юбилея, 28 августа 1903 г.

— Письмо Софьи Андреевны было напечатано в № 9673 «Нового Времени» от 7 февраля 1903 г. Содержание его гласит: «М. Г. Не найдете ли вы возможным напечатать в вашей газете тот «крик сердца», который вырвался у меня сегодня по поводу чтения статьи г-на Буренина в № 9666 «Нового Времени» в пятницу 31 января 1903 г.

Прекрасную статью г-на Буренина в № 9666 «Нового Времени» так и хочется продолжать, прибавляя к ней все больше и больше однородных мыслей, все выше поднимаемая знамя за художественную чистоту и нравственную силу в современной беллетристике. Не читать, не раскупать, не прославлять надо сочинения господ Андреевых, а всему русскому обществу надо восстать с неподдельным проливом той грязи, которую в тысячах экземпляров разносит по России дешёвый журнал и повторные издания, поощряющие их. Если Максим Горький, этот талантливый и несомненно умный современный писатель из народа, внес много цинизма и наготы в те сцены, которыми он нам изображает в своих произведениях жизнь известной среды, то в них всегда чувствуется сердечная скорбь, печаль за все то зло и страдания, которые вносит нищета и пьянство падшему человечеству. В произведениях М. Горького всегда отдохнешь на каком-нибудь лице или на трогательном моменте, в которых чувствуешь, что автор, скорбя о падших, знает твердо, что хорошо и что дурно, и любит хорошо. В рассказах же Андреева чувствуется, что он любит, наслаждается низостью явлений порочной человеческой жизни и этой любовью к пороку выражает неразвитую морально, еще нечистоплотную, как выразился г-н Буренин, читающую публику и молодежь, не умеющую разобраться в жизни и тупо повторяющую залюбленную бессмысленную фразу: «Да, ведь, это сама жизнь». Но почему же глаза читателей должны быть обращены именно к этой стороне жизни? Какой огромный горизонт открыт перед даровитым художником. Не могу не упомянуть о созданном на моих глазах великом произведении «Война и Мир», в котором автор проник и в душу Наполеона, и в собачку умирающего у дерева Платона Каратаева, и в дуб на пути князя Андрея, и в французского офицера, и заставил всех любить то, что любил сам... Жалкие новые писатели современной беллетристики, как Андреев, сумели только сосредоточить свое внимание на грязной точке человеческого падения и кликнули клич неразвитой, полунинтеллигентной читающей публике, приглашая ее рассматривать и выкиать в разложившийся труп человеческого падения и закрывать глаза на весь просторный, прелестный божий мир, с красотой природы, с величием искусства, с высокими стремлениями человеческих душ, с религиозной и нравственной борьбой и великими идеалами добра. Скажем, даже и в падениях, слабостях, несчастиях людей, как у Достоевского. Но при описании их всякий настоящий художник должен ярко светить человечеству не в сторону сочувствия грязи и порока, а в сторону борьбы против них и высоко поставленного идеала добра, правды и торжества над злом, слабостями и пороками людей. Хотелось бы громко, горячо закричать на весь мир этот призыв и помочь опомниться тем несчастным, у которых разные господа Андреевы спибают крылья, данные всякому для высокого полета к пониманию духовного света, красоты, добра.

София Толстая.

1 февраля 1903 г. Ясная Поляна.»

20 февраля.

Сын Андрея Львовича — Илья Андреевич Толстой (р. 1903 г.), живущий в настоящее время в Америке.

— Эразм Леопольдович Гедговт, московский врач, товарищ Д. В. Никитина по университету. Прожил около года в Ясной Поляне в качестве сельского и домашнего врача в доме Толстых.

— Василий Васильевич Розанов (1856 — 1919), публицист и критик, и его жена. Свое посещение Ясной Поляны Розанов описал в статье, напечатанной в 1908 г. — «Поездка в Ясную Поляну», — («Международный Толстовский альманах», из-во «Книга», М., 1909, стр. 284 — 291).

13 июля.

— Афанасий Николаевич Аггеев, крестьянин деревни Казначеевка, в нескольких верстах от Ясной Поляны. Служил на Московско-Курской жел. дор. в ремонтных мастерских. Дело Аггеева по обвинению его в богохульстве рассматривалось в Тульском окружном суде 15 января 1903 г. Он был приговорен к ссылке в Сибирь, где и прожил до 1908 г. Толстой принимал большое участие в деле Аггеева. Он обратился к Н. В. Давыдову и генерал-адъютанту А. В. Олсуфьеву с просьбой о содействии смягчению участи Аггеева. Н. В. Давыдов в своих воспоминаниях рассказывает следующее о судьбе этого ходатайства («Из прошлого», I, стр. 278 — 279). Олсуфьев лично доложил прошение Аггеева Николаю II, и император объявил ему, что он согласен на помилование Аггеева. Затем Олсуфьев передал кому следовало прошение Аггеева и сообщил для надлежащего исполнения о воле царя. Тогдашний министр внутр. дел В. К. Плеве сказал Н. В. Давыдову, что им уже сделано распоряжение о приостановлении предполагавшейся ссылки Аггеева. Когда же, узнав об этом, Давыдов снесся с министерством юстиции, то получил ответ, что по докладу министра юстиции прошение Аггеева отклонено.

10 августа.

— По поводу письма Софьи Андреевны Толстой записал в дневнике 15 октября 1895 года: «Все эти дни видел, что что-то мучает Соню. Застал ее на письме... Ничего утром объяснилось. Она прочла мои злые слова о ней, написанные в дурную минуту. Я как-то раздражился и забыл. В глубине души чувствовал, что что-то сделал дурное. И вот она прочла. И, бедная, ужасно страдала, и, милая, вместо одобрения написала мне это письмо. Никогда и еще не чувствовал себя столь виноватым и умиленным. Ох, если бы это еще больше сблизило нас! Если бы она освободилась от веры в пустяки и поверила бы в свою душу, а свой разум. Пересматривая дневники, в нашем месте — их было несколько, — в которых я отрекаюсь от тех злых слов, которые я писал про нее. Слова эти писаны в минуты раздражения. Теперь повторяю еще раз для всех, кому попадутся мои дневники. Я часто раздражался на нее за ее скорый, необдуманный нрав, но, как говорил Фет, у каждого мужа та жена, которая нужна для него. Она — и уже вижу как — была та жена, которая нужна для меня. Она была идеальная жена в иррыческом смысле — верности, семейности, самоотверженности, любви семейной и веческой, и в ней лежит возможность христианского друга. Я увидел это после смерти Ванюшки. Проявится он в ней. Помоги, отец. Нынешнее событие мне прямо радостно. Она увидела и увидит силу любви — ее любви ко мне». Вследствие письма С. А. Л. Н. замарал некоторые записи своего дневника, например, запись 6 октября 1895 г.

1904

18 января.

— Иван Владимирович Цветаев (р. 1847 г.), филолог и археолог, профессор Московского университета и директор Московского Румянцева музея.

— Иван Егорович Забелин (1820 — 1908), знаменитый русский историк-археолог. С 1879 г. членом и председателем Исторического музея в Москве.

— Кн. Николай Сергеевич Щербатов, егермейстер двора, председатель Исторического музея в Москве.

— Алексей Иванович Станкевич, библиотекарь Исторического музея в Москве.

— Григорий Петрович Георгиевский, заведующий рукописным отделением Румянцевского музея.

— «Л. Н... уснено работал, увлекаясь новым составлением книги мыслей». В результате этой работы Толстым составлен «Круг чтения», собрание мыслей и изречений, распределенное по темам и разделенное по дням на весь год. Более крупные рассказы под названием «Недельных чтений» помещены через каждые семь дней. («Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении»). Издание «Посредника», напечатанное под личным наблюдением Л. Н. Толстого. М., 1906, в трех томах).

3 февраля.

— «Фальшивый купон» писался Толстым с 1902 г. по 1904 г. О работе над «Купоном» Толстой записал в дневнике под 25 декабря 1903 г.: «Начал писать «Фальшивый купон». Пишу очень небрежно, но интересует меня тем, что выясняется новая форма, очень *soberge*. Впервые этот рассказ напечатан в «Посмертных художественных произведениях Толстого», т. I, М., 1912.

26 мая.

— «Набег» написан Толстым в 1852 г. Впервые напечатан в «Современнике», 1853, XXXVIII, № 3, стр. 93—116.

8 августа.

— А. Л. Толстой на военную службу поступил в 1895 г. вольноопределяющимся. Служил в Московском драгунском полку в Твери. В 1897 или 1898 г. уволился. Во время русско-японской войны, в июне 1904 г. он вновь поступил на военную службу добровольцем. 12 июня 1904 г. он уехал в Тамбов, где был зачислен в Кромской полк 55-й дивизии ординарцем к ген. Соболеву. Толстой в дневнике под 12 июня 1904 г. записал: «Проводил Андриюшу. Удивительно, почему я люблю его? Сказать, что оттого, что он искренен, правдив — неправда. Очень часто неправдив... Но мне хорошо, легко с ним, люблю его. Отчего?» В письме к С. А. Толстой (Андрей Львович 15 июня 1904 г. писал из Тамбова: «Мне дали 12 человек конных ординарцев. Я с ними начал занятия, завтра надеваю форму»). 5 августа 1904 г. Кромской полк был отправлен на Дальний Восток. В действующую армию А. Л. Толстой прибыл в конце сентября. Участвовал в сражениях, получил георгиевский крест. Вернулся в Ясную Поляну 10 января 1905 г.

— Разрыв А. Л. Толстого с женой очень огорчил все семейство Толстых. В дневнике Толстого за 1904 г. имеются две записи; под 19 декабря 1903 г.: «Андриюшины поступки огорчают меня. Стараюсь сделать, что могу». И под 12 марта 1904 г.: «Ничто Ольга приезжала советоваться. Жалко. И не знаю, что советовать». 18 января 1904 г. Толстой написал Андрею Львовичу письмо, уговаривая его одуматься. Письмо это опубликовано в книге «Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник». ГИЗ, М. — Л., 1928, стр. 74—75.

17 августа.

— А. Л. Толстой писал Софье Андреевне из Уфы 10 августа 1904 г.: «Пишу тебе в пути... Вот я еду на тот Дальний Восток, куда так долго стремился. Я по прежнему не рассказываю».

14 января.

— П. И. Бирюков был выслан из России в феврале 1897 г. за воззвание о помощи духоборам. Не видался с Толстым восемь лет. 11 августа 1904 г. в России по случаю рождения наследника был объявлен манифест и амнистия многим политическим изгнанным. 6 ноября 1904 г. Бирюков писал Толстому из Швейцарии о том, что полученном им разрешении жить в России. В Ясной Поляне Бирюков в этот приезд пробыл с 24 декабря 1904 г. по 3 января 1905 г.

— Свою работу над биографией Толстого Бирюков задумал в 1901 г. Заручившись согласием Толстого и обещанием его помощи, Бирюков приступил к работе. Биография разрослась в четыре тома, которые писались Бирюковым с небольшими перерывами 20 лет, с 1902 г. по 1922 г. До настоящего времени это единственная полная биография Толстого на русском языке, охватывающая всю его жизнь. Два первые тома, изданные «Посредником», вышли в 1906 г. и 1908 г. Два последние тома вышли в 1921 г. и 1923 г.

— «Лев Николаевич пишет статью...» Это статья «Об общественном движении в России», начата писанием в двадцатых числах января 1905 г., 23 января отослана Черткову в Англию для напечатания (Л. Н. Толстой. «Об общественном движении в России», изд. «Свободного слова», England, 1905).

7 сентября.

— Николай Николаевич Гусев (р. 1882 г.), в 1907 — 1909 гг. секретарь Толстого, а позднее его биограф. Автор книги «Два года с Толстым» (изд. «Посредник», М., 1912) и двух томов биографии: «Молодой Толстой» (М., 1927) и «Толстой в расцвете художественного гения» (М., 1928).

— Дочь Т. Л. Сухотиной — Татьяна Михайловна Сухотина (р. 1905 г.).

— Супруги Гольденвейзеры — А. В. Гольденвейзер и его жена Анна Алексеевна, урожд. Софиано.

— Отец и сын Чертковы — В. Г. Чертков и Владимир Владимирович (Дима), сын его.

— Жены сыновей: вторая жена Сергея Львовича Толстого — Марья Николаевна Толстая, рожд. Зубова, и вторая жена А. Л. Толстого — Екатерина Васильевна Толстая, по первому мужу Арцимович.

— Супруги Николаевы — Сергей Дмитриевич Николаев, знаток и переводчик Генри Джорджа, и его жена Лариса Дмитриевна Николаева.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции «Записей прошлого»	V
Предисловие С. Л. Толстого	VI
Дневники С. А. Толстой 1897—1909 гг.	1
Записка С. А. Толстой (Что я люблю и что я не люблю)	213
Примечания	244

Изображения воспроизводят ситуации С. А. и Л. Н. Толстых, исполненные С. Э. Дмитриевой-Мамоновой в Ясной Поляне, и фотографии Л. Н. Толстого на прогулке зимой в Ясной Поляне, С. А. Толстой у постели больного Л. Н. Толстого, Л. Н. Толстого на балконе в Ялте, Л. Н. Толстого верхом зимой в Ясной Поляне и Л. Н. Толстого на коньках в Москве. Воспроизведения сделаны по снимкам, любезно предоставленным С. Л. Толстым и Толстовским музеем.